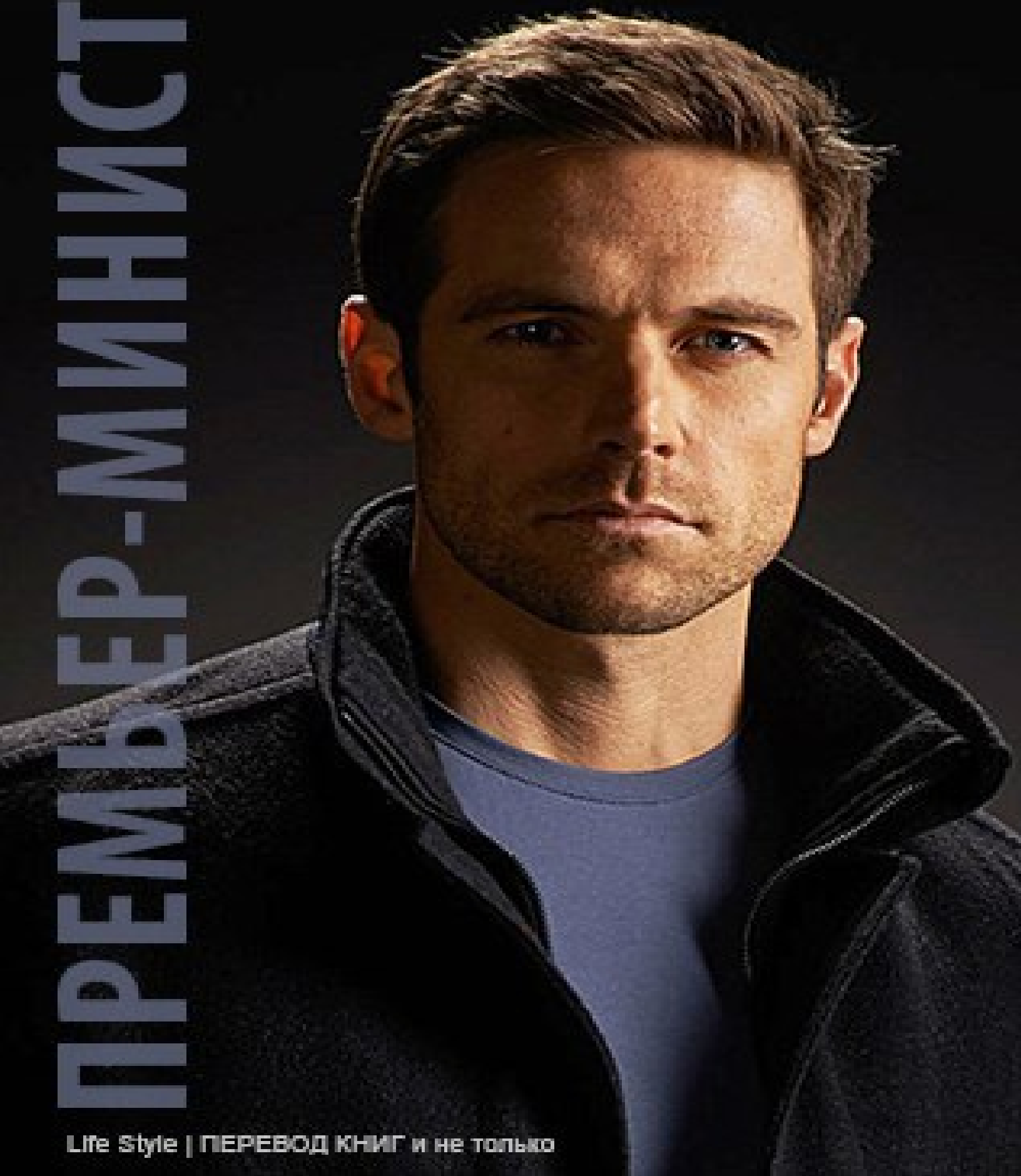

ЭЙНСЛИ БУС, СЭДИ ХЭЛЛЕР
Серия "Игривые трудоголики #1"

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Глава 1

Элли

Хуже опоздания в первый рабочий день, может быть только то, что ты работаешь в здании парламента и твой новый босс – премьер-министр. Тот, кто является твоим тайным увлечением, хотя ему и не нужно быть тайным, потому что он одинокий и горячий и любая женщина в стране влюблена в него. Ты можешь носить плакат, в котором говорится «Я хочу трахнуть ПМ» и никто этого даже не заметит, потому что все они будут носить вариации на одну и ту же тему. Конечно, это должно оставаться секретом, потому что я буду работать на него. С ним. Под ним. Прекрати это, Элли. Это всего лишь три месяца стажировки и, технически, между нами в цепочке командования есть заместитель директора по связям и начальник штаба. Но мои соски не понимают, что они безумно возбуждены от такого тесного сотрудничества с Гэвином.

Мистер Стронг. Как и любая другая нормальная женщина, гей или любой, кто относится к середине шкалы Кинси, я запала на этого мужчину. Вот почему мне нужно было пораньше на работу, и вот почему я опаздываю. Мне следовало сосредоточиться на создании хорошего впечатления, вместо этого я переодевалась три раза и выбрала каблуки, которые создавали невообразимый шум, когда я осознала, как поздно я пришла.

Я проскользнула в парадный вход в 7:59 по часам на моем телефоне. Но конечно есть еще охрана, которую нужно пройти и

— Мисс Монтегю?

Я узнаю этот голос где угодно. Низкий с нотками веселья, теплый и достаточно грубый, чтобы обратиться к сталеварам и фермерам – это был голос, от которого трусики становились мокрыми. Я знаю этот голос. До этого момента я понятия не имела, что он может знать меня. Так что, я тупо плююсь на него. Это не мой звездный час.

— Сэр, – наконец-то выдавила я из себя.

Женщины за моей спиной хихикают. Такой эффект этот мужчина оказывает на людей. Теперь я уже официально задержана на охране, но никого это не волнует, потому что Гэвин Стронг, достопочтенный премьер-министр Канады смотрит своими потрясающими голубыми глазами на каждого в радиусе тридцати футов. Он делал это и раньше—останавливался и разговаривал со своими сотрудниками по пути, но я все еще взволнована. Я не думаю, что я когда-либо ожидала поговорить с ним, и уж точно не до начала моего первого рабочего дня.

— Держим курс внутрь?

— Да, конечно, – я вытащила свой кошелек.

— Тогда встретимся там.

Он удерживает мой пристальный взгляд мгновение, наверное секунду или две, но этот момент затягивается достаточно долго, чтобы быть значимым для меня, но не для него. И тогда он отворачивается и пожимает руки людям передо мной, приветствуя их.

Кто так делает?

Гэвин Стронг. Адвокат профсоюза, общественный активист, волонтер благотворительного фонда, самый представительный мужчина во всей стране, вероятно, самый умный, даже если и любит играть, что немного расстраивает. Его девиз «Окружи себя специалистами».

И тут в игру вступаю я. Я едва ли специалист, но из кожи вон лезу, чтобы им стать. Я получила степень бакалавра в исследованиях женщин и социологии, степень магистра в исследованиях женщин и один год в докторате, который можно назвать приблизительно степенью в бизнесе, но если быть точной, то специализацией в связях с общественностью. И я заработала одну из десяти совершенно новых стажировок с Федеральным правительством. Чиновники культурных преобразований, так нас называют. Я взяла трехмесячный отпуск от учебы, чтобы выполнить эту работу. Работать в подчинении премьер-министра. И я не могу добиться успеха в своей должности, поскольку мои трусики намокают в течение 3 минут. Заебись.

Ушло пять часов, чтобы мои эмоции по романтической привязанности сошли на нет. Гэвин может быть горячим и умным, но помимо этого он еще и перфекционист, чего ожидает и от своих работников, что хорошо для меня, потому, что я уже не зла на него. Но ближе к обеду я стала свидетелем конфликта и знала, что если я не заблокирую свое либидо и не включу актрису, то буду вызвана на ковер.

Разборка состоялась утром с начальником штаба Стью Рочардом, моим боссом, из-за сбора средств. И лоббисты ввергли весь офис в панику, потому что нам поручили провести частное мероприятие, которое возможно будет отменено, если ПМ решит занять жесткую позицию авторитета. Именно поэтому я решила, ЧТО мне нужно думать о Гэвине. ПМ Премьер-министр.

Я не буду замечать, как хорошо он выглядит в костюме и как его мощные бедра очерчиваются каждый раз, когда он садится. Костюм олицетворяет его должность. Он требует моего уважения и ничего больше.

Вместо того чтобы отпустить меня на обед в мой первый рабочий день, Стью дает мне половину ветчины и бутерброд, который его жена приготовила для него, откапывает две банки диетической колы в коробке, которую он держит под столом и задает мне выяснить, как мы можем интерпретировать 5000 долларовую тарелку для сбора пожертвований на званом ужине в нечто, что не обидит нашего босса так сильно.

Поскольку я помешана на такого рода проблемах, то это обрадовало меня.

— Одна из проблем в том, что он тоже богат, — подмечаю я, между тем как облизываю горчицу со своих пальцев, — и все это знают. Не поймите меня неправильно, но большинство людей так же думают о нем. Он вряд ли один из нас, тех, кто приносит бутерброды из дома.

— Смотри, чтобы он не услышал тебя, — фыркает Стью.

— Он человек из народа во многих других отношениях. Он знает, сколько стоит буханка хлеба и это все меняет. Но ему также комфортно с этими благотворителями, не так ли? Что, если бы это был не сбор средств для партии? Что если бы это был... вызов для общественных изменений?

— Продолжайте, — он рылся в своей обеденной сумке.

— Шоколадное печенье?

Качаю головой.

— Но я взяла бы газировку, если есть.

— Он не должен отгородиться от лидеров бизнеса. Он должен оставаться на связи с ними, и показать им, кто босс. Канадцы просто хотят знать, что он не залезет в их карманы. Они будут в восторге, если он сможет все изменить, заставить их подчиниться своей воле.

— Черт, — он качается, облокотившись на спинку своего кресла и засовывает остаток

печенья в свой рот, — здорово.

— Благодарю.

Правда в том, что это не новая идея. Это был критический анализ, который я написала шестью месяцами ранее для класса, в качестве ответа на гипотетический пример, который был до жути похож на нынешнюю ситуацию. Мне повезло в первый же день, но я достаточно умна, чтобы делать вид, что моя удача на самом деле талант.

— Над этим следует поработать. Вам нужно будет предоставить отчет о последствиях, прогнозируемых во всех направлениях.

— Конечно.

Это я тоже сделала ранее в колледже. Если у меня есть время, то я подключу пару своих профессоров из колледжа и тогда получу его —

— Я хочу, чтобы Вы передали его завтра на утренней планерке.

Вот дерьмо. Времени нет.

-Завтра. Точно.

— Это проблема?

— Нет.

Стью открывает рот, возможно, чтобы предупредить меня о том, что ожидает, или, возможно, чтобы спросить, как я. Я не знаю, потому что, прежде, чем он может сказать что-нибудь, проносится шесть футов три дюйма урагана, одетого в костюм и разгневанного.

— Этот отчет от Министерства охраны окружающей среды гребаная хрень, Стюарт, — ПМ рычит, как шторм из коридора.

— Я на встрече, Гэвин, — Стью и бровью не повел.

Взгляд ПМ обратился ко мне.

-Мисс Монтегю, не оставите нас?

Моя первая реакция — да, конечно. Но это неправильный ответ. Это женщина внутри меня делает то, что мужчина говорит ей, потому что он не хочет, заставить ее чувствовать себя некомфортно.

Серьезно? Нахрен это указание.

— Я предпочла бы остаться.

Он кидает в мою сторону суровый нечитаемый взгляд.

— Сэр, — добавляю я, сглотив ком, — я предпочла бы остаться, сэр.

Его глаза сверкают от удивления и гнева, и мои ладони потеют.

— Потому что ... я барометр, не так ли? Без меня, вы говорите в эхо-камере. Это то, что вы сказали в своем сообщении об этих стажировках.

Я обращаюсь к моему начальнику.

— Конечно, я не думаю, что Ваш офис является эхо-камерой, Стью.

Гэвин смеется. Неожиданный звук после столь напряженного дня.

— Нет, у Стью нет никаких проблем говорить мне, когда я не прав.

Я делаю глубокий вздох.

— Я этого не узнаю, сэр.

Он бросает на меня еще один долгий взгляд, более суровый, но столь же трудночитаемый. Наконец он кивает.

— Но прекратите называть меня «сэр». Это имя моего отца.

Его отца зовут Винс, но я понимаю, что он имел ввиду.

— Хорошо. Так какая часть доклада гребаная хрень?

Он смеется и снова поворачивается к Стью.

— Это можно оставить.

Глава 2

Гэвин

К 10 часам утра мой день полностью идет под откос — не такая уж это обычная ситуация. Дважды, моя ассистентка Бет скромно предполагает, что мы должны изменить наше планируемое время приезда в городской лагерь. Пресс-конференция состоится в 5:30, после того как детвора разойдется по домам. Мне нужно быть там на час раньше, чтобы осмотреться и сфотографироваться с несколькими детьми.

Мне нет дела до осуществления абсолютного минимума, потому что я всего лишь три месяца занимаю должность премьер-министра. Я слышал удивительные вещи об этой программе и у нас разработан план, существенным образом расширить налоговые льготы и субсидии, как минимум так же, как и по всей стране.

Я не буду говорить о том, что практически не проводил время с детьми и вожатыми до этого.

Плюс ко всему, здесь лошади, овцы и куры. Как их не любить? Это, безусловно, лучше дерьмового отчета по охране окружающей среды, который полон ошибок.

Я абстрагируюсь. Не хочу заводиться из-за этого. Очаровательная Элли Монтегю собирается раскритиковать этот отчет и рассказать нам по максимуму, как мы можем его аннулировать и оправдать расходы на нечто иное.

Очевидно, мне необходимо обойти концепцию, вытатуированную на лбах у всех заместителей министра.

Я только что закончил самый продуктивный разговор за последние недели в кабинете Стью с Элли. Элли, которую я не могу выбросить из своей головы.

Я понимаю, что это увлечение опасно, но не прислушиваюсь к голосу разума. Есть в ней что-то, что усиливает во мне тоску по моему скрытому образу жизни.

— В 2 часа, — говорит Бет, вышагивая по моему кабинету. Она собирается попытаться снова передвинуть мой график. — У тебя нет ни малейшего шанса отклонить эти четыре звонка, — говорит она, плавно скользя взглядом по списку звонков, которые я должен совершить, кидая его поверх отчета, который я, как раз, собирался открыть. Время чтения закончилось — ее намек вполне понятен.

Я бросаю на нее косой взгляд и она мило улыбается мне.

Бет. Она мне как сестра. Между ней и Пией, моей настоящей сестрой, я не вижу никакой разницы. Единственное, что Бет как младшая сестра, которой у меня никогда не было. И когда она не пилит мою задницу из-за чертового графика, она мне очень нравится, даже той части меня, которая любит руководить.

Она приспособилась поразительно легко к своей новой должности. Я нанял ее в свой первый рабочий день в городе в качестве члена парламента два года назад, и все до одного говорили, что она слишком молода и неопытна, чтобы быть исполнительным помощником руководителя государства. Все они глубоко ошибались. Она — мое секретное оружие для ежедневного соблюдения плотного графика, не считая сегодняшнего дня.

Сегодня я отправляюсь в лагерь, неважно нравится ей это или нет.

Она не согласна. Ну что ж.

Я выхватываю список звонков из ее рук и машу им перед ней.

— Ты уверена, что не хочешь поехать со мной?

Она бросает на меня взгляд, полный тревоги.

— Чтобы чистить сараи от дерьма?

— Да.

— Нет, спасибо. Позвоните по этим четырём номерам или я еще вернусь к этому разговору позже! Помните, что я могу видеть, как Вы звоните по мобильному.

Да. Вот почему у меня два телефона. Официальный телефон премьер-министра Канады и одноразовый телефон, по которому я могу позвонить своему лучшему другу Макс, когда все это становится слишком нереальным.

В то время как я подпрыгиваю на заднем сидении своего бронированного лимузина, я думаю, что это как раз тот случай, когда мне следует позвонить Макс. Но мне нужно еще совершить четыре звонка, которые я должен успеть сделать за полчаса езды до Сельскохозяйственного музея и еще мне нужно собрать побольше информации об одной аспирантке.

Элли Монтегю.

Я пытаюсь убедить себя в том, что мой интерес чисто профессиональный. Она умна и способна, и она с нами только на три месяца, пока длится ее стажировка от университета Оттавы. Если она произведет впечатление на Стью в свой первый рабочий день, то мы должны увеличить круг ее обязанностей, пока она здесь

Но в первую очередь, телефонные звонки.

Времяпрепровождение в лагере в действительности намного лучше чтения отчетов или даже прений со Стью. Я задаюсь вопросом, любит ли Элли животных, и стараюсь засунуть эту мысль, куда подальше настолько быстро, насколько она пришла в мою голову.

Самое удивительное открытие для меня за весь день то, как время, проведенное в лагере, меняет детей, которые сталкиваются с огромными проблемами в школе. В итоге, у меня уходит более трех часов, чтобы научиться у детей как правильно ухаживать за животными и справляться с другими делами фермы.

Я дико злюсь, когда журналисты начинают задавать вопросы, первый из которых о том, насколько дорога моя рубашка, потому что сейчас она вымазана грязью.

-Я буду счастлив, если это грязь. Я почти уверен, что испачкался, когда мы чистили конюшни, — говорю я Рик, Стюпсу, журналисту Can News, который всегда пытается выставить меня богатым Ричи. Я не реагирую на остальные его вопросы, потому что это глупо.

Он не оставляет попыток.

— Когда Ваши сотрудники определяют удачный ракурс для фото, помимо этого они дают Вам советы, что Вам носить?

Серьезно, что за проблемы у этого парня? Я лишь немного лучше одет, чем он. Ну, хорошо, я согласен, что я в тысячу раз лучше выгляжу, чем этот журналист.

Я ударяю ногой по краю трибуны.

— Я в этих ботинках с тех пор, как вышел из дома в полшестого утра, потому что я не ребенок, и знаю, как мне одеваться соответствующим образом. И хочу отметить, что это те самые ботинки, в которых я путешествовал пешком по маршруту Golden Ears*, — получай Рик. — Никто не должен говорить о том, что мне нужно выкинуть их. Приезд в городской

лагерь был кульминацией трудной недели, и если завтра у меня останется свободное от работы время, я вернусь сюда, не раздумывая.

Следующий вопрос также был не по теме. Мысленно, я обращаюсь к группе журналистов различных издательств, но все равно вопросы повторяются неоднократно.

Я обладаю природной способностью срываться на тупых людей, гнев вскипает во мне и выбивает из колеи. Или, по крайней мере, пробирает меня до мозга костей.

Я улыбаюсь и кратко отвечаю, делаю глоток воды и повторяю. Наконец-то пятый вопрос добирается до сути доклада, который я только что закончил, о финансировании подобных организаций, к которым нужен решительный подход, потому что не все родители могут ждать налоговые льготы, чтобы суметь внести авансом плату. Чаще всего, это родители тех детей, которые нуждаются в подобном опыте больше остальных.

Я спокойно повторяю, что директор лагеря уже сказал о том, как на практике уход за животными прививает сочувствие и сострадание, которые в дальнейшем дети могут перенести и в человеческие взаимоотношения.

Я знаю, что как только я закончу болтовню со сверх обаятельной улыбкой для журналиста, задавшего адекватный вопрос, то это сработает как реклама и об этом будут говорить во всех новостях.

Мы не всегда можем приструнить этих репортеров, но когда мы делаем это, то зрелище стоящее.

Глава 3

Элли

Я покидаю офис только после восьми. Я подбегаю к суши-бару, расположенному в трех кварталах от дома, где моя соседка по комнате, Саша, ожидает меня.

— Все так плохо? — спрашивает она, подзывая официантку. — Нам нужно выпить саке.

— Никакого саке. Зеленый чай. И тогда до полуночи я успею попасть в класс йоги.

— Фу.

— Я не заставляю тебя идти со мной.

Саша — рекламный агент. Строгая, все держит под контролем... Она, практически, не выносит нарушения личного пространства и просто наслаждается жизнью.

Что касается меня, то я нервный, вечно чего-то опасющийся и хронически беспокойный человек. Я стараюсь держать все на расстоянии, занимаясь йогой пять раз в неделю. Как правило, не так поздно ночью, но все когда-то случается впервые. Будучи аспиранткой, я сильно распоясалась — это тяжелая работа, но я по большей части сама распоряжалась своим временем.

Теперь нет.

Я должна вернуться на работу завтра в полседьмого утра и сказать ПМ, что он ошибся, точнее к семи, но тогда, пожалуй, придется спорить с сотрудниками весь день, пока я не докажу им, что я права. Если я не сосредоточусь и не выплюсь, то ничего не будет клеиться.

Глава 4

Гэвин

Первое, что я замечаю, когда ведущий специалист приносит документы для утренней

планерки в мой кабинет, это то, как в семь часов появляется Элли Монтегю. Это не удивляет меня, потому что я не перестаю думать о ней со вчерашнего дня. Она выглядит уставшей, и мое воображение взлетает в поисках вероятного объяснения причины ее усталости. Большинство из них предполагают, что она не спала всю ночь из-за мужчины. Определить ее типаж оказалось проблематично. Не похоже, что она западает на перекачанных сексуально-озабоченных типов, которые думаю тем, что у них между ног, хотя я неоднократно удивлялся тому, что может сделать женщину влажной и сгорающей от желания.

Я искоса наблюдаю за ней, в то время как Стью обсуждает с сотрудниками то, что придумали накануне вечером, каковы наши приоритеты в течение дня и много других вещей, которые особо не требуют моего внимания. И это хорошо, потому что я слишком занят тем, что анализирую по максимуму, чем она очаровывает меня. То, на что я обратил внимание больше всего — неспособность Элли усидеть на месте. Она продолжает ерзать и мне трудно не ухмыльнуться.

Она приглаживает перед своей юбки рукой и оставляет после себя полосу слегка темнее цвета хаки ткани юбки. Ее ладони вспотели. Она нервничает. Я не успеваю подумать почему, когда Стью приглашает ее выступить. Она оборачивается на звук своего имени, и наши взгляды встречаются на мгновение, а затем она опускает свои ясно-серые глаза к папке в ее трясущихся руках. Я рад, что сижу, потому что уверен, что размахивание бешеным стояком перед всеми не стоит на повестке дня.

Я наблюдаю за ее губами, как они образуют слова, на самом деле я не слушаю, потому что я занят представлением того, как ее губы ощущались бы на моем члене.

Я должен уделять больше внимания тому, что она говорит, но я уже знаю, что собираюсь согласиться со всем, что она предложит.

Она не выступала бы прямо сейчас, если бы Стью уже не решил поддержать ее рекомендации по поводу того, как сэкономить на этих безумно дорогих «резиновых» девушках, которые предположительно должны заниматься сбором средств при отличной возможности у крупного бизнеса, чтобы купить немного личного времени с премьер-министром. «Плати, чтобы играть», так они это называют.

Уверенный в том, что это небольшое затруднение уже урегулировано, я возвращаюсь обратно к своей фантазии. Некоторые вещи я не должен делать по многим причинам, не последняя из которых в том, что она достаточно молода, чтобы быть моей племянницей. Но я ничего не могу с собой поделать.

Она изящно лежит спиной на моем столе, закинув назад голову с моего края стола, а ноги свесив с другого.

Я расстегиваю молнию своих брюк и освобождаю свою несчастную эрекцию.

— Открой, — требую я.

Ее рот открывается, и я провожу по губам головкой члена, пока они не становятся блестящими, приглашая меня. Я хочу быть грубым, заставить ее взять меня всего целиком, но по какой-то неизвестной причине, я сдерживаю себя. Ее язычок кружит вокруг головки, в то время как я вхожу.

Вид моей жидкости, размазанной по ее губам, заставляет меня хотеть пометить ее в других местах. Ее грудь, ее спину, ее попку.

Когда я проскальзываю дальше в ее горячий, нетерпеливый ротик, я беру ее руки, сплетая наши пальцы вместе. Я держу их на поверхности стола и наклоняюсь вперед, останавливаясь чуть выше ее холмика мягких рыжих завитков. В моей фантазии они немного

темнее, чем рыжевато-светлые волны.

Она божественна и великолепно. Озорна и абсолютно пленительна.

— Раздвинь ноги, Фея.

Я выскальзываю из нее и легко поглаживаю ее тело руками, в то время как опускаю голову все ниже, до тех пор пока мой язык не начинает щекотать ее клитор. Она извивается, и я останавливаюсь.

— Не двигайся.

Любопытно посмотреть, сколько она сможет принять, я проталкиваю член, пока он практически не касается задней стенки ее горла. Ее желудок немного противиться, но, несмотря на это, она заглатывает сильнее. Ее рот горячий и влажный, и губы плотно сомкнуты вокруг меня. Я хочу, чтобы она взяла еще больше, но не буду давить на нее. Не в первый раз.

— Хорошая девочка, — говорю я, потому что это так и есть.

Я продолжаю неглубоко входить в ее рот, а сам опускаюсь ниже, чтобы насладиться ее киской.

На этот раз она остается совершенно неподвижной, пока я сосу и лижу ее клитор. Я прихватываю твердый комочек губами и мягко покусываю. Она изо всех сил пытается не пошевелиться, и я еще сильнее возбуждаюсь от ее повиновения.

Пока я поедаю ее восхитительную киску, она продолжает усердно работать над моим членом. Даже при такой позиции ее головы, затрудняющей ее движения, она выполняет работу на отлично, посасывая и поглаживая меня, мне нужно понимать, куда я собираюсь кончить. Она должна прийти первой, но ее рот невероятный. Возбуждающий.

Блять, я хочу пуститься в сексуальную охоту за ней и отпустить себя, но я не могу. Я пытаюсь сосредоточить свой возбужденный член на цели, она начинает стонать и...

Губы Элли перестают двигаться, и я возвращаюсь к реальности. Не то, чтобы я так сильно был далеко. Я, возможно, был с дико неуместными фантазиями о слишком молодой для меня стажерке моего начальника штаба, но я достаточно присутствовал, чтобы не выглядеть полным идиотом.

— Элли, спасибо за Вашу презентацию. Я возьму ее на рассмотрение, — Стью бросает на меня взгляд. Тот, который говорит, что я должен дать какие-то объяснения. И мне нужно немного подумать, потому что я уверен, что не могу сказать ему истинную причину того, почему мои мысли были не там, где должны.

— Спасибо всем, я думаю, что это все на сегодня, — Стью указывает в сторону двери, но не выходит с остальными.

Я смотрю, как Элли выходит. Черт, эта юбка выглядит отлично спереди, но то, как она обтягивает ее тугую попку сзади, выглядит впечатляюще.

Последний человек едва выходит из кабинета, как Стью закрывает дверь.

Во всем мире есть только два человека, которые знают меня таким, какой я на самом деле. Которые следили бы за мной на этой планерке и могли бы увидеть, где на самом деле находились мои мысли. Один из них благополучно живет собственной жизнью на другом конце страны.

Другой стоит предо мной, пытаясь из кожи вон лезть, чтобы удержать мою жизнь согласно плану.

— Что, блять, на тебя нашло, — Стью качает головой.

Я не нахожу довольно быстро что ответить, и я спасен от необходимости давать

объяснения его ярости, потому что он уже на взводе и полон решимости указать на то, каким мудаком я только что был.

— Эта девушка работала всю ночь, потому что вчера во время обеда я сказал ей подготовить эту презентацию к сегодняшней планерке. Наименьшее, что ты, кусок дерьма, мог бы сделать, так это выслушать ее предложение. Вместо этого ты засунул свою голову в задницу, думая о чем-то, что одному Богу только известно. Даже знать этого не хочу.

Я вздрагиваю: — Это было так очевидно?

— Только для меня. Ты должен придумать новую фразу, когда ты мыслями вернешься к совещанию, потому что оно не занимает много времени, прежде чем другие начнут это выяснять, я приму к сведению, что мой мозг занят более важными делами, а не той херней, которой ты занимаешься.

— Херней?

— Гэвин, это ее первая планерка. Она нервничала, а ты был невероятно груб. Это так не похоже на тебя.

— Ты прав. Я должен извиниться.

— Нет, она слишком нервничала, чтобы заметить какой ты мудака. Я думаю, ты принесешь больше вреда, чем пользы, обратив на это ее внимание.

-Ты уверен?

— Ты готов слепо доверять моим рекомендациям, касаясь сбора средств от бизнесменов, но что касается банальных вещей как эта, ты сомневаешься в моей мудрости?

— Твою мать, Стью. Как я оказался здесь? Два года назад я был счастлив надирать задницы сраным работодателям за плохое обращение с их сотрудниками, и теперь, я управляю гребаной страной.

— Ненадолго, если ты не потеряешь голову в этой игре. Что бы ты делал, если бы это была проблема столетия вместо утренней планерки?

Он прав, и я это знаю.

— Я тебя понял. У тебя что, мало работы?

Стью показывает мне средний палец и выходит за дверь.

Я опираюсь на спинку кресла и закидываю ноги на стол, скрестив их. На этом же столе я только что — блять. Мне нужно потрахаться. Этот период воздержания совершенно блокирует мою способность думать.

И мне необходимо прекратить думать о попке Элли Монтегю. Ее губах. О том, какой розовой будет ее киска, когда она намокнет и возбудиться для меня.

Больше всего мне нужно прекратить находить ее ерзанье на стуле таким чертовски привлекательным.

Глава 5

Элли

К субботе я абсолютно готова к отдыху. Не считая писем от Стью в шесть утра, из-за которых, в конечном итоге, я работаю до полудня. В офисе мало людей, но все до одного опустили головы, занимаясь собственными делами.

Я справляюсь за пять часов, и у меня остается еще два дня, чтобы насладиться отдыхом. Ну ладно, не два, а полтора. Ну, может быть, день с небольшим, потому что завтра ночью еще нужно почитать серьезную литературу, чтобы быть готовой к утру понедельника.

Но даже один день отдыха звучит божественно. Йога, поздний завтрак, поваляться на

диване, наслаждаясь овощами за просмотром чего-нибудь на Netflix*. На все это мне хватит полтора дня.

Возможно, стоит заказать завтрак в какой-нибудь службе доставки и съесть его, лежа на диване.

Я проверяю расписание студии йоги. Мой любимый учитель будет в студии сегодня в три, и еще завтра в семь утра. Завтра утром – не вариант, поэтому пойду сегодня.

Я снимаю свою рабочую одежду и натягиваю красные леггинсы, бюстгальтер без косточек с необычными плетеными лямками и легкую черную, с большим круглым декольте, футболку, спадающую на одно плечо и выгодно подчеркивающую сочетание черной и красной ткани. Я надену ее, пока не доберусь до студии йоги, потому что я не очень довольна своим телом. Таким образом, я пойду пешком до входа в студию в футболке, чтобы никто за пределами студии не мог увидеть лифчик.

Я уже на полпути к студии, когда мой телефон снова звонит. Меня корбит, когда я смотрю на него.

Еще одно письмо от Стью. Видимо, поймав удачу за хвост и проявив себя полезной в первую рабочую неделю, я нарвалась на последствия.

Добро наказуемо. Или, я завоевываю репутацию в городе, в котором я хочу создать долгую и продуктивную карьеру. Я делаю глубокий вдох. Отчет по охране окружающей среды в процессе подготовки и должен быть прочитан молодым перспективным специалистом. Могу ли я поразмыслить над ним в понедельник?

Я могу, и я поразмыслю, но мне нужен отчет, который не может быть передан в электронном виде. Дерьмо.

Вот тебе и йога. Я бросаю взгляд на часы на экране моего телефона. Пятнадцать минут третьего. Из-за плавного визга тормозов автобуса позади меня, решение дается легко. Эта поездка не займет много времени. Я могу добраться до офиса, взять отчет и вернуться вовремя в класс. Я разворачиваюсь и машу своим проездным перед водителем.

Двенадцатью минутами позже я пробегаю мимо охранников, которые смеются надо мной, потому что я была уже здесь однажды, и это была суббота, и ха-ха-ха, не смешно.

Новенькая пытается произвести хорошее впечатление, да?

Верхний этаж. По крайней мере, все уходят. Я прокрадываюсь в офис, разделяя эту участь с парой других младших сотрудников, и быстро выхватываю конфиденциальный отчет из запертого ящика под моим столом. Папка жесткая, несмотря на это, мне нужно свернуть ее так, чтобы она поместилась в мою сумку-коврик для йоги. А копия Стью на диске.

Я направляюсь в его кабинет, но нигде не могу найти его копию. Разочарованная, я проверяю свой телефон. Уже не успеваю в класс йоги. Возможно, я пойду к другому учителю в четыре, хотя тот учитель слишком заиклен на звуке своего собственного голоса, чтобы по-настоящему постичь дзэн.

Тогда я звоню своему боссу:

— Стью, я сейчас стою в твоём кабинете. Где бы мне найти копию отчета по охране окружающей среды?

— Что случилось с твоей копией?

Она не влезает в мою сумку-коврик для йоги, вероятно, не является правильным ответом. Но у меня есть только этот ответ, так что я говорю ему правду.

Ему требуется немного времени, чтобы прекратить смеяться, так что я опираюсь на его

стол и подумываю немного вздремнуть прямо тут.

Как только он перестает смеяться и говорит мне, где найти отчет на его книжной полке, я негромко говорю спасибо и вешаю трубку.

Я не поднимаюсь сразу же.

Это была действительно долгая неделя.

Я глубоко вздыхаю и бормочу себе под нос:

— Может быть, в самом деле, остаться здесь на некоторое время.

— Мы Вас так сильно утомили, мисс Монтегю? – спрашивает голос с порога. Мягкий теплый голос, уже узнаваемый при личной встрече.

ПМ.

И я растянулась поперек стола моего босса в леггинсах и лифчике. В некотором роде, одетая в футболку, но когда перед тобой глава государства, в некотором роде считается?

Нет, нет и еще раз нет.

— Сэр, — я с трудом дышу, отталкиваюсь, чтобы подняться в вертикальное положение, внезапно осознаю, что моя задница только что была в воздухе.

Я разворачиваюсь, и он изучает пол, а затем полки и, в конце концов, его пристальный взгляд останавливается на какой-то точке прямо за моим плечом.

Это странно, потому что он из тех парней, которые обычно столь пристально разглядывают тебя. И это смущает меня, потому что он видел, как моя задница висела в воздухе, и теперь стоит у меня за спиной, а остальная часть меня по-прежнему одета в одежду для йоги.

По идее, в этом нет ничего страшного, я не задумывалась о том, во что одета, перед охранниками, например.

Но спустя неделю хороших стараний я так и не обратила внимание ПМ как мужчины на себя и, в то же время, довольно болезненно осознавать, что он мужчина с глазами и... все такое.

Дыши.

Он не тот человек, перед которым я хочу стоять в обтягивающих укороченных леггинсах. У меня под ними даже нет нижнего белья, и, клянусь, у него в этот момент словно срабатывает рентгеновское зрение как у Супермена, он не смотрит на меня, потому что уже посмотрел, и увидел под моей одеждой.... О Боже, мне нужно работать в его подчинении еще два месяца и три недели.

С ним.

Мне действительно нужно прекратить придавать значение этому промаху в своей голове. Иначе, я когда-нибудь скажу это вслух, и каждый узнает, что я думаю о том, насколько он большой и как прекрасно бы он чувствовался в моих руках.

В то время как все эти мысли гуляют в моей голове, и он ждет, что я что-нибудь отвечу, не глядя при этом на меня, я рассматриваю возможность спрятаться за креслом Стью, чтобы снять недопустимую одежду, одного из факторов, объясняющих мое положение. Но в какой-то момент он начнет требовать, чтобы я покинула кабинет, так что я просто стою там, где я, внезапно, ощущаю себя очень и очень голой. Голой и медленно краснеющей от смущения.

— Отчет по охране окружающей среды. Я слышал. Стью держит его на книжной полке, — он прочищает горло и указывает позади меня. — Там.

— Верно, — я поворачиваюсь и смотрю на вторую полку.

— Следующая, я думаю.

Я встаю на носочки, потому что я низкого роста, а Стью нет. Да, я не могу достать.

— Здесь, — говорит Гэвин, и он сейчас прямо позади меня. Мой пульс грохочет отбойным молотком, громогласно заявляя о моих похотливых мыслях. Я могу слышать его в своих ушах. Может ли он слышать его? Рукав его пиджака слегка касается моей оголенной кожи, когда его рука тянется в стороне от меня и быстро выхватывает кипу почти одинаковых конфиденциальных отчетов.

Сколько таких отчётов мой босс получает за неделю? Мне надо прочитать всего лишь один. Внезапно мое нытьё о собственной загруженности, кажется, нуждается в пересмотре.

Я разворачиваюсь и прижимаюсь спиной к книжной полке, в то время как он листает эту кипу, ища отчет, который мне нужен.

— Здесь то, что Вы ищите, — он отдает его мне, и я прижимаю его к своей груди, пока он склоняется надо мной, чтобы положить остальные бумаги назад.

Вблизи он кажется выше. Мне приходится наклонить голову назад, чтобы посмотреть на него. Конечно, обычно я ношу каблуки, а парусиновая обувь без шнурков, которую я ношу во время йоги имеет нулевой подъем.

— Спасибо, — я вздыхаю и собираюсь добавить «Сэр», но умпевая остановить себя. Он смеется и смотрит на то, как я образую начало слова, а затем сжимаю губы вместе.

— Гэвин, Вы можете называть меня Гэвин.

— Я почти уверена, что не смогу, — я смеюсь и смущенно отворачиваюсь в сторону.

— Нужно, потому что это Ваше «Сэр» убивает нас обоих и к тому же это только на неделю. Он отступает назад и постукивает указательным пальцем по нижней губе. — Давайте практиковаться.

— Seriously?

— Да, серьезно. Попробуйте... Привет, Гэвин, как Вы провели выходные?

— Привет... Гэвин, — это ощущается странно. И в какой-то степени заманчиво, но в основном странно и, вероятно, опасно, потому что его глаза невероятно темнеют при этом.

Он смеется, его плечи беззвучно трясутся, я могу только предполагать, что этот темнеющий взгляд смотрит на мое лицо, но начало положено. Я распрямляю свои плечи и бросаю ему угрюмый взгляд. Он приподнимает одну бровь и отрезвляет меня:

— Продолжай.

— Как Вы провели выходные?

— Ах, Вы знаете, пришлось работать в субботу.

— Мне тоже.

Это на самом деле работает. Забавно разговаривать с ним, как будто он обычный человек, а не тот, кто овладевает моими мыслями на каждом шагу.

— Ну, по крайней мере, какую-то часть дня. Вообще-то я хотела пойти на йогу.

Его глаза блестят, затем он следует моему примеру:

— Что случилось?

— Застряла в офисе.

— Облом.

— Все нормально. И я почти вздремнула на столе своего босса. Но затем я спалилась перед его боссом, что выглядело довольно нелепо.

— Звучит ужасно.

Я ухмыляюсь.

— Не так плохо, как в действительности.

— Ну и ну.

Я покачиваю отчетом в воздухе между нами.

— Еще раз спасибо. И я собираюсь исчезнуть, чтобы не мешать Вам. Таким образом, Вы можете вернуться к сказочным выходным.

Он галантно указывает рукой на дверь:

— После Вас.

Он стоит перед моей сумкой-ковриком для йоги. Я указываю на нее:

— Я просто хотела...

Вместо того чтобы отойти, он снимает и подхватывает ее. Когда он протягивает ее, его пальцы касаются меня, и я вспоминаю снова, почему все и вся влюбляются в этого мужчину.

В нем определенно что-то есть, пламя, которому невозможно сопротивляться, но которое в тоже время, не представляет опасности.

Его взгляд опускается на мой рот, и когда он возвращается к моим глазам, пламя пропадает, как будто он целенаправленно пытается вести себя холодно со мной, а после тупо дразнит разговором об именах. Должна сказать, это неожиданно.

Это напоминает мне, что я едва одета и слишком открыта, особенно, когда дело касается моей реакции на него.

Он не хочет дразнить меня.

Никто не хотел бы. Это непрофессионально. Но прежде, чем я могу извиниться, он бормочет прощание и выходит в приемную.

Я медленно иду, останавливаюсь на пороге, моя рука ударяет по выключателю, и я глухо стучу головой по деревянной панели.

Новенькая произвела хорошее впечатление. Только я не уверена, что оно было правильным.

*Netflix — крупнейший стриминговый сервис в мире, работающий по подписке. Вы платите раз в месяц фиксированную сумму за неограниченный доступ к огромной библиотеке фильмов и сериалов.

Глава 6

Гэвин

Меня выворачивает наизнанку, когда я возвращаюсь в свой кабинет. Вид Элли, склонившейся над столом Стью в этих леггинсах, сделал меня твердым, а затем наш разговор сделал меня еще тверже. Кого я обманываю? Нахождение вместе с ней в одном гребанном здании делает меня твердым.

У меня нет мазохистских наклонностей, но было что-то извращенное в том, чтобы склониться над ней и помочь достать ей этот отчет.

Я, нахрен, знаю лучше. Я полностью осознаю, что это неуместно и так я наказываю самого себя, но ничего не могу с собой поделать и прижимаю ее к книжной полке.

Ее волосы пахнут лавандой, а тихие прерывистые вздохи слишком притягательны, чтобы удержаться и не поддразнить ее.

Я теряю контроль, и есть только один человек, к которому я могу обратиться.

Я смотрю на время и отнимаю три часа. На западном побережье обеденный перерыв, так что Макс должен быть свободен. А даже если и нет, какая разница? Я гребанный ПМ, и впервые в нашей взрослой жизни, я заявляю о своем превосходстве над ним. Если мне нужно достать одного из самых известных терапевтов в Ванкувере из постели или больничной палаты, чтобы разобраться с личной драмой, я так и сделаю.

Я достаю одноразовый мобильник, который держу для удобного случая, такого как этот, и пролистываю список до единственной сохраненной записи, Ястреб. Я закрываю глаза и представляю Макса, смотрящего на экран его телефона на другом конце страны. Я – Би Джей (прим. пер. Один из героев сериала МЭШ-американский телесериал по мотивам романа Ричарда Хукера «МЭШ: Роман о трех армейских докторрах»). «МЭШ» упоминается для наших секретных рукопожатий, одним словом, наша дружба довольно лаконична. Я уверен, он сейчас закатывает глаза, хотя реагирует на третьем гудке, понимая, что если я звоню тайно, то это не просто дружеский звонок.

— Пришло время позвонить мне, — говорит он лениво. — Я уже было подумал, что ты нашел нового лучшего друга.

Я вздрагиваю.

— Ты же знаешь, что это такое, когда ты берешься за новую работу. На то, чтобы войти в курс дела, уходит довольно много времени.

— Что я могу сделать?

Это и есть мой лучший друг, прямо здесь, в одном вопросе. Он эгоцентричный, самовлюбленный, эгоистичный ублюдок, но всегда прикроет меня без лишних вопросов.

Представление о прекрасной, так и просящейся, чтобы ее отшлепали, попке Элли, склонившейся над столом Стью, возвращается обратно в мои мысли, и я переосмысливаю решимость обсудить свою проблему с Максом по телефону. Мне нужно пространство. Такое пространство как добрая половина пяти провинций.

— Слушай, я через пару часов поеду домой.— Теперь мне нужно сделать это на самом деле. — И я надеялся, что мы сможем собраться сегодня вечером.

Я ненавижу себя немного за импульсивно-легкомысленную сущность, но я оправдываю свои поступки. Я не собираюсь оплачивать из государственного бюджета выходные на Багамах. Я улетаю в избирательный округ, где у меня есть обязательства помимо обязанностей премьер-министра. И если мне удастся преуспеть в некоторой операции, чтобы забыть Элли и ее чересчур соблазнительную задницу, тогда еще лучше.

— Точно. Я должен устроить что-то особенное?

Типичный Макс. Он знает меня даже лучше, чем Стью. Я хочу сказать да, настолько сильно, но, несмотря на то, что я звоню с одноразового телефона, и мы оба очень тщательно избегаем говорить что-то откровенно узнаваемое, то я все же рискну.

— Я позвоню тебе, когда доберусь до дома, так что ты сможешь заскочить.

— Хорошо.

Я убираю одноразовый телефон в портфель и использую свой рабочий телефон, чтобы позвонить Лаклану Россу, офицеру канадской королевской конной полиции (КККП), отвечающему за мою безопасность.

Если он и удивился моему неожиданному решению поехать домой, то не подал виду и ничего не спросил. Профессионал.

Семь часов спустя, я слышу, как машина останавливается и паркуется у подъездной дороги моего дома в Ванкувере. Напряжение, сжимающее мою грудную клетку, немного

отпускает.

Проход через мою охрану не занимает у Макса много времени. Он один из немногих людей в городе, кто может приехать ко мне, не имея при себе ничего, кроме удостоверения личности с фотографией.

Пока я открываю дверь, он широко улыбается, и я подозреваю, что он, так или иначе, организовал что-то особенное.

Я закрываю дверь и обращаюсь к нему:

— Что ты наделал?

— Расслабься. Ты расскажешь мне, что гложет тебя, а потом мы поговорим о том, что я могу или не могу сделать.

Мое сердце ускоряется, и я чувствую себя немного больным. Достаточно трудно признаться самому себе в эмоциях и желаниях, которые у меня есть по отношению к Элли. А теперь, признание их перед другим человеком, даже если этот человек мой самый лучший друг в мире, становится слишком сильным. Но мне нужна помощь, и признаться Макс — единственный вариант.

Я отправляюсь в кухню и хватаю для нас пиво из холодильника.

— Это девушка, — начинаю я.

— Вот, тупица.

Я открываю одну и протягиваю ему. Выражение его лица смягчается:

— Извини, это девушка...

Я открываю другую бутылку и делаю большой глоток.

— Да. Она — стажер.

Глаза Макса расширяются.

— Боже мой, чувак. Неужели Билл Клинтон ничему тебя не научил?

— Я не прикасался к ней. По крайней мере, не за пределами моих очень ярких фантазий.

Макс кивает головой.

— Но тебе становится все труднее и труднее не распускать руки.

Не вопрос. Как врач и довольно длительное время Дом, Макс легко читает людей. Прибавьте лучшего друга к этой смеси и да, он добился моего номера. И моей поддержки.

— Да, — признаюсь я. — Дело не только в ее внешности, хотя у нее есть задница, которая так и просится быть отшлепанной. У нее есть мозги и смелость. Она действительно умная и восхитительно дерзкая, и мне нравится это.

Я делаю еще один глоток пива.

— Но помимо неприемлемости рабочего романа типа «босс — подчиненная», проблема в том, что она слишком молода. Мне не следовало дразнить себя из-за женщины, которая так молода, и которая присутствует в моей реальной жизни.

— Таким образом, ты сбежал.

— Да, я, бл*дь, сбежал. Так много времени прошло с момента, когда я последний раз трахался, и я ужасно завелся. Я побоялся, что совершу ошибку, которую не смогу исправить. Она — это скандал, я просто не могу себе этого позволить.

— Ты только усилил свой неординарный ванкуверский зуд?

— Черт возьми, Макс, ты должен помогать мне, а не заставлять меня чувствовать себя еще хуже.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я не знаю. Найдешь для меня способ выпустить пар?

— Я думал, что ты сможешь попроситься на что-то в этом роде.

— Я не напрашиваюсь. Я прямо говорю тебе, что мне нужна помощь.

— Не похоже, чтоб я мог отвезти тебя в клуб и найти тебе готовую сабу на ночь.

Это дерьмово, когда никто не говорит вам, что придется мириться с этим, когда вы идете в политику. Нет, так или иначе, если вы хотите остаться в стороне от шантажа. Но глаза Макса блестят. И ему, кажется, удалось оказаться довольно осторожным, желая компанию.

-Что ты предлагаешь? – честно говоря, я готов на все. Я могу доверить ему свою жизнь. И мой заскок почти столь же драгоценный. Он знает это лучше меня. Он был тем, кто познакомил меня с первым местом, где я случайно столкнулся с БДСМ в колледже, и чертовски шокировал меня.

Его взгляд темнеет, как будто он пытается предупредить меня:

— У меня есть варианты, конечно. Я буду великодушно платить за все. Ты...

— Все, что угодно, Макс.

— Тогда да. У меня есть идея, но это займет несколько дней.

Мы проводим остаток вечера, выпивая слишком много пива и болтая, наверстывая упущенное. Макс соглашается на мое предложение остаться переночевать в комнате для гостей, вместо того чтобы ехать на такси домой.

Я провожу следующие четыре дня, охраняя свои мысли от моих желаний, работая на полную катушку в своем избирательном офисе. Но проблемы в Оттаве накапливаются, а мое время и терпение на исходе.

Стью прилипает ко мне, по меньшей мере, дважды в день, пытаюсь выяснить, когда конкретно я планирую вернуться. И каждый день становится все труднее отделаться от него.

Я как раз собираюсь поужинать, когда звонит телефон. Я проверяю, кто там. Ну наконец-то.

— Макс, что случилось? – я старюсь скрыть свое волнение.

Вот почему у меня не может быть классных вещей. Я как ребенок в магазине сладостей, за исключением только, что я взрослый мужчина и мой лучший друг устраивает мне встречу... Определенно не публичный человек, в котором каждый видит свежий, новый курс для нашей страны.

Не останавливает меня от разговора, который у меня скоро состоится. Просто означает, что я ввожу своего лучшего друга в игру в шпионские разговоры, как мы это делаем. Урок номер один, которому меня обучила КККП, после моего избрания: у стен, как правило, есть уши.

У Макса отсутствует чувство вины за уловки. Он кажется абсолютно расслабленным, как будто это по-братски дружеский разговор, который мы обычно вели.

— Просто интересуюсь, сможешь ли ты беспрепятственно заглянуть ко мне домой завтра ночью?

— Конечно. Во сколько?

— В семь.

— Отлично. Тогда увидимся.

Наконец-то гребанное ожидание позади. Теперь я могу отвязаться от Стью, и послезавтра у меня будет возможность получить восхитительное тело Элли из моих

фантазий. Я достаю свой ноутбук и начинаю подготовку к своему возвращению в Оттаву.

Утром я выжат как лимон. Мне было сложно уснуть, потому что я был слишком взволнован тем, что готовит сегодняшний вечер. Слишком занят желанием знать, как она будет выглядеть. Как она будет реагировать. Какой розовой будет ее попка после того как моя рука разогреется на ней. Будет ли она с кляпом или поглотит меня как порно-звезда?

Я провожу остаток дня на встречах и подчищаю «хвосты» в офисе. Мысли о предстоящем вечере ни разу не покинули мою голову.

Месяцы без секса и даже больше без какого-либо обмена силой вымотали мое душевное и физическое состояние. Если у меня есть какой-либо шанс оставаться в своем уме, то мне придется найти себе постоянную сабу в Оттаве, и как можно скорее. Не совсем уверен, как я собираюсь проверить это чудо.

Я привык к постоянным вещам с моей подругой Андреа здесь, в Ванкувере. Ни один из нас не был в романтических отношениях, поэтому мы всегда были друг у друга в качестве «плюс один» в дополнение к классическому сексу. Для нас это работало. Затем все стало выглядеть сомнительным для правительства и возникло еще множество причин, по которым я отдалился от нее.

Она была классная, чтобы пойти с ней куда-то и, действительно, хороша в постели, но она не была хорошей женой. Не моей хорошей женой, во всяком случае.

Я не мог позволить себе для общественности и СМИ быть слишком привязанным к ней. Лучше быть холостяком и проиграть выборы, чем рисковать, что люди подумают, что я использую ее для политической выгоды.

Если я когда-нибудь и ввяжусь в новые отношения, то это будет настоящая находка. Например, как у Стью с его женой. Партнерство, которое работает во всем. А так как я никогда не приближался за 39 лет к тому, чтобы меня что-то сдерживало, то лучше, чтобы страна приняла меня как лидера-холостяка, которым вероятнее всего я пробуду весь свой срок.

Уже почти шесть, когда я приезжаю домой. Маловато времени, чтобы проглотить немного еды, принять душ и переодеться прежде, чем мне нужно уезжать к Максиму домой.

В холодильнике остатки пиццы. Я хватаю кусок, чтобы съесть, пока достаю чистую одежду. Я открываю шкаф и выхватываю свои любимые джинсы.

Я каждый день ношу костюмы. Когда я собираюсь на место выступлений, я предпочитаю ткань, в которой могу двигаться, но это все-таки несет в себе некий образ. Они мягкие и выцветшие после многих лет носки и стирки. Я сомневаюсь, что я буду в них долго, но мне должно быть удобно. Я открываю следующий ящик внизу и ищу до тех пор, пока не нахожу нужную футболку из черного хлопка и достаточно облегающую, чтобы выделялись моя грудь и бицепсы, но не слишком явно.

Я закидываю последний кусочек пиццы в рот и проверяю время по пути к душе. Бл*дь, у меня чуть более получаса, чтобы добраться до Макса, а дорога займет по меньшей мере пятнадцать минут. Я мог бы доехать и быстрее, но, похоже, будет лучше, если ПМ не остановят по просьбе полиции за нарушение правил дорожного движения на вечеринку «попки-шлепки» со «спутницами», поставляемыми его лучшим другом, к тому же и Домом.

Я выхожу из душа и одеваюсь за пять минут, набрасываю пиджак и хватаю ключи от моей Теслы по пути к выходу. Я подумывал о том, чтобы взять свою сумку для игр, но решаю, что это также неоправданный риск. У Макса должно быть несколько ништяков, которые я смогу использовать, если захочу.

Я закрываю за собой дверь и обращаюсь к офицеру, который был назначен мне на этот рабочий день:

— Шевелись, Тим, я поведу.

Глава 7

Элли

Вторая неделя моей работы одновременно и легче, и труднее, чем первая.

Легче, потому что ПМ пропал в первой половине недели.

Труднее, потому что он на западном побережье, из-за чего наши рабочие дни стали только длиннее.

Легче, потому что я перестала ощущать прикосновение его руки на своей, после того, как он протянул мимо меня руку, чтобы схватить отчет.

Труднее, потому что я замечаю, что постоянно жду его возвращения.

Каждую ночь я хожу на йогу на длиннющие занятия.

Я не обращаю внимания на сны, которые будят меня посреди ночи. В них Гэвин удерживает меня у книжной полки и целует, прикасается ко мне.

К пятнице я достигаю нулевого прогресса в том, чтобы не фантазировать о нем, но фантастического прогресса в том, чтобы заложить основу для того, чтобы Гэвин мог сделать важное заявление о том, что корпоративная благотворительность по сбору средств запланирована на середину июля.

Это немного затруднительно, потому что Стью не хочет включать меня в переписку с организаторами мероприятия, которые являются активистами политической партии. Зато я получила зеленый свет, чтобы работать со спичрайтером ПМ, Дэйвом, который приходит из служебного участка напротив и каждый раз, когда мы встречаемся, приносит мне кофе. А Стью в течение недели бегаёт взад и вперед.

Мы составляем план информационного обеспечения, который смягчает словесное описание хитроумным способом.

Я так рада этому, и когда Стью сообщает мне в пятницу, что Гэвину нравится план, я всю дорогу до дома широко улыбаюсь, как идиотка.

Саша лежит на диване, когда я вхожу. Она удивленно смотрит:

— Тебя уволили?

Я смеюсь:

— Нет.

— Но сейчас только шесть.

— Конец недели, а ПМ прямо сейчас летит обратно из Ванкувера, так что у меня неожиданный выходной.

Она фыркнула:

— Как долго продлится эта стажировка?

Три мучительно коротких месяца.

— До конца лета.

— Фух. Потому что ты действительно не можешь возиться на работе до бесконечности, где пятничные вечера на деле не свободны. — Она вскакивает и хлопает в ладоши. — Ну, давай же. Ты выглядишь счастливой. И бодрой. Это нужно отметить.

Я поспешно переодеваюсь, и затем мы идем по улице к закусочной, где подают горячие

соленые крендельки и яичницу с ветчиной и сальсами, на подносе с соленьями, ради которой можно умереть.

Мы почти закончили наш первый раунд напитков, и только принесли еду, когда мой телефон завибрировал.

Это письмо от ассистентки Гэвина ко всему коллективу штаба ПМ, извещающее нас, что они вернулись в город, но он освободил свое расписание на выходные, и будет работать на озере Харингтон, в летней резиденции к северу от города.

Я чувствую, как мое лицо вытягивается, прежде чем я вспоминаю, что Саша наблюдает за мной.

— Плохие новости?

— Нет. — Я протягиваю руку к своему напитку. Это совершенно глупо, что я расстроилась из-за того, что не увижу его завтра.

Это совершенно глупо, что я уже планировала пойти завтра на работу.

Мне нужно больше пива.

— Что там?

— Ничего, что помешает выпить сегодня, и что не сможет исправить йога завтра.

— Ты была в ударе всю неделю.

— С каких это пор ты проявляешь такого рода пристальное внимание к тому, сколько раз я хожу на йогу? — Мой телефон снова вибрирует.

На этот раз письмо от Гэвина, снова ко всему коллективу штаба ПМ.

Спасибо за вашу усердную работу на этой неделе. Увидимся со всеми в понедельник.

Возможность видеть его имя в конце сообщения заставляет меня испытать внутреннюю дрожь. И так запросто, моя улыбка возвращается.

— Хочешь еще выпить?

Я хочу и не хочу.

— Еще один. Что-нибудь светлое.

— Из-за йоги?

— Не смейся надо мной. Я ведь никогда не насмехаюсь над тобой, когда ты отправляешься на долгую пробежку, пока обдумываешь всякую ерунду.

Она бросает на меня тот самый взгляд. Рассудительный, задумчивый. Тот, который говорит, что она видит меня насквозь.

— Так ты думаешь, что ты ходишь на йогу всю неделю, потому что это помогает снять напряжение?

Я смотрю на нее смущенно:

— Да.

— Ну, это твоя первая ошибка.

— Почему?

Саша ласково смотрит на меня:

— Шавасана не поможет с сексуальным возбуждением.

— Я не, — я краснею от стыда, — возбуждена.

— Кто прислал тебе сообщение?

Боже мой. Я так попалась:

— Никто.

— Ты работаешь на самого горячего холостяка в стране, Элли. Я не верю тебе. Кто. Прислал. Тебе. Сообщение?

— ПМ, — пишу я, вжимаясь в диванчик.

— Не возбуждена, ну-ну. Ты думаешь о нем прямо сейчас.

Что ж, это было несправедливо. Я думаю о нем постоянно.

— Только потому, что я получила от него письмо три минуты назад.

— Что-то грязное?

— Конечно нет.

— Хочешь, заключим пари, что это было грязным между строк?

— Я выиграю это пари через секунду. Никаких шансов, что ПМ когда-либо сделает что-то неподобающее.

Ее глаза сужаются:

— Интересно.

— Нет. Ничего интересного.

— Ты не говорила, что он не был интересен тебе, что там нет ничего, что он в отношениях или гей, или любая другая причина, которую ты могла дать в объяснение тому, почему между вами никогда не может быть ничего грязного.

— Ты сошла с ума?! Я, — я снижаю голос, — я – стажер. Он – глава правительства. Если не принимать во внимание, как ужасно это будет выглядеть со стороны, то я просто уверена, что не в его вкусе.

— Потому что красивые, стройные рыжеволосые женщины не бывают в чьем-то вкусе.

— Я на самом деле скорее блондинка.

— А они, как известно, никогда-никогда не занимаются сексом.

— Я неуклюжая.

— На самом деле, чаще всего это превращается в прелестную робость.

— Я, — я размахиваю руками в воздухе. Саша! Послушай меня. Я просто обычная женщина. Я никто, чтобы Гэвин когда-нибудь заинтересовался мной.

— Тогда почему ты краснеешь всякий раз, когда проверяешь свою почту?

Потому что у меня самая безумно-примитивная реакция на него. Даже просто при виде его имени на экране.

— Я такая же, как и все в нашей стране. Я думаю, что он невероятный.

Выражение ее лица смягчается, и она наклоняет голову в бок.

— Ооо, Эл. Прости. Мне не следовало дразнить тебя.

— Все нормально. Я сама начала.

— А он невероятный?

— Абсолютно. Он один из хороших парней. А также он великолепен на работе, — я печально смеюсь. – Я думаю, он спит не более четырех часов в сутки.

— Так это просто увлечение?

Я киваю головой:

— Да. А теперь мы будем делать вид, что этого просто не существует, okay? Потому что он именно тот, в ком нуждается наша страна. И я хочу помочь ему любым возможным способом. А пускать слюни на него точно не поспособствует этому плану.

— Заметано. – Она поднимает руку и подзывает официантку. – Я поднимаю за него бокал.

В понедельник я просыпаюсь в четыре утра. Возможно, это из-за того, что я легла спать в девять вечера.

Но скорее всего это из-за того, что у меня голова идет кругом при мысли о том, что сегодня я увижу Гэвина.

Во всем виновата Саша. Ну хорошо, Саша и пиво одинаково несут вину. В пятницу вечером я упала в постель, и мои сновидения перешли от озорных к чему-то намного опаснее: романтическим. Я не могу даже вспомнить все детали, когда просыпаюсь, но каждое утро я немного больше влюбляюсь в него.

И все выходные, что разогревали сладкое чувство, отвлекающее меня от работы, и поход в магазин, и ужин с друзьями, и еще две восхитительные ночи и сновидения, в которых я была обнаженной и пожираемой премьер-министром.

Я потихоньку встаю с постели и принимаю душ, благо, у нас с Сашей отдельные ваннные комнаты в разных концах квартиры.

Я тщательно одеваюсь. Черная юбка-карандаш, мои любимые черные Лабутены и серо-зеленая шелковая блуза с коротким рукавом, которую я приобрела в Холт Ренфрю (прим. пер. Сеть элитных канадских универмагов, специализирующихся на роскошных брендах, и дизайнерских бутиков) на распродаже в прошлом году.

Это, безусловно, мой самый сложный наряд. Сексуальный, профессиональный и один из тех, который не может быть проигнорирован.

Что ты делаешь, Элли?

Это справедливый вопрос. У меня нет плана, потому что мое сердце бьется так быстро, что мой разум не может вставить и словечко.

Я даю возможность волосам высохнуть самостоятельно, пока проверяю почту. Двенадцать сообщений для штаба ПМ, и пока я в офигительном рабочем режиме, я быстро отправляю письмо своему научному руководителю, доктору наук, докладывая ему о моих первых двух неделях. Я заканчиваю сообщение вопросом, потому что иначе он бы признал письмо обычным шумом.

Старбакс откроется только через час, поэтому я готовлю кофе с собой, собираю в пакет обед и выхожу. Автобус подходит к Бэнк Стрит так рано, и я не собираюсь ждать еще час, чтобы добраться до офиса.

И я не настолько запуталась в своих чувствах, чтобы брать такси или идти пешком.

Я не сумасшедшая.

И к тому же, я не одна такая. В это время есть несколько других маршрутов в центр города. Большинство людей выходят на один квартал ранее меня, направляясь в офисы через дорогу от здания Парламента.

Я останавливаюсь на широком проходе по направлению к Парламентскому холму на минуту, поражаясь тому, как сильно это место управляет моими чувствами. Пожалуй, не очень сильно. Я испытываю небольшое волнение каждый раз, когда прохожу мимо охраны, и сегодняшний день не является исключением.

— Вы сегодня так рано, мисс Монтегю, — говорит охранник. Он знает мое имя из моего бейджа, но я чувствую себя ужасно из-за того, что не знаю как его зовут.

— Много работы накопилось, — я слегка улыбаюсь ему, но мои губы дрожат от напряжения.

Я вызываю лифт, признательная и за ожидание, и за неторопливый подъем. Еще несколько моментов времени для фантазий.

Я знаю, что когда я увижу Гэвина, это будет так же, как было в первую неделю. Пугающе. Хорошо, не совсем так же. Или да, но немного по-другому.

Но он не хочет увидиться со мной. Не так, как я с ним.

Офис пуст. Я захожу и включаю свой компьютер. Дэйв присылает мне набросок речи, и она замечательная. Я выделяю пару моментов, которые, я знаю, разозлят Гэвина, и отправляю обратно, предлагая заглянуть в кабинет к Дэйву позже, чтобы обсудить это. Как бы то ни было, я нуждаюсь в латте. Мой кофе из дома просто отвратителен.

Возможно, мне удастся стащить диетическую колу у Стью. Я встаю и хватаю свой магнитный ключ на шнурке, вешая его на шею, в то время как выхожу в холл. Я только распускаю волосы, как звенит лифт и выходит Лаклан Росс, начальник охраны Гэвина. Он офицер КККП, я узнала его, но каждый из спецгруппы охраны ПМ одевается в непримечательную одежду.

Следующим выходит тот самый мужчина, и я съедаю его глазами. Сегодня на нем темно-синий костюм и галстук в красную и темно-синюю полоску. Рубашка белоснежная, как всегда. Я добавляю это в мысленный каталог его одежды в своей голове с подзаголовком: заметь, что он не выглядит хоть немного отдохнувшим после выходных за городом.

Наши взгляды встречаются, по мере того как он сбавляет шаг.

— Гэвин, — выдыхаю я. — Доброе утро. С возвращением.

Что-то недоброе мелькает в его глазах, и его губы сжимаются.

— Мисс Монтегю.

Его ответ не может быть более холодным, и я отступаю назад, в шоке натыкаясь на дверной косяк своего кабинета.

Из всех возможных вариантов о том, как этот момент может произойти, я забыла рассмотреть именно этот.

Лаклан, поздоровавшись, прошел мимо нас, но другие члены службы безопасности следуют за Гэвином. Я горько осознаю, что мы не одни.

Это, по-прежнему, не останавливает меня от поиска чего-то большего, в чем я пытаюсь рассмотреть возможное объяснение.

Что-то с его лицом, и у меня уходит минута, чтобы понять, что он не брился сегодня.

Или вчера, а может еще несколько дней до этого.

Ты перестал бриться, глупо сказать тому, кто быстро поставит тебя на место за излишнюю фамильярность.

«Гэвин, ты можешь называть меня Гэвин». Куда, черт возьми, пропали те дразнящие огоньки в его глазах?

Я скрещиваю свои руки и заставляю себя быть профессионалом.

— Увидимся на планерке.

Он резко кивает головой и проходит мимо меня. Но когда он доходит до двери своего кабинета, которую Лаклан открыл для него, он останавливается и оглядывается на меня.

— На самом деле, если у Вас найдется минута, то прямо сейчас.

Я киваю, ужас сковывает меня. Существует только один ответ, когда ты работаешь на премьер-министра:

— Да, конечно.

Глава 8

Гэвин

Я ПОЛНЫЙ МУДАК.

Это вторая мысль, которая приходит мне на ум, после того, как я выхожу из лифта.

Первая была о том, как она красива. Словно, украла мое дыхание и ударила этим великолепием мне по лицу. Ее волосы сегодня распущены, длинные золотистые локоны, местами с небольшим медным отблеском, и у меня просыпается желание намотать их на свой кулак и наброситься своим ртом на ее.

Но я летал через всю страну, чтобы выбить из себя нужду в ней, так что, даже если я и хочу ее сейчас, то не заслуживаю ее.

— Я должен перед Вами извиниться, — говорю я кратко, в то время, как она стоит перед моим столом. Ее пальцы плотно обернуты вокруг ее шнура.

Я хочу взять ее руки в свои и, легко поглаживая их, забрать все беспокойство, которое я причинил.

Я говорил ей называть меня по имени.

Как и все.

А потом швыряю это обратно ей в лицо.

Она застывает:

— Я уверена, что Вы этого не сделаете, сэр.

Твою мать. Вот и все. Я сделал это для себя? Разве я оттолкнул ее, чтобы услышать, как она сказала это снова?

— Это мне решать, Элли. — Я барабаню пальцами по спинке своего кресла, стоя позади него. Мне нужно вернуться к теме.

— Стью сообщил мне, что ты работаешь в тесном сотрудничестве с Дэйвом из нашего отдела по связи с общественностью.

Она кивает и прикусывает нижнюю губу.

— Я направляюсь туда, как только он придет. Мы закончим проект Вашей речи для выступления к концу рабочего дня.

— Пожалуй, Вам следует поработать там следующие несколько недель.

Она бледнеет, и я проклиная себя за то, что теперь это выглядит так, будто ее переводят из офиса сразу после моих слов о том, что мне есть за что извиниться.

Чего бы я точно никогда не сделал, потому что как мне найти слова, чтобы сказать, мне жаль, что я не могу перестать думать о том, чтобы трахнуть тебя на этом столе. Вы не можете так поступить.

Вот какую тайну вам приходится глубоко прятать.

— Послушайте, Вы проводите большую часть своего времени, работая с Дэйвом, и если Вы не будете постоянно бегать туда и обратно, то это сэкономит много времени.

— Действительно.

Черт. Она по-прежнему выглядит так чертовски подавлено. Несмотря на то, что я убедил себя, что мои рассуждения логичны, я задумываюсь о пересмотре своего решения временно отправить ее из офиса.

Я ободряюще улыбаюсь ей:

— Не беспокойтесь, после того как Вы и Дэйв разработаете стратегию информационного обеспечения, ваш рабочий стол будет ожидать Вас, по-прежнему, там же, где Вы его и оставите.

Она кивает:

— Что-нибудь еще?

Ее глаза блестят от невыплаканных слез. Я понимаю, что ей нужно уйти, и как бы мне не хотелось притянуть ее в свои объятия и успокоить, я поступаю благородно:

– Нет, мы закончили.

Она разворачивается, чтобы уйти, и передо мной предстает ее прекрасная попка, вся обтянутая в узкую черную юбку. Я ищу линию трусиков. Ничего, кроме гладкой ткани, которая оставляет очень мало места для моего воображения.

Осознание того, что она голая под этой юбкой, наполняет мой рот слюной и заставляет мой член пульсировать.

Я пересекаю кабинет и закрываю дверь. Мне нужно побыть наедине с самим собой несколько минут. Я притворяюсь, что хочу успокоить свой яростный стояк, но на самом деле я хочу предаться небольшой фантазии. План Макса не помог обуздать мой всепоглощающий голод по Элли.

Я возвращаюсь к своему рабочему столу и плавно скольжу пальцами по гладкой поверхности, представляя ее, склоненной на нем. Из-за того, что она такого маленького роста, она встает на носочки. Юбка еще сильнее задирается над ее попкой, и я решаю оставить ее там, где она находится.

Почему-то я нахожу идею порки ее, совершенно одетой, в моем кабинете жарче, чем представление ее обнаженной.

Я останавливаюсь непосредственно позади нее и сжимаю ее бедра подобно тому, как я молочу своей эрекцией над –

Стук в мою дверь, и реальность настигает меня слишком рано.

Почти два часа проходит к тому времени, как Стью наконец-то сваливает в свой кабинет.

Способ, посредством которого я позабыл про заморочки с Элли, съедает меня все утро, и мне нужно сделать что-то, чтобы попытаться сгладить острые углы так, чтобы у нее не сложилось ошибочного впечатления.

После нескольких минут прокручивания каждой нашей встречи, я придумываю решение и оставляю его в надежных руках своей ассистентки.

Теперь, когда у меня есть несколько свободных минут, я достаю свой одноразовый телефон и набираю Макса.

– Ты, бл*дь, хоть представляешь который сейчас час?

Я смотрю на свои часы и морщусь:

– Время, чтобы ты поднял свою ленивую задницу с постели.

Макс только смеется:

– Рад, что твой полет прошел хорошо. Жаль только что, сообщить мне, что ты прибыл в целости и сохранности, заняло три дня.

– Это то, что называется национальной новостью, — слова вылетают из моего рта прежде, чем я вспоминаю, почему звоню с одноразового телефона.

– Справедливо. Я заметил, что ты оставил мой подарок нетронутым. – У Макса нет никаких проблем с зашифрованным разговором.

Я чувствую укол совести из-за того, что продинамил партнершу, которую Макс пригласил для меня. И не похоже, что я могу возместить ему расходы.

– Да, оказывается это больше в твоем стиле, чем в моем, но я ценю твою заботу.

– Ну хорошо, но тебе все равно что-то потребуется, чтобы держать себя в форме.

– Если бы ты был здесь, мы могли бы сходить на хоккейный матч куда-нибудь.

Макс смеется:

— Серьезно? Посмотри за окно. Ты думаешь, это будет предметом твоего выбора?

— Я не узнаю, пока не попробую.

— Бог в помощь. Увидимся через три недели.

— Я не знал, что ты приедешь в город.

— Я сообщил твоей хорошенькой ассистентке, что буду рад любой возможности приехать.

— Не трогай моего сотрудника. И какого хрена ты вообще захотел приехать?

— Возможно, мне надоело жить, ни разу не узнав, что такое минус тридцать зимой.

— Сейчас лето. И скорее плюс тридцать.

— Точно, а это отличное время для поиска жилья.

— Ты не переедешь сюда.

— Я мог бы.

Я скучаю по своему лучшему другу рядом, и небольшой пузырьёк надежды начинает расти в моей груди, но я не могу признать его заявление, не отнеся его к волнующим меня вещам — я не могу осмыслить тот факт, что он на самом деле мог бы переехать на другой конец страны, но я так же единственная семья, которая у него есть.

— Слушай, мне нужно бежать. Встреча на встрече. С радостью жду нашей встречи.

Макс медлит и затем говорит:

— Я позвоню.

Я отключаюсь и зову Лаклана в свой кабинет.

— Ты был какое-то время в Оттаве, да?

— Можно сказать, что да.

— И если мне понадобится что-то немного... не премьер-министерское, ты, видимо, сможешь устроить это, да?

Лаклан слегка застывает, но выражение его лица остается нейтральным.

— Что именно Вы подыскиваете?

Глава 9.

Элли

Не буду врать, первая мысль — Гевин меня отверг.

Но так как все, что происходит между нами может быть суммировано, как вполне понятные бредовые фантазии девушки, влюбившейся в мужчину, которое все женское население влюбляется днями и неделями, то жизнь продолжается, и я смиряюсь с создавшейся ситуацией.

В основном.

Успокаивает меня то, что два дня спустя, после того, как я перешла работать в офисное здание через дорогу (где на самом деле продуктивность моя возросла), я получила подарок от ПМ.

Часть меня желает, чтобы этот подарок было его своего рода извинением, хотя и кружка-термос с логотипом правительства Канады, но она сильно не разморозила мое сердце. Записка внутри,... вызвала смех у меня в груди. Написанная его рукой, ровным почерком, но буквы, как будто с шипами, я уже научилась узнавать его почерк, все было коротко и по делу:

«Ты ценный член моей команды, Элли. И я сожалею, что ты работаешь с нами только во время стажировки от университета. Благодарю тебя, что ты заставляешь меня придерживаться правил. ~ Г»

Я засунула записку в сумочку и пользуюсь этой кружкой теперь каждый день.

Помогает еще и то, что существует вал работы, которую следует сделать, и в большинстве своем она приходит именно от него, его присутствие ощущается в каждом проекте. Он легко управляет страной, несмотря на то, что со стороны, задача кажется сложной и непосильной... но у него получается, причем в изнурительном темпе.

Я погрязла в каждодневной рутине, начиная с проверки своей электронной почты, пока за окном еще темно, с тяжелой головой прочитываю всю эту мешанину, чтобы быть в курсе пришедшего за ночь.

Моя работа кажется изменилась, исходя из ежедневных потребностей. Самый большой проект на сегодняшний день — изменить правила игры компании по сбору средств, которая состоит через неделю. Большую часть своего времени я провожу в офисе ПМ через дорогу, после посещения которого чувствую себя жалко, поскольку была выслана, понимая, что многое теперь там происходит, но без меня.

Пока моя стажировка продолжается, также и продолжается цель моей карьеры — узнать, как можно больше о связях с общественностью, я хочу получить как можно больше практики во всем, насколько смогу.

Однако, большую часть времени я знакомлюсь с неофициальными документами, излагающими позицию политической группы, которая занимает от силы всего лишь страницу или две убористой пачки, а остальное — шаблонные ответы на любые вопросы, которые можно запросто скормить народу. Некоторые из них могут быть заданы на вечере, в результате выбором и того, что ПМ находится у власти. Другие, фактически, приходят из ниоткуда, словно сгустившиеся грозовые тучи, превращая все в темноту и круша все на своем пути в самом начале дня и этому еще и способствуют выпуски новостей.

Я запасаясь кофе и хватаю коричневый пакет с ланчем, потому что мне необходимо выйти ровно в тридцать минут, чтобы не попасть в час пик, когда весь ад вырывается на свободу, и мне приходится играть в догонялки с транспортом, чтобы успеть вовремя.

Я уже работаю себе в убыток, не в состоянии читать и здраво соображать. Стью и Гэвин, им кажется, что они громко говорят, на самом деле, рвякают друг на друга. Остальное время они мычат и кивают, и я едва ли могу поспевать за ходом их мыслей... но они уверены, что я не отстаю.

Проснувшись в свой пятый вторник и потянувшись к телефону, глядя на него еще совершенно заспанными глазами, я почти уверена, что буду выглядеть так, словно со всем справлюсь и сегодня, так же, как и вчера.

Конечно, я несую полную охиною.

Сейчас Палата общин на летних каникулах, но у ПМ имеются планы на этот счет, взяться за дело без промедления и уложиться к сроку, когда Палата представителей США вернется после каникул после Дня труда и начнет свои заседания. Именно этим и отличаются все стажировки, я поняла...не просто убедиться, что молодежь имеет свой голос в различных департаментах, отраслях, на кафедрах и т.д. в правительстве, но также и правительство потихоньку имеет свой резонанс, именно таким способом у молодежи.

Он страшно умный, я имею ввиду Гевина. Я никогда не хотела бы с ним пересечься в дебатах. Не уверена, кого он больше побьет будущей осенью — оппозицию или

сомневающих в своей собственной партии.

И Стью — его поддержка. Сегодня, это означает, что Гевин прислал лаконичное сообщение, чтобы его начальник штаба...

Я моргаю. Господи. В десять, после четырех утра. Мое сердце, страдающее от недосыпания, скулит.

Потом идет цепочка писем, в основном от Стью и кого-то из партии, кого я не знаю, я просматриваю их мельком.

Потом смотрю на часы.

Четверть шестого.

Это большая роскошь иметь целых полтора часа.

В мой почтовый ящик падает еще одно письмо от ПМ, который отвечает кому в общей переписке.

«Позвони Элли и разбуди ее. Мне нужны ее предложения до завтрака».

Серьезно? Начнем с того, что я уже *не сплю*, в это время, как только я устроилась на эту работу, я перестала спать. В это время не менее десятка раз я уже отвечала на письма.

Это верх наглости предположить, что я еще сплю.

Конечно, я лежу в постели, ведь на улице еще темно. Но через сорок минут я войду в его кабинет, предоставив свои мозги в его распоряжение, безусловно, на десяти— или двенадцатичасовой рабочий день, в течение которых он будет их из меня высасывать.

Мне нужен кофе. Честно говоря, теперь я понимаю, почему некоторые политические деятели принимают кокаин. Кофе с трудом помогает от такого уровня усталости, на котором я сейчас работаю.

И Гевин Стронг встает в четыре утра и париться над...

Я прокручиваю электронную переписку в самое начало. Я еще недостаточно проснулась, но прочитала ее дважды.

Здесь довольно-таки много. Думаю, Стью и я вышли из разговора, поскольку не в состоянии внести свой вклад в обсуждение темы, после первых нескольких фраз, но они говорят...

Я резко подсакиваю на кровати и сажусь в вертикальное положение.

Они говорят о кардинальном изменении налогов.

Черт.

Слишком рано для таких обсуждений, окончательно заставляющих меня проснуться.

И Гэвин хочет услышать мое мнение *о чем?*

Раздается звонок моего телефона. Стью. Я вздыхаю и нажимаю ответить.

— Доброе.

— Ты в почте?

— Да. Читаю переписку сейчас. Я буду через сорок минут.

— Постарайся за тридцать.

— Стью...

Он вздыхает.

— Хорошо, Элли. Он просто хочет услышать твоё мнение.

— Я не знаю, что должна сказать.

— Скажи ему то, что ты, на самом деле, думаешь.

Легче сказать, чем сделать.

Но стоит мне повесить трубку и плюхнуться обратно на кровать, дурацкая улыбка

растекается у меня на лице впервые за несколько дней, может быть даже недель. Итак, Гэвин хочет услышать мое мнение.

Хотя веселиться мне не о чем, но я счастлива. Услышать мое мнение — все, что я могу получить от него, поэтому ухватываюсь за эту возможность двумя руками, с рвением и жадностью.

Я вхожу в главную приемную офиса ПМ, где ассистентка Гэвина поджидает меня.

— Стью хочет, чтобы вы присоединились к ним в офисе ПМ.

Я быстро ей киваю и благодарю, прежде чем бросить свою сумку для документов на мой стол. Я вещаю ланьярд на шею, это своего рода элемент моего спокойствия. Я обнаружила, что если он висит у меня на шеи, пока идет встреча, то я кручу шнурок, таким образом, оставляя в покое свою юбку и волосы.

Я была в ужасе, когда кто-то меня спросил, нервничаю ли я.

Я имею в виду, конечно. По всем правилам, я не должна находиться рядом с лидером страны. И безусловно, не вваливаться в его кабинет, чтобы поговорить о налоговом законодательстве.

Конечно, когда я стучу и вхожу, сразу же понимаю почему они попросили меня присоединиться к ним... и это совсем не связано с налогами.

Настоящая причина намного хуже.

— Слава богу, ты пришла, Элли, — говорит Стью из угла кабинета, прислонившись к застекленной книжной полке. — У нас проблема с тампонами.

Первая проблема при таком утверждении: Стью не испытывал огромной радости по поводу моего внезапного появления у него в офисе.

Вторая — я не эксперт по тампонам. Да, я пользуюсь ими. Но я не хочу обсуждать эту тему ни с одним из этих мужчин.

Мои щеки начинают краснеть, и я уверена, что они быстро станут огненно-красными, если честно, я ненавижу себя за такую реакцию. Потому я все же лелею небольшую надежду, что вопрос по тампонам мне пригодится в моей рабочей практике.

Скорее всего, нет, но все возможно.

— Господи, Стью, ты можешь выражаться другими словами, — Гэвин поворачивается от окна, и делает взмах рукой, приглашая меня сесть. Он выглядит этим утром экстра высоким и широким в плечах. По крайней мере, он не выглядит уставшим.

Он выглядит просто фантастически, одетый в черный костюм сегодня. Я ничего не могу с собой поделать, но я не в состоянии не заметить его внешнего вида, несмотря на то, что сержусь. Я мысленно делаю пометку... белая рубашка, красный галстук. Классика. Это точно отправится в банк моих воспоминаний.

Он опирается на свой рабочий стол.

— Ты читала переписку?

— Да, читала.

— И что ты думаешь?

Наступил момент истины, я, конечно, умная и сообразительная, но не настолько. Я не везде умная, как Гэвин, и не настолько умная, я имею в виду, глубоко умная, как Стью. Но иногда стоит совершить самый смелый поступок — и стать честным.

— Без понятия.

Он смеется, и этим застаёт меня врасплох, потому что прошел ровно месяц с тех пор,

как я слышала его смех.

Честно, я скучаю по нему. Счастливое тепло расплзается у меня в груди, его голубые глаза смотрят прямо на меня. И в них присутствует что-то еще, но я не могу понять, слишком много.

— Я не думаю, что ты интуитивно поймешь всю техническую подоплеку, — с хрипотцой говорит он. — Мне нужно знать, может я лаю не на то дерево.

Я кидаю взгляд на Стью.

— В чем проблема с тампонами? Мы больше не облагаем налогом гигиенические товары для женщин?

Предыдущее правительство пришло в замешательство от количества онлайн петиций, связанных с акцизными сборами на предметы первой необходимости. Гэвин говорил об этом в Палате общин.

— Точно. Мы установили этот прецедент... и готовы серьезно пересмотреть этот вопрос. Налогообложение не должно дискриминировать или идти наперекор различным потребностям, основанным на...

— Давайте перейдем к делу, — прерывает его Гэвин. — Настоящий вопрос заключается в том, что мы не видим проблему, следующую за тампонами?

— Я не знаю, — пожимая плечами, отвечаю я. — Не знаю, пока сама не увижу список предметов, которые будут или не будут облагаться налогом. Вы именно это подразумеваете, так ведь? Вы хотите изменить налогообложение на какие-то товары, облагаемые налогом. Тогда вам стоит двигаться к товарам первой необходимости, таким как тампоны, памперсы и продукты питания.

Гэвин щелкает пальцами и указывает на Стью.

— Видишь? Она уловила суть.

На самом деле я ничего не уловила. Я окончательно разрушила свои мозги, пытаюсь представить полную картину.

— Но все, что было в ваших письмах. Это только вершина айсберга.

— Да..., — он пристально разглядывает меня, словно собирается что-то увидеть.

Интересно, что увидеть?

— Пойдите, — я смотрю в сторону, потом перевожу взгляд на Стью и Гевина, делая шаг к его столу, потом еще один, еще, собирая в голове все кусочки головоломки. — Вы не хотите добавлять отдельные товары в этот список. Вы хотите сделать так, что товары в потребительской корзине не будут облагаться налогом. Вы хотите полностью убрать налог с продаж с них.

Это грандиозно. Глупо и дорогостояще, но грандиозно.

Гэвин удерживает мой пристальный взгляд, его глаза поблескивают от напряжения, он кивает.

— Эта идея пришла одному из моих экономических экспертов.

— Это большой удар по государственному бюджету.

— Массовый.

— Но видно оно того стоит.

— И вот мой вопрос к тебе — стоит ли оно того?

Я хочу сказать «да». Но другая часть хочет сказать «нет», потому что я представляю аргументы с обеих сторон. Но за последний месяц я кое-что уяснила — моя роль здесь, заключается не в том, чтобы говорить «да» или «нет», а высказывать точку зрения того, кто

еще не находится в правительстве. Я глубоко вздыхаю.

— Прямо сейчас не могу сказать. Эти меры не очень изменяют жизнь большинства людей.

— Налог на продажи — регрессивный, — он, явно, не пытается читать мне лекцию, скорее всего, это приманка для начала дебатов.

Я киваю.

— Наверняка. И год или два, пока вы будите у власти, это будет сильным подтверждением того, что вы действительно готовы снизить прожиточный минимум жизни низшего и среднего класса канадцев. Но я так понимаю, ни рядового избирателя. И вы не вгоните в ступор первую открытую сессию заседания правительства.

— И ты решила, что не знаешь, что мне сказать, — тихо говорит он.

— Вы хотели это услышать?

— Нет, — но его глаза улыбаются, хотя губы и нет. Хотя его очерченные губы, до смехотворности сексуальны. — Но это *то*, что мне нужно было услышать. — Он поворачивается и кивает Стью. — Спасибо. Мы закончили.

На этот раз эти два слова не выворачивают меня наизнанку.

Я возвращаюсь к своему рабочему столу, и когда мне звонят из офиса через дорогу по поводу сбора средств, я практически бегу туда вприпрыжку.

Со стороны я наблюдаю, как людей засасывает пульс этого мира власти. И возвращение назад в университет в конце лета, теперь может стать для меня настоящей проблемой.

Глава 10.

Гэвин

Один из первых уроков, которым просверлил мне мозг сотрудник протокольного отдела, когда я переходил в должность премьер-министра, касался официальных подарков. Презенты не могут превышать определенную сумму в долларах. Любые подарки, которые я получаю, на самом деле, становятся национальным достоянием.

Макс прислал мне великолепные кожаные флоггеры, как только услышал об этом, урод. Я же сказал ему — первое, я не открываю свою почту собственноручно, и второе, моя ассистентка почти наверняка читала «Пятьдесят оттенков серого», поэтому она не собирается делать вид, что это какая-то западная атрибутика какого-то гребаного государства. Получить иск о домогательстве, выдвинутый против меня в первую неделю в должности, было бы несколько неудобно.

Макс послал ей самый большой и самый нелепый букет цветов в качестве извинений. Теперь она предполагает, что он самый веселый человек в стране и прогибается перед ним, готовая удовлетворить любой его каприз, который он ей отправляет... например приглашение на вечеринку по поводу сбора средств, которая состоится в пятницу.

Я на девяносто процентов рад тому, что мой лучший друг подумывает перебраться в столицу. Но десять процентов серьезно волнуются по поводу его образа жизни, который явно будет сказываться и на мне... на данный момент мои личные потребности полностью отделены от всего остального, вернее от остального меня в должности ПМ. Но такие мысли вызывают во мне чувство, что я хреновый друг, поэтому я засовываю их как можно глубже.

По любому, в данный момент у меня имеется более приятная задача — я раздумываю, как преподнести подарок, который я заказал для Элли.

Она стажер и официально у нас нет никаких личных отношений, и этот подарок соответствует всем правилам протокола. Но возможно, я немного перегнул палку. Я чувствовал необходимость немного загладить свои извинения за чашку-термос для кофе.

Но тут включаются другие обстоятельства. В своем идеальном мире, я бы подарил ей нитку жемчуга. Я бы раздел ее, поставил перед собой, дотронувшись до каждого дюйма ее тела, а затем бы только обернул нитку жемчуга вокруг ее нежной шеи.

Вместо этого, она получит канадский флаг — значок на лацкан из восемнадцати карат золота. Этот значок не будет говорить, что я хочу ее тело, ум и душу, поскольку он всего лишь гребаный символ патриотизма.

И как бы мне не хотелось это признавать. Я, действительно, хочу ее ум и душу так же сильно, как хочу властвовать над ее телом. Возможно, даже больше.

Я заставляю себя не думать о ней обнаженной. Сейчас лето, поэтому Элли на стажировке.

С приходом сентября, потребуются новый план.

Возможно, он будет включать в себя даже жемчуг.

А сейчас, я должен вести себя подобающим образом.

Я вскакиваю со стула и выглядываю за дверь своего кабинета.

— Бет, Элли знает, что она должна присутствовать на вечере по сбору средств?

— Не думала, что вы хотите, чтобы я послала ей приглашение, — она держит в руках кремовый конверт. — Я быстро отнесу ей.

Я тянусь к конверту.

— Нет, я иду в ту сторону. У меня есть свободных пятнадцать минут? — значок на лацкан прожигает мне дыру в кармане пиджака вот уже несколько дней, и я благодарен за невинную возможность вручить его собственноручно.

Бет знает меня лучше, за исключением Стью, чем кто-либо из моих сотрудников. В отличие от Стью, она не знает, какой я бываю сволочью. И она непревзойденный романтик. Ее глаза тут же загораются, и я стону внутри себя.

— На самом деле, скорее всего, у меня нет времени, — я отхожу от ее стола и как бы направляюсь в свой кабинет.

— Не для этого, — ее пальцы быстро летают по клавиатуре, и она вся светиться. — У вас есть тридцать минут.

Лахлан появляется, словно из воздуха (наверное, Бет наколдowała его) и прежде чем я задумываюсь об улучшении своего плана, мы уходим.

Моя спецгруппа охраны, на самом деле, довольно приятна в дневное время. Один возглавляет процессию, идя перед нами, пока мы переходим улицу, двое мужчин следуют позади. Наш поход занимает ровно пятнадцать минут, потому что мне необходимо остановиться и сфотографироваться на лужайке с двумя группами туристов, но такого рода импровизированные прогулки не так уж и плохи. Мне даже нравится по сравнению с некоторыми мировыми лидерами.

Итак, я стою перед зданием Ланжевен, где работает большинство моих сотрудников. Некоторые мои предшественники больше времени провели здесь, чем я, и я уверен, что как начнутся заседания правительства, я буду здесь дневать и ночевать. Но во всей работе филиала штаб-квартиры есть кое-что, что импонирует моему доминирующему характеру.

Я хочу, чтобы мои сотрудники приходили ко мне, чтобы они уяснили, что я являюсь для них авторитетом каждый день. И даже когда я принимаю решения, вопреки их советам, я

делаю это исключительно руководствуясь своей должностью.

Некоторых моих новых сотрудников это застает врасплох.

Стью и Бет? Они не шокированы моими действиями. Они знают, что я безжалостный, когда этого хочу. Все остальные видят во мне дракона, который готов сражаться до смерти за свои принципы.

Неужели истина заключается в том, что я предстаю перед всеми, как рыцарь в сияющих доспехах? И не задумываюсь дважды, собираясь проткнуть сердце своих врагов.

Наконец-то я добрался до кабинета Элли. Лахлан и остальные члены охраны, Слава Богу, не следуют за мной в здание, и я не чувствую сейчас их внимание на себе, никто не обращает особого внимания, что я вот так просто пришел, чтобы встретиться с ней.

Ее дверь открыта, и на мгновение я останавливаюсь в проеме, наблюдая. Она выглядит такой сексуальной, когда о чем-то задумывается.

Я стучу по дверному косяку, и она поднимает глаза.

— Есть минутка?

— Конечно, — она откидывается на спинку кресла.

Я закрываю за собой дверь и направляюсь к ее столу, но продолжаю стоять.

— Акция по сбору средств будет через неделю, и я только сейчас понял, что ты могла быть не в курсе, но твое присутствие необходимо, — я вытягиваю приглашение из кармана пиджака и протягиваю ей. — Это тебе понадобится.

Ее глаза впиваются в кремовый конверт.

— Ой. Даже не могла бы предположить, что могу быть приглашена на такое событие. Я всего лишь интерн.

— На самом деле, именно ты была движущей силой по связям с общественностью, которая удерживала сбор средств от стихийного бедствия. Ты определенно больше, чем просто интерн.

Ее лицо становится очаровательно розовым и внезапно, единственное, что приходит мне на ум, как я шлепаю ее по заднице, которая становится от шлепков моей ладони, тоже очаровательно розовой.

Возникшая картинка невероятно отвлекает, и мое тело мгновенно реагирует на нее, но я заставляю себя сфокусироваться на том, зачем пришел.

— И в результате твоей отлично проделанной работы, я хотел бы подарить тебе небольшой знак моей признательности.

Я опускаю руки в карман и извлекаю маленькую золотую значок-булавку. Она конечно же была красиво упакована, но я не захотел, чтобы она сначала ее распаковывала, поэтому решил, лучше подарить ее так.

Я не могу заставить себя рисковать, коснувшись ее кожи. Мой пах виден ее взору, и я вовсю борюсь с эрекцией, поэтому аккуратно кладу значок на стол.

Она берет в руки и мгновение внимательно разглядывает, небольшая улыбка приподнимает уголки ее губ.

— Она прекрасна. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я, делая паузу. Многое мне хочется ей сказать. Но это не совсем уместно, и дверь в ее кабинет закрыта уже достаточно долго. — Надеюсь, увидеть тебя на благотворительной акции.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но замираю на месте, как только она нерешительно то ли хмыкает, то ли хныкает. Да, я пришел с официальным визитом, но в данный момент мой

ум отказывает, желая только одного — заняться сексом.

— О вашем предложении. Хм... я дам Бет знать...я имею в виду, конечно, я постараюсь присутствовать.

Я тут же разворачиваюсь и склоняюсь над ее столом, мое лицо находится всего лишь в нескольких дюймах от нее. Бл*дь, у нее такие красивые глаза.

— Приглашение — формальность. Твое присутствие является обязательным. И правильный ответ, с твоей стороны, будет — да, сэр.

Ее дыхание становится поверхностным, ее губы не двигаются, но я тут же представляю, как они будут идеально смотреться на моем члене. Я подавляю эту мысль, напомнив себе, где я нахожусь и кем являюсь, прежде чем я сделаю или скажу что-нибудь такое, отчего мы оба не сможем оправиться. Я адски стараюсь не обращать внимания, как расширяются ее зрачки, губы становятся ярко-красными, как все ее тело учащенно гонит кровь к определенным частям тела, она вдруг понимает, что с ней происходит.

Я проваливаюсь в захватывающее зрелище.

Потом выпрямляюсь и делаю шаг назад, повторив:

— Я надеюсь увидеть тебя на благотворительном вечере, Элли.

Она медленно кивает и выдавливает из себя самый идеальный ответ:

— Да, Сэр.

Весь день у меня идут встреча за встречей, и я попадаю домой после десяти. Я умираю с голода и после визита в офис Элли сегодняшним утром, который можно назвать полным провалом, мне необходимо поговорить с Максом.

Я скидываю ботинки, как только вхожу в дверь. Словно в свой офис премьер-министра, мой охранник остается за дверью. Суссекс охраняется 24 часа в сутки, даже когда меня здесь нет, и хотя внутри имеется сложная система безопасности, о чем меня не преминули заверить, здесь у меня имеется, по крайней мере, относительная конфиденциальность.

Я швыряю пиджак и портфель на диван, проходя на кухню. Я с нетерпением представляю, как съем вчерашние остатки пиццы и выпью пиво, впервые за весь день.

Я достаю из холодильника коробку с пиццей вместе с бутылкой моего любимого пива и возвращаюсь в гостиную.

Макс поднимает трубку после первого звонка. Мой рот наполнен пиццей, но это не столь важно. Он начинает говорить первым.

— Твоя ассистентка, парень. Она офигительная. Она уже предоставила мне агента по недвижимости и согласилась со мной взглянуть на дом, мне необходим женский взгляд.

Я чуть не подавился, пытаюсь проглотить пиццу и быстро запивая ее глотком пива.

— Я сказал тебе, не подбивать клинья ни к кому из моей команды.

— Ой, я не подбиваю. Она предложила. Я согласился.

Я достиг своей цели в политике, благодаря тому, что не вмешивался не в свое дело, но я знаю, что Бет недавно, буквально на днях, рассталась со своим бойфрендом, поэтому пропускаю мимо ушей небрежный энтузиазм Макса, который вообще-то касается меня на многих уровнях.

Он намного больше, чем просто игрок. Он заставляет меня выглядеть рядом с ним абсолютной «ванилью».

И это у Бет была никакая интрижка, из которой она решит потом свалить. Она и ее бойфренд жили вместе уже более двух лет, по крайней мере, когда она устроилась еще тогда

ко мне на работу.

Не могу сказать, что у них пошло не так. Единственная причина, из-за чего я узнал, что они разошлись от своей службы безопасности, которая держит меня в курсе всего происходящего, потому что Лахлан решил, что мне следует знать, что Бет сейчас может находиться в эмоциональном стрессе из-за разрыва отношений.

— Я никогда не вмешивался в твою жизнь, поэтому тебе стоит прислушаться к моим словам, я говорю сейчас вполне серьезно. Не давай ей повода на что-то надеяться. Я не говорю, что не стоит флиртовать, но... Прошу тебя, просто убедись, что она правильно понимает твои намерения. Хорошо?

— Вау, ты вылил на меня сейчас ушат холодной воды.

— Мне нужно, чтобы ты доверился мне, и когда я говорю так, у меня есть для этого причины. Ладно, оставим это.

— Хорошо. Итак, почему ты звонишь, что не можешь подождать до пятницы?

Сейчас я уже не так уверен, стоит ли с ним вообще обсуждать весь произошедший маразм за день.

— Да, ничего особенного. Просто был долгий день, и мне не очень нравится есть свою пиццу в одиночестве.

— Именно поэтому я и переезжаю к тебе.

Я закрываю глаза и опускаю голову на мягкий подголовник дивана. Но я улыбаюсь от его слов.

Глава 11.

Элли

Я распахиваю со стуком дверь в квартиру и вижу свою соседку.

— Мне необходимо платье.

Саша кивает, будто именно так я каждый вечер появляюсь в дверях и завожу разговор о платье.

— Поройся в моем шкафу или воспользуйся кредитной картой по максимуму.

«И правильный ответ, с твоей стороны, будет — да, сэр».

Я не могу надеть Сашины платья. Если сбор средств пройдет так, как я надеюсь, я хочу, чтобы это платье было достойно того, чтобы его в последствии отправили в секс-музей. Кроме того, мне кажется, надев ее платье я нарушу целый ряд правил — секс в одежде своей соседки.

Не то, чтобы мы собирались заняться сексом. Однозначно, нет.

Но...

Я нервно облизываю губы, глядя на свою соседку по квартире. Она знает о Гэвине. Она знает, что он сослал меня и насколько я страдаю, и она знает о кружке-термосе.

Могу ли я ей рассказать, чтобы произошло сегодня?

В какой момент я вообще поверила, что наши действия — медленный, соблазнительный танец взглядов и слов, перемешанный химией — на самом деле, куда-то нас приведут? После его визита в мой офис в здание Ланжевен...

Ну, если это все же меня куда-то приведет, то это останется нашей тайной.

Но если мое сердце будет разбито, я бы очень хотела, чтобы моя соседка по квартире была во все оружие — с мороженым и чипсами Doritos и кино-марафоном «Хит» Леджера.

К счастью, после двух лет дружбы, мне не нужно ей ничего говорить. Кроме того, я самый хреновый в мире человек с лицом «покер фейс».

Она визжит.

— У тебя свидание.

Я делаю серьезное лицо.

— Нет.

— О!

— У меня будет вечеринка по сбору средств.

— О, Элли, — она вздыхает и машет мне рукой, чтобы я зашла в ее комнату. — Хорошо, ты можешь выбрать платье из моего шкафа. А потом у нас состоится долгий и настойчивый разговор о несбыточных мечтах.

Я следую за ней, но, если честно, то я уже представляю свое собственное платье. И я естественно злюсь из-за того, что она предполагает, что я брежу Гевинотом. Я не сообщаю ей о значке на лацкан и его словах.

Я сажусь на ее кровать, и она вытаскивает свои три выходных коктейльных платья. Два черных, одно — темно-зеленое. Они будут хорошо смотреться на мне, хотя у нее сиськи больше, чем мои, но все они без бретелек, поэтому это не проблема.

— Хм, — говорю я, и она закатывает глаза.

— Ты на самом деле хочешь пройтись по магазинам?

— Я..., — краснею. — Да.

Она дважды моргает, явно обрабатывая мою глупость, потом кивает.

— Хорошо. Пойдем.

Именно поэтому мы не просто соседи, а друзья. Даже если ей кажется, что я туповата, она все равно собирается пойти со мной, чтобы удостовериться, что я буду самой горячей, самой сексуальной рыжеволосой идиоткой на этом вечере по сбору средств.

Мы решаем не заморачиваться с торговым центром. Моя кредитная карта тихо плачет, как только мы направляемся напрямиком в «Холт Ренфрю», модный магазин в Канаде, но я доверяю Саше.

Спустя час, мы оказываемся дома, но уже с идеальным платьем — без бретелек, ткань облипает меня, как перчатка. Открытое черное платье с кружевным узором внизу заканчивается атласной юбкой, цвета шампань, которая очень подходит к моим второй паре самых дорогих открытых туфель от Джимми Чу, вопящим о сексе с Гэвином, при этом выглядевшим вполне профессионально для остальных.

По крайней мере, я надеюсь на это.

Я обуваю туфли, натягиваю платье, Саша в этот момент поедает Pad Thai, который мы купили на ужин.

Она свистит, глядя на меня, когда я выхожу из своей комнаты, показывая два варианта сережек, висящие у меня в ушах.

— Левые или правые?

Она оценивающе смотрит на меня.

— Мда. Подвески очень сексуальны, но капли жемчуга — лучше. И я готова проглотить все свои сомнения, которые у меня возникли раньше. Он с ума сойдет, когда увидит тебя в этом платье.

— Оно, правда, достаточно классное?

— Затихни. Это верх совершенства. Давай снимай эту одежду и надевай треники, как

нормальный человек, и, наконец, съешь свою лапшу, которую мы купили.

Я сажусь на диван, надеясь повторно запустить модное реалити-шоу, которое Саше не совсем нравится, но я уже потеряла саму суть ее высказываний, пытающихся до меня донести.

Интересно, что у Гэвина на ужин. Ему необходимо есть, также, как ему необходимо спать, я раньше думала, что он много спит, но оказалось, что это не так. И как он относится к еде на вынос на диване?

Он один из тех для кого «еда — это топливо» для причудливой тренировки? Я видела с ним видео в тренажерном зале. Вся страна видела. Это полностью что-то новое, я имею ввиду, иметь лидера, который в состоянии поднять такой большой вес и выглядеть при этом сексуально и настолько неотразимо в шортах. А его фотографии на кикбоксинге... я хочу сохранить их у себя в телефоне.

— О чем ты думаешь?

— Как стать успешной.

— Ой! — ее глаза становятся большими и полны надежды. — Ты начнешь со мной ходить в спортзал по утрам?

— Неа, — смеюсь я, накручивая вилкой лапшу. — Я просто думаю о.... — *Гэвине*. — О личном. Мне кажется он слишком много работает.

— Я где-то читала, что ему нравится играть в хоккей. Мне кажется, что он с помощью этой игры накачивает себе такие мускулы.

— Ой! — мне нравится хоккей. Я мысленно делаю пометку, позднее исследовать его причастность к моей любимой игре. — Круто.

— Итак, ты не пойдешь в спортзал?

— Первым делом с утра мне стоит отправиться на работу, — Гэвин собирается завтра днем произнести очередную речь для технического персонала, которая положит фундамент его речи на благотворительном вечере. Это будет четвертое событие, подобного рода, и СМИ очень внимательно следят за его высказываниями. Стью в связи с этим ожидает оживление звонков, что означает, что мы должны управиться до ланча.

Я действительно переживаю по этому поводу по некоторым причинам. Например, я переживаю о завтрашнем дне и сборе средств. Нет, не конкретно из-за Гэвина. О чем-то еще, что я не могу полностью контролировать.

Саша забирает наши пустые тарелки, и я растягиваюсь на диване, пытаюсь выяснить из-за чего я переживаю. Что-то не так.

Но я чувствую себя усталой и испытываю приятную радость из-за удачного шоппинга, поэтому успокаиваю себя — что меня волнует, лучше стоит подумать завтра утром.

Я собираюсь отправиться в постель, но в результате засыпаю на диване. Проснувшись в середине ночи, я чувствую, что укрыта одеялом, и Саша положила мой телефон рядом со мной.

Глава 12.

Элли

Прокручивая прошлые события, вероятно, я должна была обратить внимание на это раньше. Может, я была слишком наивной, так доверяя всем работающим в политики.

Возможно, я непростительно была сбита с толку тем, как Гэвин передал мне

приглашение — если это вообще можно назвать приглашением, его слова гласили — просто требуется мое *присутствие*.

В любом случае, я понятия не имела, что Дэйв, как спичрайтер, оказался таким мудаком.

На следующее утро я, естественно, воспользовалась другими выражениями, более красочными, когда каналы новостей в конце рабочего дня начали пестреть, просочившимися фразами из речи Гевина на предстоящем вечере, посвященном сбору средств, явно «слитыми» в прессу.

Это был настолько глупый и бессмысленный ход, со стороны Дейва.

Да, в этот день произошел настоящий шторм. Похожий, когда ты не замечаешь грозowych облаков, скапливающихся на небе. Но как только раздается первый удар грома, и вода потоком хлещет на тебя, тогда ты обращаешь на них внимание. Все вымокли, но через какое-то время обсохли, и облака вылив свой ушат воды, уплыли.

Дэйв же просто убил свою карьеру.

Тупо.

И у меня возникает мысль, что за пять недель, работая в политике, я использую слово «*тупо*» в тысячу раз больше, чем за предыдущие семь лет учебы в институте.

Конечно, все в ярости. Службе охране не требуется много времени, чтобы выяснить, что именно Дэйв оказался тем человеком, который отправил речь ПМ, используя одноразовый аккаунт Gmail, ему почему-то совсем не пришло в голову, что он использует правительственный компьютер.

Вдвойне дурак.

Стью просто испепеляет его словами при закрытых дверях, но его голос звучит достаточно громко, поэтому слышат все и все, до последнего слова. После этого горе писателя выводит из здания служба безопасности, начальник штаба ПМ заходит в мой кабинет.

В его словах слышится ярость и инструкция довольно-таки короткая и хлесткая, что я готова выпрыгнуть из своей кожи.

— Написать новую речь. Он должен с ней выступить перед всеми на вечере. Я хочу увидеть ее завтра у себя на столе.

Ладно. Я притворяюсь, что имею представление, как писать речи для политиков. Ничего страшного. Хотя меня трясет, когда я разворачиваюсь к своему компьютеру.

По пути домой из университета Саша приносит мне ужин. Я остаюсь в своем кабинете до одиннадцати, потом на такси еду домой и снова в шесть, приняв душ... на посту. Без макияжа, волосы еще мокрые забраны в пучок.

Я пытаюсь представить, что ПМ должен сказать на вечере, посвященном сбору средств, всем этим высокомерным, напыщенным бизнесменам, владельцам корпораций, чтобы они согласились сделать благотворительные взносы.

К полудню кто-то приносит мне кофе. Я заставляю их присесть и выслушать то, что я написала. Оказывается, выглядит не совсем ужасно, они хорошо отзываются о речи, и я набрасываю следующий текст.

Напоминает, как писать эссе, за исключением, что у тебя имеется всего лишь двадцать четыре часа вместо четырех недель. Но процесс тот же. Писать, писать и писать, почти до конца, а потом прочитать, что получилось на самом деле. Потом опять все перечитать с самого начала и что-то поправить.

К середине дня я мимолетно благодарю кого-то из сотрудников, кто подбрасывают мне в мой пустой пакет для ланча яблоко, бейгл, плитку шоколада и половину нарезки сыра.

Мое питание сейчас напоминает восьмилетнего ребенка, но мне плевать.

Если я справлюсь, буду сама удивлена.

Наконец, к шести я заканчиваю. Я отправляю речь по электронной почте Стью, с трудом соображая.

И пишу:

Дай мне знать, что думает о ней ПМ.

Через тридцать секунд, Стью направляет ее Гевину с копией мне.

Ты можешь взглянуть, она только что закончила.

Ну, мать твою. У меня в груди сердце замирает. Я плююсь на свою почту, но он молчит.

У меня от голода начинает урчать живот, напоминая, что питаться, как восьмилетний ребенок, не правильно, тем более я уже все съела, и кстати сейчас время ужина, поэтому я хватаю свою сумку и собираюсь выбежать за едой.

А потом все же возвращаюсь к своему столу, потому что никуда не могу уйти, пока ПМ не скажет своего мнения.

Час проходит медленно. Я читаю статью в научном журнале, которую мне выслал мой куратор. Я отсылаю по электронной почте руководителю счета за обучение по изучающим дисциплинам, которые получила в начале недели, он должен предоставить мне скидку, потому что я взяла отпуск для этой стажировки.

Я смотрю на часы.

Прошло еще полчаса.

Время тикает и тикает.

Появляется конвертик с ответом в правом углу компьютера, в этот момент я смотрю на YouTube видео о забавных маленьких питомцах, и у меня в мозгу отпечатывается только жирный шрифт непрочитанного письма в моей входящей почте.

Лучшего чувства, чем трепет, возникающий от внимания мужчины, в которого ты влюблена, нет. Даже если этот мужчина недостижим.

Даже если он премьер-министр.

Меня бросает то в жар, то в холод, и всю трясет от волнения, в ожидании этого чертового письма.

Скорее всего он скажет, что я безнадежна.

У меня трясутся руки, когда мышкой я нажимаю на сообщение. А потом начинаю улыбаться, как полная идиотка, читая его ответ.

Фантастическая работа, спасибо. Если у тебя есть несколько минут, я хотел бы обсудить некоторые моменты.

Я смотрю на начало сообщения, он не поставил в копию Стью. У меня в горле перехватывается дыхание.

Конечно. Я в здании Ланжевен.

Интересно, он чувствует мое нетерпение? Если он даже и чувствует, то, наверное, вида не покажет. Его ответ приходится мгновенно.

Хорошо. У меня телефонный звонок через пять минут. Приходи в девять.

Да, но есть одна загвоздка. Я не отношусь к тем женщинам, которые носят с собой косметичку. Мне нравится макияж, который я сама себе делаю, но в данный момент моя косметичка осталась дома на комод. А у меня в сумке есть только бальзам для губ Blistex, в

круглой коробочке.

Совершенно не сексуальный.

Я мажу им губы, лучше, чем ничего. Я испытываю желание побежать в аптеку, имея в запасе тридцать минут, но нет... я сохраняю все мои глупые планы «быть во все оружие» для вечера на следующей неделе.

На мне сейчас надета черная юбка-карандаш и совершенно обычная рубашка цвета слоновой кости. Она не заставляет играть ваше воображение, и с этим ничего нельзя поделать.

Я внимательно разглядываю себя в зеркало в туалете. Вытаскиваю заколки из пучка, волосы спадают вниз. Незначительно, но лучше.

Ты идиотка. Он хочет поговорить с тобой всего лишь о речи.

Ну, я бы предпочла быть идиоткой, полной надежд и желаний, чем циничной мегерой каждый день.

С распущенными волосами мой вид становится получше.

Я прихожу в его приемную на несколько минут раньше. Его двери закрыты, Бет сидит за своим столом.

— Ты допоздна, — тихо произношу я, не желая ее напугать.

Она спокойно окидывает меня взглядом. Возможно, общее напряжение и постоянный аврал не действуют на нее. Она пожимает плечами.

— Уже несколько недель похожи на вчерашний день. Вчера, правда, было немного напряженнее, сегодня весь день мы пытались отыграться.

— Моя соседка по квартире думает, что время обезумело.

Она стонет.

— Так же говорил и мой парень. Бывший парень, теперь.

— Прости.

Она выпрямляется.

— Я не обижаюсь. Такая возможность, быть здесь, выпадает раз в жизни. Я не хочу быть ни с кем, кто не понимает этого.

— Вполне справедливо.

Она хватается за ключи со стола и кладет их в наружный карман сумки, последний раз осматривая свой стол.

— В любом случае, я иду пить в Byward. Надеюсь, он не будет держать тебя допоздна. Если захочешь присоединиться к нам, мы будем в Clocktower до одиннадцати, как минимум.

— Мы? — честно, я не совсем страдаю от отсутствия общения с коллегами здесь.

Она перечисляет мне нескольких людей, которых я знаю.

— Хорошо, если мне удастся, спасибо.

Она посылает мне дружескую улыбку и исчезает, цокая каблучками, как офицер канадской конной полиции, не уверена стоит ли мне присаживаться за ее стол.

Наконец, Гэвин открывает свои двери. Я клянусь, температура в комнате при его появлении поднимается на десять градусов, но охрана этого совершенно не замечает. Они превосходно остаются такими же невозмутимыми, притворяясь, будто ничего адского здесь не происходит.

Может, действительно ничего не происходит.

Первое, что я замечаю — отсутствие у нем галстука, а также расстегнутую верхнюю пуговицу рубашки.

Затем я ловлю его взгляд на себе, и моя уверенная походка дает сбой. Неделя была долгой, но я не представляла себе, что он может на меня так смотреть.

«Будь профессионалом», — говорю я себе.

— Речь понравилась?

Он отходит в сторону, пропуская меня вперед, и закрывает дверь своего кабинета.

— Необычная, Элли.

— Спасибо, — его слова — высшая оценка — проходят сквозь меня, как нож входит в теплое масло, я улыбаюсь улыбкой, которой, наверное, его одаривают фанаты. — У вас имеются какие-то замечания?

— Несколько, — он шагает к своему столу и берет пачку бумаг. Его выступление, я так понимаю. — Я предпочитаю писать свои заметки тут же на полях, если ты не возражаешь.

— Не возражаю, конечно.

— Ты быстрый и талантливый писатель, — он замолкает, роясь в бумагах. — Существуют некоторые моменты, на которые я хотел бы, чтобы ты больше обратила внимание. Иногда ты слишком заумно выражаешься для слушателей. Нужно более тоньше. Мы делаем грандиозное заявление, как измениться движение денежной массы в нашей политической системе.

— Отмечу, — я пролистываю распечатанные листы, обращая внимание на подчеркнутое пунктирной линией с замечаниями на полях. — Я постараюсь исправить это сегодня вечером.

Он улыбается мне.

— Уверена, что ты не одна из нас?

— Политиков? — я смеюсь и качаю головой. — Только на лето.

— А потом снова в университет.

— Да.

— И ты с нетерпением ждешь, чтобы вернуться туда?

Это явно провокационный вопрос, касающийся моих целей в дальнейшем.

— Мне будет этого не хватать.

Его губы игриво ухмыляются.

— Это не ответ.

— Извините, — шепчу я.

— Ну? Ты, на самом деле, с нетерпением хочешь вернуться к более спокойному темпу академической жизни?

Медленно смущаясь, я киваю.

— Для тебя было не так уж трудно, правда ведь? — он указывает на бумаги с его выступлением. — Ты сможешь внести завтра эти изменения?

— Да, сэр.

Если бы я не смотрела на него, я бы не заметила его реакции, небольшое, еле заметное движение подбородка, когда он контролировал свой выдох... и сиюминутный блеск в его глазах. Безусловно, я правильно ответила.

Он наблюдает, как я запикиваю бумаги в свою сумку, затем расстегивает еще две пуговицы на пиджаке и делает взмах рукой, по направлению к стене, где у него находится бар.

— Хочешь что-нибудь выпить?

Да. Но я чувствую себя обязанной отказаться, даже если это выходит слабо и совсем

неубедительно.

— Я должна идти.

Я задерживаю дыхание, произнося эти слова, потом чувствую — это не правильный ответ.

Его губы становятся натянутой линией, он кивает.

— Тебя кто-то там ждет?

Я приподнимаю одну бровь.

— Вы шутите? Там за дверью, остались самые стойкие, которые не уйдут, пока не увидят, что вы покинули здание.

Он наклоняет голову вперед.

— Я поклялся, что не буду таким боссом.

— Не вините себя за это. Они сами так хотят. Каждый из них живет одним днем, они ввязались в битву.

— А что насчет тебя?

— Я — исследователь. Я живу, изучая других людей, таких, как они.

Он тихо хмыкает, как-то грустно, открывает дверцу бара.

— Уверена, что я не могу тебе ничего предложить?

— А что у вас есть?

Он поднимает бутылку Crown Royal.

— Со льдом.

Мне следует отказаться. Но впервые с тех пор, как я встретила его, он выглядит таким уставшим. И если я готова пойти навстречу своим фантазиям то, почему бы не сделать того, что он просит, поскольку выглядит он даже одиноким.

— Конечно, совсем чуть-чуть.

Я рассматриваю фотографии, стоящие на каминной полке, пока он наполняет стаканы. Семейный портрет. Гэвин и темноволосый мужчина, кого-то мне смутно напоминает. Гэвин и Стю в ночь выборов. Я чувствую, как у меня приподнимаются уголки губ, я наклоняюсь поближе и разглядываю их сияющие лица.

— Вы на самом деле не ожидали, что выиграете выборы, не так ли? — спрашиваю я, когда он подходит ко мне.

Он уклончиво что-то бормочет.

— Простите, это, наверное, грубо? — я кидаю на него взгляд через плечо. — Думаю, вы никогда не ответите на этот вопрос.

— Все сложнее. Не хочу, чтобы думали, будто я не хотел попасть в этот кабинет.

— Я никогда так не думала, но...

Он долго молча внимательно смотрит на меня, и его обычный ледяной взгляд становится темнее. Темным, таким же, как вода в озере, когда начинает сходить снег. Наконец, он подносит бокал к губам. Сделав медленный глоток, он смотрит на фотографию себя и начальника штаба его предвыборной компании.

— Нет, — тихо говорит он. — Мы не ожидали, что такое произойдет.

— Я рада, что вы выиграли.

— Я тоже. Другие парни погубят это место, — слабая улыбка появляется у него на губах, он переводит взгляд в сторону кресла. — Давай присядем. Расскажи мне, как тебе здесь работается.

Я опускаюсь в кресло, подальше от его стола, разглаживая юбку, а потом кладу ногу на

ногу. Я специально смотрю на свою юбку, потому что не хочу видеть смотрит ли Гэвин на мои ноги.

Если смотрит, то все еще больше запутывается.

Если не...

— Элли.

Я не поднимаю головы.

— Все просто замечательно.

— Темп слишком быстрый для тебя?

— Нет, сэр, — я поднимаю глаза вверх. — Эта не та сфера, которую я бы выбрала для себя на всю оставшуюся жизнь. Но как вы и сказали, я рада, что попала сюда.

— Это была твоя идея, выставить свою кандидатуру на эту должность?

Я отрицательно качаю головой.

— Идея моего куратора, она подумала, что для меня это будет хорошей возможностью получить новый опыт. Моя научно-исследовательская работа касается изучения начальной школы и детских садов, и лето не самое лучшее время для начала. Поэтому альтернативой на эти три месяца стала... применить свои уже имеющиеся знания в работе по связям с общественностью и еще накопить что-то новое для исследовательского материала.

— Стажер-исследователь?

Я киваю.

— Я могу вас заверить, что вы самый интересный руководитель.

Еще одна незначительная реакция, хорошо контролируемая, но не полностью скрытая, мелькает у него.

— Такое бывает раз в жизни, — шепчу я, повторяя слова Бет. Но я не в его команде, как она.

Его взгляд еще более темнеет.

— Я никогда не хотел ни в чем препятствовать тебе.

Я хмурюсь. Возможно, он услышал сомнение в моем голосе. На самом деле, я не совсем улавливаю сути того, что он говорит.

— Каждый день, вернее день ото дня, мне было здесь очень интересно. Я столько узнала, столько увидела... если бы я завтра уходила, я бы назвала это самым успешным опытом. Однозначно.

— Но ты не уйдешь завтра.

— Конечно, нет, — я нервно улыбаюсь. — Мне приказано присутствовать через неделю на вечеринке по сбору средств.

Он делает большой, медленный глоток. Виски оставляет мокрый след у него на верхней губе, и я чувствую, как у меня пересыхает рот, и горячая волна разливается в самом низу живота.

— Ты проделала огромную работу, чтобы произошло это событие, учитывая все мои требования, Элли.

— Я счастлива пойти на эту вечеринку с вами. Я..., — знаете, бывают такие моменты, когда вы о чем-то говорите и вдруг слышите себя со стороны, и понимаете, что эту информацию лучше следует держать при себе? Да. — У меня даже есть платье для такого события. Для среды. Вечера. Прежде чем... вы спросите. Вчера я работала до одиннадцати и не ходила по магазинам.

— Элли.

— Да?

— Остановись.

— Хорошо.

Он неожиданно улыбается, и его улыбка освещает все у меня внутри.

— Платье?

Я краснею.

— Да, сэр.

Его глаза снова вспыхивают какой-то темнотой.

— Хорошо.

Ха. Это нечестно. Даже я понимаю, что это нечестно. Я чувствую, что что-то происходит. Но ничего на самом деле не произойдет, потому что ПМ не будет действовать.

Я интерн, которая работает у него.

Поэтому, если уж и нужно кому-то что-то предпринять, то... это однозначно должна быть я, верно?

Что может самое ужасное случиться из-за этого?

Я прикасаюсь рукой к ложбинке у основания шеи. Его взгляд следует за моей рукой.

Потом провожу рукой по щеке. Он не отрываясь следит за мной.

Я провожу одним пальцем по губам, потом убираю за ухо свободно спадающую прядь волос.

Они тут же падают назад, буквально через секунду.

Он продолжает смотреть на мои губы.

Я никогда никого не соблазняла, таким образом. Но при таком количестве химии и возбуждения, мне кажется, это не так уж и сложно. Я легко ему улыбаюсь и прислоняюсь к спинке кресла, переложив ногу на ногу в другую сторону, снова делая глоток.

— Я никогда раньше не пила виски, но этот мне нравится.

— Я предпочитаю больше пиво, — отвечает он, его глаза мерцают, когда он откидывается на спинку кресла. — Но я еще не набрался смелости, чтобы попросить установить сюда холодильник с пивом.

— Еще?!

— Это не в моем характере лишать себя то, что мне нравится.

Выдохнув, я наконец возвращаю себе способность говорить.

— А вы обычно получаете то, что хотите?

— Как правило.

— Что останавливает вас...?

— Большие блага.

— Ах, — я допиваю свой виски. Оно обжигает, спускаясь вниз по пищеводу, наполняя меня теплом. И придаем мне мужества. Я поднимаюсь с кресла. Свободно иду через комнату, неся пустой стакан в руке, поставив его на поднос рядом с бутылкой.

Я оборачиваюсь, Гэвин тоже встал.

Я прохожусь руками по своей юбке, которая, мне кажется, слишком плотно сидит у меня на бедрах. Мне жаль, что я нервничаю, но, стоило мне подняться, как соблазнительница тут же испарилась, и теперь я стою здесь, чувствуя себя одинокой.

Молодой, испытывая неловкость, не от мира сего во многих вещах.

Он не просто парень, который мне нравится. Я не могу пригласить его на пиво и запустить свои руки ему в волосы. Или же наклонить голову и спросить, не хочет ли он

зайти ко мне выпить по последнему стаканчику.

Мы только что уже выпили. Я оглядываюсь вокруг. Наверное, здесь везде установлены камеры слежения.

— Не здесь, — говорит он, его голос звучит низко и напряженно.

— Неужели я сказала это вслух?

Он напряженно кивает.

Я делаю один шаг вперед.

Он не двигается с места.

— Гэвин...

Я вижу, как подергивается мышца, как он сжимает челюсть, я делаю еще два шага вперед, остановившись перед ним теперь достаточно близко, могу даже прикоснуться к нему. Я легко прохожусь пальцами по его щеке, чувствуя его дрожь. Он поднимает руку и обхватывает меня за запястье.

Я готова услышать его отказ.

Но он молчит.

Усилив хватку на моем запястье, он притягивает меня ближе к себе, другую руку положив мне на спину, мы молча смотрим друг на друга. Я, затаив дыхание, внутри у меня все кричит, желая поцеловать его, но затем он все берет в свои руки.

Обе его руки проходятся по моему телу, затем он хватает меня за волосы, накрутив их на кулак и запрокинув мою голову назад, и его губы жестко опускаются на меня. Я задыхаюсь и вцепляюсь в его рубашку со всей силой, он раздвигает мои губы и целует так, что это вне всяких фантазий, моя голова становится совершенно пустой.

Это намного лучше, чем я могла себе когда-либо представить.

На вкус его язык теплый, сексуальный, пахнет виски, и я притягиваю его, желая больше. Он по-прежнему удерживает меня за волосы, отстраняется.

— Элли, — говорит он, его губы проходятся по моим, и я не могу сказать, то ли это предупреждение, то ли мольба.

Я запускаю руки под его пиджак, дотрагиваюсь до гладкой, тонкой хлопчатобумажной рубашки. У него настолько твердое и накаченное тело, скрываемое одеждой. Однозначно, его мышцы я хочу почувствовать на себе и его тело,двигающееся напротив меня.

Я прикусываю его подбородок, прижимаясь ближе к нему. Он шипит и заставляет меня отступать назад, пока моя задница не упирается в стол.

Легко он поднимает меня за задницу и сажает на прозрачную поверхность.

— Это не антиквариат? — спрашиваю я дрожащим голосом, пока он снимает с себя пиджак.

— На самом деле меня это не волнует, — рычит он, склонившись надо мной и словно заперев меня в клетку своими руками с двух сторон. — Не кусаться.

— Или что? — щелкаю я зубами перед его носом, и его взгляд темнеет еще больше, так возбуждающе.

— Господи, Элли, ты играешь с огнем.

— Может, я хочу обжечься.

Глава 13.

Гэвин

Она подается вперед и прикусывает мою нижнюю губу. Моя реакция моментальная за счет инстинктов. Оба ее запястья я сжимаю одной рукой у нее за спиной, а другой — хватаю ее за волосы, оттягивая голову назад. Ее губы розовые и припухшие после нашего поцелуя, я опускаю на нее свой рот, заставляя открыть ее губы, мой язык проникает глубоко внутрь.

Я думал, что она будет бороться. Вместо этого она поддается мне и издает еле уловимый стон.

Я пропал.

Я отпускаю ее запястья и волосы и скольжу вниз по спине, обхватывая ее попку. Я сдвигаю ее со стола, развожу ее ноги коленом, чтобы прижаться своей эрекцией к ее мягкому животу.

И этого мне тоже мало. Я сжимаю ее бедра, ее попку, ее талию. Она такая мягкая, такая сладкая, такая гибкая, словно ива, но ее тело упругое и привлекает ту часть меня, которая хочет бросить вызов.

Я передвигаю ее тело подальше от себя, одной рукой опасно низко опускаясь к ее животу, другой обхватывая ее за горло и продолжаю целовать. Она трется своим низом о мой член, пока я глотаю ее, задыхающиеся стоны.

Я так теряюсь в ее вкусе, что не успокоюсь, пока не перегну ее через стол, держа руку на ее спине, а другой — взмахну, ну, не высоко.

Какого хрена я делаю? Сердце бешено колотится, я замираю на секунду, затем отпускаю ее и помогаю слезть со стола.

Я извиняюсь в спешке, чтобы как-то сгладить неловкость:

— Элли, прости. Этого не должно было случиться. На самом деле, ничего из того, что я сделал здесь сегодня вечером, не должно было случиться. Мое поведение неуместно и непростительно.

Я не могу поверить, что потерял контроль и чуть не отшлепал ее у себя на столе.

У меня сжимается живот, колени становятся как желе, как только у меня в голове проносятся все последствия моих действий.

Наверное, первый раз в своей жизни, я пребываю в полной растерянности от своих действий с женщиной. Впервые с тех пор, как я занял государственный пост, я никогда не хотел ни одну женщину так, как хочу Элли. Нет, не так. Я никогда не хотел никого так сильно, как хочу ее.

Но я не могу ее получить.

Она дотрагивается пальцами до губ, затем опускает взгляд на пол.

— Нет, все нормально. Ничего страшного, все хорошо. Мне не следовало... я... я должна идти.

— Элли, посмотри на меня, — я даю ей время пару секунд, затем аккуратно приподнимаю ее подбородок пальцем. Она по-прежнему не хочет смотреть мне в глаза, поэтому я еще приподнимаю ее голову, чтобы у нее не осталось выбора. — Ты не сделала ничего плохого. Мне кажется, я ясно выразился, я искренне польщен твоим интересом, поскольку это взаимно. Но, мы не... совместимы, я позволил слепой страсти встать на пути здравого смысла.

Она качает головой и отстраняется от меня.

— Но я...

Я запускаю руки в свои волосы и начинаю вышагивать по комнате.

— Просто послушай. Ты не сделала ничего плохого. Совсем ничего, — Какого х*я я

заставляю ее поверить в этот бред?

— Мне нужно идти.

Я смотрю на часы. Уже поздно. И бл*дь, сегодня приедет Макс.

— По крайней мере, позволь я позабочусь, чтобы ты нормально добралась домой.

Она кивает, и я открываю свою дверь.

— Тим, я уже готов уйти. Мы забросим Элли по дороге домой.

Когда я прихожу домой, Макс поджидает меня с пиццей и пивом. Еще одна причина, почему он является моим лучшим другом. Неважно, что я пришел к себе домой и собираюсь отдохнуть, и совсем не важно, что у меня он чувствует себя как дома.

— Я думал, что ты забыл, что я приду.

— Долгий, трудный день.

— Ты больше похож, будто у тебя была долгая и трудная ночь. Где ты был?

— В офисе.

— А твои волосы выглядят так, словно последние несколько часов ты валялся в постели.

— Пошел на х*й.

— О, мать твою. Садись, поешь пиццы и выпей пива. У нас вся ночь впереди.

— Я облажался сегодня просто по-королевски.

— Я понял это по-твоему «пошел на х*й». Не хочешь уточнить?

Стоит или не стоит. Я до сих пор размышляю, но единственный человек, который способен понять и как-то помочь, сидит прямо передо мной, на моем диване. Я упустил возможность откровенных бесед, поскольку мне теперь всегда приходится беспокоиться о том, что кто-то может подслушать.

Я делаю глубокий вдох.

— Элли.

Макс закатывает глаза.

— Ты можешь мне рассказать то, что я еще не знаю?

Я чувствую, как у меня начинает гореть лицо, как только я вспоминаю все подробности.

— Единственное, чего ты не знаешь — я оглушающе обрушился на ее губы и готов был отшлепать ее задницу, пока она не станет красной.

— И что заставило тебя остановиться?

— Единственная функционирующая клетка головного мозга, которая обезвредила мой мозг, действующий не логично. Бл*дь, Макс, она так сладко отвечала, вместо того, чтобы остановиться и остановить эту ситуацию, естественно я стал действовать. Но самое худшее, что она чувствует себя виноватой. Мне нужно, как это исправить, но я не знаю как.

— Хорошо. Это действительно затруднительное положение, — Макс ухмыляется, глядя на меня и берет большой кусок пиццы.

Внешне он ведет себя как полный мудак, но я знаю, что его мозг работает на всю катушку, поэтому могу себе позволить побыть его пациентом, хоть какое-то время.

Я делаю большой глоток пива, беру кусок пиццы и жду.

Наконец, когда мы приканчиваем три пива и пиццу, Макс говорит:

— Мой друг, тебе стоит кое-о-чем подумать.

— Это все, что ты хочешь мне сказать? Серьезно?

— Нет, это начало. Ты хочешь услышать или нет?

— Валяй.

Макс склоняет голову в шуточном поклоне.

— Как я уже и сказал, тебе стоит серьезно подумать, потому что все варианты имеют обратную сторону.

Я киваю и жду.

— И прежде чем ты начнешь их рассматривать, есть факторы, которые необходимо учитывать. Ты со странностями. Она согласится с этим, или ты собираешься зарыть свои игрушки? Твоя сессия с Андреа было совершенно ванильной... как такое могло произойти?

Меня это не удовлетворяет ни в малейшей степени. И дело совершенно не касается Андреа или секса... я не тот парень, который должен все время проявлять свои странные сексуальные вкусы. И поскольку эту дверь я плотно закрыл, моя природа не требовала того, чтобы ее распахнул. Иногда... время от времени, я не прочь.

— Ты должен, в первую очередь, разобраться со своими чувствами по этому вопросу. У тебя имеется несколько вариантов, — Макс поднимает палец. — Вариант первый — ничего не делать. Сделать вид, что этого никогда не было и надеется, что она не обвинит тебя в сексуальных домогательствах. — Поднялся еще один палец. — Второй, ты вступаешь с ней в тайную любовную связь, со своей подчиненной, подчеркиваю, и молишься, чтобы нах*р никто не узнал. — Третий палец идет вверх. — И последнее, ты увольняешь ее и получаешь все — ты можешь встречаться с ней в открытую.

Если быть совершенно откровенным, он не сообщает мне ничего, чего бы я уже не знал. Но проведя последние недели и действуя явно иррационально, его слова помогают выстроить объективную картину, нужно все взвесить. Я отчаянно пытаюсь найти четвертый вариант без изъянов. Конечно, все, что я придумываю... существует одна проблема — ее возраст.

Она на четырнадцать лет младше меня.

С другой стороны, я запомнил ее день рождения. Ей исполнится двадцать шесть в августе. Она не слишком молода для мужчины моего возраста. Но она слишком молода для человека моего положения?

Я совершил много сделок, чтобы получить такой шанс — возглавить мою страну. Запратав поглубже свои желания и также поглубже свои «хотелки».

Даже с учетом всех минусов, которые накапливаются в графе минусов, я зол на себя за то, что поддался Элли.

На следующее утро я чувствую себя немного устало. Выдалась редкая суббота, когда я не работаю, Бет тщательно спланировала наш распорядок дня, Бет явно заслуживает повышения зарплаты. Жаль, что ее зарплата диктуется Федеральным правительством, и я не могу ей даже подарить щедрые подарки.

Придется найти обходной путь.

Среди своих сотрудников я приобрел печальную известность — ранняя птичка, но правда, в выходной я люблю поспать... добавьте сюда еще слишком много пива прошлым вечером, и я просыпаюсь раньше, чем планировал.

Макс предполагает провести весь день в поисках жилья вместе с Бет, это будет только под моим контролем. Мне так и не удалось получить от него обещания, что он не будет клеится к ней. Кроме того, я чувствую себя очень х*ево от произошедшего с Элли, и смена обстановки явно пойдет мне на пользу.

Макс уже на кухне готовит завтрак, когда появлюсь я. Он выглядит слишком довольным

и веселым. Должно быть, врачей обучают подобному дерьму — спать по паре часов и выглядеть бодрячком.

— Доброе. Ты выглядишь немного взъерошенным, Гэв.

— Отвали. Мне нужен кофе.

— Ты не обязан ехать с нами, знаешь ли.

— Ой, ты же знаешь, почему я это делаю. А теперь замолчи, пока я не выпью чашку кофе. Как твой премьер-министр я приказываю. Уверен, что где-то что-то подобное написано.

Макс только смеется.

— Смирись, принцесса. Для внешнего мира ты премьер-министр. А для меня ты всегда будешь не более, чем растяпа, с которым я увяз в одной комнате в первый год в Университете.

Я хочу остаться сварливым, но не могу. Я слишком счастлив, чтобы это скрывать.

— Тебе не стоит покупать дом. Ты можешь жить здесь. Он слишком большой для меня одного.

— И как ты себе представляешь, мы сможем построить темницу в официальной резиденции премьер-министра?

Для Макса странные сексуальные вкусы не игрушка.

Он может жить у меня. Но темницу точно не разрешу. Я сдвигаю стопку объявлений на столе и начинаю просматривать. Оказывается, не так уж много, как я думал.

— Таунхаусы или квартиры, как я вижу.

— Вернемся к темнице. Лучше дом для семьи с добрыми соседями, чтобы устраивать сессии и играть парами.

Господи. Я знаю, что он будет осторожен, и он все же частное лицо, поэтому его наклонности никого не касаются, кроме него... и играть — это весело бл*дь проводить время... но я нервничаю по поводу потенциального разоблачения. Я чувствую себя ужасным другом, поэтому заталкиваю эту мысль куда подальше.

— Что насчет работы?

— Да, есть одно место, рядом Городской госпиталь, похоже, что там все может получиться.

Я просматриваю газету, пока не нахожу кое-что.

— Четыре спальни? Что черт возьми ты собираешься делать с четырьмя спальнями?

— А гости, остающиеся на ночь?

Я качаю головой и улыбаюсь. Он может жить в любом доме, в каком захочет, если это будет в пределах быстрой езды от меня.

— В какое время мы встречаемся с Бет?

— В десять. Ты можешь остаться и вернуться в постель.

— Неее. Я пойду с вами, — я делаю большой глоток кофе, который Макс поставил передо мной. Я почти забыл, насколько хорош его кофе. Я более пристально вглядываюсь чем он занимается на кухне и замечаю вафельницу на столешнице. Мое утро определенно удалось.

— Вафли будут готовы через несколько минут, — он ставит бутылку кленового сиропа на стол.

— Откуда это?

— Бет передала более основательный список по покупке продуктов домработнице на

этой неделе, конечно в ожидании моего приезда, — он ехидно мне улыбается, явно намереваясь услышать мое мнение на этот счет. — Я сообщил ей, что гурман и люблю готовить.

— Руки прочь от нее.

Он просто подмигивает мне.

Я изучаю этикетку. Продукт из Квебека. Это говорит мне, что он собирается прибыть сюда к зиме, и я делаю мысленную заметку, что на его новоселье я подарю ему поварской колпак.

К шести вечера мы посмотрели каждый дом в списке Макса, единственный положительный момент, могу четко отметить — Бет осталась невинной.

Я очень надеялся, что просмотр домов поможет мне отвлечься от Элли. Как бы не так. В каждом доме, в который мы входили, я представлял, как нагибаю ее над столешницей, как трахаю ее у стены и двери. Про душ я вообще молчу.

Если бы она не была моим стажером, и если бы я имел ключ к разгадке, как начать настоящий, честный разговор... и если бы это не изобличало меня, совершенно с другой стороны, как политика ... но я оттолкнул ее уже дважды.

И я не собираюсь делать это в третий раз.

Глава 14.

Элли

Обмани меня однажды, позор тебе. Но обманешь меня дважды...

Неа, я все еще думаю, что Гэвин испытывает за произошедшее стыд. И с первого раза псевдо-отказ. Не считается.

Это был однозначно, потерпевший-поражение-отказ, но все, что произошло до этого?

Я всего лишь хотела поцеловать его.

Теперь я даже не уверена, целовала ли я *его*. Ведь что мы делали? Или скорее, что он делал со мной, потому что стоило ему дотронуться, я попала под его жесткий контроль... это отличается от всего, что я когда-либо испытывала раньше.

В пятницу вечером я пришла домой и завалилась спать.

В субботу я сходила на йогу, а потом позволила Саше вытащить меня выпить.

Сегодня?

Сегодня я начала все осмысливать.

«Но, мы не... совместимы, я позволил слепой страсти встать на пути здравого смысла».

Я вытащила блокнот из ящика, где лежали новые блокноты у меня в шкафу. На обложке была изображена японская сакура. Суперкрасивая. Гэвин этого не заслуживает, но блокнот на спирали и после того как я составлю свой список, я смогу вырвать листок и красивый блокнот снова станет чистым.

Не совместимы, я пишу в верхней части страницы.

Затем рисую злую рожицу рядом.

Разница в возрасте, я пишу под верхней строчкой.

Западное побережье/восточное побережье?

Опыт...

Я провожу волнистую линию. Мне двадцать пять.

Я надеюсь, он не думает, что я девственница?

Но даже если бы это было и так...

Я рисую круг вокруг совместимы.

Что-то я упустила.

Саша стучит в мою дверь, и я прячу блокнот под подушку.

— Да?

Она засовывает голову.

— Бранч? Я угощаю?

Мне не следует злоупотреблять, но Саша настаивает. И я опустошила свою кредитку, купив платье, которое, скорее всего, не произведет никакого эффекта на ПМ.

Нет, это не правда.

Я бросаю взгляд в сторону платья, висящего на почетном месте на двери шкафа.

— Да... бранч, — я прыгаю с кровати. — А может, мы зайдем в Sephora и подберем что-нибудь новенькое для моего макияжа на благотворительный вечер.

— А ты все-таки пойдешь?

Я понятия не имею.

— Да, конечно.

— Ты вернулась слишком поздно в пятницу.

— Работала.

— Ммм.

— Мы идем на бранч или будем заниматься инквизицией?

— Разве кто-то сказал, что одно исключает другое?

— Я хочу, изысканный бранч.

— А я хочу изысканные сплетни.

Мы направляемся в кафе, и ни одна из нас не получает того, что хочет.

— Я не могу поверить, что ты на самом деле не собираешься мне ничего рассказывать, — бубнит Саша по дороге домой.

— Мне нечего рассказывать, — спокойно отвечаю, я даже не ожидала, что могу быть такой спокойной. Но это правда. То, что происходит между мной и Гэвином слишком личное.

Раньше я не была уверена, но сейчас знаю точно.

— На самом деле, — говорю я, растягивая слова. — Думаю, что я запала на ПМ окончательно.

Саша фыркает.

— Но дело в том, что мы... не совместимы.

— Поскольку ты не имеешь причуд в сексе, ума не приложу, как ты можешь быть не совместима с Премьер-Министром Красавчиком.

Я морщусь.

— Не называй его так.

— Все твои запутанные чувства по поводу лидера нашей нации, не могут изменить тот факт, что он выглядит просто великолепным и сексуальным.

— Теперь ты пытаешься разозлить меня.

— Ладно, я перестаю, — я чувствую на себе ее пристальный взгляд, пока мы поднимаемся по лестнице в нашу квартиру. Но когда входим внутрь, она остается верна своему слову и исчезает в своей комнате.

Я делаю то же самое, потому что прихожу к выводу, что мне стоит кое-что проверить.

Да. Правда ведь, несколько щепетильная ситуация поинтересоваться у премьер-министра, не является ли он кинки? (*kinky* — человек, связанный с сексуальными отклонениями или странными сексуальными вкусами.) Это вообще правильное слово?

Чем вы именно занимаетесь, сэр?

Если бы у меня была такая возможность — открыто спросить, но нет.

А что, если я ошибаюсь? Мое воображение уже рисует разные картины.

Я открываю свой компьютер.

У меня две степени по феминологии. (*Феминология — наука о положении и социальных ролях женщины в современном мире.*) Если он думает, что я невинный цветочек, не подозревающий о широком спектре сексуальных пристрастий...

Ой. Жарко, жар от смущения окутывает все мое тело.

Так что «несовместимые странности» сподвигли меня на некоторый интересный поиск. И я начинаю.

Я не могу спросить у Саша, откуда я вообще... но одна из моих одноклассниц в Торонто была откровенной кинки. Я захожу на свою страницу в Facebook и прокручиваю ее назад. Она опубликовала пост несколько месяцев назад... обедалась на каком-то мероприятии... и, к счастью, она одна из тех людей, которые делают посты только несколько раз в неделю, поэтому у меня не уходит много времени, чтобы найти ее ссылку.

Я вбиваю ее в окно браузера.

Открывается сайт о кинки, разбитый по темам.

Мне необходимо заполнить профиль, чтобы я смогла полностью зайти на сайт. Я постукиваю пальцами по подбородку. Это глупая идея?

Потом мои пальцы начинают летать по клавиатуре, я ввожу логин и пароль, которые никак не соответствуют ничему в моей реальной жизни и использую одноразовый адрес электронной почты. «*Не будь такой, как Дэйв*», — говорю я себе, делая пометку и мысленно обещая, никогда не просматривать почту на работе.

Расположение...ну, я определенно пишу не Оттава.

Я нажимаю мышкой назад, на страницу моей подруги. У нее здесь есть ее никнейм? Нет, мне не повезло. Но пару людей, которые были на вечеринки, по-видимому живут в Антарктиде.

Я прыскаю, тоже самое я написала и себе.

Затем я уже могу войти на сайт и ахаю. По-видимому, у тридцати семи тысяч других людей была та же идея.

Итак, сплетники со странностями.

Теперь я в растерянности, что искать. Мне предлагается несколько групп, основываясь на короткой анкете, которую я должна заполнить.

Пол... Женский.

Сексуальная ориентация... традиционная. Традиционная? Я хочу поставить гетерогибкая, потому что моя основная специальность феминология и нахр*н патриархат, но это может означать довольно-таки милую подробность, что я готова заняться сексом и с женщиной. Возможно, если Гэвин... Неа. Я традиционной ориентации. И полностью эгоистка, по-видимому. Я не хочу ни с кем делить Гэвина.

Роль...

Роль. В этом выпадающем меню есть двадцать, тридцать... слишком много, даже не

могу сосчитать очень специфических ролей. Некоторые я знаю. Другие — могу себе представить. Мои пальцы просто зудят, чтобы залезть в Google и изучить, но я выключаю компьютер.

Я не должна забегать вперед. Я должна выяснить *роль Гевина*. И только это будет правильной основой вопроса на миллион долларов.

Мы действительно несовместимы?

Или у премьер-министра есть тайные сексуальные вкусы, которые просто могли бы тоже понравиться и мне?

Этот вопрос запал мне под кожу. Я заглядываю в холодильник и составляю список покупок. Саша составляет расписание летних классов, поэтому я направляюсь в магазин и запасаясь всем, что нам нужно на следующую неделю.

И я все еще продолжаю думать над этим вопросом, потому что до этих выходных, кинки всегда было чем-то «*другим*» в моей жизни. Я знаю, конечно. Падл. Дисциплина. Разрешение. Подчинение. Бондаж. Контроль. Обмен Энергией. И из глубины моего сознания всплывали другие слова, которые встают в этот список ролей. Ролевые игры. Унижение. Боль.

После пополнения запасов на нашей кухне, я иду на йогу и усердно выполняю асаны... до состояния, когда мои мышцы дрожат и пот струится по моему лицу, капая вниз.

Это дисциплина. Это боль. И контроль. Но я никогда не хотела иметь ничего подобного в моей сексуальной жизни... конечно, раньше я и не задумывалась об этом, и если бы меня спросили, с какой скоростью продвигается моя сексуальная жизнь по шкале от одного до десяти, я бы, наверное, ответила пять.

Хотя в данный момент у меня ее нет, поэтому сейчас один.

Секс прекрасен. У меня никогда не было неудачного, ужасного секса, но и никогда не было секса, который бы мне хотелось иметь, чтобы я смогла сообщить о нем на доске объявлений.

На самом деле, моя любимая часть в сексе — поцелуи и прикосновения. Бен из Торонто очень даже ничего был в оральном сексе. Поэтому ему можно поставить семь, хотя я никогда не кончала от этого, и, возможно, он не совсем хорош.

Поцелуй Гевина, на самом деле, был настоящей десяткой. Стоило ему крутить меня так, как он хотел и прижаться своей эрекцией (хотя, для меня это было мучительно) — это все равно десятка.

Все, кроме ведра ледяной воды, которое он потом вылил на меня, было очень сексуальным.

Так что, если он способен быть таким сексуальным и так возбуждать, то я в игре, по крайней мере, попробую что-то другое.

Это кинки любопытная роль? Может, она мне подходит.

Я направляюсь в душевую в студии йоги, стягивая с себя одежду, поэтому к тому моменту, когда я встаю под струи горячей воды, у меня есть время подумать.

Поэтому я мысленно составляю список вопросов, чтобы копнуть немного глубже на сайте, который обнаружила.

Когда я возвращаюсь домой, Саша уходит на вечеринку.

Почему-то в одиночестве я чувствую себя намного лучше, чтобы продолжить свои изыскания.

Я опять вхожу под логином и паролем на сайт и вступаю в пару групп.

Одна создана для новичков, здесь имеются книги и фильмы. Я ставлю флажок на паре книг, которые планирую прочитать как можно быстрее, но мне необходима более подробная информация. Прочитав рецензии на фильм, я перехожу на YouTube и просматриваю несколько трейлеров и клипов.

Старый фильм с Джеймсом Спейдером и Мэгги Джилленхол «Секретарша», заставляет меня ахнуть вслух.

Я три раза смотрела трейлер. Мужчина в костюме просит свою секретаршу прочитать письмо, которое она набрала... она склоняется над его столом. И пока читает, он шлепает ее.

Я смотрю трейлер сначала.

Опять сначала.

К тому времени, когда ролик останавливается, я закрываю глаза, прижимая пальцы к губам, вспоминая наш поцелуй. Руки Гевина у себя в волосах, как он двигался напротив меня.

Как он прижимался ко мне.

Как он наклонил меня над столом.

Как выглядело его лицо, также, как Джеймса Спейдера, когда он пытался противостоять своим желаниям, не думая, правильно или неправильно это, но целенаправленно совершая свои действия?

Я падаю спиной на кровать, погружаясь в свои фантазии. Гевин наклоняет меня над своим столом, приказывая положить руки на поверхность. Сам встает позади...

Мы несовместимы.

Мда.

Если он просто хочет меня отшлепать, я не уверена, что мы не совместимы. И никаких «но» это же так просто, конечно. У чешу глаза и открываю их и смотрю еще один трейлер из фильма.

Мне нужно посмотреть весь фильм. Слава богу он есть на iTunes.

У меня начинает урчать в животе, поэтому я отправляюсь на кухню и делаю себе попкорн, прежде чем начать просмотр.

Прошло всего лишь три минуты фильма, а у меня катятся слезы по щекам. Это кино нужно смотреть без попкорна. Я отставляю миску в сторону и оборачиваю руки вокруг ног, прижав их к груди, меня захватывает сюжет, разворачивающийся на экране, но я немного переживаю, потому что это фильм, который многим нравится в сообществе БДСМ.

Как грустно.

Определенно... в главной героини что-то есть. Это можно увидеть по тому, как она передвигается, и мне хочется, чтобы она нашла свой путь. Я так переживаю за нее.

Адвокат, к которому она устроилась на работу, явно не Гэвин, это уж точно. Но если прищуриться, то можно увидеть некоторое сходство. Я, например, вижу. Интересно ему понравился этот фильм? Я ловлю себя на мысли, что ищу сходство, потому что это конкретная история о двух испорченных людях, но это явно не мы.

Ну, по крайней мере, не я.

И все, что мне известно о Гэвине, это не он, точно. Но разве можно узнать такие вещи из официальной биографии какого-нибудь деятеля, не так ли? И иметь скрытые желания — это нормально, это заложено в саму природу человека. Секрет прошлое и какие-то моменты трансформации, которые закручивают нас в странные отношения.

Чем больше я смотрю фильм, тем меньше я нахожу сходство с Гэвином в главном герое,

но больше всего вижу свое сходство с героиней. Не в самые мрачные моменты, но она умиляет своей неловкостью и смущением, не знаю, буду ли я милой, но, конечно, буду смущена.

И как у нее начинают краснеть щеки, стоит адвокату ее похвалить. Господи, я чувствую, как мои щеки тоже розовеют. Я знаю, что тоже ищу одобрения и тоже начинаю краснеть, когда меня хвалят.

Это звучит странно для аспирантки, но докторантура и аспирантура славятся своими зверскими нравами, и кураторы в основном говорят тебе, настолько ты тупой. Но не мои кураторы. Я выбрала Оттаву, а до этого была в Торонто, для учебы, потому что профессорско-преподавательский состав был настроен лояльно, относился с какой-то добротой, которую я реально ощущала в них.

Еще один момент своей личности, который я открыла в себе — боль и давление, пока кто-то не скажет мне в конце, что я проделала хорошую работу.

Возможно, все студенты сабмиссивы. Мы точно мазохисты, в той или иной степени.

И разве не правда, что это касается каждого? Любых сфер? Я просто всегда полагала, что я склоняюсь...

Не стоит говорить.

Но я смотрю фильм, где героине надевают седло.

Я не хочу носить седло.

Это жесткое ограничение.

Но, возможно, все, что я делала раньше — это не все, что я могла бы сделать с правильным человеком.

До Гевина, я жила совершенно непримечательной жизнью.

Не ставь телегу впереди лошади. Ты и Гэвин еще ни разу не встретились. Еще. Но встретимся. Я на восемьдесят три процента уверена, что это случится.

В школе у меня было два парня. Один в университете, пока он не изменил мне к концу второго курса. У меня были случайные встречи, пока я училась в аспирантуре, но с одним парнем Беном, мы серьезно встречались около полугода, но наши отношения больше всего напоминали — обоюдное желание потрахаться, когда уже было невозможно, мы расстались полюбовно.

Никто из них никогда не наклонял меня над столом... чтобы отшлепать или что-то в этом духе.

Самое близкое к чему-то порочному был довольно невинный флирт на четвертом курсе, когда я была студенткой, с одним из моих профессоров социологии. Я была лучшей ученицей на его кафедре, всегда задерживалась после лекций, чтобы продолжить обсуждения, и несколько раз он проводил меня до моей квартиры.

Мы не пересекли с ним границу студент-преподаватель, но мне хотелось, причем ужасно хотелось, и такое же влечение я чувствую к Гэвину. Секс и секрет. Это более эмоционально значимые отношения, чем традиционные, которые у меня были.

Только сейчас я стала на пять лет старше и, надеюсь, мудрее, по крайней мере, когда речь заходит о том, что я из себя представляю и чего хочу.

Кого я хочу. Реальной критерий желать кого-то не имея, равносильно также потерять или упустить.

А что с тем профессором? Я даже не могу вспомнить его имя. Я покинула Монреаль на лето и отправилась в Германии без задней мысли.

Шесть недель я сижу в другом офисе, вдали от Гэвина и мучаюсь от расстояния, разделяющего нас.

Я сворачиваюсь калачиком и досматриваю фильм. Когда появляется темный экран, я сварливо перевожу взгляд на свой ноутбук. Конечно, это не самый лучший фильм о БДСМ.

Хотя его хвалили на прославленном сайте, даже очень.

Нет, но он явно не то, что я бы хотела.

Да, ладно. Если бы жизнь не была немного более сложной, это было бы интересно.

Я просматриваю комментарии и темы по фильму «Секретарша». Кто-то критикует, многие пишут положительные отзывы, особенно сценам, включая ту, что я смотрела в трейлере... что зацепила меня и в фильме.

Мда.

Гэвин всегда реагировал на мои юбки-карандаши. Я надену такую завтра.

Но перебирая свой гардероб, я прихожу к выводу, что все мои блузки он уже видел, и нет ни одной, которая хотя бы хоть как-то напоминала блузку Мэгги Джилленхол в фильме. Я просто предпочитаю часто носить пиджак поверх блузки, которые совершенно не показывает мою покорность.

Я аккуратно вешаю юбку на спинку стула и ставлю Лабутены под ним.

— Эй, Элли? — кричит Саша.

Я не выхожу из своей комнаты, а просто кричу в ответ:

— Ты вернулась.

— Да.

— Отлично.

— У тебя все хорошо?

— Да.

— Ты несколько странно выглядишь.

— Пытаюсь найти что завтра надеть.

— Не хочешь порыться в моем шкафу? — она пытается заглянуть в мой ноут.

Я опускаю крышку ноутбука. Лучше, если мы пойдем к ней в комнату, на всякий случай.

— Да, хочу.

— Какую одежду ты ищешь? — она распахивает дверь и делает шаг назад. В нашей квартире достаточно много места, но комната Саши потрясающая, самая лучшая часть квартиры, потому что есть отдельная гардеробная.

Ее комнату можно долго изучать, здесь есть окно. Но кто будет изучать спальню? Это странно. И гардеробная с одеждой Саши занимает много места, и ее компьютер-ноутбук тоже стоит здесь в сумочке...

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что я ищу.

— Блузку, — тихо говорю я, мне нужно найти что-то белое. Классическое. — У меня четыре белых, и я носила их все уже много раз.

— Ну, бери, что хочешь. Я сделаю чай, — она исчезает, а я начинаю передвигать вешалки. Нет, нет, нет...

О Боже мой.

Передо мной висит белая блузка в черный горошек, явно из фильма «Секретарша». Я не могу же *не одеть* ее, верно?

Она шелковая, выглядит дорого. Я смотрю на этикетку. Moschino. Я даже не хочу думать, сколько стоит эта блузка.

«Я буду очень с ней осторожна», — успокаиваю я себя.

У меня дрожат руки, когда я снимаю вешалку со стойки.

Это прекрасная вещь, чтобы завтра надеть. Мне необходимо дождаться удобного случая. И если мне подвернется неожиданная удача (благодаря моей силе позитивного мышления или чему-то подобному) я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы попробовать вдохновить на шлепки-попки ПМ.

Глава 15.

Гэвин

Лахлан договорился заранее по поводу нашей игры в хоккей, он пообещал, что там мы сможем присутствовать частным порядком. Мы приходим на каток за двадцать минут до начала игры, и Тим проводит нас к одной из двух раздевалок, предназначенных для проката. На табличке написано — **Private**. Все шкафчики сегодня имеют надписи названий команд или фамилий, все довольно мило и сдержано. Я уже заряжен энтузиазмом предстоящей игры.

Лахлан находится тут же, и естественно, тщательно проверил всех парней, с которыми нам предстоит играть, поэтому мы присаживаемся.

Лахлан поднимает руку и игроки присоединяются к нему.

— Макс, Гэвин, рад, что вы смогли присоединиться к нам.

Игроки остаются, но ненадолго. Видимо, эти ребята больше заинтересованы оказаться на льду, чем делать селфи с премьер-министром. Я, на самом деле, от этого чувствую облегчение. Мне действительно просто необходимо было найти такое место, где я смогу быть только Гэвином. Лахлан тоже понял это.

В то время, как я с Максом переодеваемся, Лахлан начинает перечислять игроков.

— Тейт центральной, Дерек играет на правом фланге. Корин наш вратарь встретит вас на льду. Я играю на левом фланге и есть два новичка в обороне. Не облажайся.

Я улыбаюсь. Ага. Это мне и нужно — всего лишь Гэвин.

Несмотря на то, что *Тейт* оказывается Тейтом Нильссоном, капитаном Ottawa Senators, это игра происходит так, как я привык — немного грубо, слишком быстро, и правила, на самом деле, присутствуют, но на бумаге.

Поскольку слишком много отборочных игр происходит сейчас по всей стране, у нас нет рефери. Но есть такое понятие, как штраф, но каждый хочет отправиться завтра на работу со всеми своими зубами.

Я легко провел на льду первые полчаса игры. Это не плохо. Прошло несколько месяцев, когда я стоял на коньках и пара лет, когда я играл постоянно. Макс играет раз в неделю, и он даже не запарился от перерыва к перерыву.

Затем Тейт сам заменяет себя одним игроком из скамейки запасных, своим другом, который, очевидно, любит пиво больше, чем проводить время на льду, поэтому моя игра становится намного сложнее.

Другая команда постоянно стоит в обороне, и, если честно, я с трудом перевожу дыхание, суется между игроками, чтобы заблокировать очередную атаку на наши ворота. С каждым всплеском активности, мои мышцы начинают гореть от боли, я пытаюсь остановить кого-то и забрать шайбу, мои опасения по поводу Элли и наш поцелуй постепенно улетучиваются из головы.

Спустя час я усталый, весь мокрый от пота и готовый даже немного вздремнуть.

Беспокойство об Элли возвращается с удвоенной силой, этого и следовало ожидать. Я не могу скрываться на льду вечно.

В нашей раздевалке я благодарю игроков за то, что пришли.

— В любое время, — говорит Тэйт, пожимая мне руку. — Я все равно, конечно бы, сделал это для вас, но Лахлан мой хороший друг, поэтому я присоединился к Senators.

Мой начальник безопасности машет ему рукой с легкой ухмылкой.

— Я горжусь собой, проявляя такую заботу о людях.

— Ха. Точно. Ты-палочка-выручалочка во многих вещах, которые трудно найти.

Лахлан кидает на него странный взгляд.

— И я буду играть с заядлыми игроками летом, поэтому мы сработаемся, — он обращает внимание на меня. — Я собираюсь пригнать побольше игроков, чем у нас сейчас.

Я благодарю его и начинаю паковать свою сумку. Я уже готов, поэтому бросаю взгляд в сторону Макса, который все еще стоит в полотенце. Чертов эксгибиционист.

— Так что еще может Лахлан, кроме как подцепить на крючок? — Макс приподнимает брови, опираясь рукой о стену рядом с Тейтом. — Мне нравятся находчивые люди. И у меня есть много... трудно-находимых интересов.

Я стону.

— Макс. Соблюдай границы.

Он бросает свои зловонные носки в меня.

— С тобой скучно.

— Да, я знаю. Это как играть в хоккей с папой.

Макс поворачивается к Тэйту.

— Может, одну неделю я буду приходить и играть с вами, парни, без *него*, и вы сможете мне рассказать, что может еще Лахлан.

— Пойдем, — приказываю я, и мы прощаемся, пока Тейт стоит у окрашенной кирпичной стены в раздевалки все еще посмеиваясь.

Мы не можем обсуждать эту тему в машине с Максом, а когда возвращаемся в город на 24 Sussex, Стью уже поджидает меня, у нас запланирован телефонный разговор с премьер-министром Саскачевана.

В понедельник утром я приезжаю в офис и обнаруживаю, что Стью вернул Элли обратно в мой офис, в приемную.

— В составленной речи, она разгадала, что тобой движет, — говорит он мне, когда я интересуюсь о таких изменениях. — Лучше ей находится здесь, так как у нас нет спичрайтера, а она, кажется, читает тебя намного лучше, чем кто-либо.

Я не счастлив от этого. Я провел большую часть уик-энда мучаясь событиями пятницы вечера, раздумывая, что мне следует предпринять. Больше всего я склоняюсь к варианту ничего не предпринимать. Мне кажется, мои чувства к ней выходят за рамки похоти и двигаются совершенно по какому-то другому пути к... чему-то еще. Мне нужно обуздать их, если так дела пойдут и дальше, то я явно окажусь на пути политического самоубийства.

Я поднимаю со стола последнюю версию моего выступления на вечере по сбору средств и начинаю читать. Черт, реально хорошо Элли написала это. Если бы у меня не было безжалостного стояка на нее, я бы серьезно рассмотрел вопрос о найме ее в качестве моего спичрайтера. Я мимолетно тешу себя мыслью, что чуть не занялся с ней сексом, но

увольнять ее за это смешно.

Не то, что она хотела бы остаться. Она ясно дала понять в пятницу вечером, что с нетерпением ждет возвращения к своей исследовательской работе в университете в сентябре.

Я буду скучать по ней, но это и к лучшему. Еще шесть недель, и я буду вожделеть бывшего интерна.

Я морщусь. Выглядит это ненамного лучше.

Я почти закончил чтение, когда раздается стук в дверь. Я поднимаю голову и вижу Элли. На ней обтягивающая черная юбка с разрезом спереди и белая блузка в маленький черный горошек. С высоким воротником и длинными рукавами. У меня в горле образуется комок и мой член становится жестким. Прошло уже несколько лет, но я никогда не забуду Мэгги Джилленхол в «Секретарше».

На Элли эта блузка выглядит еще лучше, и я точно уверен, что она намеренно ее надела, потому что эта блузка совсем не похожа на все, что она носила до этого.

Этого я никак не ожидал увидеть сегодня (вообще никогда, если честно) и ее вид заводит меня в десяток раз сильнее, совершенно неподобающим образом.

Маленькая шалунья из фильма о БДСМ. В моем офисе.

И, естественно, у меня тут же в голове появляются сцены — одна или две.

Она входит и закрывает за собой дверь. Вот, бл*дь.

— Я хотела поинтересоваться, была ли у вас возможность прочитать речь, если что, я могу тут же приступить к изменениям, — говорит она глядя на меня широко раскрытыми глазами, при этом выглядя совершенно невинно.

Да. Она точно определила мою причину мотивации и что мной движет в управлении страны, поэтому все в порядке.

Я опускаю глаза на бумаги в руках.

— Я почти закончил. Еще пару страниц.

— Мне следует подождать, Сэр?

Я стараюсь не реагировать, хотя я практически слышу, как она произнесла «Сэр» явно с большой буквы.

— Да, да. Присаживайся, мне нужно еще минута или две.

Я не смотрю на нее. Я не могу. Мне нужно сосредоточиться и дочитать до конца. Притвориться, что вечера пятницы никогда не было и напоминать себе, что мы не совместимы.

Я наблюдаю за ней краем глаза, как она изящно опускается на стул передо мной и кладет руки на колени... ладонями вверх. Затем она склоняет голову.

Бл*дь. Словно она провела все выходные, изучая *One Twue Way: Rules for Submissives*.

Я с большим трудом пытаюсь дочитать последнюю страницу своей речи, потому что испытываю странную комбинацию чувств — с одной стороны, я поражен и мне льстит, с другой, я пребываю в шоке от ее поведения. Единственное, что я в состоянии сделать — игнорировать. Потому что, не будучи в состоянии разъяснить ей, что игра Доминант и Сабмиссив мне нравится больше, я вынужден сидеть и наблюдать, как «сгорает мой дом дотла».

Хотя «Секретарша», действительно, горячо.

Я просматриваю все последние абзацы с бешеной скоростью, если кто-то войдет в мой кабинет, не уверен, что она сядет как-то по-другому, более подходяще для других глаз.

— Здесь не много, что нужно изменить, — я не смотрю на нее, просто пускаю бумаги через стол. — Ты проделали огромную работу, и я ценю, что ты так потрудилась. После того как внесешь изменения, отправь речь Стью на утверждение.

Я тут же беру первую попавшую страницу, лежащую у меня на столе и делаю вид, что читаю, надеясь, что она поймет, что может идти.

— Ой... да... хорошо. Я имею в виду, да, сэр, — отвечает она взволнованно и это слово «сэр» уже не с большой буквы. Она забирает бумажки и молча выскальзывает из моего кабинета, закрыв за собой дверь.

Я чувствую себя виноватым, что заставил ее сомневаться в себе, но мне нужно сосредоточиться на благе страны. Теперь я уже не уверен, что является благом.

Я зарываюсь в работу с головой, но это «Сэр» продолжает подпрыгивать у меня в голове, как пейнтбольный мячик и гореть большими красными буквами, причем мигая. Она вывела меня из равновесия.

Я не вижу ее до полудня, потом приходят она и Стью, чтобы окончательно обсудить мое выступление в пятницу.

Она снова называет меня Гэвин, и я ненавижу это. И мне совершенно не нравится, что у нее больше нет огонька в ее красивых серых глазах. На них словно упала тень.

Грудь болит и чувство вины гложет меня изнутри.

Независимо от того, была ли она, на самом деле, заинтересована выяснить темные стороны моих желаний или просто устала брыкаться, этим утром она сделала огромный рывок.

Я ее остановил. Не мягко, и это уже не в первый раз.

Элли чертовски храбрая, и я должен что-то предпринять, чтобы как-то все исправить.

Действуя опрометчиво, я потом начинаю раскаиваться. Да, похоже на правду. Я скручиваюсь узлом, когда дело касается Элли, я не в состоянии поступать рационально.

Когда я прихожу домой, Макс сидит в гостиной с газетами, разбросанными по всему журнальному столику.

— Похоже, у тебя был тяжелый день. Присаживайся, я купил тебе пива.

Я бросаю свои вещи на ближайший стул и опускаюсь на диван. Я беру первую попавшуюся газету и читаю заметку, которую он выделил.

Он возвращается и протягивает мне пиво. Я показываю ему газету.

— Этот?

Он смотрит на нее и кивает.

— Да. Этот дом кричал мне купи в ту же минуту, как только мы туда попали, но я не хотел тогда спешить. Это довольно большие расходы.

— Когда ты ответишь на предложение?

— Уже.

— Тогда почему ты все еще рассматриваешь другие дома?

— Потому что, если этот не получится купить, мне нужен запасной вариант.

— Ты действительно собираешься переехать, да?

— На самом деле, да. Теперь, что происходит? Ты выглядишь, словно кто-то просто сжег твой любимый флоггер.

Я не могу рассказать Макс, что Элли сделала сегодня утром. Хотя он мой лучший друг во всем, но это личное. Но мне нужен совет. Я начинаю переминать бутылку в руке, пока раздумываю, что хочу сказать.

— Из-за Элли.

Он посылает мне разочарованную улыбку, но молчит. Я благодарен ему за это. Я не готов к его нахальным комментариям в данный момент.

— Кое-что произошло сегодня, и я не выдержал.

Макс перемещается на край дивана и наклоняется немного вперед.

— Что ты сделал?

— Никаких подробностей. Все что я могу сказать, когда дело касается Элли, я себя не контролирую. Я совершаю ошибки и плохо с ними справляюсь. Я сначала делаю, а потом только думаю. И это ранит нас обоих, — я делаю большой глоток пива. Холодная жидкость успокаивает мое саднящее горло. — Я принял решение, а затем кое-что произошло и это заставило меня сомневаться в выбранном решении. Но моя реакция была моментальной на основе мною принятого решения, не принимая недавние... события во внимание.

— Мне кажется, у тебя гораздо больше вопросов, над которыми стоит подумать. Нет ничего постыдного в изменении своего решения, когда конкретно для тебя это не работает.

Кивнув, я скидываю ботинки, а затем откидываюсь на спинку кресла.

— Что на ужин?

— Я не знаю. Что ты сделаешь?

Лежа в кровати, я прокручиваю события утра. Пытаясь найти хоть какую-то подсказку, чтобы как-то реально объяснить ее действия.

Она честно пыталась мне показать, что заинтересована в еще одном «эксперименте»? Каким образом я дал ей это понять?

Я опять возвращаюсь назад... к пятнице, когда склонился над ней на своем рабочем столе...

Я полный идиот.

Я был настолько погружен в собственное дерьмо тем утром, что мне не приходило в голову, когда я заявил ей — «мы не совместимы» вкупе с моим поведением, я невольно направил ее на поиски в интернет, причем в ту часть, после которой стоит долго мыть глаза, просмотренное она соединила с тем, что она увидела за этой дверью ... и это ее привело в ужас.

А что если нет?

Я понимаю, что трусливо вышел из ситуации, все, что касается Элли, я становлюсь совсем другим. Короче, если честно, я просто наделал в штаны.

На следующее утро, я вызываю Элли в свой кабинет. Я замечаю, что она одета, как всегда. Я понимаю, что ее выбор не совсем отличается от того, что она одевала накануне, за исключением ну, я сомневаюсь, поскольку точно не могу все описать. Я отношусь к тому типу мужчин, которые не разбираются в женской моде.

— Вы хотели меня видеть?

— Войди и закрой дверь, пожалуйста, — я использую свой голос Дома. Он звучит чуть ниже и более мягко, комфортно и успокаивающе, я бы даже сказал.

Я вижу, как движется ее горло вверх-вниз, она сглатывает. Щелкает замок, и она идет ко мне через всю комнату.

— Я сделала что-то неправильно, Гэвин?

— Сэр. Я сделала что-то не так, Сэр?

Она снова сглатывает.

— Я сделала что-то не так...Сэр?

— На самом деле, да, мисс Монтегю.

Ее глаза расширяются, и она дотрагивается до волос. Да, черт побери, я прав.

Достаю страницу из ее речи.

— Здесь опечатка, — я указываю на кружок, обведенный красным цветом. Бл*дь, мне кажется я вечность потратил, чтобы найти ее опечатку. Был момент, когда я, действительно, решил, что не могу ничего придумать. Но вчера она затратила столько усилий. Я должен ей, как минимум вернуть ее усилия вдвойне и это самый безопасный вариант в середине рабочего дня. — Вот здесь. Проверь. Исправь.

— Да, Сэр, — она сохраняет серьезное выражение лица, но блеск вернулся в ее глаза и не хватает «сэр» с большой буквы.

Тяжесть, наконец-то сходит у меня с груди. Я хочу посадить ее на свой стол и целовать долго, изголодавшимся поцелуем. Она дотрагивается до своих губ, прекрасно понимая, что для меня ее жест, как бульдозером проехать по моей голове.

— Я хочу иметь исправленную копию на своем столе завтра утром. Ну, иди.

— Да, Сэр.

Она упругой походкой покидает мой офис, я же улыбаюсь как дурак. У меня есть только несколько минут, чтобы укротить свою эрекцию перед совещанием, поэтому я отодвигаю свою радость в сторону и сосредотачиваюсь над ужасном, мрачном отчете министра финансов, который мы будем обсуждать.

На следующее утро первым делом я встречаюсь с Элли. Она постаралась угадать меня и добавила новую опечатку. Получилось, что я собираюсь следовать за кем-то по «кинки карте-схеме автомобильных дорог».

Единственная причина, почему я затеял вчера ролевую игру в секретаршу была надежда, что она меня поймет — мы в той же библиотеке. Просто мы не в одной книге. Еще.

Я достаю желтый маркер из своего ящика, перечеркиваю ее новую сделанную опечатку и сдвигаю листок через стол к ней.

— Когда мы встретимся завтра, я жду сочинение на трех страницах о том, почему недопустимо намеренно добавлять опечатки в мою речь. Это все, мисс Монтегю.

Она хочет начать возмущаться. Я просто вижу это. Но она сдерживается и дает мне ответ, которого я безумно жажду.

— Да, Сэр.

Я беру финансовый отчет за вчерашний день. Нет, ничего более дурманящего, чем негативные прогнозы в финансах, способные убить напрочь вполне хороший стояк.

В четверг утром она, широко улыбаясь, протягивает мне свое сочинение. Я пролистываю его сначала и млею от восторга, она написала его от руки и даже видно, где правила слова. Я возвращаюсь к первой странице, чтобы более тщательно прочитать его, она начинает присаживаться на кресло.

— Нет, я предпочитаю, чтобы ты стояла сегодня у окна, спиной ко мне.

Наверное, я совершил тактическую ошибку. Трудно сосредоточиться на чтении ее эссе, когда ее совершенно восхитительная задница маячит и дразнит меня, фактически на уровне моих глаз. Я совершаю героические усилия. Если есть какие-то ошибки, я не могу их найти. Время получать ей награду.

Я поднимаюсь с кресла и встаю рядом, не касаясь, но мое тело знает, насколько мягкая она и желает прижаться к ней. Я не поддаюсь. Вместо этого, я наклоняюсь близко к ее уху.

— Отличная работа, *Спрайт*. Завтра возьми выходной, хорошо расслабься, чтобы хорошо отдохнуть на вечере, посвященном сбору средств... и всему, что повлечет это за собой.

Спрайт (Фея, Русалка, Сельфида).

Глава 16.

Элли

Саша просыпается в пятницу утром, и увидев меня дома, интересуется, не уволили ли.

— Нет! Я буду работать на вечере и... у сегодня меня выходной.

— День спа! — В отличие от чопорного научного сотрудника, Саша очень любит посещать спа. Она уже висит на телефоне. У нее на быстром наборе имеется номера двух спа-салонов, самые ее любимые места. — Что ты хочешь сделать?

— Хм... маникюр?

Она показывает указательным пальцем на мое лицо.

— И брови, да?

— Конечно.

Затем она указывает на мою промежность.

— Воск?

— Что? Нет, — я прикрываю свою промежность руками. Одно из преимуществ быть рыжей — не иметь кучу волос между ног, то, что у меня есть выглядит довольно мило, поэтому все останется, как есть.

Я принимаю душ, брею ноги, прежде чем мы выходим на улицу и добираемся до салона, Саша удивляет меня, заказав стилиста по волосам.

— Ты лучшая соседка в мире, — говорю я ей, пока мы пьем мятный чай в зале ожидания.

— Позаботилась о тебе, чтобы ты в ответ могла вознаградить меня сплетнями с Парламентского Холма.

— Я ничего не могу сказать тебе о политиках...

— Я имею в виду личного характера.

— Тогда... нет.

— Как он отреагировал на блузку, которую ты надела?

Каким-то образом мне удастся не покраснеть.

— Не помню точно, видела ли я его в тот день.

— Лгунишка.

Да, это правда.

— Ты закончила составлять свой график занятий?

Она соглашается сменить тему разговора.

— На самом деле, да. Я уезжаю за город сегодня.

— Почему я не знаю?

— Я упомянула об этом. Но ты где-то витаешь в облаках.

— Сейчас я, однозначно, выгляжу самой худшей соседкой.

— Может я хотела, чтобы ты поехала со мной, но я не могу тебе предложить, потому что с нами едет шурин моего брата, и мне придется зондировать почву по поводу двойного

свидания.

Брат Саши на два года старше нас, и у него это уже второй брак.

— Может это неплохо, пока ты можешь себе это позволить?

Она фыркает.

— Вот почему я люблю тебя, Элли. Ты такая милая, насколько это возможно, но в глубине души у тебя имеется характер.

— У меня?

— Ты не можешь быть моей лучшей подругой, если не...

Наш разговор был прерван появлением косметологов, и мы проходим в кабинеты. Я буду отрываться с ПМ, а Саша будет отрываться на уик-энде в загородном коттедже.

Восемь часов спустя мои скулы болят от улыбок. Присутствующие настроены не так враждебно, после речи ПМ, просочившейся в прессу, как мы думали, что это как-то сможет снизить рейтинг ПМ, но когда он выходит на трибуну и говорит собравшимся богатым гостям, что и как они могут улучшить в стране... ну, кто может с этим поспорить?

Я сжимаю губы, пока он читает речь, которую я же и написала. В нескольких местах он делает краткое замечание лично от себя, конечно же, на лету, как бы между прочим, так он всегда и делает, от чего речь становится еще лучше, но все время проходит основная мысль — одна, которую я навеки готова выгравировать в своей душе — уважение и признание их заслуг, одновременно подводя собравшихся гостей к тому, чтобы они согласились сделать еще больше.

— Сам факт, что вы пришли сюда, — говорит он, широко разводя руки, его голос наполнен силой, он улыбается толпе. — Это очень много для меня значит. Ваш приход сюда, сообщает мне, что вы понимаете необходимость перемен. Необходимость что-то улучшить. Пришло время для новой модели государственных предприятий с участием частного капитала в Канаде, и я надеюсь, что вы, бизнесмены крупного бизнеса, находящиеся в этом зале, станете чемпионами в этих инновациях.

Боже, как мне нравится, когда он сделал паузу на середине предложения, устанавливая зрительный контакт с большим количеством людей, гораздо большим, чем вы может себе представить, и его ледяные голубые глаза молча обещают, что да, конечно, они, бизнесмены, станут чемпионами во всем, в чем захотят.

— И спонсировать общественные проекты, которые как бы остались в прежнем состоянии, о котором и говорили политические партии. Я не просто верю, что вы можете сделать все это, я собираюсь служить вам опорой, доказывая ожидаемый результат, которого вы можете добиться. Некоторые из вас могут воспользоваться старой моделью ведения дел. Купив билет на ужин, чтобы пожать мне руку, и кое-что шепнуть мне на ухо.

Он качает головой, и я клянусь, я готова испытать маленький оргазм, если он еще и прикусит свою губу.

Он улыбается, смягчая напряжение в помещении для следующего шага. Затем его лицо становится серьезным, и он прикусывает нижнюю губу зубами.

Я сейчас умру.

— Вы хотите произвести на меня впечатление? Более того, вы хотите произвести впечатление на Палату общин? Так сделайте что-то невероятное для своего сообщества. Введите инновации и верните людей, которые работали на вас, кто жил рядом с вами, и кто поддерживал вашу компанию. Сделайте это, и вы сможете тогда повлиять на всю нацию в

целом.

И сейчас мои ладони болят так же сильно, как и мои скулы, потому что все повскакивали на ноги аплодируя, и я хлопаю вместе с ними, как сумасшедшая. Это заняло минуту, но уже отправились к столикам, а затем остальные тоже присоединились к ним.

Давление со стороны людей твоего круга является мощным мотиватором. Сью научил меня этому. Я оглядываюсь назад, в конец зала, и смотрю на своего босса. Он жестом призывает меня к себе, и я пробираюсь сквозь неистовствующую толпу. Половина присутствующих отправляется в бар. Другая половина толпится вокруг ПМ, и он каждому улыбнется и пожимает руку, не более того. Не сегодня.

— Фантастическая речь, Элли. Хорошая работа, — Сью поднимает свой стакан, я улыбаюсь ему.

Бет видит, как Сью поздравляет меня, и извинившись присоединяется к нам, Лаклан материализуется рядом со Сью и что-то шепчет ему на ухо.

Мой босс кивает, затем указывает пальцем на меня и Бет.

— Пошли. Премьер хочет сказать пару слов.

Мое сердце бьется в груди, как тряпичная кукла, пока мы идем за Лакланом через отель, спускаемся вниз в коридор, потом в другой. Мы останавливаемся перед номером, у дверей, у которой стоит охранник.

Лаклан достает ключ от номера и позволяет нам войти.

Гэвин стоит у окна, спиной к нам, как только мы заходим, он поворачивается.

У него в руке стакан, другая засунута в карман, приподнимая лацкан его пиджака.

Не трахай глазами босса твоего босса.

Не трахай глазами премьер-министра.

Слишком поздно.

Он виноват во всем, я тихо стону. Он выглядит так, что мне хочется его съесть. В черном костюме, белой рубашке, с черным галстуком. Сидящим точно по фигуре и стильным, он словно пантера, готовая к прыжку.

И всю неделю мы «подкачивали топливо» между собой.

Так почему же Сью и Бет тоже здесь? Может, я просчиталась и пошла по ложному следу.

Может нам нужен странный роман с ультразвуком. С наручниками на освещенной Башне Мира или что-то типа того. Но более утонченный.

Очевидно, из-за этого он оттолкнул меня на прошлой недели, потому что я не имела ни малейшего понятия, как стать озорной и хитрой.

К счастью, Бет дает бокал шампанского мне в руку. Я до сих пор не разрешала себе пить, слишком нервничала, но сейчас я делаю глоток и это прекрасно.

Я делаю еще один глоток и начинаю расслабляться.

Я держу бокал перед лицом, потому что есть предел моим нервам, настолько закаленной я могу быть, в любой момент Сью или Бет, или Лаклан заметят, какими глазами я смотрю на Гэвина.

Но это не моя вина.

Этот все костюм...

— Ты что-то сказала, Элли? — спрашивает Сью, встав рядом.

Я отрицательно качаю головой, как сумасшедшая.

— Неа.

Гэвин приподнимает одну бровь, глядя на меня, но в остальном его лицо не изменяется. Он действительно хорош в своем притворстве или мы находимся не на той странице. Моя грудь трепещет от возбуждения, но я не сомневаюсь в одном — между нами существует нечто большее.

Наполнив последний бокал, он поднимает бокал в воздух.

— За моих сотрудников, — тихо говорит он, выдерживая паузу, чтобы посмотреть на каждого в комнате. — Спасибо, что помогли мне представить программу нашей политики в ясной и убедительной форме. Мы заложили прочный фундамент для осенней сессии заседания парламента.

— Ты единственный, кто поразил их сегодня, — смеется Сью, поглядывая на меня. — Словами Элли.

Гэвин переводит взгляд на меня, его глаза темнеют.

— Определенно.

Бет говорит несколько добрых слов о том, как она наблюдала из глубины зала за неистовством зала, и нас прерывает стук в дверь.

Охранник просовывает голову.

— Макс Донован спрашивает, не хотела ли Бет станцевать с ним последний танец, прежде чем он уйдет.

Гэвин стонет и машет рукой.

— Пошли его на...

Бэт качает головой.

— Нет, я пойду. Потому что, я люблю танцевать, — она подмигивает мне и направляется к двери.

Макс Донован. Темноволосый мужчина на фотографии с Гэвином, стоящей у него на камине. Перед моими глазами проплывают его фотки, и я вспоминаю, что лучший друг Гэвина — это бывший звездный ребенок телевидения, который вернулся в Канаду, бросив Голливуд в восемнадцать лет. Я смутно припоминаю, что где-то читала, будто он окончил медицинский факультет и теперь работает врачом в Ванкувере.

Он сегодня находится здесь?

— Я, пожалуй, тоже пойду. Необходимо произвести кое-какое «радостное рукопожатие», — говорит Сью, глядя на Гэвина. — Я тебе не нужен?

— Я думаю, это лучшее, что ты можешь сделать. Не могу же я сделав такое грандиозное заявление о разделении производства и исполнительной власти правительства, а потом всю ночь быть с ними на короткой ноге, — он смотрит мимо меня на своего вездесущего начальника безопасности. — Лаклан, ты отвезешь мисс Монтегю домой?

У меня перехватывает дыхание, Лаклан кивает.

— Конечно. Я договорюсь с еще одним человеком из охраны, который меня заменит. Дайте мне пять минут.

Сью поднимает руку, двигаясь на выход из комнаты, кивая с полным одобрением на результат сегодняшнего события. Мне хочется упиваться успехом, но больше всего мне хочется побыть наедине с Гэвином, хотя бы минуту.

За ними тихо закрывается дверь, щелкнув замком, и я кидаю взгляд через плечо, Сью и Лаклан, оба ушли.

Поворачиваюсь к Гэвину, который приближается ко мне.

Он все приближается и приближается.

У меня зудят пальцы, мне так хочется протянуть руку и схватить его за лацканы пиджака.

Вместо этого, я соединяю их и прижимаю к себе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Домой?

— Ко мне домой.

У меня начинается нервный смех.

— Ты такой хитрец, и видно очень хорош в этом.

Он посылает мне понимающий взгляд, от которого у меня внутри все тает.

— Да.

— Хорошо. Я не настолько продвинута.

— Я буду иметь в виду.

— Чем мы займемся?

— А что ты хочешь?

— Я хочу тоже самое, что и ты.

— Ты хоть догадываешься, о чем ты просишь?

Я отрицательно качаю головой.

— На самом деле, нет. Но я не до такой степени дурочка. Стоит ли нам заключить контракт или что-то типа этого?

— Контракт?

— Я тут провела кое-какие исследования.

Он медленно улыбается, его губы также медленно изгибаются.

— Ты?

— Я знаю о стоп-слове и жестких ограничениях.

— Ммм, — он наклоняется, его губы проходятся по моей щеке, прежде чем прошептать на ухо. — Ты хочешь иметь кодовое слово, Элли?

Мои соски твердеют. Понятно, что они никогда не сталкивались со стоп-словом.

— Я не знаю, нужно ли нам оно.

— Нет, я мгновенно среагирую на твое желание остановиться. Если ты не скажешь мне не делать что-то.

— Остановиться — это хорошо. Но я не буду этого говорить.

— Ну, это мы еще посмотрим, — он проходит пальцами по моим волосам, наклоняясь к моему лицу. Его дыхание мучительно жаркое. Медленное. Контролируемое.

По сравнению с его внешним состоянием, моя грудь поднимается и опускается как на американских горках, словно вагончик, который наполовину сошел с рельсов.

Я делаю неглубокий вдох.

— Нам стоит поговорить об ограничениях?

Он прикусывает зубами мочку моего уха.

— Сегодня я не сделаю ничего, чтобы заставило тебя говорить об ограничениях. Тебе необходимо сесть в машину и приехать ко мне домой. Как только ты попадешь туда, ты снимешь это платье, а... также трусики. Я хочу, чтобы ты ожидала меня голой, безмерно радуя меня, Элли.

Ой.

— Ты хочешь меня радовать?

— Да, Сэр.

— Хорошо. Теперь следуй за Лакланом, *Спрайт*.

* * *

ЛАКЛАН видимо знает, что «дом» не означает мою квартиру.

Он, по-видимому, также не думает, что это что-то сверх ординарное, хотя, на самом деле, ничего ужасного в этом нет.

Через несколько минут от отеля «Шато Лорье», мы оказываемся в 24 Сассекс. Тихо заезжаем через ворота и останавливаемся напротив главного входа, Лаклан вылезает, обходит спереди машину, чтобы открыть мне дверцу.

— Прибыли, мисс Монтегю, — он ведет меня к входной двери, где набирает код. В фойе горит свет, и он зажигает свет, проходя в глубь дома, входит в гостиную. Здесь имеется окно, плотно занавешенное шторами. Гостиная красиво оформлена, кругом антикварная мебель, которая, словно кричит мне: «*Не трогай!*»... как в музее.

— Я подожду здесь? — спрашиваю я, дрожащим голосом.

Полицейский и Королевской конной полиции нежно улыбается, от чего выражение его лица смягчается. Скорее всего он примерно такого же возраста, как и Гевин, может, немного постарше.

— Можете ждать, где угодно. ПМ хотел бы, чтобы вы чувствовали себя, как дома, — он медлит, потом добавляет:

— В доме никого нет. Несколько офицеров на КПК снаружи, ведут наблюдение за мониторами. Единственный человек, который войдет сегодня в этот дом ПМ.

Ой.

— Спасибо.

Он отступает на шаг назад, потом останавливается.

— Ваша конфиденциальность будет сохранена, как и премьер-министра. Я даю вам свое слово.

Я трепетно улыбаюсь ему в ответ.

— Спасибо, Лаклан.

— Никаких благодарностей. Спокойной ночи, мисс Монтегю.

— Спокойной ночи.

Я остаюсь на месте, пока не слышу, как за ним закрывается входная дверь. Мне приходится напрячь слух, чтобы различить тихий сигнал, когда он закрыл за собой дверь. Еще один сигнал сообщает мне, что он отключает сигнализацию.

Голой.

Гэвин хочет, чтобы я ждала его голой.

Я тянусь за спину и расстегиваю молнию. Первый раз у меня ничего не получается, но я глубоко вздыхаю и сутулюсь, опуская плечи. Меня передергивает, пока молния скользит вниз, освобождая из плотного шелка и кружев. Под это платье я не надела лифчик, моя небольшого размера грудь становится донельзя чувствительной, как только ее касается поток воздуха.

Я аккуратно вешаю платье на спинку кресла в углу. Мне необходимо вылезти из трусиков. Стоит ли оставить туфли? Он не уточнил. Но я представляю его, как бы порно героем, пытающимся стащить с меня трусики вниз по ногам, поэтому скидываю их с себя.

И как только на мне не стало трусиков, как только я остаюсь полностью обнаженной,

понимаю, что я не надену их назад.

Он хотел увидеть меня голой. Вот она я. Изящная и хрупкая, нервная и неуверенная. Готовая и возбужденная.

Желание скользит у меня между бедер. Я не могу опуститься на его антикварную мебель. Я оглядываю комнату. Я могу встать рядом со стулом, одной рукой небрежно держась за него. Или перед зеркалом. А может по середине комнаты, прикрыв свои прелести в позе Венеры Боттичелли?

«Ты хочешь меня радовать?»

«Да, Сэр».

Волна тепла омывает все мое тело, и я бросаю взгляд на пол. Может, я должна...

Я почти опускаюсь на колени, потом устраиваюсь более удобно. О, Боже. Я дрожу всем телом. Мне следовало спросить у него более конкретно и получить более четкую инструкцию.

Я по-видимому наихудшая саба, которая была у него когда-либо.

Но для моей исследовательской работы это очень много.

Стоять на коленях, мне кажется, это стандартная позиция. По крайней мере, на Tumblr я видела именно так.

Я глотаю и опускаюсь все же на колени, немного разведя ноги, чтобы мне было удобно.

Волосы перекидываю за спину, они свободно спадают, приподнимаю подбородок. Да, я нервничаю, потому что никогда не делала ничего подобного.

Я едва улавливаю слабый звуковой сигнал, который сообщает, что прибыл Гевин, все мои страхи уходят прочь от предстоящего возбуждения, циркулирующего по телу.

Я хочу быть его.

17.

Гэвин

Она точно здесь, как и сказал Лаклан, когда оставлял ее. Но только сейчас она голая.

Один взгляд на нее, как керосин льющийся в огонь, который мы пытались поддерживать всю неделю.

Я расстегиваю пуговицы на пиджаке и резко снимаю его, бросив на стул возле двери. Сжимаю бицепсы и повожу плечами, не переставая смотреть на нее, пытаюсь выяснить в каком направлении мне двигаться.

Она стоит на коленях в какой-то позе, могу только предположить, что эту позу она увидела в интернете. Ноги разведены, руки сложены за спиной, выставляя вверх ее задорную грудь. У меня текут слюни от предвкушения.

Я ослабляю галстук и расстегиваю верхнюю пуговицу, подходя к ней. Она не двигается.

— Хорошая девочка, Спрайт, — я протягиваю руку и нежно глажу ее по волосам. — Но это не твое. Дай мне руки.

Она немного пошатывается, пока я помогаю ей подняться с пола, поэтому поддерживаю ее, пока она окончательно не поднимается, и согну кулак приподнимаю ее за подбородок, чтобы она смогла смотреть мне в глаза.

— Мы не успели поговорить, — говорю я, проходясь пальцем по ее нижней губе. Она до сих пор не шевелится, и ее естественное послушание вызывает у меня нервное возбуждение. — Итак, нас стоит поговорить сейчас.

Она медленно моргает, мило хмурясь.

— Поговорить?!

Я нажимаю большим пальцем чуть сильнее, заставляя ее приоткрыть губы. Мое первоначальное инстинктивное желание — засунуть в нее глубоко свой член и заставить его сосать. Показать ей, что она стоя на коленях заставляет меня жаждать ее. Ее рот. Мой член.

Но для этого у нас будет время позднее, а сейчас я обязан дать ей свой воздушный поцелуй.

Обхватив ее сзади за шею, я удерживаю ее на месте, и с усилием сдерживаю свой контроль над собой. Просто поцелуй.

— Это было слишком долго, — бормочу я, наклоняясь к ней и оказываясь нос к носу, лоб ко лбу. Мои губы шепчут в ее, наслаждаясь ее дыханием.

— Неделью, — вторит она.

— Слишком. Длинная.

— Гэвин...

И вот, что она делает. Она ставит меня на колени. Мое имя, слетевшее с ее губ. Оно меня окончательно заводит, но, скорее всего, мне просто необходимо было узнать, что она действительно хочет *меня*. Только Гэвина. Со всеми моими оговорками и неприличными странностями.

Я опускаю свои губы на ее. Она тянется руками к моему лицу, и я ловлю ее руки за запястья.

Не все сразу.

Я завожу ее руки ей за спину и удерживаю оба ее запястья своей рукой.

Пальцы на другой руке просто зудят, желая изучить ее тело и узнать границы ее удовольствия, но сейчас я удовлетворяю себя лишь тем, что собираю ее волосы в хвост и удерживаю до тех пор, пока целую ее.

Медленно. Упоительно.

Иногда это может быть моим самым любимым проявлением жестокости.

Но нам *необходимо* поговорить. С вымученным стоном, я отстраняюсь и веду ее к большому удобному креслу, в которое сначала сажусь сам, а потом притягиваю ее к себе на колени. Она опускает голову в изгиб моей шеи, я обнимаю ее одной рукой, другой глажу ее по волосам.

— Элли, мне следовало быть более открытым с тобой. Я ценю все твои исследования, которые ты произвела и столько изучила, ты добралась до меня. Что я могу сказать о «Секретарше»? Взорвала. Мой. Чертовый. Мозг. Но я открою тебе секрет. Когда дело доходит до БДСМ, на самом деле, все не так уж тяжело для понимания.

Она выпускает стон и зарывается своим лицом у меня на груди.

— Довольно, — немного грубо говорю я. — По крайней мере, это сработало и привлекло мое внимание.

— Я чувствую себя посмешищем. Мне неловко.

— Ты не сделала ничего, чтобы чувствовать себя посмешищем. Ты пыталась угодить мне в своей своеобразной манере. Это оплошность с моей стороны, поскольку я не ожидал от тебя такого энтузиазма и не предоставил тебе нужное направление. Мое единственное оправдание, и на самом деле, оно очень хреновое — отрицание. Я не признавал своих чувств, я боялся даже подумать, что ты можешь что-то подобное захотеть. Да, я струсил и был слишком напуган, чтобы открыться даже самому себе.

— А теперь?

Теперь я знаю, что она хочет меня, именно меня.

— Сейчас, я все еще побаиваюсь, но полон оптимизма.

— Я тоже.

У меня двойкие чувства: с одной стороны, я хочу просто сидеть и обнимать ее теплое, обнаженное тело, с другой — я хочу приступить к сексуальным играм. Но у нас есть еще что обсудить. И после ее признания, что она чувствует себя посмешищем и смущена, мне следует быть очень осторожным.

— Итак, «Секретарша»? Каково твое мнение о фильме?

Без сомнения, моя любимая черта в Элли — это ее честность. Если задан прямой вопрос, она всегда ответит, причем честно и полностью. Она, на самом деле, маленький политический деятель, которых мне так и не довелось встретить в данной сфере. Я чувствую, как напрягается ее тело, но при этом она не стесняется сказать мне правду.

— Смешанные чувства. Это нечто другое, нежели я ожидала. Но были довольно-таки жаркие моменты.

Уже что-то.

— А именно?

— Когда она читала письмо, склонившись над столом, а он ее шлепал.

Это определенно давало нам определенную перспективу.

— И поэтому ты добавила *эту* опечатку в мою речь? Ты напрашивалась на порку?

Она ухмыляется и приподнимает брови, мне кажется, она явно довольна собой.

— Возможно.

Мило, но я не могу позволить ей говорить неопределенности.

— Общение в данной теме — это ключ, Элли. «Возможно» не подходит.

— Я не знаю. Но я хочу узнать.

Ну, наконец-то мы сдвинулись с места.

— Годится. Что еще ты нашла в этом фильме сексуальным?

— Когда он хвалил ее, стоило ей сделать все правильно.

— Тебе нравится, когда я называю тебя хорошей девочкой?

Она утвердительно кивает.

— Мне нужен твой ответ, Спрайт.

— Да, Сэр.

Мой член дергается от нетерпения. Я игнорирую его и дотрагиваюсь губами до ее волос.

— Очень хорошо. Что тебе не понравилось?

— Мне не понравилось, что она так и не понимала, чем они занимаются. С самого же начала было понятно, что у них не совсем нормальные отношения, ведь так?

— Нет, не вполне нормальные, — я провожу губами по ее виску. — И это ключевая разница БДСМ, которое показывают в кино, книгах с реальной жизнью. Хотя все люди разные, конечно же.

— А как насчет тебя? Ты любишь верховодить. Осуществлять общий жесткий контроль надо мной.

Я смеюсь.

— Само собой разумеется. Но никаких пони плей, — немного поддразниваю я ее. — Я спокойно без этого проживу.

— Пони плей? Вот как это называется? Уверена, где-то я уже встречала это выражение,

пока рыскала по интернету. Может...

— Я пошутил, — прерываю я ее. Господи, она довольно-таки серьезно погрузилась в эту тему. Держу пари, она проанализировала ее со всех сторон, поэтому не хочет показаться категоричной. — Пони-плей — это не мой конек. Вернемся к нашей теме, мисс Монтегю, нам стоит выяснить, нравится тебе или нет быть отшлепанной, поскольку в противном случае это может оказаться разочарованием для нас обоих.

— А какой твой конек?

— У меня их много. Господство и подчинение. Энергетический обмен, в определенной степени, я приемлю минет только, если ты стоишь на коленях, но не приемлю ответом слово «Мастер». Хотя странно, но «Сэр», никогда не производило на меня впечатления, пока не встретил тебя. Мне нравится слышать от тебя «Сэр», Спрайт. Очень. Это настоящий подарок, который ты мне подарила, это настоящее сокровище для меня.

Она улыбается мне в шею. Я чувствую, как изгибаются ее губы и мысленно делаю пометку, что она любит, когда ее хвалят.

Мой член пульсирует еще сильнее, но мне необходимо закончить разговор. Я должен перечислить все, и почувствовать ее реакцию, пока она находится внутри моих объятий.

— Немного бондажа. Воздействие на тебя. В основном я люблю шлепать, причем голой рукой, но иногда использую флоггер или паддл. Хотя шлепаю не в наказание. Поэтому, если ты хочешь, чтобы я тебя отшлепал — добавление опечаток в мою речь, здесь не сработает.

— Простите, Сэр.

— Не за что извиняться, Спрайт. Ты пыталась выяснить и в целом, ты проделала отличную работу, сумев надавить на мои кнопки. Думаю, настало время выяснить твои кнопки и надавить на них, — я ослабляю свою хватку. — Поднимайся.

Она слезает с моих колен и в какое-то мгновение мне кажется, что она готова лечь на мои колени, чтобы я смог ее отшлепать. И в принципе я уже готов начать, но мне все-таки хочется переместиться. Кроме того, мой пополненный запас презервативов, находится у меня в спальне. За них я должен поблагодарить Макса, который позаботился, словно своим шестым чувством чувствовал предстоящее и купил их мне.

— Захвати с собой свою одежду.

Она следует за мной наверх, в мою спальню. Я декорировал ее сам, оплатив все из своего собственного кармана, поэтому оформлена она просто потрясающе, по крайней мере, я так думаю — я купил офигительную кровать с балдахином и удобные стулья. Кровать своей идеальной высотой подходит для многих вещей, ни одной, из которых я не занимался вплоть до сегодняшнего вечера.

Стулья однозначно пригодятся нам в будущем... в определенный момент.

Я даже не предполагал, когда декорировал свою спальню, что делаю ее полностью для Элли Монтегю, чтобы я смог ее трахнуть, но теперь, когда она стоит по середине комнаты, я ловлю себя на мысли, что мне не хочется, чтобы она уходила.

— Оставь одежду на стуле и наклонись над кроватью.

— Да, Сэр, — она передвигается по комнате, пока не доходит до кровати. Я сколько-то взглядом по ее настолько прекрасному телу, и вижу, что она не испытывает чувства неловкости.

Она опускает свое платье на спинку стула и ставит туфли на шпильках под сиденье стула. Я наблюдаю, как она устраивается на кровати, пока снимаю рубашку и галстук. Я подумываю оставить брюки на данный момент. Я хочу, чтобы она чувствовала некую

недозволенность.

— Итак, твое кодовое слово для остановки, если я что-то сделаю или скажу, что тебе не нравится или посмотрю на тебя так, что тебе не понравится. Понятно?

— Да, Сэр.

Не дай мне облажаться.

Я встаю позади нее. Достаточно близко, но не дотрагиваюсь. Именно так я поступил вчера, пока она стояла у окна. Мое сердце колотится, как ненормальное, стоит мне протянуть руку и погладить бледную кожу ее попки. Сначала одну половинку, потом другую.

Я отхожу на шаг назад, немного в сторону, так у меня имеется больший обзор и размах для действий. Я поднимаю руку в сторону и с силой ударяю по одной половинки. Это жестко, мне даже ее немного жалко, потому что ее кожа будет гореть. Она издает еле слышный писк, потом стон, но я потираю ударенное место. Тоже самое я делаю и с другой половинкой. На этот раз я не слышу писка, всего лишь низкий стон, и ее бедра ударяются о матрас кровати.

У нее самая красивая задница. А теперь она еще и помечена моим отпечатком ладони.

Я растираю ее правую половинку и опускаю пальцы ниже по бедру, еще ниже, едва касаясь ее киски, именно едва, дотрагиваюсь, словно перышко. Она тут же раздвигает шире свои ноги. Словно хочет вобрать их в себя, как бы говоря: «Трахни меня», она идеальна.

— Стой смирно, — предостерегаю я, уверенно дотрагиваясь до ее внешней поверхности бедра. — Оставайся в данной позиции, и я награжу тебя.

Резкий рывок ко мне сопровождается ее невнятным бормотанием с извинениями, я склоняюсь над ней, целуя в плечо, снова собирая ее густые, гладкие и шелковистые вьющиеся волосы вместе.

Мне хочется, чтобы она в одну из ночей заплела косу, чтобы я мог тянуть ее за толстую косу, входя в нее до самого горла. Я добавляю это видение к списку будущих сцен, которые мы проведем вместе.

— Ты такая красивая, — ропщу я, наклонившись, медленно совершая еще одну серию шлепков. — Твоя задница начинает приобретать красноватый оттенок.

Я слышу ее хныканье. Она сжимает кулаками покрывало от моих шлепков, но я спрашиваю ее:

— Тебе нравится? — я дотрагиваюсь до своей эрекции через брюки, пока ожидаю ее ответа. — Спрайт?

Она что-то шепчет в ответ.

Я опять опускаю руку на ее половинку задницы, остается красный след моей ладони, но на это раз я стукнул сильнее.

— Я не слышу ответа.

— Да, — задыхаясь отвечает она. — Пожалуйста...

Пальцы другой руки я запускаю в ее киску, они тут же становятся мокрыми от ее соков.

— Ты течешь, — произношу я грубым низким голосом. Ее мышцы растягиваются, как только я в виде пригоршни устанавливаю руку, вызывая у нее новый раунд покалывания кожи от очередного моего шлепка по ее заднице. Каждый мой шлепок, заставляет ее изогнуться, приподняв горящую попку. — Ты мокрая изгибаешься над моей кроватью, потому что я шлепаю тебя. И тебе это нравится.

Слышится очередной шепот.

Мой член пульсирует, стоит мне наклониться к ней ближе.

— Что ты сказала?

— Мне нравится, — четко отвечает она, хотя в ее голосе и слышится удивление. Я открыл новую ее грань. Она так сильно подталкивала меня к тому, чтобы я показал ей то, что мне нравится. Почему у меня имеются сомнения, что ей, на самом деле, это может не понравиться, и что это может не быть естественным для нее?

Моя развратная девочка.

— Хорошо, — мой голос грубый, звучит резко. Первобытная часть меня жаждет прочувствовать ее запах и издаваемые ею звуки.

Я ждал достаточно долго, чтобы почувствовать ее вкус.

Я разворачиваю ее на спину и опускаюсь на колени, полностью растворяюсь в ее совершенстве. У меня ни разу не было сомнений, что она настолько потрясающая, рыжая с головы до ног, но меня радует невероятно другое — слава Богу, она не сделала никакой эпиляции.

Я хочу широко развести ее ноги, привязав к столбикам кровати. Я накрываю рукой, насколько могу, бледно-кремовую кожу ее внутренней стороны бедер, сжимая ее и двигаясь вверх к внешнему краю.

Она идеальна.

Я ощущаю ее взгляд на себе, я низко опускаю голову и впервые прохожусь, извиваясь своим языком, по ее складкам.

Они припухшие и розовые, скользкие и вкусные. Я слизываю доказательство того, как сильно ей понравился мой бренд шлепков по ее заднице, показывая ей, что это тоже своего рода подчинение.

И ее оргазм будет принадлежать только мне, хотя я не сообщаю этого ей сегодня вечером. Она может кончить, когда захочет и столько, сколько захочет. Пока я попридержу свои слова, что могу контролировать ее оргазм.

Когда я покажу ей насколько незабываемым он может быть, каким вознаграждением для нее он будет тем, она отдаст его мне по доброй воле.

Или нет. Эту мысль я пытаюсь засунуть как можно дальше. Она естественна во всем. Она моя. Мы найдем места, где совпадут наши странные интересы и обыграем их.

Я сильнее начинаю сосать ее плоть, заставив ее ахнуть. Она опрыскивает мои пальцы своими соками. Я сначала одним пальцем массирую ее внутри, потом двумя. Я хочу войти в нее тремя, сильно растянуть, но этим мы займемся завтра.

Сейчас для меня и так вполне достаточно ее тела, которое мне хочется исследовать. Я последний раз сосу, долго сосу ее клитор, целую, тем самым пообещав вернуться к нему позднее, передвинувшись вверх и проходясь языком по ее коже.

— Поиграй сама с собой, Спрайт, — я ложусь рядом с ней на кровать, чтобы наблюдать за ее действиями.

Ее дыхание поверхностное и слабое, она скользит рукой вниз по дрожащему животу.

— Постой.

Она тут же останавливается. Бл*дь, мне нравится, как она беспрекословно слушается меня. Тут же не задавая вопросов. Я с трудом сдерживаюсь. Мне хочется подняться на нее и войти, заставив ощутить ее что-то другое.

— Медленно.

— Да, Сэр.

Я целую ее, потому что не в состоянии сопротивляться этому. Потому что на вкус, она

напоминает теплую от солнца малину, такую свежую, как будто только что из сада, из-за звуков, которые она издает, стоит мне просунуть свой язык внутрь нее. Мне просто необходимо оказаться внутри, но мне нужно подождать и это напряжение меня чуть ли не убивает.

Я достаточно долго уже мучаю ее, поэтому поднимаюсь, встаю в ногах кровати и снимаю брюки. Наблюдать, как она медленно поглаживает своими пальцами, производя круги вокруг клитора — это сладкий бонус.

— Тебе нравится?

Ее щеки порозовели, она кивает.

— Да.

— Ты когда-нибудь запускала в себя пальцы?

Она отрицательно качает головой.

— Нет, Сэр.

— Почему нет? — сейчас я уже обнажен и наклоняюсь поближе к ней, прислонившись к столбу кровати. Меня захватывает это зрелище, даже гипнотизирует.

— Это не тоже самое.

— Как что?

— Как, если бы я представляла ваши пальцы.

Это маленькое признание (она думает обо мне, когда мастурбирует) я совершаю бросок на кровать. Мои пальцы тут же оказываются внутри нее, еще до того, как мои губы опускаются на нее. Она все еще массирует свой клитор, когда я уже трахаю ее двумя пальцами. Мне стоит замедлиться и все же изучить ее тело, но она сводит меня с ума. Возможно, как только я утвержу свою власть над ней, над каждым дюймом ее тела, я смогу иметь больше контроля над убийственно сумасшедшей нуждой обладания ее.

— Так?

— Да.

— Ты представляла именно так?

— Да.

— И так же хорошо, как ты себе и представляла?

Она вздыхает и приподнимает бедра от моего прикосновения.

— Так намного лучше.

Она готова кончить. Я хочу, чтобы она кончила. Я хочу ощущать ее спазмы вокруг своих пальцев. Я хочу чувствовать, как ее соки будут стекать по моей руке.

Но у меня имеется план.

Какого черта происходит с моим планом?

Происходит Элли, вот что происходит.

Великолепная, отзывчивая, всегда до безумия сексуальная Элли.

— Не торопись, — хриплю я, все же найдя слова. Я вытаскиваю пальцы из ее узкого входа, она издает звук протеста. — Тссс. Доверься мне.

Она сжимает губы и кивает.

Я кладу пальцы в рот и сосу, наслаждаясь ее вкусом. Мне все время мало. Новый план таков — я собираюсь выяснить, как долго смогу играть с ее сосками, пока ей будет нравится, а потом съем ее, и она кончит мне на лицо.

Мои пальцы все еще влажные и липкие, поэтому я обвожу ореолы сосков, а затем наклоняюсь и сосу, сначала один, потом второй, пока она не начинает задыхаться и ее

вершинки становятся припухшими и набухшими. Сейчас она выглядит идеально развращенной женщиной, разогретой и слишком нетерпеливой.

Я зажимаю губами и тяну за сосок, потом перехожу к другому. И так несколько раз. Один, второй. Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не попробовать и не испытать ее предел, успокаивая себя тем, что мне хочется оказаться внутри нее как можно скорее.

Но мне не хочется ее пугать.

Хотя похоже эту женщину испугать невозможно.

Она извивается и успокаивается, как только вспоминает за чем она здесь. Она с трудом пытается быть хорошей во всем.

Я вознаграждаю ее, опускаясь вниз, оказавшись между ее бедер и сосу клитор.

Ее бедра дрожат, и она выкрикивает мое имя. Я запускаю в нее два пальца, и усиливаю движение, чувствуя начало ее кульминации, затягивающее внутрь мои пальцы, мой член дергается и упирается в матрас, желая оказаться у нее внутри. Он понимает, что им пренебрегли, но в скором времени мы заставим ее все повторить.

Снова.

Еще раз снова и снова.

Потому что, когда Элли кончает — это великолепное зрелище.

Все ее тело вибрирует, я не в состоянии больше сдерживаться, поэтому хватаю презерватив и встаю между ее ног.

Никаких секретов. Никаких выдуманных правил или искусственных границ.

Я имею ввиду — нет пределов, но мать твою, я до сих пор переживаю, что могу каким-то образом ее отпугнуть.

Я погружаюсь в нее, она оборачивает ноги вокруг меня, как бы приглашая в свое тело, теперь все становится не важным. Я тону в ее красивых глазах и слышу призыв своего имени, слетающий с ее губ, задыхающийся и умоляющий.

Потерянные и найденные, крутящиеся в океане секса и желаний. Наши руки переплетены вместе, пока я вбиваюсь в нее. Ее ноги вытянуты вверх с обеих сторон меня, и она шепчет:

— Глубже.

Жестче.

Быстрее.

Миллион эмоций сменяется на ее лице, пока я делаю все, что она хочет и даже больше. Медленнее. Жестче, погружаясь в нее совсем чуть-чуть, входя только кончиком своего члена. Она настолько мокрая, меня это чертовски заводит, и кажется, что я могу войти глубоко в нее, но она очень тугая. Каждый раз, я растягиваю ее, и она вскрикивает.

И хочет глубже.

Я приподнимаю одну ногу ее повыше, тут же приподнимается и ее задница, давая мне лучший угол для проникновения.

— Гэвин...

Да. Она снова и снова произносит мое имя. Я хочу услышать, как она прокричит его, кончая глубоко внутри нее.

— Это только начало, — шепчу я, по-прежнему входя в нее и не теряя темпа, поддерживая ее на этом уровне. — Я не могу заставить себя, перестать тебя трахать.

— Да, — выдыхает она, ее глаза яркие, а губы влажные.

Я снова шлепаю ее по попке, и она со свитом выдыхает.

— Так?

— Мне нравится.

— Кончишь для меня?

— Да.

— Да что?

— Да, Сэр.

— Кончи для меня, Элли, — приказываю я. — Отдай свой оргазм мне.

Она обхватывает меня за шею, я начинаю трахать ее быстрее, глубоко и в быстром темпе, от следующего шлепка, ее мышцы сжимаются вокруг моего члена. На этот раз ее кульминация напоминает ударную взрывную волну, которой я не в состоянии противостоять, поэтому настигаю ее своим освобождением.

Я выкрикиваю ее имя, изливаясь в нее, похоронив свой член глубоко в ее киске. *Моей киске.* Я кончаю жестко и быстро, стремглав несясь в темноту.

Погружаясь вниз.

Которая вдруг разбивается на миллион осколков.

Я даже не могу подобрать слова, чтобы объяснить, что совершила со мной Элли.

Избавившись от презерватива, я поворачиваю ее на бок, обнимая, она вздыхает и прижимается ближе спиной к моей груди. Она парила в небесах, а я... испортил ей кайф. Но это самое лучшее, что может быть. Я ладонями накрываю ее грудь и зарываюсь лицом в ее волосы.

Все произошло намного сильнее, нежели я ожидал. Мы едва поцарапали поверхность того, что я хочу от нее получить... и что я хочу ей дать.

Моя Спрайт.

Я закрываю глаза, полностью ненавидя, хлынувшие потоком свои мысли, роящиеся у меня в голове. Они не доберутся до меня. Я до сих пор прижимаюсь к ней, обнимая и притягивая к себе, пока она не засыпает. О ней точно стоит позаботиться после нашего секса, хотя мы не сыграли сцену, и я не толкнул ее в сабспейс, мы все равно кое-что проделали.

Причем интенсивно, но другим способом.

И если бы я еще больше завелся, думаю, она бы тоже. Но сейчас она просто без сил и если учесть, что это наше первое свидание, я не могу ее перевернуть, воскликнув: «*Эй, это было до безумия возбуждающе и, возможно, я даже больше возбудился, чем ты... правда круто?*»

Нет, не круто.

Я улыбаюсь. Конечно, нет, когда дело доходит до Элли, у меня нет шансов выиграть. С ней я всего лишь обычный влюбленный идиот. И это, скорее всего, станет моей гибелью, но мне плевать. Я ждал такую женщину, как она, почти сорок лет, теперь она лежит в моей постели, и я не позволю ей уйти.

18.

Элли

Я просыпаюсь в постели Гевина. Еще слишком рано, хотя я нигде не вижу будильника и только Богу известно, где находится мой телефон, но я чувствую, что рано. Я не взяла свою сумочку наверх прошлой ночью.

Перевернувшись, я смотрю на премьер-министра.

Своего любовника.

Срань Господня.

Прошлая ночь была совсем не такая, как я ожидала. Было... настолько реально и естественно. И возбуждающе. Очень, очень горячо.

Я сжимаю свои бедра. Я в курсе, как и все, что сегодня он весь день занимается служебными обязанностями. Но *Бог мой*, мне хочется повторить.

Он быстро заснул вчера. Сейчас даже не шевелится, когда я дотрагиваюсь до его лица. Его щетина колет мои подушечки пальцев, посылая дрожь по позвоночнику и вызывая порочные мурашки у меня на попе и между ног, я отдергиваю руку.

У меня настолько сильное желание прикоснуться к нему, но все же стоит сначала принять душ. Я выскальзываю из-под невероятно красивого одеяла и тянусь к своему платью.

О, Боже.

Нет. Я не могу надеть платье. Я не могу в нем спуститься вниз, чтобы выпить кофе, поскольку не уверена, что мы одни в доме.

И как, черт возьми, я доберусь до дома?

«Стажерка устало тащиться после бурной ночи, проведенной в 24 Сассекс, в 11 утра».

Прошлой ночью мы были одни в доме. А сейчас? Я не могу отправиться в ванную комнату голый, **«Стажерка обнаружена обслуживающим персоналом, бегающая голый по 24 Сассекс»** — это уже другой заголовок, которого я хотела бы избежать.

На стуле рядом с моим платьем висит рубашка Гэвина. Я натягиваю, улыбаясь, когда его легкий запах одеколona окутывает меня. На цыпочках выхожу в коридор, прислушиваясь к любому шороху, чтобы не столкнуться с кем-нибудь, кто явно не ожидает меня здесь увидеть.

Сначала я захожу в туалет, потом делаю несколько пробных шагов по изогнутой лестнице вниз.

— Доброе утро. Могу я вам чем-то помочь? — откуда-то появляется Лаклан, делая шаг к подножию лестницы, я прижимаю рубашку Гэвина плотнее к своему телу.

— Привет.

Он дружески кивает и указывает в сторону коридора.

— Я поставил кофе для премьер-министра.

— Это обычная часть ваших обязанностей?

Он смеется.

— Нет. Обычно в свой выходной, я нахожусь не здесь. Но сегодня я передумал. Я просто хотел быть вежливым, сказав, что кофе для него.

Я поднимаю ногу, чтобы двинуться дальше вниз по лестнице, но на мне слишком мало надето, даже для такого разговора.

— Будет очень некрасиво с моей стороны, если я попрошу вас принести кофе наверх?

— Совсем нет, — он замолкает и поглядывает на мои ноги, но без неприязни. Он удерживает свой взгляд на моих щиколотках. — Может мне стоит как-то помочь вам с одеждой?

Никогда не думала, что настанет время, когда я буду вести такие сюрреалистические разговоры.

— МММ... как... личный выход в дневное время?

— Разумно иметь личный.

— Я...

Гэвин покашливает у меня за спиной.

— Доброе утро.

Я поворачиваюсь к нему, стараясь особенно не светить перед Лакланом своей попкой. Насколько я хотела Гэвина, когда проснулась, сейчас же мое сердце по-прежнему тает, стоит мне увидеть его, стоящего с руками на бедрах на площадке лестнице, почти голым, если не учитывать темно-серые шорты.

С улыбкой, которая явно повышает температуру моего тела, он тихо спрашивает:

— Где твоя сумка?

— Думаю, где-то внизу.

Он кивает, затем громко говорит, адресуя свои слова Лаклану.

— Найди сумку мисс Монтегю. Там должны быть ключи. Поезжай к ней домой и привези какую-нибудь одежду. — Он смотрит на меня. — У тебя есть какие-нибудь конкретные пожелания? Что брать из гардероба? Или ящичков?

У меня начинают гореть щеки.

Гэвин улыбается.

— Каких ящичков ему стоит избегать?

Верхнего.

— У меня есть в нижнем ящике одежда для йоги. Брюки и топ будет отлично. И вьетнамки внизу в шкафу.

Он снова смотрит мимо меня.

— Понятно? — Лаклан, должно быть, кивает. — Спасибо. А мы пока приготовим себе кофе. Держись подальше от моей кухни сегодня.

Смешок говорит мне, что Лаклан не обиделся, а понял шутку.

Когда его шаги затихают, Гэвин протягивает руку, и я устремляюсь к нему.

— Мне не нравится просыпаться в одиночестве, Спрайт.

— Мне нужно было сходить в туалет.

— И поговорить с моим шефом службы безопасности?

— Это произошло случайно.

— Ты голая.

— Я прикрылась.

— Едва лишь. Ты собираешься спорить со мной? — мои глаза должно быть светятся, потому что он смеется. — Я сказал тебе, что мне не нравится наказывать. Если ты хочешь побыть капризным ребенком, ты должна сказать мне об этом, я буду знать во что мы играем.

Капризным ребенком. Я закатываю глаза на секунду. Нет, я не буду его дразнить...много.

— Вам не нравится просыпаться в одиночестве?

— Я не это тебе сказал, — шепчет он против моих губ. Мятная свежесть. Кто-то уже успел почистить зубы, прежде чем выйти и приказать мне идти с ним в постель. — Я просыпаюсь один каждый день. Сегодня я хотел трахнуть тебя, еще в полусне. Ты бы кончила раньше, чем я окончательно проснулся. Я хотел почувствовать, как твои соски становятся твердыми под моими руками и прикусить тебя за шею, когда ты приблизилась бы ко второму оргазму.

— Вау, — я опускаю руки на его твердую плоскую грудь, пока он расстегивает

пуговицы на моей, вернее его, рубашке. Мой пульс учащается от его движений, особенно, когда он случайно дотрагивается до моей груди. — Я, действительно, многое пропустила.

— У нас целый день, ты сможешь показать мне все это.

— Мы все *это* будем делать?

— А у тебя другие планы?

— Нет.

— Тогда у нас есть весь день, — напряжение появляется в его взгляде. — Я не смогу предоставить тебе много таких дней, как сегодня, но я хочу начать все правильно.

Это? Что он имеет ввиду под «это»? Но я не спрашиваю его, потому что он закончил расстегивать пуговицы, и его пальцы прошли по мне.

— Назад в постель, мисс Монтегю, — Боже, как мне нравится звук его голоса, когда он так говорит.

— Да, Сэр.

Он поднимает и несет меня к кровати, укладывая вниз, ложится на меня сверху, тяжелый и твердый.

Очень тяжелый.

Я начинаю тянуть пояс его шорт. Мне хочется, чтобы он вошел в меня!

Он хватает меня за руки и поднимает их над моей головой.

— Терпение.

— У меня нет терпения.

Он ухмыляется и раздвигает коленом мои бедра. Проходится вверх пальцем по моему телу, кружа сначала на одном соске, потом на другом.

— Что ты думаешь о прошлой ночи?

Он не перестает до меня дотрагиваться. Как я должна отвечать на этот вопрос, когда мне хочется, чтобы он ущипнул меня за сосок? Он же собирается это сделать, да?

Мне очень понравилась прошлая ночь.

Но поскольку я молчу, он хмурится и поднимает руку.

Серьезно?

Я облизываю губы и возвращаю себе способность говорить.

— Было замечательно, — колеблясь отвечаю я, он не пропускает мою заминку.

— Но?

— Нет, никаких «но». Все было прекрасно, — для нашего первого раза.

— Спрайт, все будет лучше, если ты не будешь подбирать *правильные* слова, — он снова прикасается ко мне, его большой и указательный пальцы по обе стороны от моего уже жесткого соска. — Что еще ты думаешь?

— Ущипни меня, — шепчу я.

— Пожалуйста?

— Ущипните меня, пожалуйста, Сэр.

Его глаза сверкают, он крепко сжимает пальцы на моем соске, и тепло наполняет низ моего живота. Я стону, и он наклоняет голову, поглощая мой стон своим ртом.

— Укуси, пожалуйста, — выдыхаю я.

Он нежно кусает и тянет за сосок, приподнимая грудь.

— Такая вежливая, — хрипло бормочет он. Его рот влажный, и я хочу прикоснуться к нему, но он все еще прижимает меня к кровати. — Такая вежливая, но плохая девочка.

— Что? — я пытаюсь выбраться из его хватки. — Я не...!

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Ты отвлекаешь меня.

— Сфокусируйся, Спрайт. Подожди, пока я скажу тебе не кончать, когда буду работать вибратором. Тебе нужно научиться контролировать свои желания.

Это звучит на самом деле ужасно. Но удивительно.

— Зачем ты собираешься это делаешь?

— Потому что я хочу наслаждаться твоим видом, — он усмехается, выглядя как-то дико, и я чувствую себя неприятно задетой от его идеи полного контроля, он слишком много все контролирует. И еще он продолжает подталкивать меня к ответу. — Что еще ты думаешь о прошлой ночи?

— Это было...

— Замечательно, — теперь он просто издевается надо мной.

Я опять пытаюсь выбрать из-под него, но он усиливает хватку на моих запястьях. Моя киска набухает. Похоже, я буквально чувствую, как чертовски расцветаю под ним. Какого черта?

— Да. Это было удивительно. Но мне казалось, что это будет больше похоже....

Он тяжело дышит. Мы оба тяжело дышим. Он достает пачку презервативов из-под своей подушки и удерживает ее перед моим лицом.

— Возьми ее.

Мои руки прижаты к кровати. Как...? Ой. С трудом сглотив, я открываю рот, и он опускает пачку, я прихватываю ее зубами.

Он поднимается надо мной, встав на четвереньки, и переворачивает меня на живот.

— Уууух, — скулю я в упаковку презерватива, приподнимая свои бедра вверх.

Я не испытываю стыда, когда дело касается того, что мне хочется.

Но похоже он не собирается дать мне то, что я хочу. Вместо этого он опять шлепает меня, а потом всем телом опускается на меня сверху.

— Не дергайся, и тогда мы воспользуемся этими презервативами. Двинешься, и я отведу тебя вниз и буду кормить завтраком.

На самом деле звучит неплохо, но поскольку я ничего не могу ответить, только киваю.

— И я не буду растягивать твой оргазм до поздней при поздней ночи.

Мой кивок становится все более интенсивным. Я не хочу идти вниз, завтракать, не получив оргазма.

Он усмехается мне в ухо, звук довольно-таки похотливый. Все мое тело дрожит от предвкушения, когда он поднимается с постели. Быстро возвращается, кровать слегка проседает под его весом, он снова опускается своим телом на меня.

В этот раз, придавив меня к матрасу. Он аккуратно убирает мои волосы со спины, берет сначала одну руку, потом другую и перемещает их мне за спину.

И связывает их вместе. Что-то шелковое скользит по моему плечу и вниз по руке, когда он связывает мои запястья.

— Мой вчерашний галстук смотрится на тебе лучше, чем на мне, — хрипло говорит он.

О Боже. Я лежу здесь, со связанными руками, лицом вниз, и на долю секунды задаюсь вопросом — *какого черта я делаю?* Затем он приподнимает и сажает меня на колени, поднимая мое тело в вертикальное положение. Он передвигается прямо передо мной и у меня моментально выветриваются все сомнения, когда он встречается со мной глазами, приковывая мой взгляд к себе.

Он сажает меня задницей на пятки, сейчас моя поза совсем не отличается от той, когда он увидел меня прошлой ночью в гостиной. Но в этот раз я сижу на коленях между его ногами на кровати, а не на его ногах. И я уже догадалась о его плане — он хочет, чтобы я объездила его.

Он забирает презерватив из моего рта, затем откидывается на изголовье и открывает его, медленно снимая обертку, не отрывая от меня глаз. Его член толстый и жесткий, с темно-красной головкой, которая темнеет, как только он сжимает и проводит по нему рукой.

Он одел презерватив и решил просто подрочить передо мной, так что ли?

Но вопрос... ааах. Он двигает рукой его ко мне. Я хочу получить его весь, хотя и не уверена, что вообще его получу. Я хочу его с такой силой, с таким желанием, которое даже сомнения делает сладким.

Я прерывисто вздыхаю, стоит ему потянуться ко мне. Он опускает одну руку мне на бедро, другой обхватывает мою грудную клетку, крепко удерживая меня, я не могу сделать это сама.

— Теперь похоже на то, чего ты ожидала?

— Да, — выдыхаю я.

Он обвивает меня руками, придерживая связанные запястья и тянет мое тело к себе. Я такая мокрая, что его член легко проскальзывает внутрь.

— Ты можешь взять больше?

У меня подскакивает пульс.

— Да.

— Ты хочешь больше?

— Да, — *О, да.*

— Ты помнишь, что я тебе вчера говорил, что мне нравится? Я хочу, чтобы ты составила подобный список. То, что ты хотела бы попробовать.

— Я хочу попробовать все, что угодно. — *Я слишком рьяно отвечаю? А это возможно все попробовать?*

— Это хорошо, — говорит он, сильно сжимая мою задницу, я даже пишу, он приподнимает меня.

Я кручу бедрами, желая почувствовать его внутри себя.

— Но... — он утихомиривает меня, пока я опускаюсь на него.

Я вскрикиваю, и он хватается меня за волосы, наматывая на кулак. Одна его рука лежит у меня на заднице, другая — запуталась в моих волосах, мои руки связаны за спиной. Конечно, это превосходная поза. Как он может, имея все это, соблюдать свой контроль? Я же хочу остановить мир, и пусть он берет меня снова и снова.

— Но что? — тяжело дыша, спрашиваю я.

— Но иногда мне хочется знать, что ты хочешь. Иногда мне захочется сделать твои фантазии реальностью.

Прежде, чем встретила его мне казалось, что у меня нет никаких фантазий.

— Я хочу... Я хочу тебя и хочу жестко.

Он тянет меня вниз на себя, входит на всю длину, заполняя меня на одном дыхании — моем украденном дыхании.

— Жестко?

— Жестче.

— Ах, ты, развратная женщина, — он приподнимает свои бедра, вытаскивая из меня член, затем снова толкается внутрь. Это всегда была моя любимая поза, но Гэвин вывел ее на совершенно новый уровень, удерживая меня в равновесии, медленно трахая. Его глаза сверкают. *Возьми его. Прими его жестко.* Я расслабляюсь, все мое тело становится мягким, пока он удерживает меня на коленях. Я совершенно беспомощна, превратившись в его игрушку.

В какой-то момент он начинает ритмично двигаться, приподнимая бедра вверх и опуская их вниз, при этом его рот занят. Он лижет и сосет, опускаясь вниз по моей шее к ключице, вколачиваясь в меня сильнее, достигая заветной точки, от чего я просто плавлюсь.

«*Пометь меня*», — я выдыхаю, он позволяет моей плоти опускаться на него с хлопотным звуком, я настолько мокрая.

— Великолепная, — выдыхая говорит он, наклоня меня к себе, моя грудь маячит у него перед лицом. — Такая великолепная.

Моя грудь маленькая. И мне нравится, что большую часть времени я могу ходить без лифчика, и могу запросто найти свой размер среди модных фасонов. Но я расстроено вспоминаю, что когда-то думала совсем по-другому — чего-то... не хватает.

Я ненавижу, что хотя бы секунду позволяла себе так думать. Я совершенно неправильная феминистка.

Но с Гэвином у меня появляется вера, что он действительно хочет *меня* такой, какая я есть, несмотря на то, что он не позволяет мне пошевелиться и у меня связаны руки за спиной, каждым своим действием он доказывает, что это правда снова и снова. Также, как и сейчас он шепчет мне как сильно ему нравится моя грудь.

— Она в веснушках..., — он облизывает, кружа над моим правым соском. Внутри меня его член изгибается, и я тяжело дыша нанизываюсь, растягивая меня глубоко внутри. — Чувствуешь, что твои *веснушки* делают со мной, Спрайт?

— Да.

— В один из дней я собираюсь кончить на эти веснушки. И моя сперма на них будет доказательством того, насколько ты меня возбуждаешь.

— Аааа..., — его образ, как он кончает на мою грудь, сводит меня с ума. Я пытаюсь сдвинуть ноги, чтобы занять более выгодную позицию на кровати и быстрее объезжать его, мне очень хочется кончить.

Но Гэвин, видно, просчитал мой ход.

— Не делай этого, Спрайт.

Я сразу же останавливаюсь, бедра дрожат от потребности испытать оргазм.

— Пожалуйста.

Он выжидает.

— Пожалуйста, Сэр. Я хочу жестко скакать на тебе.

— Нет. Ты хочешь побыстрее кончить. Ты хочешь, чтобы я тоже кончил. Ты хочешь, чтобы все закончилось?

— Нет..., — я закрываю глаза и выгибаю спину.

Он награждает меня — резко, жестко вставляя свой член, я кричу его имя. Его эрекция вколачивается в мою матку и трется о точку G, двигаясь взад-вперед. Столько у него в запасе рычагов, способных управлять мной?

— Я хочу, чтобы ты кончила. Я хочу, чтобы ты сжала свою красивую киску вокруг моего члена и оросила его соками, и мы оба наполнились бы удовольствием и болью. Если не

учитывать, что ты хочешь непрекращающийся оргазм, пока я не приду к кульминации.

По моему телу проходит дрожь и вырывается стон, я все поняла.

— Да, — мягко говорит он. Настолько ласково, это явный признак того, что он собирается сделать что-то ненормальное. Он обхватывает мои запястья и галстук развязывается. — Скачи на мне, Элли.

Он растирает запястья, держа мои руки перед собой. Тон его голоса изменился, и я боюсь, что разрушила некую магию между нами. Но Гевин имеет цель трахнуть меня как Сэр. Я опускаю руки на его плечи и приподнимаюсь на коленях, задевая соском его губы, двигаясь к нему вперед всем телом. Он прихватывает мой сосок, пока я пытаюсь приподняться.

Я проскальзываю пальцами ему в волосы, сжимая в кулак прядь, опускаясь на него. Я до конца вдавливаюсь в него, клитор все время трется о его кожу. Его член входит в меня под углом, достигая и ударяя по точке G, и я совершаю несколько долгих, медленных движений вперед-назад. Он прикусывает мой сосок, я почти достигла конца. Я сильнее и быстрее начинаю двигать своими бедрами, в это время он сосет и прикусывает мои соски.

Я дергаю его за волосы, запрокидывая его голову назад и набрасываюсь с жадным поцелуем на его рот. Я уже так близко.

Он жестко двигает своими бедрами навстречу мне, вторя моим движениям, он крепко сжимает мой сосок, и моя Вселенная разлетается. Он глубоко погружается в меня, я чувствую, как его член пульсирует внутри, когда он кончает.

Я превращаюсь в тряпичную куклу без костей, он аккуратно снимает меня со своего тела и укладывает на постель.

— Хорошо?

Он ухмыляется, глядя сверху вниз.

— Это было замечательно.

Я краснею от его издевки над моими слова.

— Заткнись.

Он целует меня в нос.

— Это было превосходно.

— Я до сих пор учусь.

Его лицо становится серьезным.

— Элли, мне нет необходимости учить тебя чему-то. Прости, что я когда-то говорил, что мы не совместимы. Очевидно же, что это не так. Ты идеальна именно в том, какая есть. И то, что ты заинтересована, позволяя мне играть, отдавая мне контроль... это как вишенка на вершине торта. Я не хочу, чтобы ты беспокоилась об этом.

Мы, наконец, спускаемся вниз на кухню после неторопливого душа, Гэвин вымыл мне волосы и всю меня и насухо вытер. Никогда еще любовник столько не заботился обо мне, в физическом плане. Конечно, ни одного своего парня я даже не могу назвать любовником.

Кухня — это умопомрачительная древность.

— Ух ты, — говорю я, разглядывая винтажные шкафы и утилитарное электрическое оборудование из нержавеющей стали, скорее всего первого поколения. Остальная часть дома имеет больше антикварный стиль. Это же просто выглядит... жутко страшно.

Он ухмыляется, открывая холодильник, достает яйца, сосиски, помидоры, грибы.

— Там должен быть хлеб в хлебнице, позади тебя.

Я поворачиваюсь и осматриваюсь. Да, есть отличный хлеб. Надо же на ужасной кухне есть роскошная еда. Славный компромисс.

— Кто делает тебе покупки?

— У меня есть домработница, которая приходит несколько раз в неделю. Она относится к штату генерал-губернатора. Мне нет смысла иметь весь комплект домашнего персонала для моей семьи... меня... в первую очередь, я предпочитаю съесть пиццу и выпить пива.

Я смотрю на него не веря своим глазам.

— Пиццу?

— Много овощей, — он посылает мне мальчишескую улыбку, которая превращается в неприличную-как-грех и совсем не-мальчишеский-взгляд. — И естественно все это, она должна отработать.

Я чувствую неожиданный укол ревности.

— И как часто ты это делаешь?

Он замирает.

— Нет, — и качает головой. — Это всего лишь грязные разговоры. Я не делаю ничего подобного, Элли. Не с кем-то до сих пор. Только с тобой.

У меня в животе начинают порхать бабочки. Я улыбаюсь.

— Хорошо.

— Иди сюда, — он отставляет в сторону тарелки седой и хлопает по столешнице. Я медленно проскальзываю к нему, вставав перед ним, он приподнимает меня вверх и усаживает на столешницу. Теперь наши глаза на одном уровне, я наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

Он позволяет, раздвигая губы и медленно поглощая мои. Я скольжу языком по его языку, приглашая поиграть.

Он принимает приглашение. Он исследует каждый дюйм моего рта, изучая, заставляя меня застонать и обхватить его ногами вокруг талии. Его поцелуй проникает мне прямо в мозг, ослабляя мои колени, и когда он позволяет мне глотнуть свежего воздуха, я не могу вспомнить, что побудило меня к этому поцелую изначально.

Но он то помнит, конечно все, Мистер Всегда-Все-Под-Контролем.

— Думаю, фактически это наше первое свидание, — говорит он, передвигая костяшки пальцев по линии моего подбородка, затем накрыв ладонью мою шею. Его тепло от руки проскальзывает мне под кожу, успокаивая, я даже не осознавала, насколько была взбудоражена. — Мы кружили вокруг да около несколько недель, мое положение создает некую интересную проблему, когда дело доходит до свиданий.

Ах. Ранее он упоминал *об этом*.

— Мы встречаемся?

Он мягко улыбается, но в его глазах видно напряжение.

— Если ты готова.

— О, Гэвин, — я тянусь к нему, касаясь руками его груди, плеч, но мне этого мало, поэтому беру его лицо в ладони. — Да, я готова. Я просто не была уверена возможно ли было... такое. Или нужно. Или... что-то еще. Я сомневалась, действуя исключительно вслепую.

— Я тоже, — его губы превращаются в одну линию. — Мы не можем постоянно открыто встречаться на публике. И я ненавижу это говорить, звучит как-то омерзительно, но...

— Нет, это не омерзительно.

— Но когда ты вернешься к своим исследованиям...?

Я наклоняюсь и мягко целую его.

— Я не возражаю скрывать наши отношения, как можно дольше. Я буду осторожна. Я никому не говорила. Даже своей соседке, хотя она знает, что я влюблена в тебя.

Он слегка краснеет. ПМ. Краснеет, даже не могу сказать, насколько очаровательно это выглядит.

— Правда?

— Да.

Он прочищает горло.

— Наши чувства взаимны.

— Ну, хорошо. Я так беспокоилась об этом, — я подмигиваю ему, потому что серьезно волновалась — сильно ли он хочет меня. Гэвин заставил меня почувствовать себя самой желанной и ценной во всем мире.

Он с такой нежностью гладит мою щеку, что мне даже хочется заплакать, пока я гляжу в глаза, которые напоминают мне два горных ярко-синих озера, внимательно всматриваясь, словно пытается что-то отыскать. И мне кажется, что он нашел то, что искал, потому что улыбается и отходит на меня на шаг назад.

— А сейчас... позавтракаем?

19.

Элли

Для Гевина заниматься официальными служебными обязанностями означает, что он этим поздним утром потратил всего лишь два часа на чтение информационных бюллетеней. Я не возражаю, потому что большую часть этого времени, провожу, свернувшись калачиком у него на коленях, читая его любимую книгу, выпущенную в прошлом году — захватывающий триллер про агентов, выполняющих спецоперацию и фармакологическое оружие, которое превращает людей в зомби.

Теперь эта книга стала и моей любимой книгой, хотя в ней главное действующее лицо — женщина, надирающая всем задницы. Прежде чем я собираюсь ему об этом сообщить, он смущенно сообщает мне эту новость, что подсказывает мне, что смущается он на самом деле, я целую его в шею.

Да, будет супер трудно по уши не влюбиться в такого парня. И я не уверена, что специально буду себя останавливать.

Наш ланч состоит из великолепного кобб салата... определенно Гэвин делает хрустящий бекон лучше, чем любой другой премьер-министр за всю историю страны, так он утверждает, по крайней мере. Я с ним согласна, бекон очень вкусный, правда лучший. Я нарезаю ветчину, сыр, помидоры черри и яйца. Яйца уже были сварены и почищены, я считаю, это несправедливо.

— Скольким людям может так повезти, что у них будут в холодильнике уже сваренные и очищенные яйца? — я смотрю на него через всю кухню. — Она не просто домработница, судя по всему, она хочет побаловать тебя.

— Я не прошу ее это делать!

— Но ты ценишь ее старания?

— Конечно, — у него на скуле появляется еле заметный красный цвет. — И обязательно оставлю в понедельник записку с благодарностью.

— Отлично.

Я не хочу слишком уж заикливаться по поводу прислуги на нашем первом свидании, но он с юмором поглядывает на меня, отчего мой желудок трепещет. Это превращается в прототип марафона ультра семейной жизни.

Мы проводим день, плавая в его собственном бассейне, который находится в отдельном здании, куда можно пройти через коридор в подвале. Когда я иду по нему, у меня возникает такое чувство, словно я открываю какую-то государственную тайну. Затем мы снова идем в библиотеку, где я сворачиваюсь калачиком, мы вместе читаем. И именно тогда Гэвин сообщает мне, что я остаюсь еще на одну ночь, но завтра утром он должен будет уехать.

— Я могу поехать домой сегодня вечером, — шепчу я, осыпая его лицо поцелуями. Я бросила книгу на пол и оседлала его ноги. Мне нравится это большое кожаное кресло. В нем есть что-то... порочное, словно оно специально сконструировано для секса.

Или возможно создано только для нас. Гэвин проводит руками вверх и вниз по моим голым бедрам. На мне до сих пор надета его рубашка, больше ничего.

— Попробуй пройти мимо сотрудников ККП (*Канадская конная полиция*), дислоцированных за пределами дома, — рокошет он.

— Думаешь, они прикуют меня к воротам, если я попытаюсь сбежать? — восклицаю я, как только он убирает мои руки за спину. Это именно то, что мне хочется, я тут же начинаю двигаться на его эрекции, закрытой джинсами. — Сними их, — стону я, чувствую себя возбужденной и отчаянно желая его снова.

— Презервативы наверху.

— Я буду хорошей девочкой. Я хочу потереться о него.

— Господи, — он отпускает мои руки, спускает джинсы и выпускает свой уже бушующий член. Я вижу, как он проходится по нему рукой, затем опускает джинсы ниже, на бедра, освобождая для меня место, чтобы я могла передвинуться поближе.

Я прикусываю губу, мне так хочется ощутить его на всю длину внутри себя. Я на таблетках. И ему я доверяю. Но это наше первое свидание. И он купил презервативы, которые лежат наверху, позаботившись обо мне, это важно для него, и мне нравится, что...

— Спрайт, — предупреждая говорит он, словно способен читать мои мысли.

— Я немного поиграю с ним.

— Хорошо, — он приподнимает спереди вверх мою рубашку, опустив ладони мне на задницу, поглаживая по спине через тонкую хлопчатобумажную ткань. — Я буду несказанно рад, если ты будешь помнить, что себя нужно контролировать.

По моему телу проходится сильна дрожь.

— Буду.

— Хорошая девочка.

Он поглаживает меня, я медленно начинаю крутить бедрами по его эрекции, но внизу своего живота чувствую нарастающее напряжение, мне хочется двигаться быстрее, он спускает свою рубашку с моих плеч и дотрагивается до моей груди.

Дотрагивается не совсем то слово, которое подходит к нему, он производит определенную работу над моей грудью. Он методично и точно изучает мою реакцию, невероятно горячую. Он возбуждает, поглаживая и сжимая грудь, не отводя от меня глаз, затем переводит взгляд обратно на мою грудь и так все время. Он наблюдает и изучает мою

реакцию, что мне больше всего нравится. На это у него уходит немного времени, чтобы выяснить мою точку дискомфорта, он продвигается немного дальше, заставляя меня запищать.

— Ты можешь взять его, — с уверенностью говорит он. И я ему верю.

Эрекция пульсирует между моих ног, и я испытываю такую сильную радость, которая заводит меня еще сильнее. Я хочу потереться о его член, как кошка, но только похотливо, так способен только человек.

— Ты хочешь кончить подобным образом?

Я киваю, испытывая страстное желание, которое туманит мне голову.

— Ты самая сексуальная женщина, Элли. Господи, — доносится до меня его голос, он притягивает мое лицо к своему, грубо целуя меня, пока я усиленно жестче трусь клитором о его член, уловив правильный угол, что чувствую себя от этого «*Обожемой!*», очень хорошо. — Я хочу проделать с тобой так много всего.

— Да, — тяжело дыша, отвечаю я, удерживая себя, чтобы не кончить. Он не хочет, чтобы я кончила, я и не буду. Я готова умереть, но не кончу. — Скажи мне что именно.

— Позже.

Я расстроено выпячиваю нижнюю губу, и он прикусывает ее. Его горячее дыхание на моих губах, заставляет меня таять.

— Прямо сейчас, — шепчет он, — я хочу, чтобы ты кончила на мой член. А потом, ты возьмешь в свою руку мой х*й, покрытый твоими соками, и будешь мастурбировать им. Я хочу кончить тебе на живот, Спрайт. А после этого, ты разотрешь мою сперму по своей коже и оставишь эту метку на всю ночь.

— Это звучит так грязно, — я пытаюсь улыбнуться, уже так близко подошла к краю, почти, я превратилась в один единый комочек нервов между своими ногами, который трется о эрекцию мужчины моей мечты. Это слишком много для меня, и пока он шепчет мне какие-то слова, я кончаю ослепительным, головокружительным оргазмом, который начинается в моем сердце и проходит через все тело.

Даже мои пальцы покалывают от ощущений, но я помню, что он хотел получить от меня. Несмотря на то что оставшиеся слабые волны все еще изредка проходят по моему телу, я переключаю свое внимание на него, оборачивая пальцы вокруг его члена.

Он мокрый от моих соков, у Гевина вырывается стон от моего прикосновения.

— Я уже слишком близко.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Я хочу чувствовать, как ты кончаешь. Я хочу прикоснуться к тебе и попробовать на вкус. Я хочу, чтобы ты кончил на меня.

— Ты ненасытная, — усмехается он, опуская голову на спинку кресла. Я наклоняюсь и целую его в шею. Его эрегированный член зажат, как в ловушке, между нашими телами, я прохожусь рукой вверх-вниз, его головка упирается мне в живот.

Он рычит, коротко и резко, от этого звука я испытываю гордость, его руки сжимаются, а потом отпускают мою задницу.

— Быстрее. Ты можешь действовать грубее.

— Это больше относится к тебе.

— Боже..., — вскрикивает он, выстреливая на меня струей, я начинаю хихикать. Ничего не могу с собой поделать. Сперма горячая и липкая. — Не смейся, Спрайт.

— Извини, — радостно говорю я. Я не отдергиваю руку и не делаю ничего такого, словно это является чем-то ужасным. Мне нравится. И я больше чем уверена, что он знает,

что мне нравится. Мне нравится все, что он может мне предложить, в том числе и включая мой облитый живот от моего же «ручного труда».

Он фыркает.

Я жду, он несколько раз глубоко вздыхает, затем открывает глаза, и я делаю то, что он говорил, размазываю его сперму по своей коже, оставив его след. Он замерев наблюдает за моими действиями, когда я заканчиваю, мы словно возвращаемся к действительности и окунаемся в страстные ласки друг друга, мне кажется такое не может происходить между двумя взрослыми — заниматься сексом уже с десятков раз за последние восемнадцать часов.

Я немного утрирую, конечно.

Видимо, «оставить след на всю ночь» подразумевало тридцать минут, потому что, в конечном итоге, мы вместе принимаем душ, и я впервые с вечера пятницы одеваю нормальную одежду.

Единственная причина, по которой я согласилась с его аргументом заказать еду на ужин, в обмен на секс у стены... не то, что я бы жаловалась, но секс у стены... умм.

— С курицей и карамелизированным луком, на данный момент — это мое самое любимое блюдо.

Он потрясенно смотрит на меня.

— Что?

— Это не пицца.

— Прости? — я визжу, когда он наступает на меня и прижимает к стене. Я замираю, как только оказываюсь в ловушке его рук — одна рука упирается в стену рядом с моей головой, другая обвивается вокруг моих бедер. — Зато вкусно.

— Ты вкусная. Но это не пицца.

— Что ты закажешь?

— Для нас пиццу пеперони, если ты не вегетарианка. Можно заменить грибами или помидорами.

— Что это такое? Пепперони?

— Это начало, основа. Затем можно добавить грибы, зеленый перец, колбасу, лук... не карамелизированный. Это слабость. Красный лук. Оливки тоже будут хороши.

— О мой Бог, — я облизываю губы. Мне не стоит вдаваться в дискуссию, что стоит положить в пиццу, но я не могу. — Ты сноб, но наоборот.

— Я не сноб.

Я киваю, теперь отчетливо видя всю картину.

— Твой мир соответствует заведенному порядку. Это не клише. Ты, на самом деле, предпочитаешь пиво и пиццу навынос.

— Конечно.

Я смеюсь.

— Ты настолько идеален, что мне аж больно.

— Вряд ли я настолько идеален. У меня есть красивая женщина, с которой я спорю по поводу пепперони. Если это не отрицательная черта моей личности, не знаю тогда, что.

— Мне нравится спорить с тобой.

— Может, после пиццы и пива мы сможем провести дебаты по поводу инициатив в различных областях нашей экономики и стоит нам или нет ликвидировать Сенат.

— Серьезно? Давай начнем прямо сейчас.

— Не могу, — он нежно целует меня, затем чуть глубже, его поцелуй посылает ток по моим пальцам, я своими действиями, начинаю призывать его к продолжению. Но на этом все. — Нужно заказать пиццу. Две пиццы.

— Думаю я справлюсь с пепперони. Если ты добавишь туда черные оливки.

— Я смогу завтра с утра доесть остатки, пока буду готовиться к встрече на высшем уровне.

— Если бы твои избиратели видели тебя сейчас....

— Прекрати, не заставляй меня краснеть.

Я все еще продолжаю хихикать, он поднимает трубку и набирает номер, который видно помнит наизусть. Он заказывает две пиццы, добавив в мою вяленые помидоры и маслины, подмигивая мне, когда я удивленно приподнимаю брови.

— Что? Думаю, могу подавиться карамелизированным луком, если вокруг будут еще и другие вкусы.

— А ты интересный человек, мистер Стронг.

Он просто ухмыляется.

— И ты действительно закажешь доставку, как и все остальные?

— Я *такой же* как все.

— Ну...

— Эта пиццерия проверена, как говорится. Лаклан дал мне ее номер телефона, и сказал, что я могу позвонить, их проверяют у ворот. Но я совершенно ясно выразился, что не собираюсь нанимать шеф-повара, который будет готовить мне пиццу или что-то типа того. Мне необходимо хоть иногда иметь нормальную жизнь, и охране приходится приспособливаться.

В его словах есть нечто такое, отчего мое сердце отзывается болью, я привстаю на цыпочки и нежно его целую. Затем я возвращаюсь к своей книге, пока мы ждем пиццу. Он отвечает на телефонный звонок, потом открывает дверь, когда приезжает доставщик.

— Вот ваша пицца, — слышу я, поднявшись по лестнице в холле, и стараясь не показываться на глаза. — Тридцать долларов.

— Спасибо, парень. Сдачу оставь себе.

Я следую за ним на кухню, мы раскладываем пиццу на тарелки (он берет кусочек моей, по его мнению, он обязательно должен ее попробовать) и предлагает мне пиво.

— Или мы могли бы открыть бутылку вина, — добавляет он, видя, что я замешкалась со своим ответом.

Я от удивления моргаю.

— Ты любишь вино?

— Да.

Я пытаюсь отыскать на его лице признаки, что он подкалывает меня, но оно по-прежнему вежливое.

Он смеется.

— Я предпочитаю красное, но пью белое. Шампанское только в особых случаях, когда какое-то событие или пью его с тела красивой женщины.

— И ты часто такое проделывал?

— Не на днях точно.

Я улыбаюсь.

— Пиво звучит неплохо.

— Это был своего рода тест?

Теперь пришла моя очередь смеяться.

— Нет. Иногда ты просто двигаешься вперед с такой скоростью, что я не успеваю за тобой. Я всего лишь раздумывала, чего мне больше хочется.

Он протягивает бутылку пива, но не отдает ее мне, когда я тяну руку.

— На самом деле, ничего такого — шампанское с тела женщины, не было за последнее время.

— Я..., — мой пульс замирает. — Уже забыла об этом.

— Я не хочу быть ни с кем, только с тобой.

Я киваю.

— Только мы.

— Не слишком мы перегрузили наше первое свидание?

Нет, не слишком.

— Ты купил мне пиццу. Возможно, с этого начинается наше второе свидание.

Он криво улыбается, морщинки появляются в уголках его глаз.

— Когда дело доходит до тебя, я становлюсь полным собственником. Предупреждаю честно.

— И я тоже, — я не собираюсь сдерживаться. — Предупреждаю честно.

Мы оставляем этот разговор, делая несколько глотков пиво.

Мы едим пиццу, под звук телевизора, а потом он открывает дверцы шкафа, встроенного в книжные полки, предоставив моему обзору настоящую сокровищницу настольных игр.

— Что ты предпочитаешь? «Монополия»? «Ключ к разгадке»? «Скрабл»? Кости?

Винтажная игра «Ключ к разгадке» искушает меня, но я хочу сыграть в «Скрабл» с умнейшим человеком, с которым переспала.

Оказывается, он до неприличия отвратительный жулик.

— Прекрати, — протестую я, указывая на еще одну S, которую он выуживает из своего лотка. — Сколько их у тебя?

Он пожимает плечами и ставит ее, превращая мой НООК(*ловушка, западня*) в НООКС(*руки, пальцы*) (подшучивая над тем, как всего лишь какая-то буква S в «Скрабл» способна так легко изменить предмет), а потом вниз от своей S он выстраивает полностью слово — STAINER(*краситель*), всеми имеющимися у него буквами.

— Я ненавижу тебя.

— Это не хороший знак, что мне повезло в конце нашего второго свидания, — он подмигивает мне, и я понимаю, что он поддразнивает меня, раздражение тут же проходит, сменяясь противоположным чувством, на которое тут же откликается мое тело.

Игра в «Скрабл» и его жульничество, стремительно сменяются тем, что я на самом деле чувствую к Гевину, чему-то более серьезному.

— Нет, — слабо говорю я. — Могу поспорить, что ты довольно тверд.

20.

Гэвин

Выходные были настолько идеальными, но прошли, сейчас я торчу на борту самолета, направляющегося на саммит в Амстердам по вопросам изменения климата, вместо того, чтобы прижаться к моей милой Элли.

Я скрепчиваю ноги и смещаюсь немного в сторону, чтобы скрыть свою дискомфортную эрекцию. Я не могу даже произносить ее имя, чтобы тут же не вспоминать ее красивое, голое тело, раскинутое на моей кровати, когда ее попа порозовела от моих шлепков.

Я возвращаю свое внимание к речи, с которой должен выступить в среду. Все хорошо, но чего-то не хватает. Я пишу Стью, чтобы Элли посмотрела речь.

Если я и Элли собираемся держать все в тайне, лучше всего действовать исключительно профессионально. А это означает, не пропускать звеньев в рабочей цепи.

По моим часам мне предстоит просидеть здесь еще шесть бесконечных часов, пока не приземлимся. Мне нужно подготовиться к этому саммиту, и я готов заключить сделку с самим собой. Если я закончу все по брифу во время полета, я смогу позвонить Элли, как только размещусь в номере гостиницы.

Как только я остаюсь один (ну, настолько, насколько могу быть одним, Лаклан расселился в соседней комнате) я достаю свой телефон. Номер Элли уже внесен в мои контакты. Я изменяю ее имя на Ли (*Ли Холловэй, главная героиня фильма «Секретарша», — прим.пер*)... неа, я не могу устоять не ссылаясь на «Секретаршу»... жду. На четвертый звонок, мысленно формулируя сообщение, которое собираюсь ей отправить.

— Привет.

— Не вовремя?

— Нет, конечно, нет. Как прошел твой день?

— Утомительно. А твой?

— Тоже.

— Может, способны помочь некоторые позы йоги.

— Какую позу ты можешь порекомендовать?

Да, черт возьми, я изучил асаны йоги, когда узнал, что она ею занимается.

— Одну или две.

— Например?

— Ох... поза коровы, саранчи или кузнечика, возможно, скручивания полулежа или полусидя..., — я усмехаюсь при мысли, как она будет смотреть в позе кузнечика. Психическое подчинение во всей красе.

— Ммм. Всем этим йоговским позам придется подождать, пока я не уйду с работы, — ее голос звучит высоко, поддразнивая.

— Просто помни, что я говорил тебе о контроле твоего внутреннего света, — предупреждаю я.

— Намасте.

Мне хочется разговаривать с ней часами, но я знаю, что она в офисе. Мы и так сделали огромные шаги вперед. Разница во времени для меня почти так же невыносима, как и то, что я нахожусь от нее вдали. Следующий вечер пятницы наступит не так уж быстро.

— Мне следует отпустить тебя, чтобы ты могла вернуться к своей работе. Можешь мне звонить или писать в любое время, как только возникнет потребность.

— Хорошо.

Мы прощаемся, и я кладу свой телефон назад в портфель. Потом одумываюсь и достаю его, положив на тумбочку у кровати. Я не хочу шарить и искать, когда она напишет или позвонит.

Я ложусь на кровать и прокручиваю наш разговор в голове. Моя рука сама собой скользит вниз по брюкам, я кладу ладонь на основание члена, пальцами лаская яйца. Я хочу

кончить, но не без нее.

В этом мой самоконтроль — кремень. Просто потому, что ей приходится ждать вечера пятницы, чтобы получить освобождение, не значит, что я должен делать тоже самое. Но я делаю. Даже если я позволю себе кончить, знаю, в моем сердце это будет не более чем версией... не изменяющего сознания освобождения, которое я могу получить только, когда нахожусь с Элли.

Я поражен осознанием, что Элли, как мне показалось ранее, нравится играть в ролевые игры. Я перестаю ласкать свои яйца и начинаю думать. Хватаю свой телефон, быстро набирая сообщение.

Би Джей: Хорошего дня. Не забудь, что ты должна вовремя составить список и не забудь про свое яблоко. *(вагина, влагалище – прим.пер.)*

Я испытываю желание сейчас же отправить текст, пока она не спит, но мне хочется кое-что выведать у нее в ближайшие дни, поэтому я заново сообщею в список и ставлю время, примерно то, когда она просыпается на работу. Удобно, если это так сработает, моя смс-ка придет к ней именно тогда, когда у меня будет завтра перерыв на ланч.

Я не настолько глуп, чтобы писать смс-ки на встречах, но я использую каждую маломальскую возможность, которая у меня появится.

Я сижу на совещании, которое никак не закончится, черт возьми, чувствую вибрацию телефона в кармане. Изначально в это время у нас должен был быть перерыв на ланч, но какой-то мудака предложил продолжить, перенес ланч.

И слишком многие кивнули головами, и теперь вместо чтения смс-ки от моей девушки (я минуту прокручиваю в голове «моя девушка», потому что мне нравится, как звучит это слово), я застрял в комнате, полной дегенератов, неспособных понять прочитанное, которые требуют, чтобы им объясняли всякую х*йню, имеющуюся в докладе, который мы обсуждаем.

Наверное, я веду себя неразумно, но я никогда не был в роли премьер-министра, который встречается со своей девушкой, и моя терпимость, все, что не касается самой девушки, желательно голой... подходит к концу.

Как и ожидалось, встреча наконец-то заканчивается, у меня всего пять минут, а потом я должен присутствовать на следующей, поэтому посмотрю ее смс-ку перед приемом. Единственное, что имеет для хоть какую-то пользу — туалеты и следующая встреча пройдет в комнате, которая находится недалеко от первой.

Лаклан ждет меня за дверью, чтобы сопроводить. Хотя место охраняется службой безопасности саммита, никто из участников рисковать не намерен.

Следующая встреча, к счастью, намного короче, чем планировалась, у меня появились лишние полчаса, чтобы проделать еще кучу дерьма, а потом подготовиться к ужину.

Мне хочется прочитать текст Элли в ту же минуту, как только я оказываюсь один в своем номере, но у меня есть определенные обязанности, поэтому сначала я проверяю сообщения на своем официальном телефоне, пререкаюсь по электронной почте со своими подчиненными, и звоню Стью, давая очередной инструктаж.

Моего собственного времени до шести часов у меня остается всего лишь час, а потом я должен отправиться на прием.

Я вытаскиваю телефон из кармана и ввожу свой код.

Ли: Написание списка затягивается, и сегодня день банана.

Она хочет поиграть. Смесь радости и облегчения проходит через меня. Мне требуется

минута, чтобы придумать ответ, который будет комфортным.

Би Джей: Насколько я помню, написание списка с нарушением сроков чревато наказанием.

Мой телефон вибрирует через секунду, стоило мне нажать «Отправить».

Ли: Я смогу принять удар.

Черт побери, меня. Я выиграл джекпот с этой женщиной. Умная, остроумная и любит хорошую порку. Мне хочется запрыгнуть в самолет и отправиться к ней домой, или, по крайней мере, худо-бедно общаться с ней по телефону, слыша ее голос. Но долг зовет. Я пишу последнее сообщение:

Би Джей: Обсудим позднее.

Я нажимаю отправить и иду в душ. Горячая вода помогает расслабиться, но ненадолго. Весь день я находился в напряжении. Быстро вымывшись мылом и сполоснув себя водой, я стараюсь игнорировать эрекцию, которая становится просто бешеной, нежели в течении дня. У меня есть план, как достичь облегчения и освободиться от своего груза, но это никак не связано с голландским водостоком.

Я сопротивляюсь соблазну и воздерживаюсь проверять ответ до того, как оденусь к ужину. Конечно, она ответила.

Ли: ОК

Отлично. Я дважды проверяю телефон, включив вибровозвон, кладу в карман пиджака.

Чтобы выполнить все мои обязанности, уйдет некоторое время, пока я вернусь с ужина. Я понимаю, что тороплюсь, поэтому действую осторожно, у меня уходит на подготовку к ужину больше времени, чем обычно.

Наконец, наступает мое время — мое собственное, и хотя я знаю, что Элли фактически на часах, она работает гораздо больше, чем ей платят, и имеет право на несколько минут, чтобы поговорить со своим парнем премьер-министром. Такой термин больше подходит подросткам, но на самом деле, он также подходит и к нам в данный момент.

На втором гудке она поднимает трубку.

— Привет.

— Привет. Как прошла вчера йога?

— Носила дисциплинарный характер.

С этим словом, мой член тут же переходит от вежливого напоминая о своем присутствии к активным действиям, взбрыкивая и призывая к вниманию.

— Приятно слышать. А как банан?

— Идеально твердый. Гораздо вкуснее, чем мягкий.

Я чуть не подавился своими слюнями. Этот разговор, я не могу вести закодированным образом.

Элли смеется и жалеет меня.

— Как дела?

— Идут. Поза лотоса была, на мой взгляд, немного не хороша и не плоха.

— Я как раз иду ее делать.

Не могу сказать, действительно ли она собирается на йогу или издевается надо мной, подразумевая сексуальный подтекст. Я не могу спросить ее об этом, поскольку просто не засну, проворачивая в голове ее ответ.

На следующий день я должен выступить со своей речью. К счастью, Элли ее тщательно

отполировала и сделала более похожей, если можно так выразиться... на меня. В речи теперь присутствует мои, действительно, личные рассуждения, не противоречащие нашей официальной позиции по изменению климата, я не лицемерю.

Я пишу ей смс-ку и опять ставлю отправление на определенное время, когда у нее начнется утро, перед тем как выйти за дверь своего номера.

БИ ДЖЕЙ: Хорошего дня. Будь осторожным пешеходом.

Ли: А, что если я спешу и пробок нет?

Би Джей: Ты никогда не знаешь, когда полицейский может тебя арестовать.

Ли: Думаю, мне лучше иметь под рукой свою карту выхода из тюрьмы.

Черт побери. Я могу только догадываться, что она имеет в виду, и уж точно хочу узнать, прав ли я. Теперь я *точно* знаю, в какие ролевые игры мы будем играть в пятницу вечером, когда я вернусь в Оттаву. Мне всего лишь нужно найти подходящую возможность... и слова... чтобы поднять эту тему с Лакланом.

Я решаю тут же позвонить Элли, потому что хочу услышать ее голос прежде, чем займусь работой. Я хорошо справлялся со своими желаниями всю эту поездку, но на этот раз, я собираюсь поставить свои желания на первое место.

— Привет, — я жду всего лишь один гудок. Я отмечаю, что она ждала моего звонка.

— Привет. Как дела?

— Прошел еще один без копов.

Как я стал таким чертовым счастливымчиком?

— Да, слышал пятница может быть убийственной, дело может дойти до ареста.

— Ценю твой совет. У тебя есть еще какие-нибудь советы... на случай, если я обнаружу себя в месте... которое может меня беспокоить?

— В случае, если ты попадешься... не оказывай никакого сопротивления. И соблюдай особую осторожность, сторонись всего, чтобы не попасться и не быть схваченной полицией, преграждая твое продвижение.

— Буду иметь все это в виду. Спасибо.

— С радостью готов помочь. Мне нужно вернуться к работе. Я свяжусь с тобой позже.

— Увидимся.

Я отключаюсь и приступаю к работе, разбирая горы писем, которые накопились в течение всего дня.

Четверг еще один длинный день, заполненный встречами, перемежающимися кратким шквалом смс-ок. Ролевая игра определенно для нее, но по-видимому, ей не очень-то нравится роль горничной. Хорошо, что я выяснил это.

Би Джей: Хорошего дня. Не забудь вытереть пыль под столом.

Ли: Я не вытираю пыль. И также я не мою окна.

Би Джей: Понятно. А что ты делаешь?

Ли: Найми кого-нибудь для этого.

Би Джей: Логично. Остерегайся полиции.

Ли: Не волнуйся, я буду полностью готова.

Когда я закончил работать, то слишком устал, чтобы разговаривать по телефону с Элли. Я хотел бы, но нет сил, и поскольку я реалист, то понимаю, что иногда такое будет происходить. У меня осталась последняя встреча за завтраком завтра утром до того, как мы вернемся в Оттаву. Я посылаю ей смс-ку перед сном.

Би Джей: Счастлиное число — семь. Будь готова.

В ответ смайлик говорит мне, что она четко и ясно понимает, что я ей хочу сообщить — я увижу ее в семь, когда вернусь домой.

В пятницу вечером, после долгого, утомительного полета с кучей людей, высказывающими свои взгляды по тому или иному вопросу, я, наконец, вернулся на канадскую землю, и до сих пор так и не пообщался с Лакланом.

Время и возможность на исходе, поэтому в машине из аэропорта по дороге домой, я наконец решаю завести разговор.

— Лаклан, могу я задать тебе весьма деликатный вопрос?

— Конечно.

Я рад, что он ведет машину, поэтому не сможет на меня посмотреть.

— Есть ли у меня шанс одолжить твой мундир на сегодня?

Я был неправ. Он смотрит на меня долгим и тяжелым взглядом в зеркало заднего вида, а я стараюсь не ерзать на сиденье.

— Есть. Но при условии, ...что на кителе не будет никаких следов, когда вы отправите его в химчистку.

Я громко и ясно получаю от него сообщение — никаких телесных жидкостей.

— Без проблем. Спасибо.

После долгого молчания, Лаклан откашливается.

— Если вам нужно что-нибудь еще...

— Что-нибудь еще?!

— Да.

— Ты замолчал не просто так?

— Только если вам нужно...что-нибудь еще.

— Черт возьми. Мы общаемся в зашифрованном виде?

— Ну... — еще одна длинная пауза. — Прямо сказать своему боссу, что у меня имеются некие кинки пристрастия и ресурсы для их осуществления, немного трудно. Так что, да, в зашифрованном виде.

— Ах.

Он смотрит на меня в зеркало.

— Я неправильно истолковал ситуацию? — интересуется он.

— Нет, не совсем.

— Хорошо. Итак... что-нибудь еще.

— Нет, думаю, что этого достаточно. По крайней мере... сегодня.

Я обдумываю какое-то время откровение моего шефа службы безопасности.

— Лаклан, а хоккейная команда?

— Да.

— Все?

Он стреляет в меня ухмылкой.

— На нашей стороне.

Теперь все имеет смысл. Вся команда кинки, значит все связано и вращается вокруг Лаклана.

— Предполагаю, что вы знали о моих... эээ... предпочтениях?

— И доктора Донована. Был кое-кто, кто раскопал... когда вы стали премьер-

министром.

— Да, полагаю, что это возможно. Кто еще знает?

— Я и регулярные члены вашей охраны. И Канадская служба национальной разведки. Полагаю, что некоторые из нашей хоккейной команды могут догадываться. Но утечка информации, которую они подозревают может оказаться правдой, может только поставить под сомнение их собственные действия.

— Понятно. Таким образом, риск этой информации минимальный? — я смогу позаботиться о себе. Также сможет и Макс. Моя единственная забота — Элли.

— Я бы сказал, что так.

Я с облегчением выдыхаю. Как это не приходило мне в голову, что я не подверг тщательной проверки тех, кто ближе всего ко мне, на предмет слабых мест?

Мы оба молчим, пока едем до дома. Лаклан заносит мой багаж в дом. Элли должна прибыть в семь, у меня еще есть дела.

— Я схожу и принесу вам униформу. Я не шучу о том, чтобы на ней не осталось никаких следов, иначе они могут поджарить задницу любого из нас.

Я киваю.

— Первозданная чистота или я сожгу ее, или оплачу новую.

— Первозданная чистота является единственным вариантом, сэр.

— Понял. И спасибо.

21.

Гэвин

Я отправил Лаклана «арестовать Элли». Черт, меня заводит, когда я только думаю об этом. На самом деле, он не будет одевать на нее наручники, но думаю, и так достаточно.

Элли входит в дверь, как-то странно поглядывая на Лаклана.

— Где твое чувство юмора, — поддразнивает она его, не догадываясь, что я стою в тени в центре холла.

— Проходите, мисс. Офицер будет с минуты на минуту.

— Офи..., — задыхается она, низко и сексуально, на шаг приближаясь к Лаклану. Черт, нет. Но, *черт побери*, может и да.

Нет.

Господи. Я всего лишь понаблюдаю за ней еще одну минутку. Она так чертовски прекрасна.

— Ты можешь дать хоть одну зацепку, почему меня привезли сюда? Я так нервничаю, — резко выдыхает она. Мой член пульсирует, штаны униформы плотно сидят на мне, поэтому не дают возможности скрыть возбуждение, как джинсы или костюмы.

Мой член любит свободу. Не могу точно сказать, как я себя чувствую, но Элли сто процентов уже в ролевой игре.

Прошла неделя с тех пор, как я держал ее в своих объятиях, Лаклану стоит уйти. Сейчас же.

Я выхожу из тени, она широко улыбается мне. Нахально. Хорошо, я хочу поиграть с этой малышкой.

— Благодарю тебя, Лаклан. Это все.

Он уходит без лишних слов, и я приближаюсь к ней.

— Лицом к стене, руки на стену, ноги на ширине плеч.

— Я попала в какие-то неприятности, офи-Сэр?

Я не пропускаю изменения в ее интонации. Я становлюсь еще жестче, мне казалось, что это невозможно. Я хочу оказаться внутри ее. Хочу трахнуть ее, чтобы ее запах навсегда отпечатался на моей коже. Я зарываю свое желание поглубже и продолжаю подыгрывать ей в ролевой игре, как и планировал.

— Это зависит...

— От чего?

— Что ты прячешь под юбкой.

— Я ничего не прячу, честно, — в каждом слове слышится напряженное ожидание.

— Мне все равно нужно проверить тебя. Всегда нужно быть более осторожным.

Я скольжу руками по ее бедрам и попке, сдвигая юбку вверх, на пояс.

Она не надела трусики, честно, я надеялся на это.

— Похоже, ты говоришь правду, но лучше убедиться окончательно, — я достаю из кармана небольшой пластиковый пакетик с нитриловыми перчатками и маленьким тюбиком смазки. Я обещал Лаклану вернуть в первозданном виде его униформу, я — человек слова.

Натягиваю перчатки, они врезаются в запястье, потом покрываю три пальца лубрикантом. Хотя ей он не нужен, поскольку она уже достаточно мокрая. Я вижу, как поблескивает ее киска. Но я хочу сделать то, что запланировал.

Я вставляю в нее два пальца и несколько раз двигаю ими, затем добавляю третий. Чувствую, как она сжимает внутренние мышцы вокруг, и с большим отчаяньем я хочу заменить свои пальцы на свой член. Она тугая, горячая и ожидающая.

В моем голосе слышатся напряженные нотки, я весь напряжен.

— Здесь нет ничего несанкционированного. Еще одно место, которое я должен проверить, — я вытаскиваю пальцы и провожу, разминая ее задницу, потом осторожно нажимаю средним пальцем на ее крошечное отверстие. Молчаливый запрос. Мы не оговаривали это ограничение.

Она толкается ко мне попкой, и я преодолеваю кольцо мышц. Вхожу не очень глубоко. Ее реакция многообещающая, но я оставляю это на другое время.

— Здесь тоже ничего. Думаю, нам придется произвести более тщательный осмотр.

Я вытаскиваю пальцы из ее задницы, делаю шаг назад, аккуратно снимаю и выбрасываю перчатки в маленькое мусорное ведро в углу.

— Повернись.

Как только она поворачивается ко мне лицом, я набрасываюсь на ее рот глубоким, диким поцелуем, шаря языком внутри ее рта. Я отстраняюсь, мы оба тяжело дышим.

— Нет ничего несанкционированного. Думаю, мне следует взять тебя под стражу.

Я изо всех сил пытаюсь продолжить игру. Хотя, единственное желание — освободить свою эрекцию и прижать ее к стене.

Я скольжу руками под ее топ и обнаруживаю, что она не надела бюстгальтер. Она серьезно подошла к нашей игре. Я сжимаю ее груди, затем зажимаю соски, сильнее.

Она смотрит на меня, ее рот полуоткрыт, губы влажные. Приглашая. Непристойно приглашая. Она полностью в игре, слегка дотрагивается кончиками своих пальцев до губы, посасывая секунду, потом запускает их в рот и начинает открыто смачно сосать, мои яйца сжимаются от боли.

— Но у меня есть карта выхода из тюрьмы, офи-Сэр.

Она купила меня с потрохами. Я собираюсь ее отпустить с устным предупреждением... после того, как она расплатиться.

— Мне все равно придется доставить тебя в участок.

Я беру ее за руку и веду вверх по лестнице в мою спальню. Указываю на кресло.

— Раздевайся и жди меня здесь, — она медленно тянет вверх свой топ, снимая через голову, аккуратно вешая его на спинку стула. Она стаскивает юбку и вешает ее туда же. И вот она стоит передо мной — голая в очень сексуальных туфлях. Моя шлюшка — маленькая тюремная птичка. Она одаривает меня широкой улыбкой, садится на стул, колени вместе, положив пальцы обратно в рот. Она наблюдает, как я осторожно снимаю мундир Лаклана. Мысленно напоминая себе купить такой же. Я понимаю эта игра пользуется популярностью, и мне хотелось бы иметь гораздо больше свободы, чтобы играть.

— Итак, где карта выхода из тюрьмы? — спрашиваю я, когда, наконец, раздеваюсь окончательно, убрав от греха подальше униформу Лаклана. О чем я вообще думал, взяв на время это дерьмо? Больше беспокойства, чем стоит эта форма.

Я подхожу к ней, она опускается на колени передо мной.

— Здесь, у меня во рту, — говорит она, взяв в руку мой бешеный член.

Не уверен, что я смогу вытерпеть игру дальше.

Один вид ее на коленях с моим членом в руке, как поблескивает ее красивые серые глаза, когда она улыбается мне, доводит мой самоконтроль до предела... я не кончал с утра воскресенья.

Она высовывает язык и щекочет край головки. Мой член, словно тут же тянется к ней, мне хочется запустить руки в ее волосы и похоронить себя глубоко у нее во рту.

Вместо этого я стою абсолютно неподвижно, передав ей руководство. Она медленно начинает облизывать его от основания до кончика, как конфету и этим меня окончательно убивает. Медленная сладкая смерть.

Наконец, она берет его в рот, кружа языком вокруг головки, затем аккуратно начинает сосать.

Больше терпеть я не в состоянии, но я не хочу кончать ей в рот. На этот раз я хочу находится глубоко внутри нее. Я глажу ее по щеке.

— На кровать, сейчас же. В туфлях.

Она на карачках ползет через комнату, я следую за ней. Хватаю презерватив с тумбочки, раскатываю, потом присоединяюсь к ней на кровати.

— Элли..., — я запускаю пальцы в ее волосы и нежно целую в губы, дразня своим языком. Я вхожу сначала двумя, потом тремя пальцами в ее влагалище, на этот раз наслаждаясь ощущением ее киски у себя на коже. Она более чем готова. Я приподнимаюсь, раздвинув ее ноги и медленно прокладываю свой путь в ее сладкий вход. Моя голова, отказываясь соображать логически, призывает взять ее жестко и быстро. Но я не буду. Я так скучал по ней, что мое сердце нуждается в медленных и нежных ласках.

Она обхватывает меня руками и ногами. Я смотрю в глубину ее глаз, теряясь в них. Не знаю, как я здесь очутился, но я не хочу искать свой путь на назад, туда, откуда пришел.

Мой член по самые яйца входит в нее, при каждом движение скользит по ее клитору. Я изменяю немного угол проникновения и делаю несколько быстрых, неглубоких толчков прежде, чем снова начинаю размеренно скользить.

Она немного наклоняет свои бедра, когда я делаю движение назад и кладу руку между нами.

— Вот, бери все, что тебе нужно и кончай, когда будешь готова.

Я по-прежнему остаюсь внутри нее, пока она трется о мои пальцы. Она с бешеной скоростью подвигается к оргазму, ее мышцы сжимают мой член. Я не могу больше сдерживаться. Я крепко целую ее и двигаю бедрами вперед. Вонзая свой язык и член в нее одновременно, пока меня не отпускает. Электрический разряд проходит вниз у меня по позвоночнику, пока я трахаю ее, дотрагиваясь до определенной точки внутри нее, которая заставляет ее застонать и закричать. Я глотаю каждый ее стон, крик, пока она беспомощно принимает меня, мою грубую силу, прося большее. Мои яйца напрягаются, отчаянно пытаюсь излиться, как только она взрывается оргазмом, я кончаю, находясь в ней глубоко.

Элли по-прежнему обхватывает меня ногами и руками, притягивая как можно ближе к себе. Мне нужно снять презерватив, который, наверное, заполнен до краев после недели воздержания, но она и я хотим одного и того же. Минуту, где мы просто лежим, прижавшись вплотную друг к другу. Ничего больше.

Я начинаю передвигаться, но она крепче прижимает меня к себе.

— Еще нет.

— Боже, Элли, — шепчу я, с силой целую ее. — Я скучал по тебе.

Да, так и есть. Я сказал это вслух. Прошла всего неделя, после нашего первого свидания, а я уже полон заморочек. Никогда ничего подобного я не чувствовал к женщине, причем с такой силой, ни через неделю, ни через месяц, да и вообще за весь период отношений с другими женщинами.

— Я тоже скучала по тебе, — ласково отвечает она, проведя рукой по моим волосам. — Есть какая-нибудь возможность все повторить, а?

Я смеюсь. Одним своим вопросом она тянет меня вперед, к свету. Я соскальзываю с нее и избавляюсь от презерватива. Есть ли возможность на самом деле?

22.

Элли

Саша опять поехала в коттедж на эти выходные, и мне не приходится беспокоиться о том, что второй уик-энд подряд, я провожу весь день, накинув на голое тело рубашку ПМ и больше ничего.

Мы делаем несколько странные вещи, бурно ведем словесную баталию, выражая нашу страсть друг к другу, постепенно передвигаясь к совершенно нормальным отношениям. Прошлым вечером мы играли в ролевую игру, но она быстро переросла в сексуально милое продолжение. Даже намного быстрее, чем в прошлые выходные, и я беспокоюсь за быстроту, с которой мы движемся к чему-то большому и серьезному.

Но когда мы вместе просыпаемся в утреннем свете, мое незначительное беспокойство испаряется.

Сейчас я, развалившись лежу на кровати Гевина, ожидая, когда он закончит встречу внизу. Мне нравится секретность, я здесь голая, только в его рубашке, а он там внизу управляет страной, проводя встречу в библиотеке с экспертом по экологии, главой Банка Канады и парой парней в костюмах, но кто они, он мне так и не сказал.

Наверное, из Канадской службы безопасности и разведки. В общем, мой парень в данный момент встречается со спец-агентами.

Пока я — его любовница, заперта в его спальне.

Ну, не заперта. Дверь на самом деле открыта. Но запертая дверь звучит более грязно, чем есть на самом деле... мне нужно дочитать ту книгу, которую я начала читать в прошлые выходные, а потом составить список всех неприличных вещей, которые я хотела бы проделать с Гэвином.

Сначала я подумала написать список на бумаге, но когда положила ручку на листы, у меня началось настоящее сумасшествие. Что если его домработница проделает трюк и заштрихует карандашом чистую страницу, чтобы выяснить, что было написано на предыдущей?

Никто не должен узнать, что в спальне Гэвина есть некая особа, которая хочет быть привязана к его кровати, даже если кто-то, не настолько возбужденный, смотрит на эту великолепную кровать с балдахином и у нее в голове крутятся точно такие же мысли.

Поэтому я решила создать список на своем телефоне. Не на том одноразовом мобильном, который мне дал Гэвин, а на своем обычном телефоне, который никоим образом не связан с ПМ.

Я напечатала — **привязана к кровати**, но ничего конкретного написать не смогла, поэтому зашла на Tumblr, поискать картинки бондажа.

И в этот момент Гэвин уже закончил свое совещание.

Я пристально смотрю на экран телефона, возможно немного ерзаю, он откашливается. Я поднимаю на него глаза, он прислонился к косяку, руки в карманах. На нем джинсы и рубашка, босой.

Его ужасно хочется трахнуть.

— Что ты делаешь?

— Уххх..., — усмехаюсь я. — Привет.

— Ты вся светишься, — медленно говорит он, обходя вокруг кровати.

Мне хватает времени, чтобы закрыть вкладку на экране телефона.

— Сдвинься вперед. Дай я сяду за тобой.

Я встаю на колени, и Гэвин устраивается за мной, облокотившись на изголовье, при этом пользуясь возможностью, чтобы лишиться меня своей рубашки.

Теперь я голая, он опускает меня спиной к своей груди. Я голая, а он нет, и он засек меня, когда я смотрела порно.

— Покажи мне, Спрайт.

Тепло проносится по моей груди, я поднимаю телефон, показывая ему женщину, лежащую лицом вниз на кровати, с привязанными ногами к столбикам по углам.

— Тебе нравится это?

Я киваю.

— Я составляю список, о котором мы говорили, что я хотела бы попробовать.

— Ты будешь выглядеть, привязанной к кровати, очень симпатично, — хрипло говорит он, положив горячие и тяжелые руки мне на плечи. — Что еще ты смотрела?

— Я только начала. И некоторые из этих фотографий очень возбуждающие.

Он смеется.

— Да. Здесь есть «странности» для всех желающих, но не все «странности» подходят мне.

— А что подходит тебе? — я искоса бросаю на него взгляд. — Какое порно ты любишь?

Он медлит минуту. Наверное, это скорее риторический вопрос. Сейчас выражение его лица похоже на то, когда я попыталась проверить его на прочность по поводу других

женщин в прошлые выходные. Я не стала делать это тогда, не буду делать и сейчас.

— Мне нравятся анимированные гифки, — шепчу я. — Не полное видео, просто одно, которое многократно повторяющееся движение. Они выглядят намного жарче.

Его подбородок напрягается, также как и его член. Я чувствую даже через его джинсы.

— Покажи мне.

Я прокручиваю вверх и останавливаюсь на гифке, показывающей порку.

— Вот.

Он резко выдыхает, порыв воздуха скользит по моей коже и лижет меня изнутри.

Я кликаю на блог, который был добавлен первым. *Джекпот*. Гэвин перемещается и его руки скользят по моему телу, пока я медленно прокручиваю пост. *Шлепки. Легкий бондаж*. Пока черно-белые фотографии и цветные, а потом гифки. Сексуальные и стильные, и здесь также имеется список, на который можно нажать и сказать: «Да, Вау».

— Тебе нравится?

Я киваю.

— И... это, — мужская рука вокруг женской шеи. В ней больше ласки, чем захвата. Мужчина трет пальцем взад-вперед по подбородку женщины. Гэвин понимает мой намек и обхватывает пальцами меня за шею.

Я вздрагиваю.

— Я не смотрел порно уже... вечность, — хрипло говорит, его голос низкий. — И не потому, что оно мне не нравится.

Мои веки дрожат, закрываясь, пока он гладит меня по горлу. Я сглатываю.

— Боялся, что кто-то взломает твой интернет и увидит, чем ты занимаешься?

— И мой телефон..., — он замолкает, другой рукой начиная потирать мой плоский живот.

У меня уже мокро между ног. Я хочу, чтобы он дотронулся до меня *там*. Я хочу его спасти, и знаю, что теперь он не будет вечность ничего не смотреть. Если только я не сведу его с ума.

— Теперь у тебя есть мой телефон. И я частное лицо, поэтому мы можем смотреть все что угодно.

— Мне нравится смотреть на тебя.

Я вспоминаю наши игры, как он поддразнивал меня смс-ками на прошлой неделе.

— Типа непослушная школьница? Или французская горничная?

Он смеется, затем вздыхает. Я вижу, что он хочет чем-то поделиться со мной, но пытается сохранить свой титул ПМ.

Мать твою, я хочу, чтобы он похулиганил.

— Давай, — говорю я, тяжело дыша и выгибаясь. Я практически чувствую его взгляд на своих напрягшихся сосках.

— Скажи мне, что вбить в поисковик. Давай, посмотрим что-нибудь развратное, то, что ты больше не мог смотреть, потому что стал премьер-министром.

— Секс втроем, — рычит он. — Двое мужчин. Одна женщина. Сабмиссив.

Он приподнимает мою грудь руками, пока я печатаю в строку поиска. Тут же выпадает куча результатов. Он пренебрежительно отзывается о первых двух, но третий заставляет его зарычать.

Мне нравится, как он рычит.

Я нажимаю, и картинка разворачивается на весь экран, бесконечно повторяя движение

женщины в нижнем белье, на коленях, подпрыгивающей назад и вперед между двумя мужчинами. На заднем плане третий человек смотрит на них.

— Ой..., — выдыхаю я.

Его пальцы дрожат, сжимая мою грудь. Я облакачиваюсь на него, выставя свою грудь кверху. *Да. Прикасайся ко мне.*

Я тоже хочу прикоснуться к нему, но мне нужны обе руки, чтобы держать телефон.

— Тот, третий парень должен быть под ней, кусать ее соски, — говорит он мне на ухо, зажимая мои, как бы показывая, как это должно быть. — Каждый ее дюйм толкая к освобождению.

— Это твоя фантазия? — Но только две чики? Да, я скептик.

Даже когда речь идет о сексе, он все равно каждый вопрос рассматривает серьезно.

— Не совсем эта. Я предпочитаю дирижировать женским удовольствием. Предоставляя выход, к которому женщина так стремиться. Это меня заводит.

— Но ты не... сказал «фантазия»...? — я тяжело дышу, с трудом говорю, я даже не удивлюсь, если он заставит меня кончить только своими пальцами, растирая и потягивая меня за соски.

— Мои фантазии теперь связаны с тобой. И мои дни разделены на работу и тебя. Давай, еще кое-что найди, — он скользит рукой по моим завиткам вниз и ругается себе под нос, когда понимает, что я мокрая. — Ненасытная, грязная девочка.

— Ты хочешь, чтобы я это нашла?

— Нет, — он легонько хлопает меня по внутренней поверхности бедра. — Напечатай **анал...**

— Нет! — я нервно начинаю смеяться.

— Ладно, — он ждет, когда я перестану заливаться, подтянув колени к животу. — Что ты хочешь посмотреть?

Господи, я понятия не имею, но мой неожиданный коленный рефлекс исчез.

— Хорошо, **анал...** что?

— Ну, анальный сам по себе, скорее всего, приличное слово. Анальные игры, анальный секс..., — его голос становится ниже. — Анальный фистинг.

У меня глаза становятся, как блюдца, и я слышу, как мой голос становится сиплым от его последнего замечания. Я уверена, что он шутит, но на всякий случай...

— Жесткое ограничение.

— Но не первые два?

Я краснею.

— Нет. Ты уже знал об этом, да?

— Догадался. Вот почему предложил, — он еще раз скользит пальцами по моей влажной киски, затем поднимает руку и берет пальцы в рот, облизывая.

Он понимает, настолько сексуально и возбуждающе, выглядит сейчас? Это просто смешно, что его действия вытворяют с моими внутренностями.

Он убирает мои волосы с плеча, заправляя их за ухо. Его рука задерживается на минуту, он проводит подушечкой пальца по мочке уха.

— Я хочу увидеть, какой мокрой ты становишься, когда видишь, что кто-то берет большой, жесткий член в задницу.

У меня вырывается стон, я отбрасываю трубку, и разворачиваюсь в его руках. Мой пульс отдается в ушах, я хватаюсь за его пуговицы на рубашке. Он достает презерватив и пакетик

смазки из кармана.

Ярываю фольгу на презервативе, пока он стягивает джинсы, потом опускаюсь к его члену. Я еще не совсем готова, но я нужна ему, необходима, и это ценность стоит боли, когда он растянет меня своей эрекцией.

— Ты хочешь, чтобы я привязал тебя и жестко трахнул? — он путешествует своим руками фактически по всему моему телу. Трудно держать задницу кверху, когда он заставляет меня ее опустить, надавив рукой. Лучи солнечного света, как шепот, поддразнивают мои соски, пока он проходится руками по всему моему телу, закончив на шее, опять обхватив ее руками.

Я прижимаюсь к нему, он слегка сжимает мне горло.

— Мы не очень далеко продвинулись в этом списке, Спрайт.

— Простите, Сэр, — на самом деле, я не очень-то сожалею. Потому что это очень возбуждающе.

— Да? Думаю, ты хочешь, чтобы тебя оттрахали.

— Аааа, — выдыхаю я, улыбаясь, он собирается снова заняться со мной сексом. — Ты хочешь заполнить мою задницу?

— Да, — он открывает смазку и выдавливает гель на два пальца. У меня глаза расширяются, он ухмыляется. — И ты сможешь принять даже больше.

Он начинает с того, что входит в мою киску, поставив меня к себе задницей, у меня начинают дрожать бедра, но я подавляю желание отодвинуться от него. Его член внутри меня увеличивается в размере. Ему нравится подводить меня к краю, я уже изучила его действия, но мысль о сексе вдвое не дает мне покоя.

Гэвин возбужден, и я понимаю, что эта мысль тоже крутится у него в голове. Я двигаюсь напротив него, пока он медленно трахает меня пальцем в задницу, погружая его до сустава.

— Ты готов разделить женщину? — спрашиваю, опуская руки на спинку кровати по обе стороны от головы. Он прижимает лицо к моей шее и вместо ответа входит в меня вторым пальцем.

Не может быть, я не смогу его принять.

— Тссс, Спрайт. Ты сможешь взять больше.

Я не могу. Я дергаюсь от боли, и Господи, я просто хочу потрахаться. И выяснить более подробно, как он предпочитает разделять женщин с десятком безликих мужчин. Или что-то типа этого.

— Хорошая девочка, — рычит он, его голос срывается, он вот-вот готов потерять над собой контроль. — Двигай задницей на моих пальцах. Да. Черт, это так невероятно сексуально.

Я произвожу что-то между скулежом и писком, насаживаясь на его пальцы, он с новым ритмом начинает накачивать меня, совершая медленные толчки своими пальцами, как насосом.

— Сейчас я тебя поцелую, Спрайт. И ты кончишь, имея мои пальцы у себя в заднице, х*й в киске, а мой язык у себя во рту. Ты полностью моя во всем.

— Да..., — выдыхаю я, наши лица настолько близко друг к другу, что у меня его лицо расплывается перед глазами. Возможно из-за того, что я полностью потерялась в накрывших меня ощущениях, и других органы чувств просто перестали работать.

— Скажи это, — свободной рукой он хватается меня за волосы, наматывая их на кулак.

— Да, Сэр. Я твоя. Каждым...

Он опускает на меня свой рот, и я жестко и моментально кончаю, все мое тело вибрирует от оргазма. Пульсирующие толчки проходят через каждую клетку тела, Гэвин выскальзывает из меня, с силой держа за талию.

Потом очень нежно и аккуратно укладывает на постель, перекачивается на другую сторону и куда-то исчезает. Я слышу шум воды в ванной. Он возвращается, секунду смотрит на меня с высоты своего роста, потом подхватывает на руки.

— Ванна, — всего лишь говорит он.

Он ставит меня в ванну, а потом снова исчезает. На этот раз ему понадобилось больше времени, он возвращается с едой — бутылкой вина и немного фруктов, а также сыр, мясо и хлебцы.

После трапезы и расслабляющей ванны, он тщательно меня вытирает, и мы усаживаемся в одно из его огромных кресел. Он сажает меня на колени, я знаю, что ему нравится, когда я сижу у него на коленях, и начинает меня кормить, а это очень нравится мне. Как только я наедаюсь, он переплетает наши пальцы и серьезными глазами смотрит на меня.

— Тебе понравилось?

— Смотреть вместе непристойные гифки?

Он кивает.

— Также, как и все остальное.

— Мне нравится все. Ты... удивительный. Знаешь, что ты творишь с моим телом.

— Я хотел бы сделать еще больше, — он пытается отыскать что-то в выражении моего лица. Но никакую озабоченность или неприятие там он не найдет.

— Да, прошу тебя, — широко улыбаюсь я. — Я доверяю тебе.

— Твоя задница не слишком саднит?

— Не очень. — Два пальца были не такими уж болезненными.

Он сжимает мои ягодицы.

— Готова для большего?

— Возможно, — я облизываю губы. — Ты все подготовил, ага? Тюбик со смазкой? Фантастика.

— Макс постарался и совершил для меня все эти покупки для нашей первой ночи. Он немного перестарался.

— Наверное обрадовался, что его лучший друг снова в теме?

— Я был там, но не долго.

— Но ты все же упоминал об этом.

— Я перестал этим заниматься.

Я целую его в шею.

— Тебе нет нужды быть другим со мной, кроме как настоящим, Гэвин. Твои предпочтения, твое прошлое, твои... часы работы — все это часть тебя. И я..., — я осекаюсь. — Я вся в этом. Если ты хочешь, чтобы я была рядом.

— Хочу.

— Но...

— Не возражай.

— Выслушай меня.

Он сердито на меня посматривает. На самом деле, ему не нравится, когда не он задает тон разговора.

— Вот в чем дело, — мягко, даже нежно говорю я, вытягиваясь на его теле. — Босс моего босса отсутствовал на прошлой неделе. Сейчас он вернулся, я работаю чуть больше пяти недель. Я хочу выкладываться на работе, насколько смогу.

— Мы можем продолжать вести себя профессионально. Работа ничего не имеет общего с нашими отношениями.

— Конечно, имеет. Вот почему ты тогда так сопротивлялся.

— Это было раньше.

— Позволь я закончу. Ты безумно занят. Ты всегда будешь занят. Так что найти свободное время — проблема. Я согласна с твоей занятостью. Потому что в конце лета, мой график станет менее насыщенным. Хотя у меня будет много работы, но я смогу сама регулировать свое свободное время.

— О чем ты говоришь?

— Просто... сбавь обороты, действуй не спеша. Пусть все продвигается медленно. Серьезно, — я легко его чмокаю в губы. — Медленнее. Не рвись так.

Его лицо напрягается, но он позволяет мне закончить. Скорее всего, поэтому я затихаю, и между нами повисает тишина.

— Что? Я просто хочу, чтобы ты понял, что я не парюсь на этот счет, — хотя на самом деле, я не это имела ввиду, и мне становится смешно от его выражения лица. Я до сих пор смеюсь, когда он смотрит на меня взглядом, который точно понять не могу. — Что?

— Не может быть не спеша, когда дело касается тебя, Спрайт. Я говорю это из лучших побуждений. Все, что связано с тобой, для меня совсем другое.

— Я бы сказала то же самое о тебе, но это не удивительно. У меня не так много опыта, как у тебя, — *И ты довольно уникальный*, но этого я не произношу.

— Тебе не стоит беспокоиться о моем прошлом, — нахмурившись отвечает он.

— Я бы не сказала, что я особо беспокоюсь. Скорее... мне любопытно.

— Правда?

Я киваю.

— Я хочу узнать побольше о сексе втроем.

— Это было просто..., — он делает глубокий вдох. — Хорошо, у меня такое чувство, словно земля уходит из-под ног. Я хочу сказать, что у меня были предпочтения в порно, но я не хотел бы тебе врать по поводу этого. Гифки, которые мы просмотрели, как раз и показывали те вещи, которые я раньше делал.

Я начинаю елозить у него на коленях.

— Расскажи мне по подробнее.

— Нет.

— Пожалуйста. Очень тебя прошу, это же своего рода изюминка!

— Ты не отстанешь, да?

— Отстану, если ты мне расскажешь.

Его взгляд теплеет.

— Хорошо. Я не против твоего любопытства. Давай укадываться в постель.

Он заставляет меня подняться на ноги, затем ведет в спальню. Пока я была в ванной, он поправил простыни и накрыл сверху одеялами, под которые мы тут же забираемся.

Я сворачиваюсь калачиком рядом с ним, мы оба обнаженные, он накручивает прядь моих волос на палец и начинает рассказывать:

— Мой первый секс втроем, когда я был третьим. Я был молодым парнем, новичок в

сексе со странностями. Я отправился в секс-клуб, там приветствуется наставничество для... новеньких. Скорее это связано с безопасностью. Потому что никто не хочет, чтобы участвующий в сессии новенький, нанес какие-то повреждения себе. Поэтому я примкнул к паре, желающей секса втроем. Мужчина научил, как пользоваться игрушками, показывая на своей жене, не навредив. Когда я закончил с ней, он захотел ее трахнуть. После первого раза, он сказал мне все повторить. Держать ее в подчинении и все такое.

— И сколько тебе было тогда?

— Двадцать или двадцать один. Я еще учился в институте. Макс познакомил меня с разными сценами, но у нас разные с ним вкусы.

— Ты когда-нибудь разделял с ним женщину?

Гэвин смеется.

— Нет. Мы оба слишком любим доминировать. Он мне как брат. Я видел, как он занимается сексом, но у меня нет никакого желания участвовать в его сессиях.

— Наверное, это больше, чем... Ты когда-нибудь... с парнем?

— С парнем я не занимался сексом. Я не развратник. Но если все сделать правильно, я имею ввиду касания, то это настолько приятное чувство, неважно, кто это делает. Макс не относится к списку людей, которые, я хотел бы, чтобы касались моего члена. Слишком жутко.

— Очень жаль. Он такой симпатичный.

— Я убью его, если он дотронется до тебя.

Я смеюсь и нежно поглаживаю его твердые мышцы пресса.

— Странно, ты получил настолько необычный опыт, у меня ничего подобного не было. Но я не чувствую прямо здесь, прямо сейчас, что мы настолько разные.

— Мы не разные. Просто у меня больше опыта, я знаю, что я хочу и как я это хочу. Но с тобой у меня такое чувство, что все это ново для меня, — Невозможное, сумасшедшее тепло разливается по моему телу от его слов, я еще ближе прижимаюсь к его телу. Его глаза такие яркие, как бесконечные озера, мне хочется потеряться в них навсегда, он продолжает:

— Ты бросаешь мне вызов и подталкиваешь меня к действию, Спрайт. Мне нравится это. Причем, очень нравится.

— Мне тоже нравится, — произношу я. — Но пока мы вместе, я никогда не пойду в секс-клуб, ты же знаете? Не то, что я хочу определенно попробовать секс втроем, но я не хотела бы столкнуться, а что если...

— Я открыл тебе глаза на всякую кинки ху*ету, а тебе уже мало меня одного? — шутит он, но это не совсем выглядит как шутка.

Я действительно сказала это.

— Нет! Не совсем. Ты... тебя бы хватило на всю мою жизнь, черт побери, Гэвин.

— Но? — теперь вернулся сварливый и серьезный мужчина. Мужчина такой чувствительный.

— Нет, никакого «но». Тебя вполне достаточно. Давай притворимся, что я ничего не говорила.

— Это так не работает, Спрайт.

— Тогда вы не должны так болезненно это воспринимать, Сэр, когда я говорю об этом.

Он молчит, наверное, минуту.

— Допустим, — наконец отвечает. — Согласен. Прощу прощения. Так что моя маленькая любительница потрахушек хочет изучить?

— Потрахушек?

— Девушка, влюбившаяся в кинки ху*ту, — он ухмыляется. — Женщина моего сердца.

— Да, — мягко отвечаю я. *Я люблю тебя*. Если бы я только могла произнести это вслух, наверное, этим бы облегчила многие его сомнения, но, хотя мое сердце разрывается, чтобы сказать эти слова, моя голова говорит, что не все так быстро. Поэтому я сосредотачиваюсь на более безопасной теме. — То, что ты описал. Секс втроем. Ты руководишь другими мужчинами, указываешь им, что со мной делать? По существу... полностью меня иметь? Я не говорю, что вдруг захочу заняться сексом втроем, но...

— Я хочу, чтобы этого термина не присутствовало в твоем лексиконе.

— Ооо. Нет ничего плохого в желании заняться сексом втроем. — Точно. Умом я это себе представляю и знаю. Но почему у меня такое чувство, словно я должна чувствовать себя виноватой. Хотя я совсем не чувствую. Я столько ему наговорила, что он с любопытством поглядывает на меня. — Ну, есть и другие способы, чтобы удовлетворить фантазии. Например, смотреть вместе порно. Считай, что мы занимались немного вуайеризмом, без риска публичной сексии в секс-клубе. Есть игрушки, которые мы можем использовать, чтобы... полностью принять тебя, как ты говорил.

У меня дрожь проходит по телу, от одной мысли об этом.

— И если ты хочешь...

Я удерживаю дыхание. Мне хочется, чтобы он закончил эту фразу?

Он долго и настойчиво смотрит мне в глаза, прежде чем произнести:

— Я дам тебе все, что ты захочешь, Спрайт. Всегда есть способ это осуществить.

— Как? — то, с поспешностью я спрашиваю, выдает меня с головой, и он понял это, я вижу по его глазам.

— Я позабочусь об этом, — он притягивает меня ближе к себе и целует в лоб, нежно, но даже этот простой жест мне кажется очень сексуальным. Он очень, просто безумно сексуальный мужчина. Я самая счастливая в мире девушка. — Мы все еще пытаемся понять, что происходит между нами, Элли. Но что бы это ни было, для меня это нечто особенное, и я позабочусь об этом. И я позабочусь о тебе. Обещаю.

— Я знаю, полностью и безоговорочно тебе доверяю.

Он долго, оценивающе смотрит на меня, у меня даже пальцы на ногах загибаются от его взгляда.

— Так ты хочешь секса втроем, да?

— Это ты виноват, — шепчу я, окунаясь в фантазии. — Ты дал мне попробовать...

— Дай девушке дюйм, — рычит он.

Я краснею.

— Теперь я буду мечтать о миле. Скорее всего, да, хочу попробовать.

— И если мы пригласим кого-то еще... все останется под моим контролем. Я буду дирижировать твоим удовольствием. Ты понимаешь это, да?

— Это очень возбуждает. Я никогда не думала, что захочу заняться сексом еще и с третьим.

— Хорошо. Давай свой телефон. Покажите мне, что тебе нравится. Может, я смогу найти способ, воплотить это в жизнь, только другим образом.

Я просыпаюсь на своей стороне, Элли свернулась у моего плеча, и мой наполовину твердый член, трется о ее задницу.

Звенит будильник, я выключаю его. Сегодня утром мне не нужно отжиматься. У меня достаточно было физических упражнений прошлой ночью, и если я смогу оторваться от Элли, то сегодня попытаюсь еще получить физическую нагрузку, играя в хоккей.

— Доброе, — говорит она, сонно с хрипотцой, и мой член от желая переходит уже к требованию.

Я тянусь за презервативом. Утренний секс — офигенная вещь.

После того, как она дважды кончает, оба раза ее киска просто выдаивает мой член до капли, мы отправляемся вместе в душ, прекрасное ощущение, но будь я проклят, если мне не нравится принимать с ней вместе душ почти так же, если не больше, как и заниматься сексом.

Я еще не говорил ей ничего о хоккее. Либо я получу возможность поиграть, либо просто не пойду. И я оказываюсь вознагражден за свое терпение, она вытаскивает одежду для йоги из сумки.

— После прошлой ночи, мне необходимо сделать некоторые растяжки, — говорит она, проскальзывая мимо меня. — Поэтому, как только мы позавтракаем, я собираюсь пойти на йогу.

— Ты именно это имела ввиду, когда говорила, чтобы мы продвигались не спеша? — я хочу, чтобы она вернулась сюда, ко мне домой, но не хочу на нее давить.

Она приподнимает плечо. Мой взгляд тут же цепляется за веснушки, которые украшают ее кожу, и я обхватываю ее за талию, крепко прижимая к себе, целую их.

— Вернешься сюда, когда закончишь?

— Хорошо, — шепчет она.

— У меня есть дело, поэтому я подвезу и заберу тебя.

Она поворачивается в моих руках.

— Что ты собираешься делать?

Чертовски трудно держать ее в своих руках и вести какие-то беседы. Я хочу накинуться на ее рот, но оставляю лишь легкий поцелуй, прежде чем рассказываю ей о новой хоккейной команде.

— Когда я пытался подавить свое сильное желание к тебе (пытался, да все бестолку), я попросил Лаклана найти для меня хоккей.

— Смотреть игру?

— Играть самому. Случайная команда, обычная, но достаточно организованная, все участники были проверены. На прошлой неделе я пропустил игру, потому что готовился к саммиту.

— Ты играешь в хоккей?

— Привык играть каждую неделю. Теперь не знаю, как часто смогу, но есть группа парней, которым Лаклан доверяет, и... это весело.

— Остановись! Ты настолько идеален.

Я готова его вознести на пьедестал, он легко отделался всего лишь моим комплиментом, да, пьедестал так и маячит, причем чертовски близко, от этого я чувствую себя несколько некомфортно. Я пожимаю плечами.

— Я люблю хоккей.

— Это потому, что у тебя в крови течет кленовый сироп, — она весело посматривает на меня. — Я могу когда-нибудь взглянуть на твою игру?

— А ты хочешь?

— Конечно.

— Можешь. Но должен тебя предупредить, что в моей команде играет Тейт Нильссон, и если ты будешь пускать на него слюни, я буду ревновать и бить себя в грудь, как пещерный человек.

— Капитан «Оттава Сенаторз» играет в твоей случайно подобранной хоккейной команде?

— Существуют некоторые преимущества, когда ты премьер-министр.

— Ты не шутишь?

Сегодня я смотрю на своих товарищей по команде совсем другими глазами. Конечно, когда ты подыскиваешь кого-то определенного, то видишь многое по-другому. Тейт до такой степени Альфа, что аж больно, он индивидуалист. Ни одно из руководств доминанта Макса на него не работает. Он больше похож на меня, просто во всем хочет быть главным. Скорее всего, он захочет получать огромный кайф от экстремально-непристойных вещей.

И Лаклан... я вспоминаю, сколько раз Тейт говорил, что мой начальник службы безопасности — палочка-выручалочка в некоторых вопросах.

Мать твою. Лаклан скорее всего проводит свое свободное время мониторя местный БДСМ-клуб. Он именно тот, кто способен выступать в качестве Молчаливого Мастера, обезоруживающего и спокойного, но с природной харизмой, его нельзя не уважать.

И он нравится.

Элли нравится Лаклан, к примеру.

Мой член настолько занят мыслями, крутящимися у меня в голове, перебрасывая их как мячик для пин-понга — Лаклан, Элли... Элли, Лаклан. Что я задаюсь вопросом — насколько я ему доверяю, и, возможно, только ему, по крайней мере, в этом уж точно.

Я так задумался, что пропускаю поворот в дальнем конце катка и один из нападающих с другой стороны вырывается напрямик к нашим воротам.

Я мчусь назад, насколько могу, лавируя, пытаюсь встать между нападающим и Корин у ворот. Я недостаточно быстр, не успеваю его перехватить, нападающий уходит в сторону, этого оказывается достаточно, он бьет, шайба ударяется о край ворот и отскакивает за сетку.

— Удача, — кричит мне Тейт, когда я ударяю своей клюшкой о его и за сеткой передаю шайбу другому нашему защитнику.

Иногда, «удача» — это мое второе имя.

— Ускоряемся! — кричу я, защитник делает обманное движение, обходя, их правый нападающий мчится вперед, делая ложный выпад влево, двигаясь напрямик к борту и врежаясь, потом перегруппировывается и возвращается назад на лед, где и продолжается игра.

Остальную часть времени я весь в игре, но мысль по поводу Лаклана и Элли не оставляет меня в покое.

Как только я оказываюсь вместе с Лакланом в машине за закрытыми дверями, я начинаю. Мне необходимо поговорить с ним с глазу на глаз, прежде чем мое терпение окончательно кончиться.

— Итак... что ты думаешь по поводу Элли?

— Она прекрасна. — Не сексуальная, горячая, милая, красивая, ох*ительная. Он дает мне чисто дипломатичный ответ, осторожничая.

Господи. Каким образом я должен спрашивать своего начальника службы безопасности, не согласится ли он помочь мне трахнуть мою девушку?

Я пробую снова.

— Ты находишь ее... привлекательной?

— А это важно? Я точно уверен, мать твою, что вам не нужно мое одобрение.

— Мы можем поговорить гипотетически в данный момент?

— Все возможно.

— Ладно, допустим у твоего знакомого есть девушка, которая проявляет небольшой интерес... к дополнительным рукам, например, в спальне и, возможно, намекает, что ей хотелось бы попробовать второй комплект всего, чтобы у тебя есть...

— И вы хотите узнать, распространяется ли мой уровень кинки на секс втроем с участием более чем одного члена?

— Да, полагаю, это в какой-то мере была главная мысль.

— В какой-то мере? Вы издеваетесь надо мной? Это не какая-то, в своем роде, безобидная детская игра. Могут быть серьезные последствия от таких действий.

— Я прекрасно это знаю. Это не первое мое родео.

— Может и не первое, но на этот раз, будет связано с той, кто вас сильно волнует.

Я обдумываю его слова в течение минуты.

— Точно. Но я хочу выполнить многие ее фантазии, насколько смогу.

— Не всем фантазиям суждено стать реальностью.

— Неужели?

— Я имею ввиду, что должны быть правила.

— Конечно. В первую очередь, и главное, ее киска закрыта для тебя. Она моя.

— Согласен. Второе — никаких поцелуев в рот.

— Однозначно, без поцелуев в рот.

— Что по поводу ее задницы?

— Тоже моя.

— Грудь?

— Твоя, делай с ней все, что она тебе позволит.

— Уверен в этом?

Я не очень уверен в этом, но как сказал Дэн Сэвидж — «Хороший в постели, внимательный и готовый к экспериментам». *(Дэн Сэвидж — гей-активист. Трижды осыпался блестками за недостаточную терпимость к транссексуалам и другим меньшинствам)*

— Давай, подхватим Элли и отвезем ее домой.

— Ну, это произойдет быстро, — отвечает себе под нос Лаклан.

Да. Я не могу объяснить барабанную дробь у себя внутри, но или сейчас, или никогда, а я не хочу говорить Элли никогда.

24.

Элли

Хоккейная игра Гэвин состоится в Sensplex, в пригороде, поэтому у меня есть время,

после занятий йогой, принять долгий горячий душ и пошататься по магазинчикам в первом ряду торгового центра. Я выбегаю, как только подъезжает его машина.

Лаклан не успевает еще обойти автомобиль, чтобы открыть мне дверь.

— Торопишься? — спрашивает он, его взгляд скользит по моему лицу, ожидая от меня ответа.

Я смеюсь.

— Шшшш. Секретность, помнишь?

— Да что вы!

— Ты работаешь нон-стоп в последнее время, — говорю я, он открывает передо мной дверь и жестом предлагает садиться.

— Меня не вызывали сегодня на работу, мисс Монтегю.

Странно.

Гэвин тут же обнимает меня, прижимая поближе к себе, Лаклан закрывает дверь. У нас есть только несколько секунд, его рот накрывает мой, он предоставляет мне обжигающий поцелуй, потом внимательно вглядывается в мое лицо.

— Хорошо сыграл? — спрашиваю я, затаив дыхание, когда Лаклан занимает свое водительское место.

Гэвин кивает.

— Да. Как твоя йога... игра?

— Практика, — я соединяю пальцы и откидываюсь на спинку сиденья. Он тянется к моему ремню безопасности. Я могла бы это проделать сама, но у него почему-то получается сексуальнее.

Лаклан смотрит в зеркало заднего вида, следя, как Гэвин тянет ремень безопасности по моему телу, пристегивая, потом кладет свою руку по середине, мне на грудь. Он как бы поправляет широкий ремень между моих грудей.

— Что ты делаешь? — шепотом спрашиваю я.

Он ухмыляется.

— Лаклан смотрит? — к моему удивлению спрашивает Гэвин.

Я поднимаю глаза к зеркалу. Наши взгляды встречаются, и Лаклан мне подмигивает.

— Ты же знаешь, что он смотрит, — шепчу я.

— Хорошо. Давай повеселимся.

Повеселимся?! Это провокационное заявление.

Я хочу сказать ему, что это ошибка. Он не совсем меня правильно понять по поводу того, что я вчера ему наговорила, но мой нижний индикатор пошел вверх, соски затвердели и мысль, что начальник охраны Гевина наблюдает за нами что-то со мной делает... заводит.

В этом нет ничего неправильного.

Внутренне борясь с сомнением и испытывая голодное желание, я всматриваюсь в совершенно спокойное лицо Гэвина. На самом деле, это я должна быть совершенно спокойна. Но у меня вспотели руки, я прижимаю их к юбке, которую одела после душа.

Тем самым предоставив Гэвину легкий доступ к своей нижней части тела.

Теперь его пальцы кружат на моей коленке и на бедре, сейчас я уже не настолько уверена в своих ранее высказанных желаниях.

Гэвин выглядит совершенно невозмутимо.

Я же не могу дернуться, поскольку зажата ремнем безопасности.

Боже, я позволяю ему трогать себя, а Лаклан наблюдает, и я не то, что мокрая.

Я просто вся взмокла.

Похоже мои трусики сейчас поджарятся.

Но меня это мало волнует, поэтому я интересуюсь:

— Повеселимся? — быстро выдохнув слово, поворачиваю лицо к Гэвину.

— У нас есть основные правила, — говорит он, но совсем не тихо. Он не собирается таиться от Лаклана.

У *них* есть правила. Для меня. *Мы* — это мой парень и его начальник охраны.

— Да? — я приподнимаю бровь, это точно не шутка. Мои соски уже возбудились, трусики можно просто выжимать, и я уверена, что эти двое даже чувствуют запах моего возбуждения. Мои покрасневшие щеки полностью предают высокопарный допрос, который я попыталась ему устроить.

— У тебя есть стоп-слово, Спрайт.

Я киваю.

— Ты дирижируешь?

— Однозначно.

— Тогда я ваша, Сэр.

Его ладонь скользит вверх по внутренней стороне моего бедра, губы ласкают изгиб моей шеи.

— Думаю, ты кончишь, как только мы подъедем к дому.

Мы всего в двух кварталах.

— Ах...

— Представь себе, руки Лаклана у себя на груди, когда я буду вылизывать твою киску. Как его член будет скользить тебе в рот, пока я буду трахать тебя сзади, так же, как в видео, которое мы смотрели вчера.

Мои веки дрожат, закрываются, он потирает большим пальцем мой клитор через трусики.

Машина притормаживает.

Я распахиваю глаза и вижу, что мы въезжаем через ворота Сассекс 24.

Гэвин тянет мою юбку вниз, прикрывая мне бедра. Мой взгляд летит к зеркалу заднего вида, но Лаклан исключительно занят вождением машины.

Я разочарована?! Я не успела кончить, Гэвин аккуратно оправляет мне юбку. Затем он шепчет мне на ухо:

— Время вышло, Спрайт. Теперь тебе придется подождать.

Лаклан чуть ли не прыскает от смеха на переднем сиденье (он всего лишь делал вид, что не обращает внимания, даже когда парковал машину), Гэвин берет мою руку и целует каждый пальчик, я раздраженно зыркаю на него.

— Мне очень жаль. Времени не хватало, — в его глазах светится смех. Он специально мне сказал, что я могу кончить. Он может заставить меня кончить за десять секунд, если захочет.

Гэвин прижимает мою ладонь к своей эрекции, и я провожу по всей длине. Он такой жесткий. Он хочет меня также сильно, как я его.

Я кидаю на него кокетливый взгляд из-под ресниц.

— Возможно, я буду пытаться тебя, как только мы войдем в дом.

— С удовольствием.

Он обнимает, притянув к себе, пока Лаклан отключает сигнализацию.

Затем Гэвин ведет нас наверх. Не в свою спальню, мы идем в противоположную сторону по второму этажу, в этой комнате я никогда не была.

Скорее всего комната предназначена для отдыха, с диванами и креслами у каждой стены, даже перед книжными шкафами есть диваны, которые полукругом заходят к камину.

Сассекс 24, наверное, раньше никогда не видел такого рода развлечений?

Наверное. Мои знания и мировоззрение на многие вещи стремительно меняются.

Лаклан садится в широкое кресло. Гэвин указывает мне на диван на противоположной стороне, сам остается стоять. Он переводит взгляд на нашего гостя.

— Выпьешь? — Лаклан смотрит на него таким взглядом, что Гэвин закатывает глаза. — Один глоток. Чтобы поддержать компанию. Мы все знаем об ограничениях.

— Конечно, я буду пиво.

— Спрайт?

— Пиво звучит неплохо. Я могу принести.

— Останься, пожалуйста, — он наклоняется и целует меня, грубо и собственнически, у меня даже покалывают губы от его поцелуя. — Я скоро вернусь. А когда я уйду, я хочу, чтобы ты раздвинула свои ноги. Достаточно широко, чтобы у Лаклана даже потекла слюни, задаваясь вопросом, что у тебя под юбкой.

— Гэвин..., — я прикасаюсь к его щеке.

Он внимательно смотрит мне в глаза.

— Да, Спрайт?

Возможно, если бы он назвал меня моим настоящим именем, я бы спросила его, не безумие ли это? Но все, что касается нас двоих — это сумасшествие с самого начала. Поэтому я всего лишь улыбаюсь и говорю:

— Возвращайся скорей.

— Мы по-прежнему ты и я, — он проходится подушечкой большого пальца по уголку моего рта, и я непроизвольно дотрагиваюсь языком до его пальца. У него вырывается стон.

— Это игра и Лаклан будет лишней парой рук, помогая мне взорвать твой разум. Вот и все.

Я смотрю ему вслед. Он переоделся в джинсы и футболку после игры, и они сидят на нем как влитые. Глядя на него, как он выходит из комнаты, я чувствую себя неуютно.

Мне требуется несколько минут, чтобы вспомнить — в комнате находится еще один мужчина. Я поворачиваюсь к нему лицом, Лаклан не сводит с меня глаз.

— Что?

— Премьер-министр пригласил меня сюда, доверяя мне, я никогда не предаю тебя, Элли.

— Спасибо, — я соединяю пальцы вместе. — Ты делал такое раньше?

Он откидывается на спинку кресла.

— Бывало.

— Это хорошо.

Он ухмыляется.

— Надеюсь, что так. Сделаю все, что смогу.

Прежде чем я успеваю ответить, Гэвин возвращается. Он несет в руке три бутылки пива, протягивает Лаклану одну, затем пересекает комнату и дарит мне еще один поцелуй, прежде чем передать бутылку.

— Вы говорили о чем-нибудь интересном, пока меня не было? — подмигивает он мне,

направляясь назад к камину.

Сейчас наш треугольник настолько явственно чувствуется, особенно напряженное электричество, которое исходит от каждого из нас. В основном искры летят между Гэвином и мной, мне хочется, чтобы он сел рядом. Я всегда таю, когда он рядом.

Но он хочет, чтобы я набралась терпения.

На самом деле, мне стоит набраться терпения и позволить всему идти самому, поскольку у меня никогда не было такого опыта раньше.

— Лаклан сказал мне, что раньше тоже имел такой опыт, — я делаю глоток пива, холодная, горькая жидкость скользит вниз по горлу, поглядывая на офицера канадской конной полиции. — Надеюсь, Гэвин тебе сказал, что это моя первая групповуха.

— И скорее всего последняя, — тут же отвечает Гэвин. — Поэтому я хочу, чтобы все прошло отлично. — Если честно, я по-настоящему удивлена, что ПМ вообще согласился. И выпуклость в его джинсах, говорит мне о том, что ему нравится происходящее.

Я делаю еще один глоток пива, наблюдая за ним поверх бутылки.

— Я не сомневаюсь, что тебе понравится.

— Может, это не совсем секс втроем, — добавляет Лаклан, ставя свое пиво. Мне кажется, что он даже не прикоснулся к нему. — Лучше думать об этом, как два-четыре. Двойное удовольствие.

— Тебе нельзя сильно мной интересоваться, — говорю я, беспокояно сдвигая ноги.

Гэвин сурово поглядывает на меня, приподняв бровь, я раздвигаю ноги снова. «Хорошая девочка», говорит он одними губами, чем вызывает жар во всем моем теле.

— Почему бы вам не рассказать мне правила, которые вы оба согласовали? Дотрагиваться можно?

Лаклан опять проходится взглядом по всему моему телу.

— Я не могу ко всему прикасаться. Но я могу смотреть на все, что ты позволишь.

— Ты можешь показывать ему все, что захочешь, — тихо вторит Гэвин, прислонившись спиной к книжному шкафу. — Ты прекрасна. Я хочу поклоняться тебе. Но твоя киска моя.

Я краснею. Он останавливается, и я продолжаю за него:

— Лаклан получает верхнюю часть меня, да?

Они оба хихикают, и я расслабляюсь.

Гэвин кивает.

— И мы собираемся именно этого придерживаться. Я дам тебе все, что ты захочешь, Спрайт. Но мы можем немного импровизировать, в зависимости от того, как все пойдет.

— А мой... рот?

Он ухмыляется.

— Мы можем использовать его с пользой, если ты позволишь. Но не целовать Лаклана, поскольку рот тоже мой.

Я с удивлением смотрю на него, но он всего лишь пожимает плечами. Меня это мало волнует. Я немного потеряла энтузиазм, поскольку до конца не могу разобраться как все будет.

— Хватит разговоров. Покажи Лаклану, что ты скрываешь под своей юбкой.

Я чувствую, как у меня напрягаются ноги, пока я приподнимаю ткань юбки. Еще на дюйм или два, и он сможет увидеть мое оголенную киску.

Он сможет увидеть меня открытую перед ним, причем достаточно быстро.

Я глубоко вздыхаю и медленно елозя поднимаю край юбки к своим бедрам. Слышу стон

Гэвина, поэтому поворачиваю к нему голову. Его эрекция стала больше, достаточно явно выпирает через джинсы, я чувствую скапливающуюся слюну во рту.

— Хочешь попробовать?

Я поднимаю глаза, встречаясь с его взглядом и киваю.

— Меня? — я всегда готова. — Или Лаклана?

Поток влаги между ногами заставляет подрагивать мои ноги.

— Да, Сэр. Вас обоих.

— Одновременно? — он приподнимает одну бровь, и я краснею.

— Если вам так нравится.

— Я согласен, — он потирает подбородок. — Но Лаклан — наш гость. Почему бы тебе не подойти к нему и не поблагодарить за то, что он согласился сыграть с нами?

Я делаю еще один глоток пива и поднимаюсь с дивана, юбка тут же сползает вниз, прикрывая мои бедра.

Возможно, они оба ждут, когда я встану на колени перед ними, я останавливаюсь перед Лакланом, собственно это не совсем то, что я хочу сделать в первую очередь.

И если они оба согласились сыграть, потому что мне хочется попробовать секс втроем, то... у меня возникает желание немного подразнить своего парня.

— Ты можешь пользоваться верхней половиной? — спрашиваю я Лаклан, вытягивая из-под юбки свою блузку.

Он медленно кивает.

Я протягиваю руку и провожу по его волосам, вниз по его щеке. Я практически слышу, вибрирующий стон Гэвина с другой стороны комнаты. *Приблизься ко мне и возьми меня.*

— Никаких поцелуев, — напоминает мне Лаклан, скорее больше себе.

— Это правило придумал ты или он? — шепотом спрашиваю я.

— Мы пришли к общему соглашению, — он слегка улыбается. — Но я счастлив, ощущать тебя в своих руках. Опустить свой рот на твои соски, которые продолжают дразнить меня из-под твоей блузки.

— Хочешь, чтобы я ее сняла?

Он быстро кидает взгляд на своего босса.

Не знаю, что ему отвечает Гэвин. Большую часть этой тусовки мне хочется понаблюдать именно за Гэвином, наверное, я сама хочу сама себя убедить, что в своих желаниях не захожу уж слишком далеко. Если я сама себе стараюсь убедить, что у меня с Гэвином все в порядке, то значит, на самом деле, это должно быть в порядке, я имею ввиду наши отношения.

— Да. Сними свою блузку, — его голос становится немного хриплым, и мне это нравится.

Я прикусываю губу и поднимаю одну ногу, касаясь его колена, наклоняюсь. Секунду я колеблюсь, потом опускаюсь на колени рядом с его бедром. Сажусь ему на ногу.

Лаклан не похож на Гэвина. Он более отрешенный, совершенно другой. Но если присмотреться, то можно заметить сходство, особенно во внешности, раньше я этого не замечала. Хотя в его каштановых волосах меньше золотых прядей, голубые глаза не столь пронзительные.

Он не заставляет мое сердце стучать, как бешенное.

В этой комнате сила и власть принадлежит только одному человеку.

Но Лаклан красивый и добрый, и я чувствую его эрекцию. Опять же, в нем нет ничего, чтобы бы мне напоминало Гэвина — и это вполне нормально. Я начинаю тянуть свою

блузку вверх через голову.

Лаклан тихо стонет, я кладу руки ему на плечи и покачиваю второй ногой, оставаясь полностью открытой для него. Я голая под юбкой, его руки замирают на моих бедрах. Он скользит вверх, по талии, поглаживая мое обнаженное тело, вверх-вниз. С каждым движением он приближается к моей груди все ближе и ближе.

— Элли..., — произносит Гэвин позади меня, он все же приблизился к нам.

Я поворачиваюсь к нему. Он стоит по середине комнаты.

— Когда ты сказал, чтобы я поблагодарила его, ты имел ввиду что-то конкретное, что я должна сделать... Сэр?

Он смеется.

— На колени.

— Разве не танец у него на коленях?

Он смотрит на меня своим суровым взглядом Дома, я что-то пишу в ответ. В некотором смысле, это ролевые игры, для нас, по крайней мере, но для Лаклана наша перепалка срabатывает полностью. Возможно, для Лаклана находится между Домом и его Сабой своего рода в удовольствие, потому что я чувствую, как его член набухает подо мной.

Я елзю задницей, прижимаясь спиной к груди Лаклана, сидя у него на коленях, показывая шоу Гэвину, которое он жаждал увидеть — его девушка, топless, в объятиях другого мужчины. Мужчины, который работает на него и которому он доверяет. Мужчины, который будет доводить меня до оргазма, и даже, если потребуется покроет мой рот, если ему скажет об этом босс...

— Ты хочешь, чтобы я сделала Лаклану минет? — с придыханием спрашиваю я, одновременно сжимая бедра Лаклана. Он понимает мой намек и начинает более свободно поглаживать мое тело, проходясь вокруг моей груди, но не касаясь.

Я отчетливо понимаю, он не дотронется до меня, пока не получит приказ.

— Ты сказала, что хотела..., — Гэвин замолкает и кладет руки на бедра. — Не дерзи, Спрайт.

Я медленно, очень медленно на этот раз, сползаю перед Лакланом на колени. Он не отпускает ткань моей юбки, подтягивая ее кверху, оголяя мой низ для Гэвина.

Я смотрю на него, нашего сообщника в этой игре-фантазии.

Его взгляд теплый, но не хищный. Он мужчина, а я женщина, стоящая на коленях перед ним, поэтому основной химии нет, той, которая происходит у меня с Гэвином, Лаклан явно не представляет опасности для ПМ.

Он намеренно так себя ведет? А Гэвин знает, что Лаклан Альфа?

— Благодарю тебя, Лаклан, — говорю я, скользя рукой по его джинсам. В ответ я получаю нетерпеливую пульсацию, его эрекция становится все больше и больше. Она растет. Я отстегиваю кнопку на его джинсах и раскрываю. На нем надеты утилитарные белые боксеры.

— Ты забыл надеть свой кинки черный кожаный костюм.

Видимо, язвительное замечание — это единственный для меня способ справиться с нервозностью. По крайней мере, это лучше, чем мое обычное неловкое молчание. Смотрите-ка как я расту.

— Произошел неожиданный поворот событий, — его губы изгибаются в подобие улыбки.

За спиной Гэвин откашливается.

Лаклан смотрит на меня взглядом «у тебя проблемы», что заставляет меня заерзать на заднице. Гэвин никак не клюет на мою наживку, поэтому я наклоняюсь и целую член Лаклана через ткань. Он пахнет душем и абсолютно по-мужски.

Я поддеваю одним пальцем резинку боксер, и делаю взмах ресницами.

— Я сняла свою блузку. Ты тоже должен раздеться.

Гэвин не клюет и на этот трюк. У меня не получается заставить Гэвина что-то предпринять, хотя я вовсю флиртую с Лакланом. Гэвин всегда — ведущая скрипка.

По крайней мере, хотя бы Лаклан получает удовольствие.

Я ухмыляюсь. Чувствуется, что будет весело. Он стаскивает с себя футболку, и я на пару секунд замираю, чтобы полюбоваться твердой плоской грудью и извивающейся линией волос, спускающейся под резинку боксер, следуя по этой дорожке, я запускаю пальцы вовнутрь и обхватываю его член.

Он дергается от моего прикосновения, я крепко сжимаю, а потом пару раз двигаюсь вверх-вниз. Он так же не сдастся легко, как и Гэвин, поэтому спустив его боксеры, я бросаю быстрый взгляд через плечо, убеждаясь, что делаю все круто, наклоняю голову и скольжу языком по его головке.

Потрясающе. Я особо не задумываюсь, конечно, он не Гэвин, поэтому я могу быть немного отстраненной. Я никогда не пробовала два члена. Но если я правильно разыграю свои карты, возможно, через пару минуту смогу их одновременно попробовать на вкус.

Мне нравится вкус Лаклана, когда его большая головка скользит мне в рот. Он сопит, стоит мне взять его член.

Потрясающе.

Я щедро отдают ему все свое внимание, одной рукой скребя ногтями по его джинсам на бедрах, пока медленно трахаю его своим языком и ртом. Вероятно, я действую несколько неумело, наполняя тишину комнаты царапаньем и хлюпаньем своего рта.

Я чувствую, как рука Гэвина опускается сзади мне на голову, собрав волосы и замедляя мои движения.

— Умница, — хвалит он меня, и я мельком смотрю на Лаклана, затем на Гэвина, и опять на Лаклана, который балдеет, пока я стою перед ним на коленях и делаю ему минет.

Гэвин уже расстегнул молнию на джинсах.

— Обхвати ее грудь, — говорит он. — Ей больше нравится, когда дергают за соски, нежели щипают, но ты же захочешь ее сначала разогреть.

Гэвин скользит своим членом мне в рот, глубже и жестче, нежели Лаклан. И я чувствую вкус, готового излиться семени на своем языке.

Да. Он резко повышает свой темп, трахая мой рот, Лаклан крепко держит меня, не позволяя двигаться, когда Гэвин выходит. Он продолжает, с каждым разом входя быстрее и жестче, пока не выплескивается мне в горло с большой силой, я даже не ожидала от него такого.

Я проглатываю все до капли, облизываю губы, он оставляет мой рот в покое.

Нежно, он улыбается мне, глядя на меня сверху вниз, протягивая руку.

— Вставай, Спрайт. Пришло время тебя окончательно раздеть.

Я стою между раздвинутыми ногами Лаклана, с другой стороны зажатая Гэвином. Он быстро расстегивает мою юбку, она падает на пол, полностью меня обнажая, Гэвин притягивает меня к себе и жестко целует.

Прижавшись к нему всем телом, я чувствую, как его член опять просыпается к жизни.

— Пора продолжить на кровати, где я смогу тебя связать, — рычит он.

Его кровати? С Лакланом?

— Ты уверен?

Он подхватывает меня на руки, его член тяжелый и гордый направлен прямиком в мою задницу.

— Черт, да. Чем больше рук, тем лучше, именно это я и имею в виду.

Я хихикаю, пока он несет меня в спальню, но мой ликующий смех переходит в нетерпеливый вздох, как только он укладывает меня на постель, накрывая своим телом. Он все еще одет, за исключением его расстегнутых джинсов, и его член пульсирует напротив моей киски.

— Вот, что мы сейчас собираемся сделать, Спрайт, — он убирает выбившийся локон у меня с лица, внимательно поглядывая мне в глаза. — Ты хочешь, чтобы я привязал тебя к кровати?

— Да...

Он довольно ухмыляется на мой ответ.

— Лаклан оденет на тебя наручники.

Я задыхаюсь, чувствуя, еще одни руки на бедре слева, но прикосновение почти мимолетное, что-то мягкое дотрагивается выше моего колена. Гэвин целует меня, поэтому я не в состоянии уследить, что делает Лаклан, но потом он проделывает тоже самое с другой стороны. В этот раз аккуратно потянув распорки.

— Ты должен передвинуться, — говорит Лаклан Гэвину, в его голосе даже слышится еле заметный смех.

Гэвин мне подмигивает, вскакивает с кровати и прячет свою эрекцию. Из него энергия просто бьет ключом, как у двадцатилетнего гипер-активного пацана, напившегося Red Bull. Я даже не успела зафиксировать тот факт, что «наручники» привязаны на моих ногах и соединены со столбиками кровати.

У меня отвисает челюсть.

Я не ожидала такого. Ну, может, я ожидала веревку вокруг щиколотки или что-то типа этого. Но когда они тянут за веревки, мои ноги широко раздвигаются. Слишком далеко друг от друга. Возможно он предполагал, что согнет мои ноги в коленях и таким образом... я буду еще больше раскрыта.

Да, наверное, в этом и вся суть.

— Э-э... парни?

Они стоят недалеко от кровати и обсуждают результат своих действий. Я сдвигаюсь немного ближе к подножию кровати. Возможно, следующим будут мои руки.

— Что дальше?

Гэвин только ухмыляется.

Лаклан кивает и двигается ко мне.

— Что дальше? — спрашивает он, забираясь на кровать. — Я буду держать тебя, пока премьер-министр будет любя тебя трахать.

Я заливаюсь смехом, не в силах сдержаться. Но он не шутит. Он легко передвигается вокруг меня, на удивление ловко, усаживается, подкладывает свои руки мне под ягодицы... и складывает меня, буквально в букву V, мой верх полулежит на нем, а ноги подняты и разведены. Гэвин сначала тянет за одну веревку, потом за другую, регулируя натяжения, я получаюсь туго растянута между столбиками на краю кровати.

Если бы Лаклана не было позади меня, я бы завалилась.

Конечно, если бы не Лаклан позади меня, я бы упала, скатившись с кровати, но все же постаралась бы сначала упасть на спину на кровать. Вот какая я умная.

Гэвин раздевается и медленно передвигается к нам, представляя из себя идеальный образец тестостерона и мужеской силы. Он наклоняется надо мной.

Ой. Когда я смотрю на него у меня перехватывает дыхание, его пальцы кружат по моему телу, по образовавшимся складкам у меня на животе, в таком положении, на мой взгляд, прямо скажем, я выгляжу не особо красавицей, но чувствуя эрекцию Лаклана, упирающуюся мне в спину и такую же, покачивающуюся прямо передо мной, думаю, что парни не согласны, что я не красавица в таком положении, особенно если учесть, настолько у меня разведены ноги.

Руки Лаклана снова скользят у меня по груди, в этот раз тут же опускаясь на соски. Я немного пишу, видно он считает, что грань удовольствия должна совмещаться с каплей боли. Он не настолько хорошо изучил мое тело, как Гэвин, но он быстро учиться, и как только Гэвину стоит вставить в меня третий палец, при этом потирая клитор, меня неожиданно накрывает оргазм.

У меня напрягаются ноги, желая освободиться от манжет, липучки скрипят, но они выдерживают, Лаклан же с силой держит меня в своих объятиях.

Гэвин не останавливается. Он падает на колени, удерживая разведенными мои ноги и нежно вылизывает, тщательно, мне кажется все до последней капли.

Потом он поднимается, раскатывает презерватив и готовится войти. Лаклан не двигается.

Гэвин проходится своей толстой головкой по моим набухшим складкам. Я хочу двинуться ему навстречу, чтобы быстрее почувствовать его внутри себя, но не могу. Я пытаюсь, но Лаклан еще усиливает хватку.

— Ты такая красивая, — говорит Гэвин низким, густым голосом, наполненным страстью. — Связанная и готовая для меня.

У меня вырывается стон, как только он двигается вперед совсем чуть-чуть, каждый нерв начинает вибрировать у меня в теле, он двигает вперед бедрами, прокладывая себе путь. С третьем его толчком, мне кажется, что он вошел полностью, но когда я опускаю глаза...

— Ты слишком большой, — шепчу я, хотя мне самой кажется, что это смешно. Да, он большой и наполняет меня самым потрясающим образом, для меня он совсем не большой, а скорее идеальный.

— Обычная поза, Спрайт, — он подхватывает меня сзади под ягодицы. — Тссс. Хорошая девочка.

Я не знаю зачем он меня успокаивает, я ничего не делаю. Его руки сжимаются на моей заднице, он немного изменяет свою позицию, отодвинувшись, и я скулю, потому что *ОМОЙБОГ!* в данный момент он нашел мою «волшебную точку».

— Еще, — умоляю я, и он возвращается в то же место, которое начинает пульсировать, он двигается вперед-назад, вперед-назад. Каждый раз я прошу его еще и еще.

Снова и снова, до тех пор, пока жар не начинает распространяться у меня по всем внутренностям. Неугомонный, неумный жар. Я прикусываю губу, Гэвин говорит Лаклану:

— Дай ей пососать пальцы.

Позади меня Лаклан немного меняет свое положение, продолжая обхватывать одной рукой меня за талию. Подушечками пальцев проходится по моей шее, потом средним

пальцем потирает мою нижнюю губу. Я с жадно и похотливо облизываю его палец. Да, я хочу, чтобы пальцы Лаклана были у меня во рту. А член Гэвина хочу, чтобы трахал мою киску.

Ой.

Ой, он волшебник. Гэвин передвигает руку, и его палец находит мой задний проход.

Довольно-таки быстро, но мне нравится, я даже не краснею, думая об анале.

Он двигает пальцем у меня в заднице в таком же ритме. Здесь, там и *там*. Толкаясь вперед-назад, заполняя меня полностью, огонь внутри становится адским, не дай Бог там очутиться в конце, я даже не замечая, как подкрадывается оргазм, настолько сильный, настолько мощный, крышеносный...

— Я держу тебя, — говорит Гэвин, и я проваливаюсь как на карусели в неизвестность, лишь чувствую губы Гэвина на своих губах, как Лаклан передвигается по кровати.

— Не уходи, — хнычу я. Мне нужно еще раз поблагодарить его.

Я тянусь к нему, и он берет меня за руку, Гэвин целует долго и медленно, положив меня на спину на кровать. Лаклан снимает с моих ног манжеты, Гэвин возвышается надо мной.

— Ты в порядке?

— Да, — я растерянно улыбаюсь. — Что случилось?

— Ты отключилась. Такое случается иногда.

— Я пропустила ту часть презентации, где говорилось о безопасности в полете, — бормочу я, снова закрывая глаза.

Гэвин просит Лаклана принести мне сока.

— Мое оставшееся пиво было бы здорово, — бормочу я. Но мне кажется, они даже не услышали меня.

Я сворачиваюсь калачиком на груди у Гэвина, он гладит меня по спине и волосам. Я чувствую запах шоколада, он держит кусочек шоколада передо мной.

— Это лучше, чем пиво, — говорит он, и я открываю рот. Он кладет кусочек мне на язык, я закрываю глаза и снова сворачиваюсь у него на груди.

Гэвин тихо лопочет приятные слова, какая я красивая, как все было прекрасно, я постепенно прихожу в себя.

Лаклан приносит целый поднос с закусками, я не хочу есть, но я хватаю его за руку и тяну к нам на кровать.

— Так это и есть два-четыре.

Гэвин смеется и целует меня в плечо.

— Видимо.

— И я потрахушки.

Выражение, появившееся на лице Лаклана бесценно. Но оно становится еще более бесценным, когда Гэвин с умным видом заявляет:

— Ты однозначно.

— Нам необходим наш собственный словарь, — выпаливаю я, по-видимому, во мне говорит сумасшедший прилив эндорфинов, от этого я несу всякую чушь.

Лаклан давится кашлем.

— Простите?

— Представляешь, если бы мы его выпустили? — как бы между прочим спрашиваю я. — Он бы гарантированно стал бестселлером. Особенно, если премьер-министр написал бы предисловие.

Гэвин смеется, притягивая меня к себе и накрывая своими объятиями, видно он не хочет меня отпускать, пока я не перестану болтать глупости, а потом он сообщает, что нам нужно принять душ.

Я наклоняю голову в сторону Лаклана.

— Ты хочешь к нам присоединиться?

Бедный парень даже полностью не разделся. И даже не кончил. Он отрицательно качает головой.

— Идите без меня.

Я поворачиваюсь к Гэвину и обхватываю его руками за шею.

— Хорошо, Сэр. Пришло время вымыть меня до кристальной чистоты.

25.

Гэвин

Наша спальня пуста к тому времени, когда Элли и я вышли из душа, мне стало легче. В моем случае, делиться с кем-то Элли... не совсем правильно. Но я сам все организовал и по идеи мне следовало наслаждаться. Я мог бы отказать ей, но это не совсем хорошо. На что это было бы похоже, я значит получил данный опыт, а ей отказал в ее фантазиях исключительно из-за своих эгоистичных чувств?

Мы оба одеваемся, потому что как бы мне не хотелось, чтобы она осталась, но в воскресенье на ночь Элли оставаться не следует.

Одно из множества затруднений соблазнительного тайного рабочего романа со своей подчиненной.

— Лаклан отвезет тебя домой, Спрайт, — я чувствую себя немного некомфортно, произнося эти слова, но это единственный правильный вариант. Мне следует многое обмозговать по поводу нашего секса втроем.

Ее широкая улыбка оставляет мне надежду, что она справляется со всем лучше, чем я.

— Да, думаю, такси не самый мудрый выбор.

Мы спускаемся на кухню, перекусываем, пока ждем Лаклана.

Он приезжает и выглядит так, словно ничего не произошло. Словно он не знает и не слышал, как кончала Элли.

И я знаю, что это честно с его стороны, потому что я точно также вел себя раньше. Трах между друзьями, ничего не значит, как только он закончился.

Я разделял женщин.

Я был третьим.

Но я никогда не разделял женщину, которая владеет частью моей души. И сейчас я думаю, что разделение Элли, показало мне, что я был настоящим ослом.

Она понятия не имеет о моих переживаниях. Она целует меня и вылетает за дверь, словно несколько часов назад у нас не было кинки траха.

Ну, конечно, она все помнит. Хотя бы то, что я бесконечно ей твердил.

Ночью я не мог заснуть. Кровать казалась какой-то пустой, совсем не такой, когда она лежит рядом, и мне стало от этого еще больше тревожно. Мне не следует так привязываться к ней. Может, она права, и нам стоит притормозить.

Кроме того, этот секс втроем, просто не дает мне покоя. Гораздо лучше, если бы я

пригласил кого-то, кто не так хорошо бы нас знал. Я не могу заменить Лаклана на нового начальника охраны лишь потому, что испытываю сожаление в выборе его третьим для нашего развлечения. Выбор явно был неудачным, с моей стороны, он слишком близок ко мне. Он недостаточно далек, чтобы по не досмотру нам, вернее мне, предоставить пространство, мне нужно все обдумать, и недостаточно близок, где в обдумывании нет необходимости.

Будильник звонит в четыре утра, я в полном смятении. Понятия не имею, когда я, наконец, заснул, но знаю точно, что в час сорок три я еще не спал. Я выбираюсь из постели и иду на кухню за кофе.

Лаклан уже сидит за столом. Он потягивает кофе из кружки, потом ставит ее на стол.

— Вы выглядите дерьмово. В кофейнике есть кофе.

— Да, ты тоже не слишком хорошо выглядишь. Ты хоть немного поспал?

— Немного. Что означает, как правило, хуже, чем вообще не спать.

Я достаю кружку из шкафа и наливаю себе кофе, прежде чем присоединяюсь к нему за столом.

— Мы в порядке?

— Мы будем в порядке.

— Как она чувствовала себя по дороге домой?

— Тихо. Мы оба молчали.

Мне следовало позвонить ей или написать. Но что я мог ей сказать? Вести разговор трудно, когда боишься затронуть эту тему, потому что *эта тема* становится все более и более раздражающей для меня.

— Но она выглядела нормально?

— Она не школьница чертовых высших классов. Вы хотите получить ответ, обратитесь к источнику.

— Прости, Лаклан. За все. Я поставил всех нас в очень неловкое положение, и это было безответственно с моей стороны.

— Мы все взрослые люди, согласившиеся совместно поиграть. Мы должны просто принять это и двигаться дальше. Тратить время на сожаления нет смысла, как правило, это приносит больше вреда, чем пользы.

— Я слышу это от человека, который фактически не спал.

— Кто сказал, что мой недосып был связан с сожалением?

— Нет?

— Нет. Я бы сказал, что это было больше... точная копия.

— И...?

— И что? Вы хотите узнать, где собака зарыта? Я все еще пытаюсь это выяснить. Но я знаю точно, что свою профессиональную жизнь могу отделить от сексуальной. — Он смотрит на меня соответствующем взглядом, и я понял его взгляд.

Но это меня не останавливает.

— Если ты хочешь взять выходной, уверен, кто-нибудь сможет тебя заменить.

— Вы взяли выходной? Элли взяла?

— Нет.

— Тогда почему я должен?

Чтобы предоставить мне чертово пространство. Но он прав, я должен признать это.

— Справедливо.

— Я понимаю, что вам надо разобраться в своих чувствах по поводу вчерашнего, но я не собираюсь вносить изменения в защиту премьер-министра только потому, что вы испытываете некий эмоциональный дискомфорт.

— Я тебя не прошу об этом. Я просто подумал...

— Вы просто решили воспользоваться, что я, черт побери, не выспался, чтобы увеличить между нами дистанцию. Если вы хотите увеличить дистанцию, можете запросить нового начальника службы безопасности. В противном случае, доверьтесь мне и дайте мне выполнять свою работу.

— Черт, Лаклан, мне нужно..., — я зарылся пальцами в волосы.

— Большая часть дня у вас проходит в вашем офисе. Скажите Бет, чтобы она изменила ваше расписание, и вам не придется никуда ехать. Таким образом, я буду вне вашей досягаемости весь день.

Я немного расслабляюсь. Я явно делаю из мухи слона.

После двух часов дня в тот день я все же смог остановить себя и не позвонить Элли, и не вызвал ее в кабинет. Так же я смог остановить себя между встречами, которые у меня сегодня происходили. Я не ответил на три ее звонка в мой офис. Я не знал воспользовалась ли она одноразовым телефоном, потому что свой забыл дома, чтобы не было искушения. Я был благодарен, что она не пришла ко мне в офис, потому что возможности *отправить ее на голосовую почту* у меня не будет.

Я знаю, что я трус. Но я не знаю, как еще могу притормозить. Когда я слышу ее голос, я хочу ее прямо здесь и сейчас. Когда она со мной, я хочу касаться и целовать ее. Везде. Когда мы вместе, для меня не может быть медленнее и не спеша. Все или ничего.

Во вторник Элли заходит в мой офис и закрывает за собой дверь.

— Ты все же решил, что мы, действительно, перешли к медленным и неторопливым отношениям?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Да ладно, Гэвин. Все выходные ты был полностью во мне, поддавая жару и другим местам, и тебе все было мало. Наступает понедельник и у тебя нет на меня времени. Это звучит похоже, как не я занят, будучи премьер-министром, а как я совершил огромную ошибку, поэтому у меня нет времени.

— Элли, у меня столько здесь всего происходит...

— Это из-за секса втроем, не так ли? — Ее лицо становится напряженным. — То, что я позволила Лаклану прикоснуться ко мне, и теперь ты от меня больше ничего не хочешь, потому что я...

Ой, бл*дь. Первая мысль — она страдает, думая, что совершила грубую ошибку, а я не сделал ничего, чтобы как-то успокоить ее. И, возможно, от этого она страдает в какой-то степени, но, на самом деле, с ней происходит намного что-то более серьезное.

— Хватит. Это не имеет ничего общего с тем, что было в эти выходные. Это было по согласию, и ты была прекрасной, — я никогда ей не скажу, что от своего решения, чувствую себя неловко. — Просто я тут подумал. Ты была права. Я многим рискую, ни один из нас не может себе позволить такого, поэтому решил, что будет лучше сбавить обороты, — это не совсем лучшее решение, но это все что мы можем сделать. Я ненавижу это решение, но у нас нет времени, чтобы с этим разбираться.

— Ты решил? Правда?! Ты? Насколько я помню подразумевалось, что нас двое, так

почему ты принимаешь решение о наших отношениях без меня? Когда я сказала тебе тоже самое, ты расстроился и чуть ли не оскорбился.

Точно. Она первая начала обсуждать этот вопрос, что наши отношения должны развиваться медленно и не спеша. Я не говорю, что я согласен. Я несу ответственность за свое поведение, и я никогда не повернусь к ней спиной.

И поскольку я так боялся облажаться в этом вопросе — я уже полностью облажался. Я направляюсь к Элли, она отступает к двери. Это совсем не хороший признак.

— Прости. Я планировал поговорить с тобой на эту тему сегодня вечером...

Она меня перебивает.

— Как чертовски удобно. Знаешь, что? Пошел ты. Я не нуждаюсь в этом.

— Элли, я..., — она несется к двери, я быстродвигаюсь к ней, но она выбегает из моего кабинета.

Я не успеваю ее остановить, поэтому влетаю в приемную, Бет смотрит на Лаклана, ее лицо искажено болью, она забирает свою сумочку со стола и вылетает из комнаты. Я поворачиваю голову. Лицо Лаклана ярко-красного цвета, и выглядит он так, словно готов взорваться.

Он медленно поднимается с кресла и показывает мне на мой кабинет.

26.

Элли

Вы понимаете, что достигли точки, когда спрятались в кабинке туалета.

Я не могу вернуться на свое рабочее место, потому что в комнате еще полно других младших сотрудников. Я не хочу покидать здание и перебираться в здание Ланжевен, потому что чувствую, что вот-вот впаду в истерику.

Мы не дети.

Хотя можем иногда вести себя по-детски, но по существу, мы взрослые люди и что-нибудь обязательно придумаем.

Пока я не разберусь, как такое могло произойти, я предпочитаю прятаться.

Дверь в туалет со скрипом открывается, кто-то входит, у меня тихо вырывается стон. Что может быть еще хуже, чем интерн, цыпочка, застуканная в кабинке туалета, спрятавшаяся от всех.

Но пришедшая не использует кабинку рядом со мной. Она включает воду, затем выключает и вздыхает.

А потом начинает шмыгать носом.

Вот черт. Никому не хочется слушать чьи-то рыдания.

— Соберись, Бет, — бормочет она, и мои глаза расширяются. — Он не стоит этого.

Бэт? Мой желудок ухает вниз. О Боже.

О мой Бог.

Я рывком открываю дверь, Бэт подпрыгивает на месте, резко повернувшись ко мне лицом.

— Ты не говорила..., — с порога начинаю я.

— Я не знала, что ты здесь, — говорит она одновременно со мной.

— Мне очень жаль. Я пряталась. Прости. Мне правда очень жаль. Пожалуйста, не говори ничего. Я не знала... я думала, что ваши отношения носят исключительно

профессиональный характер.

— Да, — она вытирает нос. — Не беспокойся об этом.

Но я беспокоюсь, потому что хуже уже просто некуда — получить последнюю новость о ПМ и убогом любовном треугольнике — премьер-министром, стражеркой и его секретарем.

— Я не знаю, что сказать. Я... никто не знает. Сюю не знает. Я имею в виду, Лаклан знает, конечно, но это произошло случайно.

— Стоп. Я не хочу никаких подробностей, что ты делала.

Мои щеки горят огнем.

— Я не буду вдаваться в детали.

— Я просто никогда не думала, что Лаклан..., — она затихает.

Я моргаю.

— Лаклан?

Она делает соответствующее лицо.

— Да. Глупо, правда?

— Нет, нисколько, — мысли со скоростью света проносятся у меня в голове. Лаклан. *Ох, мать твою, Лаклан, ты идиот.* И мне становится совершенно наплевать на то, что она слышала, оказывается все поправимо. — Не глупо, совсем, не глупо, Бет. Я думала, ты говоришь о Гевине.

Она с тревогой поглядывает на меня.

— Гэвин. Ой. Нет.

— Точно, — слава Богу, что больше никто не запал на ПМ... сейчас сама идея, возникшая у меня, кажется глупой. Вдох. — Я не знаю, что ты слышала, но думаю, у тебя неверное представление о том, что произошло.

Ее взгляд становится немного настороженным, мне хочется ее обнять, но данный момент не время для вольностей и установления дружеских отношений.

— Гэвин и я... все очень сложно. Но вопрос касается только нас двоих.

— Я слышала ваш разговор, — тихо говорит она. — Не лги мне.

— Ты слышала обмен фразами в середине боя. И это было непрофессионально, я даже не могу выразить словами насколько сожалею об этом. Мне очень жаль. Никто не знает. И это было глупо с нашей стороны, и мы оба знаем. Но ты должна понять, что мы пытались бороться с тягой друг к другу. Собственно, по-прежнему мы пытаемся ее побороть.

— Я далека от того, чтобы давать вам советы по поводу отношений, но секс втроем с его начальником безопасности — это не лучший способ наладить отношения.

Это не смешно. Может сейчас пол развернется подо мной и поглотит меня, ну, пожалуйста. Но ничего такого не происходит, и даже если Бэт меня ненавидит, я все же должна прояснить ситуацию.

— Это не секс втроем. Наверное, это была глупая и плохая идея, но это было не совсем то, что ты думаешь.

— Ты даже не захочешь знать, что я думаю, — говорит она с соответствующим выражением лица. — Я думала, что Лаклан пуританин. Я думала, что он слишком правильный, чтобы завести служебный роман.

— Об этом, я думаю, тебе следует непосредственно поговорить с ним. Но..., — *если я продолжу в том же духе, я предам их обоих?* Они большие мальчики. Они смогут все уладить с Бет, с их-то способностями. — Бэт, я собираюсь сказать тебе нечто, что должно остаться между нами. Я доверяю тебе, потому что знаю, Гэвин тоже очень доверяет тебе.

Ладно?

Ее губы вытягиваются в одну линию, но она кивает.

— Я никогда не предам его. Что бы вы ни делали в частном порядке — это ваше личное дело.

Если бы весь остальной мир обладал таким пониманием.

— Гевин более опытный, чем я, и мы увлеклись. Лаклан так же имеет определенный опыт. Гевин очень сильно доверяет ему. Поэтому он попросил Лаклана, провести некий эксперимент. Мы делали это не для своего удовольствия.

— Если это вылезет наружу, скандала все равно не избежать, эксперимент это или нет, — бормочет она, но ее плечи опускаются, видно, сходит напряжение.

— Я знаю. Но сейчас меня меньше всего волнует публичный скандал. Меня больше всего волнует тот факт, что мы как-то задели твои чувства.

— У меня нет никаких претензий на его счет, — шепчет она. Но она хочет, чтобы я знала, что для нее это неприятно, она испытывает боль.

Она печально мне улыбается, улыбка не затрагивает ее глаз, потом прижимает руки к груди и поглядывает на себя в зеркало. Профессиональная маска опускается на ее лицо, она распрямляет плечи.

— Мне лучше вернуться на рабочее место.

Внутри я чувствую дрожь от облегчения. В обозримом будущем она явно не пригласит меня выпить по бокальчику, но, по крайней мере, не будет разносить слухи, что подслушала ненароком.

После ее ухода я выжидаю минуту, затем покидаю туалет. Как только я сажусь за свой рабочий стол, обращаю внимание на пришедшее письмо от Лаклана, отправленное всему персоналу ПМ — Гэвина не будет в здание в течение всего дня.

* * *

В среду я перехожу работать в здание Ланжевен.

В четверг я работаю в центральном офисе и участвую в семичасовом брифинге, ни разу не взглянув Гэвину в лицо.

Я чувствую настоящее облегчение, когда в полдень мне звонят из университетской поликлиники и просят прийти за результатами медосмотра, который я прошла на прошлой неделе, когда Гэвин был в Европе, подумывая, что если все результаты будут о'кэй, мы смогли бы отказаться от презервативов.

Ха. Сейчас мне кажется это смешным, что я серьезно рассматривала возможность выбросить их в кювет.

Любовь — это ужасная вещь.

Но как только мы разберемся с нашим бардаком, чем бы он не оказался на самом деле, возможность выбросить презервативы для него будет неожиданным сюрпризом.

Я заглянула в кабинет Сью, чтобы сообщить, что я отправляюсь на прием к врачу. Он, не отвлекаясь от телефонного разговора, махнул мне рукой, поэтому я передала все его секретарю и ушла.

Пока я была в кампусе, перебросилась парой фраз с моим куратором о курсе, который собиралась преподавать осенью и конференции, в которой куратор хотела бы, чтобы я участвовала в сентябре. Потом я столкнулась с Сашей, выпила кофе, поэтому почти к пяти

часам вечера я вернулась в офис, взяв с собой ужин на вынос.

Я могла бы всю свою работу сделать завтра днем, но никто не напишет за меня конспект на доклад, который замороженно я читала. Я настолько погрязла в нем, что когда посмотрела в окно, уже стемнело.

Сотрудники потянулись на выход, я тоже пыталась уговорить себя последовать их примеру, но, по правде, мне не хотелось идти домой.

Последний младший сотрудник покинул помещение, я же сижу обложенная листками отчета, косясь на свою сумку, как бы раздумывая, уйти или остаться, но открываю другой отчет.

Какое-то время спусти мое внимание привлекает двери лифта, кто-то приехал на этаж. Потом я слышу шаги, которые через мгновение затихают, и я задерживаю дыхание.

Я слышу приглушенный разговор и больше ничего.

Я опускаю глаза на отчет и уговариваю себя сосредоточиться, говоря, что это не он. А если даже он, то я не хочу, чтобы он узнал, что я все еще здесь.

Я такая врунишка.

Мой рабочий стол стоит посередине комнаты, на приличном расстоянии от двери. Сейчас два других стола пустуют, он появляется в дверном проеме и это расстояние между нами делает данный момент слишком интимным.

Мы здесь совсем одни. У меня учащается пульс.

— Ты сегодня уходила, — тихо говорит он, бросая взгляд через плечо.

— Я была на приеме у врача.

Он подходит ближе, оставив за собой дверь открытой.

— Что случилось?

— Ничего, — я отодвигаюсь на кресле от стола и скрещиваю ноги. Он внимательно следит за сменой моего положения. Я ужасная чертова лгунья. Юбки, которые я ношу трахну-меня и туфли на каблуках...по крайней мере, какая-то часть меня очень хотела, чтобы он ко мне пришел. — Я ходила на медосмотр.

— По какой причине?

Но другая моя часть не готова вот так сразу все забыть и простить.

— Возможно, это не твое дело, — рычу я.

У него подергиваются желваки на скулах.

— Уверена?

Нет. Я терпеть не могу вступать с ним в перепалку, поэтому делаю вдох.

— На прошлой неделе я прошла полное обследование. И сдала все анализы, — теперь становится все понятно.

Он кивает, его подбородок напрягается, он не на секунду не отводит от меня глаз.

— И сегодня ты получила результаты.

— Да.

Он медленно расстегивает свой пиджак, и словно заглядывает мне прямо в сердце.

— В мой кабинет. Сию минуту.

— Гэвин!

— Нет, Спрайт. Когда я говорю тебе в мой кабинет сию минуту, ответ...?

— Да, Сэр, — рациональная часть моего мозга начинает возмущаться. *Ты серьезно?* Мы не поговорим, как взрослые люди? Но моя внутренняя покорная половина громко выдохнула, поскольку сдерживалась вот уже три дня, и удивительно то, что я не собираюсь

ее утихомиривать.

Я поднимаюсь.

— Хорошая девочка, — он приближается еще на один шаг. Его глаза сверкают. — Не хочешь взглянуть на мои последние результаты медосмотра? Уверен, у меня где-то они валяются.

Я положительно киваю.

— Тогда тебе лучше поспешить.

Я проскальзываю мимо него и направляюсь в коридор.

Лаклан стоит у лифта, спиной к нам, и я вдруг понимаю, что в офисе нет ни души.

Ой. Вот дерьмо.

Дверь кабинета Гэвина открыта, и я прямо вхожу туда.

Он следует за мной, закрывает дверь со зловещим щелчком. Моим соскам, видно, нравится этот щелчок.

— Наклонись над столом, — говорит он. По шелесту я понимаю, что он снимает пиджак.

— Гэвин...

— Или скажи мне остановиться, если нет, то нагни свою задницу над моим столом.

Я на трясущихся ногах двигаюсь вперед, испытывая прямо болезненное, чрезвычайно чувствительное от движения моей юбки у себя на бедрах, и чувствуя его взгляд, прожигающий мне спину. Поставив ладони на край стола, я медленно начинаю наклоняться, пока не достигаю угла девяносто градусов, юбка на мой задницы натянулась до предела. Мне приходится даже привстать на цыпочках на негнущихся, напряженных ногах.

— О, Элли, что ты со мной делаешь..., — он шагает вперед, просто налетая на меня на столе.

Я держусь изо всех сил.

Он запускает руку мне в волосы и поворачивает мою голову, прижимая щекой к столу. Я судорожно делаю вдох, он наклоняется ко мне справа, разгоряченный, наваливаясь всем своим весом, шепчет на ухо:

— Когда ты собиралась мне сказать, что мы можем не пользоваться презервативами?

— Когда мы собирались поговорить друг с другом.

— Мы сейчас говорим.

— Разве это считается? Я хочу кое-что тебе сказать...

Его рука опускается с хлопком на мою левую ягодицу. Я задыхаюсь и пытаюсь сделать еще вдох, он поглаживает ударенное место ладонью.

— Время вышло.

Всего лишь один шлепок заставляет мою кровь закипать, я сильнее прижимаюсь к столу, пытаюсь сохранить самообладание. Грудь болит, а ноги желают раздвинуться еще шире. Я прикусываю губу, лишь бы не начать умолять его о большем.

— Последний раз, Элли, когда ты была здесь, то вела себя ужасно грубо.

— Простите, — с трудом выдыхаю я.

— И сейчас ты расскажешь мне, почему так воинственно воспринимаешь, — *шлепок*, — когда мы двигаемся медленно, — *шлепок*, — и не торопясь.

— Аааа!

— Что я должен сделать, Спрайт? Чтобы исправить твоё поведение? — он задирает мою юбку, оголяя мои простые белые хлопчатобумажные трусики. У меня краснеют щеки от

смущения, когда я вспоминаю, как не задумываясь натянула их этим утром.

Его пальцы проходятся по эластичному поясу. *Сними их.* Но он не снимает, лишь оттягивает резинку и ласково поглаживает мою нижнюю часть.

Шлеп.

Я вскрикиваю, ноги раздвигаются сами собой, продолжая стоять на носочках и всеми силами желая большего.

— Прошло ровно пятьдесят четыре часа, как ты покинула мой кабинет, Спрайт.

Теперь я понимаю, куда он клонит. Йе. Моя задница сжимается, готовясь к шлепку. Нет, нет, нет...

— Сможешь ли ты принять такое количество ударов?

— Да, Сэр. — *Что? Кто это сказал?*

Он проходит по моему бедру, его палец соскальзывает с резинки на мою ягодицу и следует прямо туда, где находится моя киска.

— Хорошая девочка.

Все мое тело стремится к нему навстречу, и с каждой секундой я становлюсь более мокрой.

Он убирает руку, даже не добравшись до моей напухшей киски и слегка дует мне на задницу. Самое главное, мне не больно, и на десятом шлепке, я начинаю покачивать своим задом, как бы играя с ним.

Я настолько возбуждена, что готова к большему.

— Пожалуйста..., — умоляю я. — Жестче.

Он кладет руку между моими лопатками, успокаивая меня.

— Принять сорок шлепков — это много, Спрайт. Ты не захочешь, чтобы я шлепал сильнее.

Да, наверное, жестче не захочу. Но я проглатываю свой стон, потому что не хочу ему отвечать.

Он стягивает мои трусики вниз по заднице, сильно потянув их за ластовицу моей промежности, задевая клитор, обнажая мою плоть.

— Ты сильная и храбрая, желаешь большего.

Он шлепает меня по голой заднице, которая и так горит, и я уверена, что стала розовой, его следующий шлепок более сильный.

— Ой, — задыхаюсь я, и у меня вырывается жалобный, хриплый стон, он опускает руку между моими ногами и уделяет внимание моей киске, особенно клитору, который давно этого ждал, еще с того момента, как он вошел в мой кабинет.

Даже через мои трусики, он может сказать, что я совершенно мокрая, Гэвин тяжело вздыхает, отодвинувшись от меня.

— Тридцать пять, — приглушенно говорит он. — Тридцать четыре..., — каждый удар приземляется в другом месте. Некоторые удары мягче, некоторые сильно жалют, но с каждым ударом возникает необъяснимое тепло где-то глубоко внутри, с каждым разом тепло становится сильнее.

Когда остается последние десять, он опускается позади меня на колени и стягивает мои трусики вниз. Туфли соскальзывают с ног, он отбрасывает мое нижнее белье вместе с туфлями, и теперь я не достаю носочками до пола.

Гэвин не дает мне шанса обрести равновесие, он наклоняется и начинает лизать мою мокрую киску, кружа кончиком языка вокруг моего клитора, потом берет его в рот и

начинает сосать. Это наслаждение настолько сильное, что я не могу терпеть.

— Аххххх! — стону я, почти чувствуя накатывающий оргазм, но я не могу, не могу, я не могу...

Он отстраняется, и я не кончаю. Дезориентированная происходящем, я пытаюсь прийти в себя.

— Так хорошо, моя Спрайт, — говорит он, целуя тыльную сторону моего дрожащего бедра, прямо под первым следом, который он оставил своими шлепками, начиная с верхней части бедра и раскиданными по всей моей заднице.

— Спасибо, что контролируешь себя.

По мне проходит внутренняя дрожь от его похвалы, я усмехаюсь про себя.

— Десять шлепков будут сильнее, детка. А потом ты сможешь кончить.

Его пальцы прочерчивают дорожку по моей чувствительной коже, затем на секунду исчезают, потом опускается его ладонь. Еле дотронувшись, но болезненно. Десять.

Девятый — жестче, но восьмой — более мягкий.

Седьмой заставляет меня вскрикнуть, шестой и пятый почти идут друг за другом.

От четвертого я шиплю, и он начинает прямой отсчет к моему клитору. Три, два.

Последний шлепок достаточно сильный, у меня даже выступают слезы, но его пальцы тут же оказываются внутри меня, двигаясь и доставая до точки G, и наслаждение окутывает меня изнутри, хотя кожа жжет и горит очень сильно.

Я кончаю жестко, у меня даже сжимаются пальцы на ногах, а он продолжает ласкать меня, несмотря на мой оргазм, пока я не насыщаюсь им.

Накатывающие волны утихают, но я все равно продолжаю внутреннее трепетать, Гэвин возвышается за мной, резко расстегивает мою блузку, я словно без костей, как кукла, с которой он может делать все, что захочет. Юбка падает вслед за блузкой на пол, он оставляет на мне только лифчик, развернув меня к себе лицом.

Он окидывает меня своим голодным взглядом, будто не видел меня обнаженной уже много лет, а не три дня.

Но в последний раз, когда мы трахались, и я была обнаженной, мы были не одни. Сейчас же он выглядит так, будто его заставили ждать всю жизнь, чтобы вернуть то, что принадлежит ему. Вдруг я понимаю, что хочу сказать ему намного больше, чем всего лишь «прости».

— Гэвин, — начинаю я, но выражение его лица меня останавливает, и я не продолжаю свою попытку. — Сэр?

— Да, Спрайт?

Я осторожно сажусь на его рабочий стол, поглубже усаживаясь, чтобы удержаться на своей ставшей настолько чувствительной заднице.

Ладно, согласна. Я заслужила эту жгучую боль.

Я развожу ноги и запускаю руку между бедрами, остановившись в дюйме от своей по-прежнему набухшей киски.

— Я должна была сказать тебе раньше, что ходила к врачу.

Он приближается на шаг, его пальцы прокладывают путь у меня между ног, и я начинаю гореть.

— Да, тебе следовало мне об этом сообщить.

— И что бы ты сделал? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— То, что я собираюсь сделать прямо сейчас, — он поднимается пальцами вверх по

моей киске и проводит костяшками пальцев по моему животу. Достигнув лифчика, он поддевает пальцами эластичную прозрачную ткань и тянет мою грудь вверх, насколько позволяют лямки, выпятив мои соски на его обозрение.

— И что это...?

— Что ты хочешь мне сказать, Спрайт? — он кладет руку мне на затылок, большим пальцем приподнимая мой подбородок, удерживая, чтобы я не смогла наклонить голову. Он зажимает мой сосок и наклоняется ко мне на столько близко, что я вижу его лицо почти размытым. Я пытаюсь отодвинуться, но с силой удерживает меня, не позволяя двинуть головой. Его дыхание напротив прерывистое и учащенное.

— Ты хочешь мне сказать, чтобы я предъявил на тебя права?

— Да, — шепчу я.

— Тогда скажи мне это. Не играй со мной в игры.

— Я хочу, чтобы ты вернул себе то, что принадлежит тебе, — говорю я хрипло, с надломом. — Так, как можешь только ты. Только ты и я, кожа к коже.

— Ах, Элли, — его рот тут же опускается на мой, и я тереблю его галстук. Мне необходимо почувствовать его играющие мускулы в живую, без этой рубашки.

Он прерывает поцелуй и срывает с себя рубашку.

Я протягиваю руку, касаюсь его кожи, он скидывает ботинки, упираясь носком одного в пятку другого. Его мышцы под моими пальцами такие жесткие и неподатливые, пока с молниеносной скоростью он обнажает быстро передо мной. Он всегда вне досягаемости и его быстрое скидывание одежды, не даст мне много шансов снова прикоснуться к нему, пока он не оставит свою метку на мне. Поэтому я прохожусь по его руке и груди, запоминая свои ощущения и внимательно его разглядывая.

Полностью раздевшись, он раздвигает мои ноги по шире и встает между ними.

Кончик его члена проходит через мои складки, дотрагивается до клитора, а потом головка слегка надавливает на мой вход.

Сердце бьется со скоростью мили в минуту. Я никогда не занималась сексом без презерватива, без чего-то основательного, впервые видя его эрекцию, входящую в мою киску, растягивая и открывая, без каких-либо барьеров между нами. Только Гэвин может проделывать это со мной.

Обхватив руками меня за бедра, он с силой их сжимает. Наклоняется, нежно прикасаясь губами до моих, его взгляд останавливается на моем лице, хотя он продолжает двигать бедрами вперед, и хоронит себя полностью во мне, мне хочется, чтобы это не прекращалось.

— Моя, — рычит он.

Он снова целует меня, на этот раз более настойчиво, его язык дразнит, проникая ко мне в рот.

Его бедра двигаются легко, член еле-еле проникает в меня, но вдруг он делает резкое движение, растягивая меня до предела. Он трахает меня всем своим телом, его лобковая кость дотрагивается до моего клитора при каждом движении его бедер, он еще шире разводит мои ноги, чтобы я смогла взять каждый дюйм его длины.

Но я хочу большего.

Я скулю, как только он отпускает мои бедра и покидает мое тело.

— Не волнуйся, Спрайт, мы еще не закончили. Но я не могу грубо с тобой обходиться, как мне нравится, поскольку ты сидишь на твердом деревянном столе.

Грубо. Это слово посылает неуправляемую дрожь по всему моему телу, которая мне

очень нравится, раньше я никогда не испытывала ничего подобного. *Да. Используй меня. Я полностью твоя.*

Он снимает меня со стола и проносит через всю комнату к черному кожаному дивану честерфилд.

— После моего рабочего стола на этом предмете мебели я больше всего хочу тебя поймать.

Я скулю от холодной кожи, которая дотрагивается до меня, пока он укладывает, словно я его личная чертовая кукла, собственно, я и являюсь для него в данный момент куклой для траха. Правая моя нога остается на полу на носочке. Левая задрана на спинку дивана, головой я опираюсь на руку.

Он забирается на диван, нависая надо мной, передвигая свою левую ногу вперед.

— Я хочу проверить продолжаешь ли ты заниматься йогой, Спрайт. Мне нравится, когда моя малышка такая гибкая.

Сжимая рукой мои запястья, он поднимает их над головой, прижимая к столику, затем погружается в меня намного глубже, чем раньше. Эта позиция, как бы придавливает меня книзу, я даже не могу тереться о него клитором.

Но от того, что я нахожусь полностью в его власти, испытываю несказанное удовольствие. Мне так хорошо. Я — чертовая фальшивая феминистка. Куда делось то время, когда я сама отвечала за свой оргазм? Гэвин именно тот мужчина, который заставляет меня умопомрачительно кончать, самой мне никогда не удавалось достигать такого оргазма, независимо от того, насколько мощным был мой вибратор.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он входит и выходит, словно это его дом, снова и снова. С каждым его толчком диван слегка сдвигается, я умоляю его разрешить мне кончить, он не обращает внимание на мои просьбы.

Он не останавливается и не замедляется, наоборот ускоряется, трахая меня все сильнее. Он трахается, буквально разрушая комнату вокруг. Но по-видимому его это совершенно не волнует, пока он находится внутри меня, проникая все глубже и жестче, такого раньше никогда не было.

— Кончай сейчас же, Спрайт, или тебе придется подождать, когда я буду в соответствующем настроении.

Его слова убивают все мое самообладание. Я превращаюсь в собаку Павлова, только вместо слюноотделения на звук колокольчика, я начинаю кончать, стоило ему произнести эти слова. Его непристойное обещание заставляет меня замереть на секунду, а потом я начинаю раскручиваться, словно катушка, состоящая из желания, которая туго сжата внутри меня. Быстрее, еще быстрее, поднимаясь все выше и выше, пока я добираюсь до самого верха и даже не задаюсь вопросом — безопасно ли падать вниз.

Спазм от моих внутренних мышц, сжимаются вокруг него, пока он два последних раза рывками двигает своими бедрами, он зависает надо мной, все мое тело напряжено, подготовившись, он кончает глубоко внутри меня, помечая меня своей.

Мне требуется какое-то время, чтобы вернуться к реальности. Мне не хочется заканчивать этот момент, когда он такими глазами смотрит на меня. Но вдруг я вспоминаю упавшие предметы, и паника внутри начинает нарастать.

— Что мы разбили?

— Настольную лампу, — его грудь вздымается и опускается, и все его тело блестит от

пота. Мне хочется его облизать.

Нет. Черт побери. «Сосредоточься, Элли».

— Мы должны одеться. Наверняка кто-то услышал такой грохот, поэтому придут проверить.

— Не волнуйся, — его голос звучит грубо и низко, опьяненно, я даже бы сказала, от такого секса, когда весь окружающий мир перестал для нас существовать.

— Никто не придет ничего проверять. Сейчас давай приведем тебя в порядок.

Я не особо прислушиваюсь к его словам. Грохот был сильным и даже если Лаклан не войдет в эту дверь, кто-нибудь с нижнего этажа обязательно поднимется сюда.

Если бы Гэвина поймали со спущенными штанами с интерном, это было бы равносильно политическому самоубийству.

— Мне нужно идти, — я пытаюсь отстраниться от него.

Он гладит меня по щеке, мне хочется лечь рядом с ним и всю ночь наслаждаться его ласками.

— Элли, все хорошо.

— Нет, Гевин, это не так. Отпусти меня. Сейчас же.

На мгновение его взгляд соединяется с моим, потом он кивает и поднимается с дивана.

У меня перехватывает дыхание, мне нужно побыстрее выбраться отсюда. Я, пошатываясь через всю комнату, направляюсь к своей одежде.

— Элли...

Я молчу, натягивая свои трусики и юбку. Я даже не пытаюсь канителиться с бюстгальтером, складываю его в несколько раз, чтобы он не очень виднелся в руке. Я засуну его в сумку, как только вернусь к своему рабочему месту. Гэвин пытается мне помочь, пока я вожусь с пуговицами на своей блузке. Я игнорирую его.

— Не обращай на меня внимания, одевайся и приведи себя в порядок.

— Элли, успокойся. Нам нужно поговорить.

Его слова оказывают обратный эффект. Мое сердце опять начинает биться со скоростью мили в минуту, я надеваю туфли. Наконец, я застегнула последнюю пуговицу на своей блузке, у меня трясутся и дрожат руки, пока я разглаживаю складки на одежде.

— Нет. Мне необходимо уйти отсюда сию же минуту. И я советую тебе поспешно одеться.

У меня даже начинает дрожать голос, но тон повышается, я немного рассержена, поэтому последнюю фразу, фактически, выплевываю. Я открываю на щелочку входную дверь, потом только, чтобы выскользнуть, стараясь не смотреть в сторону лифтов, где первоначально стоял Лаклан. Я влетаю в свой кабинет, бросаюсь к столу, хватаю свою сумочку и со всех ног, стараясь оставаться незамеченной, бегу к черной лестнице, чтобы спуститься вниз.

Я просыпаюсь в четыре утра. Хотя просыпаюсь несколько не тот термин, если учесть, что всю ночь я фактически дремала, находясь в странном состоянии забытья, переживая и впадая в панику каждый раз, как только мои глаза закрывались, хотя бы на секунду.

Каждый мускул в моем теле ноет и болит.

Я ощущаю себя неудачницей. Вчера вечером я столкнулась с неопровержимым доказательством того, что наши отношения подорвали мой профессионализм... и его тоже. Причем его больше, чем мой.

Мы оба облажались, причем по-царски.

Но стажировка для меня, по крайней мере, временное явление. Я могу уйти, никто даже и не заметит.

Никто, кроме Гевина.

Я заторможено плетусь в душ, потом одеваюсь. Совершая обычные утренние действия, которые мне нравятся, но иногда я их ненавижу. Обычно я беру с собой ланч, но сегодня я не собираюсь долго задерживаться на своем рабочем месте. Поэтому наливаю в термокружку кофе, сегодня оно ощущается как кислота у меня в желудке.

Я вхожу в здание Ланжевен. Я даже не смотрю на противоположное здание.

Я люблю его. И если мы продолжим в том же духе, то я разрушу его карьеру и у него не будет ни единого шанса продолжить свою политическую деятельность.

Я вхожу в сеть и пишу по электронной почте Сью.

Мне интересно, если он меня отшлепал за скандал, который я устроила у него в кабинете, что же он сделает, когда узнает, что я уволилась по собственному желанию?

27.

Гэвин

На следующее утро я замечаю отсутствие Элли на брифинге. Она должна была присутствовать, по крайней мере, я точно знаю, что она была включена в общий список приглашенных. Я знаю, потому что сам проверил его. Меня тяготит это совещание, но я ничего не могу поделать, пока встреча не закончится. К счастью, она длится всего лишь пятнадцать минут. Пятнадцать минут я вполне могу продержаться. Хотя и с трудом.

Я понимаю, что что-то произошло. В течение всего брифинга, Сью смотрит на всех, кроме меня.

Когда последний из моей команды покидает мой кабинет, я уже нахожусь в состоянии повышенной тревоги. Сердце колотится, и голова становится какая-то ватная.

— Где Элли? — спрашиваю я Сью, как только мы остаемся одним.

— Она уволилась по собственному желанию.

— Что значит уволилась по собственному желанию?

— Взяла и уволилась. Свалив на меня всю свою работу, — Сью в ярости и даже не пытается это скрыть.

Вот черт. Я задаю, похоже, самый глупый вопрос на свете.

— Почему она вдруг уволилась?

— Ты серьезно? Мы будем это обсуждать?

— Да, бл*дь, Сью. Почему?

— Ну, она написала, что ей необходимо вернуться в университет как можно раньше.

— Это полный бред.

— Да, я знаю. Может ты сообщишь мне, что происходит на самом деле.

Его заявление убивает меня, это я испортил всю практику Элли, и мне необходимо найти способ как-то все исправить. Сыграть со Сью начистоту — это первый шаг.

— Я встречаюсь с Элли Монтагью.

— Господи.

— Благодарю, я рад, что ты рад этому, что я, наконец, нашел особенную женщину.

— Вот из-за чего она ушла.

— Скорее всего.

— Господи.

— Ты уже это говорил.

— Получается, что она точно ушла не по собственному желанию. Она заканчивает интернатуру в университете. Нет, я ни черта не рад этому, потому что она умная и нам чертовски повезло заполучить ее, хотя бы на два месяца, раньше у нас таких не было, но похоть взяла верх.

Он должен на меня молиться, что нас разделяет стол.

— Это не так.

— Ой, я тебя умоляю, Гэвин. Ты думаешь, я слепой...

— Это. Не. Так.

Он прикусывает нижнюю губу вместо ответа.

Я не собираюсь ему ничего объяснять, но я доверяю ему несмотря на то, что он настолько бездушен к людям. И прежде, чем он узнает о нас из каких-либо других источников, я ловлю себя на мысли, что для меня это неизбежно — он должен узнать правду лично от меня.

— Это не твое дело, но похоть к ней появилась в первый же ее рабочий день. И так как я шесть недель сдерживался и пытался себя отговорить, делал все, что в моих силах, чтобы не связываться с ней, но в какой-то момент я понял, что ее люблю.

Тишина заполняет комнату, как только слова слетают с моего языка. Сью ошалело смотрит на меня. Я прекрасно его понимаю. Я впервые признался в своих серьезных чувствах, даже самому себе, не говоря уже о ком-то.

И я, бл*дь, сказал это Сью, а не Элли.

Мать твою.

К счастью, Сью довольно быстро приходит в себя.

— Так это не подсудное дело?

— От Элли? Нет.

— А от кого-то еще?

— Это уже твоя работа, о которой стоит побеспокоиться. Я ставлю тебя в известность, чтобы тебе было что сказать, когда наши отношения станут публичными.

— И когда это будет? Ты планируешь тайно жениться в Ниагара-Фолс? (*Ниагара-Фолс — провинция Онтарио, Канада*)

— Мы еще не говорили о свадьбе.

— Надеюсь, что не говорили.

— Я хочу, чтобы все двигалось немного медленно. Я советую тебе хорошо подготовиться, хотя бы потому, что я не собираюсь отрицать к ней своих чувств, если меня спросят. Я не собираюсь лгать, Сью.

— Твои принципы иногда чертовски раздражают.

Тем же днем, вместо того, чтобы выяснять отношения с женщиной, которую я люблю, мое сердце замирает каждый раз, когда я думаю о ней, я нахожусь в самолете и лечу домой в Ванкувер, отвергнув уйму рабочих сообщений. И впервые, с тех пор, как я стал премьер-министром, я раздосадован сам на себя, как черт, в связи с выполнением своих служебных обязанностей.

По крайней мере, я проведу эти выходные с Максом. К семи он должен быть уже у меня — с пиццей и пивом. И мы проведем вечер, ему предстоит выслушать мой горестный

рассказ.

Между тем, отношения между Лакланом и мной по-прежнему остаются немного натянутыми. У меня и в голове не было, что он положил на Бет глаз, и она относится к нему с... трепетом. Если бы я хотя бы предполагал, то уж точно бы, не пригласил его в наши сексуальные кинки игры третьим.

За время всего перелета я читаю свою будущую речь. На самом деле, я очень сильно буду скучать по «изысканным» правкам и тону, который Элли придавала моим речам.

Когда мы приземляемся в Ванкувере, я сажусь за руль, мне кажется, если я буду вести машину, наш разговор пройдет легче. Я хочу поговорить с Лакланом, за рулем я буду больше сосредоточен на дороге.

— Почему ты не сказал мне, что кое-что имеешь к Бэт?

— При всем моем уважении, это не ваше дело.

— Это мое дело. В один миг подставить под удар профессионализм, по крайней мере, двух и даже трех человек, поэтому это стало моим делом. Когда я попросил тебя принять участие в сессии со мной и Элли, я почему-то подумал, что тем самым не поставлю тебя... в затруднительное положение.

— Так и есть. Я один. Ни с кем не встречаюсь. Черт, у меня даже нет друзей, обладающих определенными привилегиями.

— Тогда, что для тебя значит Бет?

— Не ваше дело, — его подбородок напряжен, глаза говорят: «Не лезь туда, куда не просят!»

— Ладно, давай во всем разберемся. Мой начальник службы безопасности имеет свой интерес к моему личному ассистенту, но при этом участвует в сексе втроем со своим боссом и подругой босса, которая случайно оказывается стажером. Чувствуешь, куда я веду?

— Как я и уже говорил — не вижу смысла тратить время на сожаления.

— Так ты сожалеешь?

— Не совсем. Я смирился со своим выбором и тем, как он отражается на мне, и отражается на тех, кто рядом со мной. И скажу честно, если бы вы спросили, повторил бы я? Не уверен, что я отказался бы.

Я удивлен. Лаклан, однозначно, видел расстроенный взгляд Бет, как и я. Его ответ заставляет меня задаться вопросом — он вообще понимает, что она тоже испытывает к нему какие-то чувства?

— Что теперь?

— Мы двигаемся вперед.

Я согласен с ним, поэтому предлагаю оливковую ветвь.

— Вечером приедет Макс с пиццей и пивом. Хочешь присоединиться к нам?

Он медлит секунду.

— Да, на пиццу с удовольствием, но я все еще технически на дежурстве, так что пиво пропущу.

— Отлично. Какую пиццу ты любишь?

— Я любитель мяса.

— Знаешь, а я даже не удивлен! Я позвоню Макс, как только мы доберемся до дома.

Макс приезжает после семи, нагруженный тремя большими коробками пиццей и половинкой упаковки с пивом.

— Серьезно, только шесть бутылок?

— Поскольку пьем только ты и я, и тебе завтра работать.

Я вздыхаю и направляюсь в гостиную.

Макс садится в кресло и открывает коробки с пиццей.

— Эй Лаклан, вопреки моему профессиональному здравому смыслу, я привез тебе еду, которая зашлакует твои артерии.

Лаклан широко улыбается, открывая коробку и доставая большой кусок пиццы, пальцем разрывая тянущиеся горячие волокна сыра, положив их кусок.

— Это именно то, что мне нужно, сырная, мясная вкуснятина, — он откусывает большой кусок. Сыр прилипает к его подбородку, большим пальцем он поддевает его и опускает в рот.

Я обалдело наблюдаю за этим зрелищем, до конца не понимая — то ли мне противно, то ли я впечатлен.

— Ты ешь как свинья.

Он указывает мне на свой кусок, прожевывая.

— Может принести вам нож и вилку, премьер-министр?

— Пошел ты, Лаклан, — и тут мы начинаем отрываться.

Макс уже развалился в кресле, посмеиваясь, потягивает пиво, закусывая пиццей.

— Макс, ты знаешь, что вся наша хоккейная команда состоит из кинки? — при первой возможности сообщаю я, поскольку мне не хотелось говорить ему об этом по мобильному телефону.

— О, в самом деле? — Он смотрит на Лаклана, который утвердительно кивает, продолжая пачкать свое лицо, словно он ждал эту пиццу целый год. — Тогда я еще больше рад переезду. Расскажи мне все об этой теме в Оттаве. Приличные клубы есть?

Лаклан заглатывает пиццу и запивает колой.

— Есть клубы, но доступ в них недостаточно ограничен, не обеспечивает должную конфиденциальность. Поэтому, я не считаю их подходящими для высокопоставленных лиц, таких как, ближайший друг премьер-министра и одного из самых завидных женихов, у вас определенно высокий статус в обществе. Иногда бывают частные вечеринки. Но они очень выборочные и не совсем удачные.

— Тогда как же удалось высокопоставленным кинки найти друг друга?

— В основном, за счет связей. Людей, предпочитающие одни и те же вещи.

— Или же хоккейной команды.

— Да. Или это.

— А что если сделать секретную темницу в недрах здания парламента, где соберутся все кинки политики, чтобы, наконец, вывесить свои фейковые флаги?

— Боюсь, что нет.

Я вспоминаю эпизод из «Западного крыла», в котором Лео узнает, что на встрече анонимных алкоголиков присутствуют известные политики и многие из администрации кабинетов. Идея создания на Парламентском Канадском холме клуба Анонимных Кинки щекочет мне нервы, но я сдерживаю свой смех. Мне хочется понаблюдать со стороны, чем закончится этот разговор. (*«Западного крыла» (англ. The West Wing) — американский телесериал, созданный Аароном Соркиным и шедший на телеканале NBC в 1999—2006 годах. За это время было снято семь сезонов. В центре сюжета — работа вымышленной администрации президента США от партии демократов Джосая Бартлета, которого сыграл Мартин Шин. — прим. пер.)*

— Итак... если я построю темницу в своем новом доме и познакомлюсь с нужными людьми...

— Вы, наверное, станете очень популярным в определенных кругах Оттавы.

— А я знаю нужных людей?

Лаклан фыркает.

— Вы играете в хоккей, там их достаточно. Вы будите на вес золота.

Я тронут тем, что Лаклан доверяет мне и Макс, и открыл доступ в свой внутренний круг. Фактически, Макс для него чужестранец, несмотря на то, что его тщательно проверили, и у него в шкафу нет припрятанных скелетов.

Учитывая, что технически для Лаклана это была рабочая командировка, я провел выходные с неплохими парнями, что сделало отдых довольно-таки сносным, пока находился вдали от Элли.

Пока я ехал в машине с Лакланом домой, на Сассекс 24, я абстрагировался от наших разговоров и стал думать совершенно о другом.

28.

Элли

В пятницу утром вернувшись домой, я достала телефон из сумочки, выключила его и положила в верхний ящик комода. Затем я переоделась в пижаму.

Сейчас уже наступило воскресенье, но я все еще была в пижаме.

Саша предоставила мне свободное пространство на весь уикенд. Я сказала ей, что переработала слишком много часов и стажировка перешли далеко за рамки моей должности (плюс болезненные события, о которых я не стала ничего говорить), поэтому решила вернуться в университет. Я сказала, что уволилась по собственному желанию и отправила свое заявление по электронной почте.

Я подумала, что смогу как-то защитить Гэвина, так как теперь нас будет разделять здание Парламента, десять домов и мост, пока я буду в университете.

Мы не будем оглашать все, что случилось за последний месяц. Господи, все произошло слишком быстро. Если у кого-то из нас хватит сил, мы разойдемся и воссоединимся через год. Может два. И тогда, факт, что я была когда-то интерном в его администрации забудется, останется всего лишь напоминание, щекочущее нервы.

На самом деле, плана у меня не было. Я почему-то была уверена, что проснувшись каким-нибудь прекрасным утром, мой многоквартирный дом будет окружен прессой, и это будет выглядеть для меня слишком унижительно.

Такой поворот событий может разрушить мою карьеру. Кто захочет нанять профессора, специализирующегося на исследованиях женщин, переспавшего с лидером страны во время стажировки в кабинете его администрации? Это самое худшее клише, которое можно придумать — босс и подчиненная. По сути, он глава правительства, выбранный всем народом. А я щеголяла перед ним в юбках-карандаш и нагибалась над его рабочим столом.

Хуже всего то, что мне до безумия нравится каждая секунда нашей страсти у него в кабинете и не только в кабинете. Я бы ничего не стала меня за это лето. Я никогда в жизни не буду сожалеть о нашей интрижке, даже если она обратится моим публичным позором.

Я поворачиваюсь и вижу, как мой телефон мигает, пропущенными звонками.

Я с трудом заставляю себя пойти в душ и сделать вид, час или два, что я смогу

вытерпеть и не взять трубку.

После душа я начинаю рыться в холодильнике, выискивая еду, чтобы поесть.

Я достаю все, что может потребоваться для салата, но похоже салат сделать не удастся, поэтому я достаю тортильи и покрываю верх сыром.

Да, на ужин я сделаю начос, и совсем не испытываю смущения на этот счет.

Кроме того, наш салат выглядит немного увядшим.

— Саша?

Она просовывает голову в двери своей комнаты.

— Да?

— Ты хочешь чипсы?

— На ужин?

— Это значит «нет»?

— Только потому, что Кайл придет сюда с минуты на минуту, — она собирается с другом... не на свидание, она клянется всеми правдами, что это не свидание, хотя судя по тому, что она готовится «не на свидание» уже в течение часа, мне кажется, оно больше похоже на настоящее свидание.

— Ты многое теряешь, — кричу я ей, поскольку она исчезает у себя в комнате, чтобы очередной раз переодеться.

Когда я ставлю на стол миску с начинкой для начос, раздается стук во входную дверь.

— Элли? — кричит она из своей комнаты.

Я закатываю глаза.

— Хорошо, я открою.

Я дефилирую к входной двери, облизывая пальцы от соуса сальсы, открывая дверь.

Передо мной стоит не парень по имени Кайл, которому явно сегодня повезет переспать с такой сексапильной девушкой.

А я ту же упираюсь взглядом в Лаклана. За ним маячит Гэвин, с засунутыми руками в карманы. Глядя на его лицо, я ловлю себя на мысли, что он давно не брился, поскольку у него несколько дневная щетина.

Он выглядит усталым. Но несмотря ни на что, его светлые глаза внимательно с нежностью смотрят прямо на меня. Мое сердце начинает трепетать от одного взгляда на него, семимильными шагами несясь где-то в груди, когда он заносит ногу, чтобы ступить на выцветший потертый ковер нашей квартиры.

Мое глупое сердце.

— Нет, — уверенно говорю я. — Уходи.

Лаклан всего лишь приподнимает бровь, отчего я вздыхаю.

— Хорошо, зайди и проверь этот дом. В ванной комнате у меня сушится лифчик, о чем честно тебя предупреждаю.

Он ухмыляется, заходя в квартиру. Гэвин делает шаг вперед, прямым ко мне, и дверь сама закрывается за ним.

Я ужасно хочу дотронуться до него, что даже испытываю боль сдерживаясь. С силой сжав кулаки, смотрю на него, и мой голос звучит как шепот, суровый шепот:

— Ты не должен находиться здесь.

— Я не могу оставаться без тебя, — его голос звучит еще более напряженным, чем мой... в нем сквозит невысказанная боль, которая мне слишком знакома.

Я еще раз попробую придать своему голосу полное безразличие.

— Ты, на самом деле, прервал меня в очень напряженный момент. Я делаю начос.

Он улыбается понимающей улыбкой.

— Черные оливки?

Я просто умираю от его слов... причем на месте.

— И курица.

— Такая вкуснятина.

Я согласно качаю головой, но теперь говорю более мягко и умоляюще:

— Ты не можешь находиться у меня в квартире.

— Ты уволилась.

— Я официально закончила свою стажировку.

— Разве мне не нужно подписать бумажку?

— Ты хочешь иронизировать по этому поводу? — в ответ выстреливаю я. — Мне пришлось уволиться из-за тебя.

— Тебе не следовало этого делать. Ты сказала, что тебе необходимо изучить определенные темы для университета.

— С тобой я изучала совсем другие темы.

— Тогда тебе следовало сказать мне, что ты подумываешь уйти, и я бы смог тебя отговорить.

— Именно поэтому я и ушла ничего не сказав. Гэвин, мы стерли все ограничения. Нам необходимы границы. Дистанция и сдержанность.

— Я не собираюсь извиняться за твои ожидания. Ты была мне необходима с того момента, как я только на тебя взглянул, поэтому могу сказать только одно — моя сдержанность по отношению к тебе — достойна чертового восхищения.

Я с трудом сплываю, потому что сердце подпрыгивает к горлу, но я не готова к его признанию, не готова с ним согласиться, хотя он полностью прав, поэтому тихо шепчу:

— Ты мне не нужен.

— Черт возьми, нужен. Ты моя, Спрайт.

Саша, слыша мои слова с трудом выдыхает, а с противоположной стороны комнаты раздается стон Лаклана. Я машу на них рукой.

— Саша, это Гэвин. Все его слова — это полная неправда, и на них стоит гриф полной секретности.

— Рада с вами познакомиться, — шепчет она.

Возможно, Саша тоже на него запала. Гэвин — это национальная эпидемия. Я не могу никому предъявить это в вину.

Гэвин стоит у входной двери, раздается стук. Я закатываю глаза. Моя квартира вдруг стала центром бесконечных посещений. Я хватаю за руку Гэвина и тащу его в свою комнату, остановившись перед гостиной.

Мимолетно указываю на духовку.

— Лаклан, у меня там готовятся тартильи, не мог бы ты их вытащить?

— Конечно, — отвечает он, и я клянусь, что он с трудом сдерживается, чтобы не засмеяться.

На самом деле, не смешно.

Я все еще злюсь на Гэвина. И на себя тоже. Но это никак не отражается на том факте, что я со всех сил тащу его в свою спальню.

Я, конечно же, спрятала от посторонних глаз премьер-министра. Поскольку он пришел, чтобы поговорить со мной, и другу Саши совершенно не стоит встречаться с ним.

— Они сейчас уйдут, — шепчу я, прикрывая за нами дверь. — Мы просто...

Его губы тут же находят мои, язык толкается ко мне в рот, пока он проходится по поясу моей пижамы, опускаясь ниже, сжав мою задницу.

Нет. Да. *Нет.* Это... О Боже.

Это невыносимо хорошо. Он проводит по моей коже, я хнычу ему в рот, и он грубо и жестко поглощает меня.

— Хватит.

Он замирает.

Я вцепляюсь в его рубашку и опускаю голову ему на грудь.

Он целует меня в макушку, когда я тяжело вздыхаю.

— Я не могу оказаться твоей грязной историей, — приглушенно говорю я.

— У нас явно намечается проблема. Потому что три дня вдали от тебя, три дня, пока я задавался вопросом — что же с нами происходит... для меня полный предел, — у него прерывается дыхание, пока он прислоняет меня спиной к стене.

— Мы не должны так себя вести.

— Мы будем осторожны, — он отрицательно качает головой, как только я открываю рот, чтобы начать протестовать. — И выждав, мы начнем встречаться.

— Мы не были благоразумными, пока я была интерном в твоей администрации. Без обид, но не думаю, что мы способны к благоразумию, когда дело доходит до чего-то другого.

— Тогда нам стоит начать встречаться, как можно скорее. Сюю уже озадачен, как все это преподнести общественности. Ты в университете подготавливала докторскую диссертацию. Мы решили немного по-другому все рассказать, чтобы объяснить твоё присутствие в кабинете премьер-министра.

— Это была *официальная программа стажировки*.

— Это будет новость дня, ничего больше. Мы сможем ею управлять.

Теперь моя очередь отрицательно покачать головой.

— И как ты себе это представляешь? Конец моей карьеры и всего остального, ты не шутишь?

— Я не понимаю тебя.

Конечно, он не понимает. В глазах общественности он будет выглядеть (хи-хи) секс-машиной, которая трахнула интерна.

А я буду выглядеть молодой шлюхой, которая не смогла удержать свои трусики на месте.

— Лаклан стоит в данный момент за дверью моей спальни?

— Он выжидает и покинет твою квартиру, как только уйдет твоя соседка.

— Как проницательно.

— Вот почему тебе следует приезжать ко мне, Спрайт, — его голос звучит приглушенно, грубо, а глаза ощупывают мое лицо.

Он ладонью дотрагивается до моей щеки, неповторимое облегчение разливается во всему моему телу от его прикосновения. Почему я так ощущаю его, так хорошо, когда понимаю, что должна чувствовать себя ужасно?

«Я не могу и не хочу быть твоей тайной». Эти слова прямо вертятся у меня на кончике языка, но я не произношу их.

Да, у меня не хватает воли.

Я взываю к нему. Я не могу представить нас по отдельности, мы будем постоянно вместе, пока нас не настигнет полный крах.

Он снова стонет, и я закрываю глаза и прижимаюсь к нему. Да, пошло оно все к черту. Утром мы будем действовать как взрослые люди.

Он трется своим носом о мой, я меняю угол наклона, дотрагиваясь до него своим кончиком носа. Губы еле скользят друг о друга. Наше дыхание влажное и горячее. Мы оба испытываем головокружительный и опасный голод. Поцелуй, который длится вечно, молчаливый, мы отрываемся друг от друга, но я желаю большего.

С ним я всегда хочу большего.

Я никогда не смогу полностью насытиться им.

Его руки жестко упираются в стену, как только он отрывается от меня.

— Черт побери.

— Что?

— Все должно быть совсем по-другому.

Я тихо хихикаю.

— Именно так, всегда с тобой и происходит.

— Я знаю. Но я изменю это.

И сейчас он видит мой взгляд. Жгучее, колючее разочарование явно проявляется в нем.

— Угу.

Его подбородок напрягается, так он выглядел, когда я открыла свою входную дверь.

Точно. Он пришел сюда для того, чтобы что-то мне сказать, но я, как всегда, сбила его с мысли. Конечно, сбила.

— Элли...

— Хорошо, Гэвин, я согласна не снимать свою пижаму еще три дня. Мне не о чем волноваться.

Он качает головой.

— Позволь мне попробовать еще раз. Ты права. Я не могу рассматривать квартиру интерна, как место, где мы можем заняться сексом. И я не могу просить тебя тайно посещать Сассекс 24. Это нечестно по отношению к тебе. Поэтому существует единственный выход в данной ситуации.

Я хмурюсь, поскольку не совсем понимаю, куда он клонит.

Он берет в ладони мое лицо.

— Элли, я люблю тебя.

— О, Гэвин...

— Позволь мне закончить.

— Но я...

— Я люблю тебя, и ты мне просто необходима, и я хочу пригласить тебя на свидание, — его глаза загораются, лицо смягчается, пока он смотрит на меня. — На этот раз настоящее. Официальное наше первое свидание. И я не хочу, чтобы оно было тайным.

У меня начинает кружиться голова.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я. Это меньше, что я могу ответить. — А как насчет...?

Насчет всего остального? Общества и партии, СМИ и пристального внимания к нам?

— Остальное не важно, — он поглаживает пальцем мою щеку. — Ты моя. И мы вместе разберемся со всем остальным.

Я не предполагал, что когда-нибудь смогу быть настолько благодарен Лаклану, как сейчас. Он нажал на нужные кнопки и организовал ряд отвлекающих маневров для СМИ поскольку Элли и я собирались на первое свидание.

Лаклан привозит меня к Элли на десять минут раньше. У меня вспотели ладони, и пульс подскакивает. Я понятия не имею, почему я так нервничаю. Это не первое мое свидание. По любому. Это первое мое свидание с Элли. Это первое мое свидание с девушкой, с которой у меня был странный секс. И, безусловно, это мое первое свидание с женщиной, в которую я безумно влюблен.

Саша открывает дверь и говорит:

— Заходите. Она выйдет через несколько минут. — Затем исчезает в коридоре.

Я с трудом могу устоять на месте. Мне хочется рвануть по этому чертовому коридору в комнату Элли, затащить ее в постель и делать с ней все немыслимые вещи, которые заставляют ее чувствовать себя так хорошо. Но я веду себя прилично. Потому что я уже и так сделал все наоборот, мне необходимо с ней помириться. Элли достойна ухаживаний и романтики вперемешку со всеми неприличными кинки вещами.

Интересно, она так же нервничает, как и я. Предполагаю, что ее ответ будет «да». Она выходит в гостиную на пять минут раньше, назначенного срока, выглядя при этом абсолютно великолепно — в черных капри и шелковой зеленой футболке, которая так подходит к ее серым глазам.

— Это подойдет? — тихо спрашивает она, пытаясь найти ответ на моем лице. Я дал ей расплывчатые инструкции по поводу нашего ужина, что она может надеть все, чтобы чувствовать себя комфортно. И хотя я не сказал этого вслух, но мы оба понимали, что нас могут сегодня сфотографировать.

— Ты идеальна. — Мой голос звучит хрипло, но мне плевать.

Я хотел отвезти ее на пикник, но тут же встал вопрос охраны и то, что мы привлечем повышенное внимание. Поэтому я решил пойти в хороший ресторанчик на Квебекской стороне реки Оттава.

Я прошел через комнату, встав напротив нее. Взяв ее за руки, я дотронулся губами до ее щеки и направился на выход из квартиры.

— Не так быстро, — произносит Саша, преградив нам путь, скрестив руки на груди. — Каковы ваши намерения по отношению моей лучшей подруги?

Элли медленно качает головой и закатывает глаза.

— Ты шутишь?

— Замолчи. Это касается меня и господина премьер-министра. — Господи, и мой статус она произносит так, словно он звучит, как оскорбление.

— Мои намерения сделать все, что в моих силах, ее счастливой.

— Конечно, пока не появится очередная такая же красивая и одаренная, блестящая новая стажерка в вашем офисе?

В данный момент, мне кажется, что я лучше бы предпочел разгневанного отца, размахивающего перед моим носом пистолетом двенадцатого калибра, чем острый язычок соседки Элли.

И безудержная ухмылка Лаклана, все делает только хуже, не прибавляя мне мужества. Мне придется самому выпутываться из этой ситуации.

— Я понимаю ваше беспокойство — это справедливо и разумно. Но единственный человек, кому мне нужно что-то доказывать — это Элли. И все начинается здесь и сейчас.

Саша замолкает, ее плечи опускаются. Похоже сдается.

— Вижу, что вы доказываете. — Угроза звучит может быть и недосказанной, но, по крайней мере, она не спрашивает, что я собираюсь делать.

Мы выходим за дверь, Элли притягивает меня к себе за рукав, и шепчет:

— Извини.

— Не извиняйся. Она переживает за тебя. И я уважаю ее чувства.

Ресторанчик находится на улице Лаваль, через мост Порталь. Всего тридцать минут езды от дома Элли — это напоминает утонченную пытку, по крайней мере для меня. Я тверд, как камень, да еще Элли положила руку мне на бедро и периодически проводит ею взад-вперед.

Я беру обе ее руки в свои. Ее руки такие теплые и мягкие. Я люблю их, но им стоит быть подальше от моего паха.

— Достаточно, Спрайт. Это наше первое свидание, и нам стоит разыграть определенные роли.

— Ты действительно собираешься придерживаться правил?

— Однозначно. Я хочу большего, чем просто секс между нами. Не пойми меня неправильно, я страстно желаю уйму сладострастного, извращенного, умопомрачительного секса с тобой. Но отношения не могут выжить только на этом.

— А что, если на первом свидании я займусь с тобой сексом?

— Мне кажется, ты должна подождать. Так же, как и я.

— Ты серьезно?

Я положительно киваю.

— Конечно.

— Вау. Я думала, игра будет другой.

— Я говорил тебе на прошлой неделе... мы не играем.

Стоит нам подъехать к ресторану, я замечаю Тима, поджидающего нас на парковке. Он вместе с Лахланом проводят нас внутрь помещения, где нас приветствует сам хозяин ресторана и ведет в тихий уголок.

Тим наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Этот хозяин просто чудо. Он пересадил своих клиентов, чтобы у вас и Элли появилось дополнительное пространство для уединения, а также умудрился посадить нас недалеко за столик, чтобы мы смогли контролировать ситуацию.

— Хорошо, что ты мне сообщил. Я постараюсь придумать что-нибудь, чтобы каким-то образом отблагодарить его.

Нас обслуживает сам хозяин, наполняя стаканы водой, рассказывая о специальном блюде. Затем он оставляет нас одних на несколько минут.

— Хорошее место, — говорит Элли.

— Я открыл его для себя, будучи еще депутатом, неожиданно оказавшимся в центре внимания. Стоит только пересечь реку, и до тебя уже нет никому дела.

— Умный ход. — Она делает глоток воды, я не отрываясь смотрю на нее. Не знаю, сколько таких моментов мы сможем разделить со всей страной на фотографиях. Но лично я

хочу единолично, в тишине насладиться ухаживаниями за Элли Монтегю, столько времени, сколько смогу.

— Ты из Монреаля, верно?

Она утвердительно кивает.

— Родилась там и выросла.

— Ты скучаешь по городу? Ведь, Монреаль — удивительный город. Я провел там семестр, когда учился в средней школе. Это был своего рода языковой обмен, потому что у нас, в БК, не было погружения во французский. (БК — *Британская Колумбия* (англ. *British Columbia* [ˌbrɪtɪʃ kə ˈlʌmbiə], фр. *Colombie-Britannique*) — провинция на западе Канады, шестая провинция, вошедшая в состав конфедерации (1871). Девиз: «Великолепие без заката» (лат. *Splendor Sine Occasu*).

Столица Британской Колумбии — город Виктория, пятнадцатый крупнейший муниципальный район в Канаде. Крупнейший город — Ванкувер, третий по величине мегаполис в Канаде и второй по величине на Тихоокеанском северо-западе. — прим. пер.)

— Не было? — Она с ужасом смотрит на меня. Этот взгляд я вижу впервые с момента нашей встречи, и я очень остро осознаю четырнадцатилетнюю разницу между нами.

Я смеюсь.

— Когда я был еще подростком двуязычное образование было не так широко распространено, как сегодня.

— И все же ты свободно общаешься. Это удивительно.

— Мне помогло, что моя мама знает французский. Она была первопроходцем, подтолкнувшая западное побережье к изучению французского языка, в виде общеобразовательной программы в государственных школах.

— Твои родители полны сил.

— Теперь они большую часть времени проводят у себя дома в горах и ограничивают свою деятельность телефонными разговорами.

— Удобно иметь прямую линию с премьер-министром, — ухмыляется она. — Твоей матери должно нравиться, что ее ребенок выдвигает такие инициативы для страны.

— Она предполагает, что они далеко не пройдут. — Собственно она права, но у меня есть далеко идущие планы. Я рассказываю Элли некоторых из них, она очень внимательно слушает меня, гораздо внимательнее, чем любой из моих помощников.

— Значит, вот каким был не по дням растущий смысленный ребенок Винса и Барбары Стронг?

Я отрицательно качаю головой.

— Предполагаю, что это больше подходит к моей сестре Пиа. Она старше и хорошо училась в школе, поскольку у нее были репетиторы. Я тоже занимался с репетиторами, когда проявил способности к языкам, но у нее были репетиторы абсолютно по всем предметам. Математика, музыка и все науки. Это было впечатляюще.

— Я видела ее выступление на конференции TED в прошлом году. Потрясающе. (TED — Конференции TED (технологии, развлечения, дизайн) — медиа-организация, которая рассказывает о всевозможных идеях в сети интернет, под лозунгом "идеи, достойные распространения". TED была основана в феврале 1984 года на конференции, которая стала проводится ежегодно с 1990 года. Сначала TED уделяло внимание технологиям и дизайну, благодаря этому и появилась Силиконовая долина, но с тех пор организации пришлось расширить сферу деятельности и включить научные, культурные и академические

направления.

Главная конференция TED ежегодно проходит в Ванкувере, Британской Колумбии, в Канадском центре Ванкувера. В 2014 году конференция была проведена впервые в Лонг-Бич. — прим. пер.)

Да, это была моя сестра.

— Я всегда говорил, что ей следовало пойти в политику.

Элли смеется.

— Мне кажется, это наименьшее, что она хотела бы.

— На самом деле, да. Она чем-то похожа на тебя. — Пиа занимается наукой и пишет статьи. Ее выступление о сексизме на конференции TED стало хитом в прошлом году, а книга была раскуплена моментально, она много написала статей на эту тему. — Она досаждала мне своими телефонными звонками, высказывая свое мнение по поводу моей программы.

— Готова поспорить, что так и есть.

— Я прислушиваюсь к ней, ты же знаешь. И к маме тоже. Они — невероятные женщины.

На этот раз ее смех звучит совершенно заразительно.

— Тебе не нужно производить на меня впечатление, Гэвин. Ты и так в избытке меня впечатлил.

— Мне не нужно притворяться, что я знаю, какое вино сочетается с едой, которую мы будем заказывать?

Она медленно качает головой, ее глаза не отрываются от моего лица.

— Ни в коей мере.

Мы делаем заказ. Я с трудом осознаю то, что ем, но еда, на самом деле, вкусная и Элли нравится. Главное важно это. Она пинает меня ногой под столом, как только откусывает свои равиоли из тыквы, и мой член устремляется вверх. Звуки, которые она производит, смакуя свои равиоли, следует производить в уединенной спальне, при закрытых дверях.

Но потом она снова улыбается мне, ее глаза поблескивают, и я ловлю себя на мысли, черт, она всегда должна издавать такие звуки и так на меня смотреть.

— Как тебе еда?

Я без понятия.

— Хорошая.

— Ты почти не притронулся.

— Мне нравится наблюдать за тобой.

Она закатывает глаза.

— Ты останешься голодным.

— Они упаковывают с собой все, что ты не съел.

— Ты, на самом деле, любишь недоеденные остатки, не так ли?

— Люблю. — Я кладу кусок стейка в рот и раздумываю над ее словами. Я не могу сказать, что вырос в нищете и нам нечего было есть. Нет, мои родители постоянно куда-то ходили. — Иногда мама возвращалась с очередного мероприятия, принося оттуда с собой еду, и я садился на табуретку на кухне и съедал все... мне казалось, что она намного вкуснее, чем та, которую готовила для нас няня ... и тогда мама рассказывала мне что-то важное, что таким образом, они оказывают поддержку этому мероприятию. Я многому научился, пока ел то, что она приносила. И я также узнал, что большинство таких ужинов, касались вопросов

бизнеса и каких-то рабочих моментов, нежели самой еды.

— Интересно.

— А каким было твое детство?

— Полная противоположность твоему. — Она отодвигает свою тарелку вперед и проводит пальцами по скатерти. Я протягиваю руку и мне хочется переплести с ней пальцы, но вместо этого провожу по ее руке. Ее улыбка слаще солнца, я не видел такую никогда. Она расслабляется в кресле, облокотившись на спинку, и продолжает:

— Моя мама каждый вечер в половине шестого готовила ужин. Единственным оправданием не прийти на ужин, являлось, что тебя нет в городе. Она ненавидела мои вечерние занятия в университете, потому что они не вписывались в ее пригородный распорядок.

— Ты часто ездишь домой в гости?

— Пару раз в год. Я люблю родителей, но мы не очень близки. У меня есть старшая сестра, и она предоставляет им возможность баловать двух очаровательных внуков. Они почти не скучают по мне.

— Уверен, что это не правда. — Поскольку я уже скучаю по ней в данную минуту, потому что она сидит не у меня на коленях. — Племянница или племянник?

— Оба. Шестилетний мальчик Роберт и трехлетняя девочка Эми. — Она произносит их имена с французским акцентом.

— Они не англоязычные, да?

— Нет, моя сестра вышла замуж за мужчину из сельской местности Квебека, хотя сейчас они живут в Монреале. Дети будут двуязычными, конечно, но их воспитывают на французский лад.

— Хорошо, что я свободно говорю на двух языках.

— Ты хочешь с ними познакомиться? — Она с удивлением смотрит на меня.

— Я хочу познакомиться со всей твоей семьей. И, конечно же, познакомить тебя с моей. Я уверен, они просто будут тебя обожать.

На ее щеках тут же появляются два розовых пятна, она делает глоток вина. Я вижу, как у нее крутятся мысли в голове. Она много знает о моей семье, чем я о ее. Вся мою родословную можно подробно прочитать в Википедии.

— Меня пугает Пиа.

— Тебе поможет, если я скажу, что она постоянно волнуется, что ужасная мать?

— Нет! — Она улыбается. — Ее дети уже взрослые, да?

Я не замечаю ловушку, пока не попадаюсь в нее, поэтому тщательно подбираю слова.

— Младшему Джейми, кажется... тринадцать? А может быть, четырнадцать. Если честно, я ужасный дядя.

Ее мозг все еще трещит. Вот черт.

— Получается, что старшая совсем близка к моему возрасту.

Я задумываюсь, Сабрина, скорее всего, на полгода младше Элли.

— Да, что-то типа того.

— И ты думаешь, что твоя семья с обожанием примет меня? — Она морщится. — Может, нам стоит отложить эту формальность на какое-то время?

— Моя племянница стипендиат Родса, и я был практически ребенком, когда она родилась, поэтому не думаю, что они придут к тому же непристойному выводу, что и ты в своих умозаключениях, Спрайт. (*Стипендия Родса (англ. Rhodes Scholarship)*) —

международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. Учреждена в 1902 году Сесилем Родсом для студентов из Британской империи, США и Германии. В настоящее время претендовать на стипендию Родса могут студенты из Австралии, Бермудских островов, англоговорящих стран Вест-Индии, Германии, Гонконга, Замбии, Зимбабве, Индии, Канады, Кении, Новой Зеландии, Пакистана, США, ЮАР и её соседе (Ботсваны, Лесото, Малави, Намибии, Свазиленда). Премия присуждается за высокие академические способности, спортивные достижения, наличие лидерских качеств; независимо от расы, этнического происхождения, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации, семейного статуса и социального происхождения.)

Розовое пятно у нее на щеках разрастается, она делает еще один глоток вина.

— Возможно.

— Мы все же родные по крови, брат с сестрой.

— Я уверена, что твоя сестра, как знаменосец феминизма, увидит наши отношения именно в таком свете. — Брови Элли сходятся вместе.

— Если ей что-то не понравится, она поговорит со мной, и уверяю тебя, я смогу поставить ее на место.

— Не уважительное отношение к женщине, Пиа не способна воспринять положительно. Ха.

— Да, это справедливое замечание. Но она больше понимает, чем ты думаешь. Пиа в очень молодом возрасте стала мамой.

— Мы можем оставить эту тему на данный момент?

Я не останавливаюсь, пока она не начинает смеяться.

— Плюс я ужасно незрелый в данном вопросе.

Она закатывает глаза.

— Ты?

— Да. я. Шесть недель назад я проводил утренний брифинг с сотрудниками и выступала стажер, я уверен, что она сообщала что-то очень умное и существенное для моей политики, но единственное, о чем я мог думать в тот момент, как она будет выглядеть голой на моем рабочем столе.

Элли открывает рот от возмущения, ее глаза мерцают.

— Ты не слышал ни единого слова, когда я выступала?

— Ты все время ерзала на стуле, и это было просто неотразимо.

— Я часто так делаю.

— Знаю. У меня постоянный стояк рядом с тобой.

Она наклоняет голову вперед, волосы спадают ей на лицо, прикрывая, как занавес, я уже собираюсь сменить тему, когда она отвечает:

— Это к лучшему, что я вернулась в университет.

— Нет.

— Да.

— Мы смогли бы контролировать сами себя, — твердо заявляю я. — Но...

— ...но не можем, — говорит она, заканчивая мою мысль. — Мне не все равно.

— Я столько ждал тебя, Элли, что мог бы подождать и еще.

— Звучит ужасно. Я имею в виду, что столько ждал. Она облизывает кончиком языка губы, потом несколько секунд молчит. — От остальных слов я просто таю.

— Хорошо. Такова моя цель на сегодняшний вечер.

Мы возвращаемся к еде, потом забираем остатки и с пакетами направляемся к поджидающей нас машине. Никто из клиентов ресторана даже не удосужился окинуть нас еще одним взглядом, и как только мы опускаемся на заднее сидение машины, мне кажется, что у нас все получится.

Элли переплетает свои пальцы с моими, мыдвигаемся с места. Я в течение минуты спокойно смотрю ей в глаза, прежде чем спрашиваю:

— Готова ли ты стать официально подругой премьер-министра, и всему, что может это повлечь за собой?

— Ты даешь мне выбор?

— Не совсем.

Улыбка, не спадает с ее лица.

— Готова. У меня нет другого выбора... и не потому, что ты премьер-министр... я ведь пыталась, Гэвин. Я пыталась спасти тебя от себя, может и себя от тебя немного. Но я не хочу страдать. Я хочу быть с тобой, чего бы это ни стоило.

По мере ее слов внутри меня нарастает тревога, которая как вода устремляется вниз по склону горы весной. Скользя очень быстро. Слишком опасно быстро.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь спасти меня от себя?

Она разводит руками в сторону.

— Я же чувствую ответственность за все.

Господи, нет.

— Господи, что ты себе надумала?! Элли, ты одна из умнейших людей, которых я когда-либо встречал. Потрясающая и добрая, смешная и адски сексуальная. Как только мы начнем открыто встречаться, к тебе будет шквал интереса. Канадцы полюбят тебя так же сильно, как и я.

— Скорее всего это преувеличение, но я говорю не об этом. Да, я переживаю какие ярлыки на меня могут навесить и что моя личность будет сведена к женщине, которая занималась сексом с премьер-министром. Но меня больше беспокоит твой мандат. Я не хочу, чтобы твоя связь со стажеркой пустила под откос осеннюю сессию парламента. Изменение ситуации подтолкнет к выступлению Children First initiative... отчего пострадают базовые принципы твоей платформы и правительству придется перейти к обороне. (*Children First initiative (CFI) – общественная организация, заботящаяся о здоровье, обучении и раннем развитии детей. – прим. пер.*)

— О, мой маленький фанат большой политики. — Я переплет наши пальцы и сжал ее. — Я похож на человека, который готов стоять в обороне?

Она краснеет, и при заходящем солнце над ее волосами образуется ореол, она похожа на настоящего ангела.

Я же совсем не похож на ангела.

Итак, мою маленькую фанатку волнует политика. Я сделал себе мысленную зарубку, я же, как и мой аппарат зациклены в большей степени на том, как *делать* эту политику. С помощью игры определенных игроков и манипуляций. Вот почему юристам, сотрудникам удастся создать облик совершенных политиков, если, конечно, те не заходят слишком далеко, когда общество начинает их просто ненавидеть. Я не хочу, чтобы доверие ко мне со стороны общества пошатнулось, но я сделаю все, что необходимо, чтобы все шло правильным путем.

— По любому, хватит на сегодня переживаний. Я говорю это только потому, что нам

стоит дожидаться темноты и присоединиться к толпе людей, возможно у нас появится шанс, что нас никто не заметит.

— К толпе людей... — она поворачивает ко мне голову, возвращая свое внимание. Мы сейчас находимся в квартале от того места, куда я хочу ее отвести, она догадалась.

— Музыкальное и световое шоу? Мы закончим наше первое свидание на лужайке перед зданием парламента?

Я усмехаюсь в ответ.

— Лучшая защита — это всегда нападение.

30.

Элли

Нас высадили у центрального здания парламента, но мы не поднимаемся в офис Гэвина. Солнце быстро садится, и мы внутри помещения с сумкой, которую нам вручили в ресторане, ждем, когда станет темно.

Охрана предоставляет нам достаточно конфиденциальности, поэтому мы спокойно говорим о семье и работе, пока Гэвин не замечает, что мы только и говорим, что о семье и работе.

— Мы безнадежно неинтересны, не так ли? — шепотом спрашиваю я, когда он притягивает меня к себе.

Он целует меня в лоб.

— Какой последний раз ты смотрела фильм?

Я не могу вспомнить.

— Возможно, «Звездные войны».

— Я тоже.

— Может, мне стоит сводить тебя в кино. Тайком или как-то по-другому.

— Для меня ходить на свидание *не самая большая проблема*. Самая большая трудность — найти время, которое ты на самом деле заслуживаешь.

— О, это... я буду слишком занята. У меня конференция в сентябре и еще одна в ноябре. Я даже не хочу говорить о своем времени.

— Ты сможешь его найти, если захочешь. Например, устроить небольшую истерику у меня в кабинете поздно ночью...

Желание тут же разливается внизу моего живота.

— Вы ищете повод наказать меня, Сэр?

— Не сегодня. Но в ближайшее время. И мне не нужны будут никакие оправдания...

— ...это не настоящее наказание. Я поняла.

— Сейчас договоришься.

Я хитро ухмыляюсь.

— Ты же дал мне понять, что сегодня вечером не будешь заниматься со мной сексом.

— У меня долгая память, девушка. — Он подмигивает и косится на дверь, за которой бесшумно появляется охранник. — Сейчас наш выход.

Он подхватывает пакет, переплетает наши пальцы и выводит меня на лужайку перед зданием парламента. Мы передвигаемся через толпу, примерно на полпути останавливаемся рядом с двумя мужчинами в костюмах, сидящих на раскладных стульях.

Я стараюсь не засмеяться, потому что Тим и Лахлан синхронно поднимаются,

складывают свои стулья и отходят в сторону, оставив нам с Гэвином, расстеленное одеяло на траве.

— Это выглядит не очень тактично, — хихикаю я, пока он помогает мне сесть между его согнутыми в коленях ногами.

Он обхватывает меня за талию и кладет подбородок мне на плечо.

— Я не собираюсь быть с ними тактичным. Я ухаживаю за тобой.

Теплое, обжигающее удовольствие, как молния проходит по всему моему телу, от его слов.

— Мне так нравятся твои ухаживания.

— И один вид двух мужчин в костюмах, уносящих свои стулья с лужайки кажется более интересным, чем пара, сидящая на одеяле, верно? — Он целует меня в ухо. — Видишь? На меня даже сейчас никто не смотрит.

И он прав. Теперь, когда началось шоу на нас вообще никто не обращает внимания. Я отдыхаю на его твердой, широкой груди, позволяя себе раствориться в его объятиях и в его запахе. По крайней мере, сегодня я обычная девушка на свидании со своим парнем, который действительно в нее влюблен.

Последующие тридцать минут, мы наблюдаем за потрясающем световым шоу, которое играет определенную роль в истории нашей страны, поскольку происходит на здании парламента, ставшего на это время своеобразным экраном. Здание окрашивается различными текстурами, и мы оба завороченно наблюдаем за сменяющимися картинками. В конце звучит гимн, мы встаем вместе со всеми, как только музыка замолкает, слышатся аплодисменты, Гэвин подхватывает одеяло и берет меня за руку.

Лахлан поджидает нас в нескольких шагах, указывая на машину. Спустя девять минут, мы подъезжаем к моему дому, но я по-прежнему продолжаю улыбаться.

— Спасибо, — начинаю я, Гэвин молча опускает палец мне на губы.

— Я провожу тебя до двери квартиры.

— Ладно, — бурчу я в его палец.

Он ухмыляется.

Лахлан идет впереди, как только мы добираемся до моей лестничной площадки, он разворачивается и спускается вниз, оставив нас вдвоем.

— Я замечательно провела время, — говорю я, взглянув на него из-под ресниц, стараясь смотреть на него так, как смотрят, наверное, девушки на настоящем первом свидании. Мысленно представляя, поцелует-или-не-поцелует он меня, пожелав спокойной ночи. У меня тут же начинают порхать бабочки внизу живота, но кажется, их больше интересует, как у нас пройдет второе свидание, третье, десятое, и, когда он, в конце концов, собирается снова уложить меня в свою постель и связать.

Человек, стоящий передо мной удивительно прекрасен. От одного вида перехватывает дыхание, даже если бы он был незнакомцем на свидании вслепую или парнем с работы. Он высокий, красивый, внимательный и умный. Он любит свою маму и сестру, заботится о своем обслуживающем персонале, который в определенный момент может быть слишком настойчивым.

Эту сторону его я не разглядела, пока работала со Сью. Я была слишком поглощена другим. Поэтому рассматривала его с совершенно другого угла, заметив в нем только бойца или же запертого в клетке тигра. Эти его качества были наглухо скрыты в этом человеке.

И от этого он кажется мне еще более сексуальным и адски горячим.

Сейчас он представляет для меня нечто совсем другое. Нечто бесконечно более опасное, чем риск запретного любовного романа.

Я уже люблю его. Так почему же сама мысль, что Гэвин именно такой обычный парень, так пугает?

Потому что ты слишком простая по сравнению с ним. Его сестра — известная в своей области, боец. Его мать изменила всю систему образования. Его племянница является стипендиатом Родса.

А я любитель йоги, которая не умеет готовить.

Мне вдруг с таким отчаянием захотелось его обнять. Гэвин стоит прямо передо мной, я делаю шаг к нему, преодолев эту брешь, прижимаясь всем телом.

— Эй, — мягко произносит он.

— На самом деле, прекрасно провела время, — повторяю я.

— Элли.

Я делаю вид, что не слышу, продолжая жаться к нему.

— Спрайт. — Его голос становится более низким и требовательным, тогда я отступаю на шаг назад, по мне проходит всесильный, нежный электрический ток, который тут же заставляет включиться мои эрогенные зоны. Он с нежностью, но требовательно смотрит на меня.

— О чем ты думаешь?

— Я просто представляла себе это иначе. Я немного чувствую себя обескуражено.

— Как?

— Нежели раньше.

— Свидания пугают тебя, нежели..., — он понижает голос и наклоняется к моему лицу, удерживая меня у двери в квартиру, — вся кинки х*рня?

Я облизываю губы.

— Скорее всего, да.

— Почему?

Потому что, когда дело доходит до секса, я не сомневаюсь в своей привлекательности.

— Ты на свидании совсем другой, — шепчу я. — Но нам не стоит продолжать этот разговор на моей лестничной площадке, мне так кажется.

— Допустим. — Он улыбается односторонней улыбкой. — Но я не хочу, чтобы твоя голова была забита подобными мыслями, после нашего первого свидания. Потому что ты являешься всем, чего бы я хотел. Никогда не сомневайся в этом. То фуфло, которое сказала твоя соседка, что... у меня никогда не было романов на работе и никогда не будет. Просто случайность, что ты оказалась моим стажером. Твой ум и настойчивость, и да, твоя красота. Я в восторге, Элли.

— Но я... я всего лишь.... а ты... совершенен во всем.

— Похоже, что ты решила, будто я слишком идеален для тебя? — Он с трудом выдыхает и взмахивает рукой. — Я стараюсь сделать свою работу хорошо, Элли, будучи известной персоной страны. Но я всего лишь обычный парень со своими слабостями и недостатками. Ты видела меня уже разным, многие такого меня не видят вообще и никогда не узнают таким. Я даже не уверен подхожу ли я к тебе настолько идеальной. Поскольку у меня имеются страхи — я слишком стар для тебя, отношения со мной подвержены определенному риску, и я слишком занят.

— Нет. — Я кладу руку ему на грудь, и чувствую, как напрягаются его стальные мышцы.

Я не единственная, кто чувствует себя неуверенно.

— Мы пара, не так ли?

Он кивает, затем выражение его лица меняется. Смена его выражения такая невероятно сексуальная. У меня перехватывает дыхание, и я тихо выдыхаю.

— Я бы хотел снова встретиться с тобой, Элли.

Должно быть это всего лишь формальность. Но я ничего не могу поделать, поскольку испытываю настоящее возбуждение и трепет от его слов.

— Да. Однозначно.

— Завтра во время ланча.

— Ты разве не летишь завтра в Вашингтон?

— Во второй половине дня. — Он убирает прядь волос с моей щеки. — Хочешь полететь со мной?

Я смеюсь.

— Тебя обвинять в нецелевом использовании правительственного самолета.

— Ты можешь полететь со мной. Я оплачу твой билет через «Банк Канады».

— А можно купить билет на твой частный самолет? — Сумасшедшее возбуждение охватывает все мое тело.

Он погружает пальцы в мои волосы.

— Для тебя, да.

Теперь его лицо напротив моего, он удерживает меня за волосы, намотав на кулак, и я так сильно хочу его, что начинаю испытывать настоящую физическую боль. Физическая боль только усиливается, когда он дотрагивается до меня своими губами.

— Тогда до завтра, — бормочет он, и боль превращается в сильнейшую. — Ты же сможешь долго ждать, не так ли, Спрайт?

— Да, — не задумываясь, тут же выдыхаю я. На самом деле, мне стоит серьезно поработать, взяв контроль над своими словами, поскольку они произносят... совсем не то. Но стоило мне произнести «да», как я начинаю верить сама себе, что смогу «долго ждать». Боль внутри уже горит и жжет, словно он отшлепал меня. Как только я понимаю, что даже если потереть рукой и попробовать заменить ее на что-то более сладкое и легкое, понимаю, что хочу большего. Я хочу притулиться в своей остроте страстного желания к нему.

— Хорошая девочка. — Он затягивает мою нижнюю губу в рот, вонзив зубы в плоть, я задыхаюсь, потом он накрывает мой рот поцелуем, и я теряю себя окончательно. Его язык ловко скользит внутри. Желание мчится через мое тело, вместе с непристойными мыслями, кружащими в голове. Он не торопится, исследуя мой рот, пытаясь попробовать на вкус каждый дюйм. Я приподнимаюсь на носочки, пытаюсь тоже самое проделать с ним, но он оставляет меня на месте, потянув за волосы.

Оставайся на месте, и это не обсуждается, хочет он мне сказать своим жестом.

У меня начинают подрагивать бедра. Грудь набухла, и если бы он провел пальцами по моим соскам, мне кажется, я бы, наверное, самовоспламенилась.

Это ад для меня, но именно это он и собирается со мной проделывать.

Он отступает на шаг, его губы все еще задерживаются на мне, несмотря на то, что его тело отодвинулось. Когда мы, наконец, отрываемся друг от друга, он проводит дорожку большим пальцем по моей нижней губе. Я немного приоткрываю губы, и у него вырывается стон.

Кончик пальца он окунает мне в рот, и я щелкаю по нему языком, он тут же отскакивает

на шаг назад.

Я опускаю глаза вниз, видя его выпирающую эрекцию и прикусываю губу в неудачной попытке, сдержать ликование.

Он потирает челюсть, хмыкнув.

— Хорошо. Спокойной ночи, Элли.

— Спокойной, Гэвин.

— До завтра.

— Сладких снов, — мягко произношу я.

Его взгляд задерживается на мне, и он кивает.

— Крайне точно.

31.

Гэвин

Я не сказал ей не дотрагиваться до себя, в основном потому, что у меня ноль шансов, что я не сделаю тоже самое. Вернувшись домой, первым делом я дрочу в душе, вспоминая ее волосы, зажатые в кулаке, этот момент сразу же отправляет меня через край.

Я снова жесткий, как только ложусь в постель. Я хочу, чтобы она ожидала меня здесь, в моей постели, когда я вернусь из Вашингтона.

Четыре с половиной часа спустя, мой будильник вырывает меня из сна. Я скрючившись, выползаю из постели, прежде чем мой внутренний ленивый парень получит шанс уговорить меня остаться, подталкиваю себя к десятиминутной разминке на тренажерах с высокой интенсивностью, чтобы окончательно увериться, что мы вдвоем проснулись, потом заглатываю холодную пиццу в виде завтрака.

Я прошу Тима сделать круг вокруг Ридо-Холл вдоль дороги, чтобы я мог увидеть, как первые лучи рассвета начинают падать на крышу официальной резиденции президента.

@therealgavinstrong Прекрасное утро, чтобы отправиться на службу Ее Королевскому Величеству. Еду на работу. #morningperson #atleasttoday

В семь часов предстоит брифинг, **#morningperson** в тренде. Нечто в этом роде не имеет никакого отношения непосредственно к моей работе управления страной, но мои посты делают моего нового директора по связям с общественностью счастливой.

После катастрофы с нашим спичрайтером и утечкой информации, Сью спокойно двинулся на поиски нового директора по связям с общественностью, учитывая несколько изменившийся мой статус, и нанял лучшего из ВС, Кэролайн Миллер-Бест. Она вместе с мужем имеют свой бизнес — пиар-компанию в Ванкувере, и она пообещала нам только шесть месяцев своего времени, но это все, что мне нужно.

Каролин сделала знак **#morningperson**, который устанавливают у меня на столе, когда я вхожу в кабинет. (**#morningperson** — жаворонок, прим. пер.)

— Вам понравилось?

— Мне очень нравятся ваши посты. Мы можем задержаться на минутку перед брифингом?

Я отрицательно качаю головой. На брифинг не опаздывает никто, ни по какой причине.

— Но я могу вам уделить пять минут после.

— Согласна.

Сью начал на тридцать секунд раньше, значит мы закончим раньше на сорок пять

секунд. Вот почему он возглавляет мой кабинет сотрудников.

— Всем спасибо, — говорю я, вставая, когда начинают все расходиться.

Сью бросает взгляд на Кэролайн, которая продолжает сидеть на своем месте. Я пожимаю плечами. Она может остаться, если хочет. Он закрывает дверь и начинает расхаживать взад-вперед.

Я смеюсь.

— Господи, ты такой гребаный пессимист.

Кэролайн сохраняет нейтральное выражение лица.

— Он вышагивает по кабинету из-за новости, что вас видели с кем-то на свидании прошлой ночью?

— Вероятно. — Ну, это не займет много времени. — У них есть ее имя?

— Нет. Я думаю, что на данный момент они не знают с кем вы встречались. На Snapchat выложено видео, когда вы держите чью-то руку и несете одеяло. Всего несколько секунд. Есть шанс, что это реальная причина, по которой меня наняли?

— Да. Именно поэтому.

— Кто она?

Сью не дает мне возможности ответить.

— Она кандидат наук в университете Оттаве. Они познакомились в начале этого лета по работе.

Лицо Кэролайн не меняется.

— Здесь?

Я киваю.

— Что самое главное мне нужно знать о ваших отношениях?

— Я люблю ее.

— Хорошо. Сью расскажет остальное?

— Да, но я хочу видеть все, что вы собираетесь сообщать в прессу. Ничего не выходит по поводу Элли из этих дверей, пока я лично все не одобрю.

— Без проблем. — Она встает и слегка кивает головой. — Умный ход, предотвратить все сейчас, пока парламент находится на летней сессии.

Я немногословно киваю в ответ, и они уходят. У меня есть две минуты, прежде чем Бет начнет мне зачитывать очередную повестку дня на сегодня. В течение этих секунд я задаюсь вопросом, подходит ли Кэролайн и прав ли я, что решил привлечь внимание к Элли общественности, поскольку это политически выгодно, закончить скандал, который так и не успел начаться.

32.

Элли

Наше второе свидание начинается с того места, где мы остановились на первом — с поцелуя, который возбуждает меня сверх меры.

В этот раз Гэвин пришел ко мне в кабинет в университет. Раздается один стук в дверь, потом он оказывается у меня в кабинете, закрыв и заперев за собой дверь. В два шага он припирает меня к моему же рабочему столу, его руки в моих волосах, а губы раздвигают мои губы.

— Я собиралась встретиться с тобой внизу, — хрипло с придыханием говорю я,

стараясь думать о чем-то другом, кроме как, вытащить его из этого темно-синего костюма. Мои руки ничего не предпринимают в этом направлении.

— Я так изголодался по тебе, когда ушел вчера, и это наш единственный шанс побыть уединенно сегодня.

Мне следовало согласиться с ним и полететь в Вашингтон.

— Давай отправим твоего охранника вниз в кафетерий за сэндвичами и останемся здесь, пока не придет время тебе уходить. Я никогда не закрывала дверь на замок в своем кабинете. Будет отличная возможность ему сломать ее.

— Значит, замок девственный, — кряхтя говорит он, убирая руку с моего бедра и пытаясь отступить.

Я уже не девственница точно. Поэтому хватаю его за руки и кладу их себе на бедра, специально проводя ими вниз.

— И я надела сегодня чулки.

— Ты убиваешь меня. — Он снова меня целует. Напористо и собственнически. Боже, я люблю его. Он не выходит у меня из головы, я просто по уши влюблена в него.

— И сегодня без трусиков. — Вру я, хотя сняла из только что за десять минут.

— Черт подери, Спрайт. — Он поднимает и усаживает меня на стол. — Ноги вверх.

Я сгибаю в коленях ноги, положив обтянутые нейлоном стопы прямо на край стола. Платье, которое на мне, с юбкой клеш, и она спадает вниз мне на талию, ничего не скрывая от его голодного взгляда.

— Я хочу тебя внутри, — шепчу я. — Каждую минуту каждый день.

Он качает головой.

— Я сказал только поцелуй. В течение первых нескольких свиданий.

— Я знаю, что ты сказал...

Он наклоняется ко мне, опуская руки на стол по обе стороны от моих бедер.

— И?

И ничего.

— Ты прав. Прости.

— Итак, каковы правила?

— Только поцелуй.

— Для тебя это проблема?

Я отрицательно качаю головой.

— Мне нравится тебя целовать.

Он улыбается.

— Хорошая девочка. Я тоже люблю тебя целовать, Спрайт. — Он снова приподнимается, приглаживает свой галстук, потом поправляет выпирающую эрекцию и опускается передо мной на колени. — Везде.

Жар тут же устремляется по всему моему телу, как только я вижу его голову между своих ног. Я чувствую его дыхание на бедре, потом он проводит, поддразнивая языком по моей киски. Он ведет себя так, словно нам предназначено все время в мире, а не только час, и о Боже, сколько всего я хочу сделать с ним. Если он только позволит мне, но он точно не разрешит.

Его следующее движение медленнее, язык нежный, мне хочется соскочить со стола от удовольствия. Он невероятно хорош в этом, хочется застонать и закричать, и застучать ногами. Вместо этого я сильнее упираюсь пятками в рабочий стол и проглатываю стон.

Сжав плотно губы, закрыв глаза, я отдаюсь ему. Он поддразнивает меня, жадно пожирая мою киску, разжигая внутри меня еще больший огонь, возбуждая так, как считает нужным.

Жадно пожирая.

Вот правильное слово, что он делает со мной, но делает это нежно и в то же время... словно правда оголодал, настойчиво, стараясь напиться, тщательно исследую каждый дюйм. Он проходится языком везде, посасывая и лижа, раскрывая меня пальцами, чтобы лучше исследовать каждую клеточку моей плоти своим языком и иногда, осторожно прижать зубами.

Поглощая. Вот еще одно хорошее слово, так я чувствую себя, когда он сосет мой клитор, и у меня начинается вибрация и дрожь во всем теле, я стону, потому что я такая счастливая-девочка-которая-может-получить-такой-прекрасный-язык.

Мои глаза все еще закрыты, когда я чувствую, как набухшая головка его члена трется о мой вход.

Я сильнее прикусываю губу, чтобы не застонать, это так приятно... трется, трется, (Боже, да, всунь ты его уже!) трется... и тогда я спрашиваю:

— А как же поцелуй?

— Правило глупое. — Он останавливается на входе и удерживает себя, прижавшись своим лбом к моему. Это потрясающе... лучше, чем я могу себе представить. — Я буду скучать по тебе сегодня вечером. Я хочу тебя в своей постели завтра, когда вернусь.

— Хорошо.

— Но это будет поздно.

— Я приеду.

Он отодвигает назад бедра, а затем снова вперед, точное попадание с первого движения.

— Мне, наверное, придется выйти? Иначе я испачкаю тебя на нашем свидании за ланчем.

Он должно быть шутит, если способен еще думать о еде. Я целую его, затаив дыхание.

— У меня есть салфетки, все будет хорошо. — Я облизываю его нижнюю губу. — Ты на вкус такой же, как я.

— Тогда мой вкус просто потрясающий.

Я ахаю, как только он вгоняет в меня сильнее, притягивая к себе за бедра.

— Кончи снова. Обхвати мой член, детка. Дай мне почувствовать, как твоя сладкая киска сжимается вокруг меня, когда я наполню тебя.

Его слова не должны оказывать на меня такого влияния, но я не могу им противостоять, они настолько непристойные, но я тоже хочу того же, что и он. Я хочу все, и я хочу сейчас, и если он хочет, чтобы я кончила...

— Да, я готова.

Он удерживает себя, похороненном внутри меня.

— Туда?

Как только его бедра, начинают двигаться, как поршень, я откидываю голову назад.

— Да.

Он не спускает ритм, делает всю тяжелую работу, бесконечно массируя своим членом мою точку G.

Я шепчу его имя: «Гэвин, да, Гэвин, да, Гэвин, да, да, да», и мне кажется, что я веду себя тихо, но он снова ложится на меня, и на этот раз шепчет успокаивающие слова. И в тишине снова и снова повторяет их:

— Тссс. Будь хорошей девочкой, кончи со мной.

Я взрываюсь. Он следует за мной в своем оргазме, продолжая грубо трахать, говоря какие слова, совершая последние несколько отчаянных ударов, затем стонет, изливаясь внутри.

Испачкал. Отлично.

— Тссс, — говорю я ему, когда он зарывает лицо в моей шеи.

Он смеется.

— Получается, что мы смогли пережить только одно свидание без секса, — говорит он несколько минут спустя, когда я прохожусь по нему влажной салфеткой из своей записки на черный день, хранившейся у меня в ящике стола. Хотя я ранее ее использовала, чтобы стереть улики соуса кебаб перед офисом и очистить предплечье белой блузки от маркера, когда я немного увлеклась, читая лекцию о словесных нападках на рабочем месте.

Я пожимаю плечами, кайфуя от двух оргазмов, и меня совершенно не беспокоит, что мы секс наркоманы.

— Ну, нам просто нужно больше секса, чем некоторым людям.

— Ты бессовестная.

— Ты сделал меня такой. Я раньше была такой хорошей девочкой.

— Ты не жаловалась, я так понимаю. И ты по-прежнему очень хорошая девочка.

— Сколько времени у нас есть?

— Час. Как насчет сходить в кафе?

— Это не совсем твой профиль.

— Да. — Он внимательно смотрит на меня. — Кстати об этом.

— Гэвин...

— Кто-то снял видео прошлым вечером, когда мы были на световом шоу.

У меня ухает желудок вниз.

— О.

— Там только я. На видео видно, только твою руку и затылок, было темно, так что сейчас это не роман на рабочем месте, а просто премьер-министр на свидании.

— Да, но если мы сейчас пойдем в кафе....

— Я не собираюсь прятать тебя.

Я хмурюсь. Нет, он не собирается. Неожиданно, что он не собирается меня скрывать, я анализирую его слова. Он может выглядеть немного огорченным, хотя я не думаю, что он использует меня.

— Это потому, что у нас есть еще четыре недели, пока парламент не вернется, и ты надеешься, что все утихнет к сентябрю?

— Именно это сегодня утром сказала наш новый директор по связям с общественностью. — Его взгляд становится напряженным. — Это не моя идея, не моя.

Но это удобно. Я вздыхаю.

— Может лучше сказать, что это был случайный секс?

В его глазах появляется раздражение.

— Нет. Никогда. Я не могу удерживать свои руки подальше от тебя.

Я вздыхаю.

— Хорошо. Пошли пообедаем и устроим фотосессию.

— Как это?

— Думаю, наше второе свидание — немного рано, чтобы я превратилась в мегеру.

Мегеру я попридержу для нашего пятого свидания. Но когда ты вернешься из Вашингтона, я хочу встретиться с директором по связям с общественностью. Если мы собираемся все исправить, я не хочу быть в неведении о том, что происходит.

Гэвин конечно же один из лучших. После ланча (где он быстро многим, чуть ли не всем, пожал руки, обойдя кафе, мы остались почти одни) он позвонил Сью и сообщил, что я хотела бы встретиться с Кэролайн Миллер-Бест. *Новым директором по связям с общественности*, одними губами произнес он мне. Я сделала себе мысленную заметку, прогулять ее, надеясь, что она не очень сексуальная и не одинокая.

Хотя Бет горячая и одинокая, но я почти не ревновала к ней (даже не в нано-секунду!), одно время я правда думала, что она влюблена в него. Но у нее оказались к Гэвину исключительно братские чувства, она лучше зажмурит глаза, чем увидит его голым. Возможно, она единственная женщина в стране, и поэтому такая особенная, потому что в него не влюблена.

Да, я явно тогда спятила, подумав, что она могла иметь к нему чувства.

Мне следует купить Бет цветы.

После того, как я прогуляю эту Кэролайн, тогда и скажу, что о ней думаю, потому что безумие — это не круто.

— Идеально. Я передам ей. — Он вешает трубку. — Завтра, в четыре часа в офисе Сью.

— Это не будет выглядеть неловко.

— Ты хочешь подождать, пока я вернусь?

У нас нет столько времени.

— Нет, я приду, все хорошо.

Он быстро меня целует и ныряет в машину.

Я продолжаю стоять на тротуаре, задаваясь вопросом, сколько часов мне осталось до того, как меня окружают со всех сторон фотографы и репортеры, забросав вопросами о сексуальных домогательствах на рабочем месте.

33.

Гэвин

И в следующий момент, я вхожу на борт самолета, потом валюсь на кровать в своем гостиничном номере уже после полуночи, мой день прошел в режиме нон-стоп. На сон у меня уходит шесть часов, поэтому по идее должен чувствовать себя выспавшимся, но я с трудом просыпаюсь в половине шестого.

Я смотрю на свой одноразовый мобильник, пожирая глазами тринадцать смс-ок Элли, красавицы на йоге, смахивающих на порно.

Слишком рано, чтобы ей позвонить, и она не сторонница, как Макс, вести завуалированные разговоры по телефону с предоплаченной сим картой. Мне хочется ее разбудить, чтобы она с придыханием и полусонная произнесла мое имя...

И что со мной происходит. Мне стоит лишь представить, как она сонным, сексуальным голосом произнесет мое имя, и я кончаю себе на живот.

Гребанный подросток.

Я вытираюсь полотенцем из ванной, а затем нагружаю себя быстрыми, но тяжелыми тренировками.

Пришло время одеваться.

Вчера вечером со мной в лифт попытался попасть Рик Стьюпес. Но перед его лицом замаячила грудь Лаклана, загораживая меня, Кэролайн уже предупредила из Оттавы, что CAN News запросили один-на-один интервью, и у меня нет прекрасного повода в этот раз отказаться, не та ситуация, просто потому что мне не нравится этот парень.

— У меня не будет времени во время поездки, — настаиваю я.

— Нет, конечно, нет. Когда вы вернетесь.

— Хорошо.

— Но они хотят провести снять вас в посольстве.

— Хорошо. Но кто-то должен вместе со мной быть в кадре, чтобы я смог о чем-то разговаривать. Я не смогу игнорировать вопросы этого парня, если камера будет идти за мной по пятам.

Мы остановились на съемке делового ланча с послом и встречи с американскими гостями в саду.

Я упаковал дорожную сумку. Вчерашний костюм, книги для самолета и записки. Обычно я кладу телефон в дорожную сумку, но сегодня я хочу, чтобы он был поближе ко мне. Сладкие смс-ки Элли будут согревать мне сердце.

Я совсем с ней пропал, но меня это даже не смущает.

Я никогда не думал, что стану одним из тех сентиментальных маньяков, готовых вспоминать и жить каждым маленьким моментом нашего свидания. Ладно, я не настолько плох, но Макс, однозначно, собирается извлечь из этой ситуации свою выгоду. И я собираюсь предоставить ему такую возможность, потому что, по-видимому, любовь творит безумные вещи, даже если они связаны с твоим унижением.

Утро быстро пролетает, ланч идет в продуктивном ключе. Мне нравится наш посол в США. Он назначен недавно, но придерживается нашей философии, и я уверен, что он продолжит представлять интересы нашего правительства и выступать по вопросам, которые наиболее важны для канадцев.

После ланча мы направляемся на встречу с бизнесменами, имеющими значительные средства и часто пересекающими границу на регулярной основе. Вопросы торговли является основными в этой поездки, я намерен развивать отношения со всеми заинтересованными лицами, независимо от того, каких политических убеждений они придерживаются.

В середине разговора по импорту-экспорту с дилером из Монтаны, мой карман начинает вибрировать и слышится музыка.

— Извините, — бормочу я, вытаскивая свой телефон с песней Джанн Арден, которая спрашивает: «Я могла бы быть твоей девушкой?»... честно, я не хотел бы, чтобы эту мелодию кто-нибудь услышал.

Насколько я ненавижу отправлять Элли к голосовой почте, но сейчас у меня нет другого выхода, я не могу ответить ей прямо перед камерой.

Я возвращаюсь к нашей дискуссии по поводу Североамериканского соглашения о свободной торговле, уклончиво кивая и мысленно крича: «Черт, нет!» Единственная мысль, которая крутится у меня в голове, попросить парня, стоящего передо мной, заткнуть свои разглагольствования о дорогой новой игрушке, которую он хочет финансировать для простого народа, и запереться у себя в номере, заняться сексом по телефону со своей девушкой.

А в голове крутится еще одна мысль, как мне выяснить, кто услышал мой рингтон, который я специально выбрал для Элли. Я ловлю взгляд Лаклана, и он еле заметно кивает в

сторону. Я перевожу взгляд и у меня желудок падает вниз, когда вижу Рика Стьюпса и его оператора, стоявших как раз в пределах слышимости.

Я по-царски облажался, если можно так выразить, в профиль два на четыре. Мои эгоистичные желания в попытке создать видимость причастности ко мне Элли поставили под угрозу ее личную жизнь, а теперь мне придется обратиться к своим сотрудникам, отвечающим за коммуникацию с прессой, ликвидировать эти последствия.

34.

Элли

Мне не стоило звонить Гэвину. Я пинаю себя и ругаю, пока стою в Центральном блоке в очереди среди посетителей, чтобы пройти службу безопасности, так же, как в мой первый рабочий день, когда мы встретились.

Несколько минут спустя я получаю смс-ку о Лаклана.

Л: Би Джей занят. Скоро позвонит.

Теперь я поняла все. Эта встреча может подождать, пока он вернется.

Мы могли бы просто спрятаться под покровом ночи в 24 Сассекс. И никто не узнает, что я трахаюсь с премьер-министром.

Но когда я открываю сумочку для проверки содержимого, мой телефон вибрирует снова. На этот раз это сам Гэвин.

Би Джей: Мой телефон только что был заснят на камеру. Я говорил тебе, что мой рингтон на твои звонки настроен на песню Джанн Арден?

Думаю, мы больше не говорим загадками.

Ли: О, мой Бог!

Би Джей: Да.

Ли: Прости.

Би Джей: Это моя вина. Должно быть, я случайно этим утром включил звонок. Тебе что-то нужно?

Ли: Не совсем. Я уже прибыла сюда, куда должна была прийти. В твой офис.

Би Джей: Ясно. Скоро позвоню.

Мне странно возвращаться в Центральный блок со значком посетителя на шею.

Даже странно, когда я натыкаюсь на Бет, которая по-настоящему дружески улыбается мне и шепчет, что Кэролайн ждет меня в кабинете Стью, и что у Стью вот-вот будет сердечный приступ.

С одной стороны, на это серьезно стоит закатить глаза.

С другой стороны, с припадками Стью я вполне могу справиться.

Я делаю глубокий вдох и стучу в дверь кабинета своего бывшего босса.

Я выясняю, что Кэролайн Миллер-Бест счастливо замужем и очень смышленная. Она мне нравится, в основном по последней причине, но первая тоже хороша.

Я очень рада обнаружить, что ее мало волнует, что я недолго работала стажером в офисе. Одной женщине выпал такой шанс, который бы хотели получить пятнадцать миллионов.

Она мастерски проделала свою работу, искусно изложив материал, сделав акцент на

моем образовании и указав мою стажировку, как всего лишь благоприятный случай, подвернувшийся при той ситуации, которая существует в данный момент на рынке трудоустройства.

На семьдесят три процента все что она изложила — полное вранье, но мне плевать, потому что звучит правдоподобно, особенно если данный текст исходит от женщины. И я готова повторять это снова и снова.

— Спасибо, — говорю я, чувствуя себя исполненной благодарности.

Она посылает мне дерьмовую-бесплатную улыбку.

— Не стоит благодарности, но не думайте, что все будет так легко.

— Нет, я знаю, что скорее всего не будет. Но я не смогла бы выразить лучше, чем вы. Потому что... — Я замолкаю. Потому что Стью совершенно не нужно слышать, что большинство моих разумных объяснений об отношениях с Гэвином в своей основе носят совершенно неприличный характер.

И это просто отлично.

Он смотрит на меня таким взглядом, как ни на кого никогда не смотрел.

Мне кажется, в этот момент я даже могу поверить в родственные души, что он считал мои мысли.

Нет, этого, конечно, я не говорю.

— Потому что все написанное слишком близко к реальности, — говорю я не озвучивая свои мысли, и это тоже правда.

— Тебе необходимо собраться с духом для вранья, — говорит она, переводя взгляд с меня на Стью. — Вам всем это необходимо. Это может быть использовано в качестве прикрытия для шумихи в прессе. Фишка заключается в том, что вы ни в коем случае не должны отклоняться от основных фактов, которые я озвучила и говорить одно и то же. Это касается вопроса ваших отношений, а также вопроса кратковременной работы Элли здесь, и любой стратегии, которая связана с Гэвином... как с обычным человеком.

Конечно, его политические оппоненты будут представлять все совсем в другом свете. Это правда, и я рада, что она это понимает.

— Хорошо.

— Мы по-прежнему планируем молчать, пока нас не спросят открыто, но поскольку вы стали появляться вместе публично, я ожидаю, что история выплывет на поверхность... и твое имя будет присутствовать рядом с его... думаю к концу этой недели. Так что, если у вас есть кто-нибудь в университете, кого вы могли бы предупредить, или соседка по комнате, чтобы они были готовы...

— Спасибо. Моя соседка уже знает, и у нее имеется семейный опыт держать язык за зубами.

— О?

— Ее отец производит автозапчасти. «Брюстер Отемотив»? — Отец Саши — известный бизнес-магнат. Он всегда хотел, чтобы она присоединилась к семейному бизнесу. Она получила степень магистра, но вместо того, чтобы работать с ним, она окунулась дальше в учебу и занялась докторской диссертацией. Я уверена, когда она получит степень доктора найдет себе какого-нибудь доктора на другой стороне планеты.

Сказать папе, что она не хочет иметь ничего общего с семейным бизнесом, было бы проще, но он единственный для нее родной человек, поэтому у Саши сейчас не самое легкое время, она не может не сказать ему об этом, не подвести его.

— Звучит неплохо. Но дайте знать, если возникнут какие-либо проблемы. Я не всемогущая, кое-что я могу сделать в своей должности, а кое-что нет, но Гэвин сказал, что наймет частную PR-фирму, если понадобится.

Я отрицательно качаю головой. Это полное безумие с его стороны.

— Мы прекрасно справимся.

Стью переводит разговор на политические предпочтения, которые мне интересны, но в данный момент они меня особо не затрагивают, и когда Бет стучит в дверь и спрашивает, не может ли она меня похитить, я с удовольствием устремляюсь к ней.

— Гэвин на линии в его кабине, — говорит она, отводя меня в ту сторону.

Серьезно? Я улыбаюсь, несмотря ни на что. Так может поступить только один человек. Она впускает меня и указывает на стол.

Я замечаю, что лампа пропала со стола рядом с диваном, у меня тут же краснеют щеки, когда Бет закрывает дверь, оставляя меня одну.

Я беру телефонную трубку.

— Привет.

— Спрайт, — тепло говорит Гэвин с того конца провода. — Я отвечаю на твой звонок.

— Разве ты не мог позвонить мне с одного из двух телефонов?

— Я в посольстве Канады в Вашингтоне. Я смог воспользоваться линией, которая не прослушивается.

— Хорошо. Я не храню никакую государственную тайну.

— Честно говоря, некоторые ты знаешь. — Его голос становится низким. Я узнаю этот тон.

— Нет. Мы не занимаемся сексом по телефону, пока я нахожусь в твоём офисе, а ты в посольстве, и я не думаю, что твою надежную линию не прослушивает КСГБ. *(КСГБ – Канадская служба государственной безопасности. – прим. пер.)*

— На самом деле, не прослушивает. Что на тебе надето?

Я понижаю голос, потому что двое могут играть в эту игру.

— Мешок из грубой льняной ткани.

— Смелый выбор. Сними его.

— Ооо, он таким грубым чувствуется у меня на коже.

Его смех — яркий и безудержный.

— А под ним полноценный черный купальник?

— Откуда ты знаешь?

— Магия.

— Ты уверен, что не смотришь на меня? Где здесь скрыты камеры?

— Я же говорил. В моем офисе нет камер.

— Это настоящее облегчение. Я заметила, что лампа пропала.

— Я избавился от нее.

— Бессердечно с твоей стороны. Что тебе сделала эта лампа?

— Напугала женщину, которую я любил.

— Ах, но я вернулась к тебе.

— Так и было. — Он прочищает горло. — Мне пора. Меня зовут.

— Люблю тебя. Разбуди меня сегодня ночью.

— Можешь на это рассчитывать.

Бэт останавливает меня, подняв руку.

— Гэвин сказал прислать за тобой машину в восемь.

Нет, нет.

— Он не должен этого делать.

Она пожимает плечами.

— И все же он это сделал.

— Отмени. Я сама туда доеду.

— Элли, все работает совсем не так. Мой босс говорит, чтобы я прислала машину, я говорю водителю, чтобы он подъехал к тебе. Я не отменяю его распоряжения.

Ее телефон звонит, и она поворачивается к своему столу.

Нет, нет, нет. Мне не хочется по этому поводу обращаться к Стью. Но я надеваю свои трусики большой девочки и уверенно захожу в кабинет своего бывшего руководителя. Кэролайн исчезла.

Королевская канадская конная полиция *не может* быть шофером девушки премьер-министра. Гэвин разозлиться, что я приехала на автобусе в Сассекса, 24, но такси было бы слишком очевидно.

Поэтому я сажусь напротив стола Стью и начинаю ужасно неловкий разговор.

— Я должна вам кое-что сказать и мне не хотелось бы, чтобы вы слишком нервничали, поскольку есть простое решение этого вопроса.

Он стонет.

— Я даже боюсь услышать, о чем пойдет речь.

— Гэвин заказал машину, чтобы забрать меня сегодня вечером и отвезти к себе в резиденцию. — Стью снова стонет, но я продолжаю говорить, потому что мне не хочется, чтобы он начал читать мне очередную лекцию о том, что я и так уже знаю. — Что, конечно, не может произойти.

— Точно. Так что просто скажи ему, что ты не будешь в резиденции, когда он прилетит.

Я закатываю глаза. Конечно, я буду ждать его в резиденции. Я просто доберусь туда самостоятельно.

— Я все же поеду туда, Стью, но на автобусе. Можете включить меня в список посетителей, которые могут сегодня туда попасть?

Он ругается себе под нос.

— Я уверен, что ты уже в том списке, но хорошо, я проверю.

— Спасибо.

— На автобусе?

— Это такой обходной маневр.

— Хорошо, когда все выйдет наружу и взорвется в новостях, по крайней мере, твоя поездка на автобусе порадует экологов.

— Рада, что могу внести хоть какую-то пользу.

— Давай сделаем вид, что этого разговора никогда не было.

— Согласна.

35.

Гэвин

Меня колбасит из-за инцидента с рингтоном и мне необходимо понять последствия, которые могут меня ожидать, поэтому я использую телефон с предоплаченной сим картой и

звоню Максy.

Он отвечает на второй звонок.

— Разве ты не должен сейчас выступать посредником для обеих сторон, при встрече с большой шишкой?

— Черт с ними! — Не самый завуалированный ответ.

— О, это звучит серьезно. Что случилось?

— Я уверен, что к утру мой промах будет на национальном телевидение.

— Что именно? Ты можешь объясняться более конкретно?

Да хрен с ним... это будет везде утром, поэтому зачем беспокоиться?

— Я не выключил звонок на своем телефоне и позвонила Элли.

— Ты сказал что-то неловкое и это услышали все вокруг?

— Я ничего такого не говорил, но мой выбранный рингтон вызывает у меня некий дискомфорт.

— Твой рингтон «Нах*й страдания» от «Питчес»?

Только Макс может так выразиться. Сразу же все встает на свои места.

— Нет. Дженн Арден «Ты могла бы быть моей девушкой?» (*Джанн Арден — 27 марта 1962 г. (55 лет), Калгари, Канада, автор-исполнитель. — прим. пер.*)

— Ну, по крайней мере, это относится к КанКон. (*КанКон относится к Канадскому радиовещанию и телевидению, а также спутниковому телевидению, который должен содержать, согласно закону, определенный процент канадского контента (исполнителей, фильмы и т.д.). — прим. пер.*)

Конечно, то, что это канадский контент разве не снимает вопрос с повестки дня? Конечно.

— Я только что все усложнил.

— С...?

— Это не то, что я планировал.

— Это жизнь.

— Это все, что ты можешь мне сказать? Я звоню тебе, чтобы выпустить пар, а ты говоришь, что я мудака?

— Я занимаюсь ребенком, прибывшем ко мне пять минут назад, который не может увидеть свой четвертый день рождения.

Мысль ясна, я бросаю взгляд на часы. Я отвлек Макса посреди его приема в Детской больнице. Может я правда мудака.

— Доведи до конца свой переезд сюда.

— Вот почему ты мне позвонил. Увидимся через месяц.

— Не могу дождаться. — Я вешаю трубку и смотрю на нее. Вообще-то я не могу дождаться, когда он, наконец, переедет. Макс — уникальный советчик в моей жизни... он говорит все без прикрас и без брехни. Я всегда могу рассчитывать на него, он всегда прямо ответит мне.

Сейчас же мне нужно произвести впечатление на лидера свободного мира.

Когда я возвращаюсь в отель поздно ночью с гала вечера, устроенного в Белом доме, Тим останавливает меня перед лифтом, когда я уже готов отправиться в свой номер.

— У вас посетитель, с которым вы должны обязательно встретиться.

— Кто?

Он смотрит на меня с каменным выражением лица, как бы говоря, что всего лишь выполняет приказ своего босса.

— Лаклан сказал мне, что вам сначала нужно пройти в конференц-зал.

Дерьмо, он определенно знает больше, чем говорит.

— Кто? — более настойчиво спрашиваю я.

Он указывает мне на комнату, на которой висит дощечка «private room».

— Репортер.

Я тут же встаю в стойку, воспаляюсь и подкрадываюсь к двери. Самого последнего, кого я ожидаю увидеть — Рика Стюпса. У нас же был с ним договор.

— Великий припозднившийся, Рик, — тихо говорю я, как только Лаклан переводит на меня взгляд, обозначающий «Какого хера?»

— Элли Монтагю, — говорит Рик, сразу же перейдя в нападение.

— А что с ней?

— Готовы ли вы прокомментировать, что у вас был роман со стажером, который на данный момент покинул ваш аппарат?

Десять, девять, восемь... Надеюсь, что Лаклан обыскал его. Это неудачный расклад. Он пришел ко мне, но на нем нет микрофона. Конечно, нельзя быть слишком уверенным в подобных вещах, поэтому я не могу двинуть ему кулаком по физиономии, хотя очень хочу это сделать.

Я достаю свой телефон (официальный телефон премьер-министра) и набираю Кэролайн. Я так сжимаю зубы, что когда она отвечает, они аж скрежещут, когда я начинаю говорить.

— Отмени интервью с CAN News. Нарушители не получают эксклюзив от правительства. И договорись о моем участии в интервью со многими другими каналами, какими захочешь. Каждый получит по три минуты моего времени завтра в прямом эфире в утреннем шоу.

— Нарушители? — Она прочищает горло. — Конечно. Считай, что сделано.

Я вешаю трубку и бросаю ее на стол. Затем я снимаю пиджак и галстук.

Рик беспокойно топчется на месте. Очевидно, он думал, что события будут развиваться по его сценарию.

Лучшая защита — это хорошее нападение. Я скрещиваю руки и надсмехаюсь над ним.

— Я не буду угрожать. Напечатай все, что хочешь, но утром ваши конкуренты будут печатать мои слова и твой рассказ будет даже стыдно напечатать в «Найшенл Энкьюерер». Убирайся отсюда.

— Это для репортажа?

— Пошел ты, Рик. И по осторожнее со своими высказываниями об Элли. Я думаю ты не захочешь в конце оказаться не на той стороне в этой истории.

— Это угроза? — У него капли пота выступили на виске, он нервничает. Хорошо.

Я придвигаюсь ближе, подгоняя его в дверь.

— Когда я начну тебе угрожать, крошечный маленький говнюк, это не будет происходить в частном номере отеля. Это будет по всему национальному телевидению. Включи любой канал, кроме твоего собственного, завтра утром и ты все услышишь.

Его лицо краснеет от разочарования, он явно хочет сказать что-то еще, но я закончил с ним. Я еще раз наседаю на него всем телом, и он открывает дверь, выскакивая, как испуганная мышь.

— Я предполагал, что все будет совсем по-другому, — говорит Лаклан, и я ни на

секунду ему не верю.

— По-другому?

Он пожимает плечами.

— Я думал, ты вмажешь ему по физиономии.

— Хотелось.

— Быть взрослым иногда такой отстой.

— Ну еще расскажи мне об этом. — Вздыхаю я. — Давай заберем мою дорожную сумку и отправимся в аэропорт.

Меня ждет любимая женщина, которую я хочу обнять. А утром... ну, мы подумаем об этом утром.

36.

Элли

Несколько часов я нахожусь в полусонном состоянии дремы, поэтому, когда матрас смещается под его весом, я сразу же поворачиваюсь и тянусь к нему в темноте.

Он голый. Мои пальцы катаются его теплой кожи, опускаясь ниже к его эрекции, я знаю, что он уже готов. Потому что он всегда готов, когда мы вместе.

Он хватается меня за запястья, поднимая руки над головой, опускаясь жестко губами на мой рот, его язык действует настойчиво. Я поддаюсь ему всем телом, еще не придя в себя от сна, но не только из-за этого. Он весь напряжен, все его тело. И я нужна ему прямо сейчас, и он может иметь меня всю.

Он может взять все, что захочет.

Но даже усиливая хватку на моих запястьях, его тело поднимается и изгибается надо мной, он действует нежно, коленями раздвигая мои ноги. Я влажная и готова принять его член, я хочу чтобы он заскользил глубоко внутри меня, полностью заполняя.

Жесткий и толстый, я вытягиваюсь как струна и выгибаюсь под ним. Я пытаюсь двигать бедрами, подстраиваясь под его ритм, но он уже вытаскивает его из меня, и его руки сдвигаются, прижимая меня сильнее к кровати. Своими действиями он призывает меня молчать, ничего не говоря. Только брать его. Он быстро с силой толкает бедра, пожирая меня губами, и все, что я могу сделать, это молча лежать под ним. Но это нормально. Я отдаю ему то, что ему так необходимо.

Он быстр и двигается как ураган и такой горячий. В темноте он кажется больше и тяжелее. Его прикосновения грубые, он жестко сжимает мою грудь, бьется о мои бедра. Каждое движение его тела двигает меня к изголовью кровати, пока он трахает меня, долбя своими бедрами против моего клитора.

Я молчу, мы оба тяжело с хрипами дышим в тишине ночи. По его телу проходит дрожь, и я знаю это ощущение. Я тоже уже так близко. Я хочу побороться с ним, но понимаю, что будет лучше, если я просто сдамся.

И вот оно. Он не может продержаться дольше в своих последних диких и первобытных движениях, но несмотря на его желание освободиться, сначала он всегда дает удовлетворение мне, прежде чем отпустит свой контроль.

Я не ждала потрясающего оргазма сегодня. Я не ожидала ничего подобного, не знаю, что это такое было, но эндорфины несутся внутри меня, я чувствую себя такой усталой, что даже не могу удержать глаза открытыми. Гэвин накрывает меня своим тяжелым телом и

осыпает мое лицо легкими поцелуями, спускаясь на шею и прижимаясь, как обычно.

Я чувствую себя львицей в период спаривания, и я благодарна, что мы отказались от презервативов, потому что они лишают момента понежиться после секса.

В конце концов, он выходит из меня и перекачивается на бок, перевернув к себе. Он прижимается к моей спине, обхватывает меня руками и сильно прижимается.

Теперь я могу заснуть.

37

Элли

Гэвин встает в пять. Он шепчет мне, чтобы я спала, я тут же засыпаю, потому что, клянусь, мы заснули всего лишь час назад. Когда я просыпаюсь во второй раз, на подушке лежит записка, в которой говорится, что он оставил для меня завтрак — кофе в кружке-термосе и маффин, и если я проснусь в восемь, то должна включить телевизор.

Мне требуется минута, чтобы отыскать пульт дистанционного управления к небольшому плоскому экрану, установленному на дальней стене. Я никогда не замечала его раньше.

Я включаю и попадаю на канал утренних новостей. Ведущий сообщает обзор новостей за день.

Я подхватываю маффин, медленно просыпаясь. И думаю, что можно бы принять быстро душ, пока я жду чего-то, что должна увидеть по телевизору, как вдруг звонит мой телефон. Это Саша.

— Привет, — отвечаю я.

— Что происходит? — Тут же говорит она. — Я получила по emailу сообщение об экстренном выпуске — премьер собирается дать интервью в течение получаса о своей личной жизни.

— Без понятия, — шепчу я, мои глаза становятся огромными, я смотрю на заголовок, который идет бегущей строкой внизу экрана.

— Он не сказал тебе, что собирается сделать?

Нет, не сказал. Я не знаю, как я к этому отношусь.

— Мы не разговаривали прошлой ночью. Он вернулся посреди ночи и уехал, прежде чем я проснулась.

— Он тебя не разбудил?

Он разбудил, просто ничего не сказал. Я сжимаю бедра.

— Было действительно поздно.

— Что он скажет?

Я с трудом перевожу дух. Вот она реальность — сейчас все произойдет на самом деле.

— Думаю, он собирается сказать, что мы находимся в отношениях и неоднократно будет подчеркивать, что это не новость, пока они ему не поверят. — Должно быть, что-то произошло. Я вспоминаю прошлую ночь и ту необходимость, и потребность, с которой он набросился на меня.

— Он назовет твое имя?

— Не знаю. Возможно.

— Ты сообщила родителям?

Нет.

— Думаешь, мне стоит им позвонить?

— Я думаю, твоя мама следит за новостями каждое утро.

Она права. У меня вырывается стон.

— Надо позвонить.

Я смотрю на часы. Уже половина седьмого. Отец еще не ушел на работу. Возможно, они завтракают на кухне или уже закончили и читают газету, пока пьют кофе.

Моя мать берет трубку на втором звонке.

— Алло?

— Доброе утро, мам.

— Элли! — говорит она родным мурлыкающим голосом. — Рада слышать тебя, милая.

О, мама. Постой. Я вздрагиваю, по крепче прижимая трубку к уху.

— Как папа?

— Хорошо. Готовится пойти на работу.

— Хорошо.

— Что-то случилось?

— Ну... нет. Все в порядке. У меня просто есть кое-какие новости.

— В чем дело? — Я чувствую, что она присела. Может быть, на кухне? Я пытаюсь представить, как там все аккуратно и чисто. Все стоит на своих местах как и положено.

Я однозначно черная ворона в нашей семье. Дикая и свободная, готовая вот-вот вызвать негодование всей нации.

— Я тут встречаюсь кое с кем. И это серьезно.

— О! Ты..., — она замолкает. — Ты залетела?

Боже.

— Нет. Я не беременна, мам.

— Хорошо. Это хорошо. Хотя, знаешь, ты не становишься моложе с каждым годом. Но сначала заставь его выйти за тебя замуж.

— Да, мы еще не дошли до этой стадии.

— В любом случае, это впечатляет. Когда мы встретимся с ним?

Истеричный хохот клоочет у меня в горле.

— Вообще-то, ты уже можешь его увидеть.

Моя мать не очень часто обновляет страницу на Facebook. Думаю, что фотография встречи Гэвина с отцом во время его избирательной компании — это ее последняя фотография.

— Это кто-то из школы?

Я смотрю на телевизор. Ведущий готовится к интервью.

— Ты смотришь утренние новости?

— Я в другой комнате.

— Пойди и включи CTN.

— Зачем?

— Просто включи. Я буду на телефоне.

Она кричит моему отцу, и я слышу, как он переключает канал. Мой отец что-то бормочет о Гэвине, что он выглядит... я не уверена. Может, он пробормотал «слишком хорош для такого раннего утра». Он никогда не был его фанатом, как моя мать, хотя они оба голосовали за него.

— Мам, может, стоит отправь папу на работу.

— Ему еще рано идти на работу, милая.

Убейте меня прямо сейчас.

— Точно.

— Так за кем мы наблюдаем? Премьер-министр собирается что-то сообщить.

Я знаю. Он выглядит суровым, подбородок напряжен, пока он регулирует наушник, чтобы услышать интервьюера.

— Это он.

— Кто?

— С кем я встречаюсь.

Молчание — единственный ответ на другом конце линии. Хотела бы я, чтобы моя мать что-то сказала. Резонанс телевизора на стене Гевина и по телефону из гостиной моих родителей в Монреале выдает репортера, готового задать первый вопрос, первый вопрос всегда легкий.

— Господин Стронг, вчера в Вашингтоне вы вели переговоры о торговле. Вы публично говорили о необходимости отменить многие несуразные сделки, которые утвердил ваш предшественник. Вчера вы добились какого-нибудь прогресса в выполнении этого соглашения?

В телефонную трубку я слышу, как моя мать прочищает горло.

— Элли?

Моя мать ненавидит вранье. Хотя возможно она предполагает, что я сошла с ума, а не вру ей. Я молчу. Мое внимание приковано к Гэвину, когда он на камеру мастерски отвечает на вопрос. Итак, первый вопрос о торговле... он отвечает на первый вопрос. Тогда следующий будет...

— И насколько мы знаем, вчера в середине встречи вам позвонили?

Он быстро улыбается.

— Да, у меня зазвонил телефон. Я не смог принять звонок из-за происходящей встречи.

— Ваш рингтон вызвал повышенное внимание. Репортеры, следовавшие за вами на этой встрече, а также те, которые находились в офисе, никогда не слышала рингтон Дженн Арден в вашем телефоне.

— Она — национальное сокровище.

— Это правда. Но, если учесть, что на этой недели мы видели вас на свидании, то сомневаемся, что звонившая была мисс Арден собственной персоной...

— Это ваше предположение, — говорит он со смешком.

— Факт остается фактом, господин премьер-министр, вы — холостяк, и люди хотят узнать, мистер Стронг, кто та счастливица?

Это легкий вопрос. Я удивляюсь, что вот так легко его вывели к главному, но моя грудь сжимается от беспокойства. Интересно, ценна ли я для него?

— Если бы я был обычным человеком, мне не пришлось бы отвечать на этот вопрос. Давайте, на минутку честно посмотрим правде в глаза... все обросло сплетнями, не более того. Да, я встречаюсь. Это несколько необычно для меня и серьезно. Но кроме того, это сугубо личное. Я думаю, что большинство канадцев поймут на сегодняшний день, что я не самый простой мужчина, и было бы здорово с их стороны, если бы они позволили мне своим собственным способом произвести впечатление на женщину, которая мне нравится, причем на моих собственных условиях.

— Когда мы познакомимся с ней?

— Когда она будет готова. Она обычная гражданка Канады, которая бы хотела сохранить свою частную жизнь — частной, и я надеюсь, что все будут уважать этот факт.

— Как вы познакомились? — Вопрос звучит более мягко, чем есть на самом деле. Именно это они и хотят узнать больше всего.

Но Гэвин не дрогнул.

— Она кандидат наук в одном из университетов Оттавы. Мы встретились на работе.

— Она работала у вас?

— Не долго. Она очень умная женщина, и мне повезло, что она высказывала свое мнение по ряду вопросов, за то короткое время, пока работала с моим главой администрации кабинета.

Я выдыхаю, я даже не поняла, что задержала дыхание. Через телефон слышу, как мой отец говорит что-то по поводу работы. Но мама, как и я, храним полное молчание.

Ведущий заканчивает интервью с премьер-министром последним вопросом, касающимся торговли, а потом появляется реклама.

— Глава правительства? — наконец, выдыхает моя мать мне в ухо.

— Да. Точно, — повторяю я, потому что моя мать ненавидит лживые ответы.

— Премьер-министр? — слышу я как спрашивает отец, и я опускаю голову на изголовье кровати.

— Новый парень Элли.

Я даже представляю в эту минуту, как отец хмурится, пока переводит взгляд между моей матерью и телевизором, потом медленно анализирует полученную информацию, собственно то, что он только что увидел.

— Элли невероятно яркая женщина?

— Правда, что ли? — Восклицаю я, садясь вертикально. — Вот на что он обратил внимание? У меня степень магистра. Я доктор наук и...

— Дорогая, ты же знаешь, мы не совсем понимаем, что означают эти слова.

— Это значит, что я почти защитила диссертацию. Seriously, мам, у нас же был разговор на эту тему.

— Я точно его не помню. Надеюсь, ты не очень расстроилась.

Вот почему я не часто езжу домой. Я привыкла, что она не особо обращает внимания, что я доктор наук меня все же это немного жалит. Свою обиду я хороню глубоко внутри.

— Спасибо.

— Он хороший парень, — добавляет она, пытаюсь смягчить свой ответ, но это не совсем помогает.

Я вздыхаю.

— Скажи папе, что я желаю ему хорошего дня на работе.

— Я увижу тебя по телевидению позднее сегодня?

Нет, если я смогу этого избежать.

— Я люблю вас, родители.

Я звоню Саше после того, как ошеломлена, почти впадаю в бредовое состояние и сижу как на иголках, и мы приходим к совместному соглашению, что мне не стоит появляться в кампусе хотя бы день, лучше завтра. В любом случае, у меня нет никаких лекций в университете, поэтому ей даже не придется оставлять записку у меня на двери. И это совсем не плохо, потому что последнее, что я хочу, это увидеть видеозапись в новостях с моей

дверью кабинета и запиской на ней, практически заявляющей, что я прячусь от всех.

Лично сама, я абсолютно уверена, что готова спрятаться, причем поглубже.

Позже появляется Лаклан, спрашивая меня, хочу ли я вернуться в свою квартиру. Он заявляет, что может вытащить меня из Сассекс 24 и никто меня не заметит, и мне даже не придется залезать в багажник машины. Но мне позднее придется вернуться сюда же, потому что, если я не буду здесь Гевин придет ко мне домой, а я не хочу, чтобы он светился у моего дома. Я тут же представляю кричащие заголовки: **«Премьер-министр встречается ради секса»**. Нет, нет, нет.

Поэтому я остаюсь. Саша пообещала, что соберет для меня большую сумку и заберет часть моей работы из кабинета в университете, а потом встретится с Лакланом в нескольких кварталах от нашей квартиры. «Так действуют шпионы», — поддразниваю я ее, но она не отказывается.

На самом деле, скрываться в Сассекс 24 не так уж и плохо. Похоже никто даже не подозревает, что я скрываюсь в резиденции премьер-министра, что еще лучше.

Я перемещаюсь по кухне и обнаруживаю, что у Гэвина имеются все необходимые ингредиенты для самого эпического сэндвича в истории. Я готовлю себе сэндвич на ланч и отправляю ему фотку.

Би Джей: Я хочу такой же на ужин.

Ли: Ой, это будет первый раз, когда я сделаю для тебя еду.

Би Джей: Ты делала мне начос.

Ли: Нет, я сделала себе начос, а ты пришел без приглашения и съел. Это совсем другое. Этот сэндвич я сделаю с любовью.

Би Джей: а начос был...

Ли: сделан из слез печали.

Би Джей: LOL (смеется)

Ли: Не стоит смеяться над моими слезами грусти

Би Джей: Почему нет?

Ли: Я не буду делать для тебя сэндвич

Би Джей: Посмотрим

Ли: Я буду держаться

Би Джей: Уверена?

Ли: Прекрати.

Би Джей: Что? Я ничего такого не делаю.

Ли: Разве тебя не ждет работа?

Би Джей: Как раз и занимаюсь работой. Успеваю все.

Ли: Я люблю тебя. У тебя будет твой сэндвич.

К концу дня СМИ становится известно мое имя и детали стажировки, но не более того. У них нет моих фоток, Сашиных и даже нашей квартиры. Несколько хороших фотографий взяты с моих страниц в социальных сетях, но они в основном там уже давно, поскольку времени на преподавание, как аспирантки, уходит очень много, поэтому фотографии, которые они оттуда берут я специально выставила на публичные страницы. Моя биография в кратком изложении взята из учебного курса университета, со страницы, которую я уже давно не посещала, собственно с тех пор, как поступила в университет.

Когда приезжает Гэвин, я сижу в гостиной с включенным телевизором, но игнорирую

его, потому что занимаюсь своей работой. Ноутбук открыт, и я окружена стопкой журналов с одной стороны и конфиденциальными отчетами — с другой, анализ которых я делаю для Стью.

— Скорее всего нам следует прекратить пользоваться тобой, чтобы ты делала анализ данных документов, — говорит он, стоя в дверном проеме.

Я поднимаю глаза на него, а затем возвращаюсь к отчету в руке.

— Что? Нет, мне нравится этим заниматься. И если меня когда-нибудь спросят, что я для тебя сделала, я хочу сказать, что это было гораздо больше, чем просто принести тебе кофе.

— А ты когда-нибудь приносила мне кофе?

— Нет.

— Значит...

— Мне нравится этим заниматься, — снова отвечаю я, прижимая доклад к груди. — Не забирай их у меня.

Он направляется ко мне, наклоняется и легко целует, прежде чем потянуть за волосы... но не так легко.

— Хорошо.

— Через минуту я сделаю тебе сэндвич.

— Пойду приму душ и переоденусь. Заканчивай свою работу. Я могу и сам сделать себе сэндвич.

— Возможно это может быть единственным разом, когда я предлагаю приготовить, чем-то соблазнив тебя.

Он едва может подавить свою улыбку.

— Соблазнив?

Я смеюсь.

— Приготовь что-нибудь.

— Мне следовало тебя уже давно запереть в моей позолоченной башне, — мурлычет он, потом ругается, когда на моем лице отражается разочарование. — Нет, извини, я дерьмово выразился.

— Все в порядке. — Я все время в нем что-то открываю, и сейчас он становится мне еще более понятным. — Мы можем поиграть когда-нибудь в похищенную принцессу. Ко мне достаточно скоро вернется чувство юмора.

— Это ненадолго. И я договорился об охране для тебя, если ты захочешь вернуться в свою квартиру или университет. Мы можем сделать это завтра. Просто скажи.

— Нет, только не Королевская канадская конная полиция.

Он качает головой.

— Нет. Это частная охрана, я оплатил ее из собственного кармана.

— Я не могу тебе позволить...

— Ты можешь и будешь, Спрайт.

Его тон действует на меня так, что мне не стоит ему перечить.

— Хорошо.

— Что, прости?

Я улыбаюсь.

— Да, Сэр.

— Ты моя, Элли. Никогда не забывай об этом.

— Не буду. — Я глубоко вдыхаю. — Я хотела бы поехать в кампус в следующий понедельник. У меня назначена встреча с моим руководителем. До этого времени, мне не нужно никуда идти.

— Ты поедешь. А до тех пор можешь находиться здесь и ходить только в моей рубашке. Или вообще... без всего. Я буду только очень рад.

Я откладываю исследования и встаю, аккуратно вытаскивая его рубашку из пояса брюк. Проскользнув руками под нее, я прикасаюсь к его теплой кожи, приносящей мне радость. Жесткие мышцы, напряженная грудь, мягкие волосы посередине... опускающиеся ниже дорожкой. Я молча раздеваюсь, снимаю майку и брюки. Он наблюдает за мной полуприкрыв глаза, я надеваю его рубашку и закутываюсь в мягкий хлопок с его запахом.

— Теперь я могу сделать тебе сэндвич, — шепчу я, и он набрасывается на меня. Я тут же обхватываю его ногами вокруг талии, и он ненасытно целует меня.

— Потом, — говорит он.

— Позднее?

— Намного позднее.

38.

Гевин

День рождения Элли начинается для меня в другой части страны, я заканчиваю трехдневный марафон по провинциям района прерий (Манитоба, Саскачеван, Альберта), ведя переговоры о торговле по эту сторону границы. Я не могу дождаться увидеться с ней, когда в середине дня возвращаюсь через всю страну домой.

На прошлой неделе она затаилась от всех и была абсолютно в порядке.

На этой неделе она сходит с ума, и я не могу ее винить в этом. Ее первое знакомство с охранниками прошло прекрасно. Но когда она попыталась пойти на йогу на следующий день, два фотографа заблокировали вход в студию, пришлось выйти самой владелице и проводить ее внутрь.

Я выплеснул все свое дерьмо из-за этого, и Лаклан теперь должен стоять, как щит, между мной и автобусом с прессом на встречах, когда мне предстоит общение с репортерами.

— Это уже в прошлом, — настаивая говорит он, и он прав.

Ненавижу признавать это. Я правда хотел сносить головы, но виновных в этом автобусе как раз и не нет. Вся прессы из трех провинций, поэтому показывать свой крутой нрав я не стал, все стало бы только хуже, эта история уже превратилась в прошлый день и изменить ничего нельзя.

Поэтому Элли вернулась ко мне, большую часть своего времени проводя в Сассекс 24, хотя на этот раз все знали, где она находится, поэтому покинуть дом для нее будет сложнее.

Но нет ничего невозможного, и сегодня я приглашаю ее на празднование ее дня рождения. Ее соседка по квартире согласилась сходить за подарком — платьем для Элли для ее дня рождения, все благодаря Бет, моему доверенному лицу, потому что, несмотря на мои официальные действия, показывающие, что мне сам черт не страшен, я все еще немного побаиваюсь Саши.

Когда мы приземляемся, Бет поджидает меня в аэропорту. Первое, что она вручает мне, как только мы едем в парламент, стопку бумаг на подпись. Потом длинный, тонкий

бархатный футляр.

— Это пришло на твое имя, пока тебя не было.

Слава Богу, что интернет-магазины могут доставлять заказы 24 часа в сутки.

— Благодарю. А остальные подарки?

— В багажнике лежит упакованное платье и туфли от Саши. И большой подарок на Холме. Хочешь забрать его?

Я смотрю на Лаклана, который старается исключительно следить за движением в лабовое стекло.

— Думаешь, охрана мне разрешит?

Она сдержанно фыркает.

— Это ее день рождения. Если *охрана* не позволит, то надежды на *нее* нет.

— Я все слышу, — жестко говорит Лаклан с переднего сиденья.

Я улыбаюсь. Конечно, я нахожусь в более выгодной позиции — я без ума влюблен, а эти двое все еще кружат вокруг друг друга, как идиоты, так что с моей стороны, это подло по отношению к ним, но неважно. Сегодня день рождения моей девушки, и я хочу ее безумно баловать.

— Так это да?

Он вздыхает.

— Конечно. Ты можешь забрать подарок для Элли в Сассекс 24.

Я хотел зайти в офис всего на несколько минут, но такое нереально, поэтому только к пяти часам вечера я попадаю домой. Собственно, не столь важно рано я приеду или поздно, за исключением того, что я не видел Элли несколько дней и сегодня ее день рождения, и я знаю, что она меня ждет.

Я обнаруживаю ее в спальне, свежую после душа и завернутую в полотенце. Я бросаю подарки на кровать и обхватываю ее сзади.

— Скучал по тебе, — шепчу я, целуя ее в шею. — Ты сделала макияж, который я могу испортить, если поцелую тебя?

Она отрицательно качает головой, и я разворачиваю ее к себе, обхватив за шею, опускаясь на ее губы и пью все, что пропустил, одним горячим поцелуе за другим. Она на вкус как солнце и ягоды, самая сладкая женщина, которую я когда-либо целовал, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы не стащить с нее полотенце и не упасть перед ней на колени.

Позже. У меня будет время, чтобы вылизать каждый дюйм ее тела. Возможно, когда она будет привязана к моей кровати и умолять об еще одном оргазме.

— Почти готова, — шепчет она в мои губы, когда я отпускаю ее. — Но я не знаю, что надеть, — тихо говорит она. — У меня здесь нет хороших платьев, а Саша была слишком занята, чтобы встретиться с Лакланом.

Я ухмыляюсь.

— Она была слишком занята, выполняя мое поручение... выбирая тебе подарок.

— Что? — Она прижимает руки к груди и слегка отталкивает меня от себя. Я показываю ей на кровать. Три подарка.

Мне никогда не хотелось настолько задаривать женщину подарками, как хочется Элли. Но я сдерживаю себя хотя бы тем, выбирая практичные подарки... если к определению подходить буквально, и игнорировать, что один из презентов — жемчужное ожерелье. В

основном тоже очень практичное.

Она поднимает крышку самой большой коробки и резко выдыхает. Я дал Саше некоторые указания — купить платье без бретелек, такое же, как она надевала на прием. Зеленое или синее, оно идеально подходит ей по цвету. И чтобы ткань была струящаяся.

Элли вытаскивает из коробки именно такое платье, как я и представлял, точь-в-точь, хотя оно выглядит даже лучше. Мой член тут же упирается в брюки, как только она сбрасывает с себя полотенце, и прозрачные воздушные слои шифона опускаются на ее обнаженное тело. Оно точно без бретелек. Верхний слой ткани обхватывает грудь и скользит по плечам, перекручиваясь за спиной, потом превращаясь в юбку. Материал не совсем просвечивает, и возникает иллюзия, будто бы я вижу ее кожу, но не могу до нее дотронуться, платье просто превосходное.

— Открывай следующий, — хрипло говорю я. Она тянется к черному бархатному футляру, я следую за ней. Она на половину застегнула молнию на платье, поэтому я застегиваю до конца, проходясь костяшками пальцев по ее позвоночнику.

У нее подрагивают пальцы над крышкой черного бархатного футляра.

— Ты испортишь меня.

Она не стала сегодня укладывать волосы наверх, и они свободными волнами спускаются по спине. Я собираю их в руку, сжимая в кулак, перемещая в сторону, чтобы прикоснуться губами к оголенной кожи у нее на шеи, и только потом отвечаю:

— Да. И ты примешь все мои подарки. Понятно? Сегодня твой день рождения, и я люблю тебя. Поэтому позволь мне подарить то, что я хочу.

Она глубоко вздыхает прежде, чем открыть бархатный футляр.

— О, Гэвин... — Она вытаскивает ожерелье и выдыхает. — Оно просто потрясающее. Это...

Я перебиваю ее.

— Единственное окончание предложения, которое я хочу услышать, что оно красивое. Красивое, как и я, это тоже было бы неплохо.

Она улыбается.

— Отлично. Оно прекрасное такое же, как и ты.

Я смеюсь себе под нос.

— Проказница.

— Наденешь мне его на шею?

— С удовольствием. — Наши пальцы путаются друг с другом, пока я соединяю два конца цыпочки. Я никогда не прекращу прикасаться к ней по случаю или без. Ожерелье идеально сидит на ней, опускаясь чуть ниже ключиц, и я по всей его длине передвигаю пальцем. — Еще один подарок, Спрайт.

Она бросает на меня мимолетный взгляд. Да, по последнему подарку дебатов не возникнет. «Да, сэр», — единственный ответ, который я хочу услышать от нее, когда она говорит, что понимает, почему я хочу ей дарить подарки.

Коробка довольно маленькая. Она приподнимает обычную белую картонную крышку, а затем замирает, словно одеревенев.

Я ожидаю услышать протест, но ничего подобного.

— Элли? — Я разворачиваю ее к себе лицом, но ее голова остается наклоненной в сторону коробки. Она не может оторвать взгляда от ключей от машины, лежащих в облаке белой бумаги.

— Почему? — Спрашивает она, ее голос наполнен разными эмоциями.

— Потому что я хочу, чтобы ты смогла спокойно ездить куда угодно в любое время, и тот факт, что ты больше не можешь просто запрыгнуть в автобус, для меня по крайней мере, является всем. — Я нежно приподнимаю ее за подбородок, чтобы увидеть ее лицо, и она видит мои глаза. — Потому что я люблю тебя. И я хочу, чтобы ты всегда *чувствовала себя* в безопасности, что тебе ничего не угрожает.

Она моргает, глядя на меня, ее глаза светятся ярко и блестят от слез.

— Слишком много всего.

Всего? Этого даже недостаточно и на миллион миль.

— В машине имеются тонированные стекла и Bluetooth. Также, если ты нажмешь кнопку, то сможешь вызвать Лаклана.

Она хмурится.

— Ты купил мне Бэтмобиль?

— К сожалению, нет. — Он совсем не похож на тот модный Lexus, который я хотел ей купить. Но Саша убедила Бет, что я должен купить что-то в среднем диапазоне цен.

— Он сделан в Канаде?

Боже, эта женщина! Я уже не могу любить ее еще больше.

— Да. Это было первым, о чем я подумал.

Я вижу, как она усиленно думает, как прикусывает свою нижнюю губу и так пристально смотрит на меня, что мне хочется ей сказать, что автомобиль не такое уж важное дело, но похоже для нее оно более важное, чем для меня.

Мне хочется заботиться о ней во всех масштабах какие только возможны. Но и с такой моей заботой ей тоже должно быть хорошо.

А потом она улыбается, начиная вертеть ключи на указательном пальце, и я понимаю, что все хорошо. Она обхватывает меня за шею.

— Я люблю тебя, — шепчет она мне на ухо, и эти три маленьких слова взрывают мое сердце. — Это лучший день рождения.

— Это только начало. — Я прижимаю ее к себе. — Я быстро схожу в душ, а потом у нас зарезервирован столик.

— На какое время?

— Нас ждут в семь плюс-минус. — Я еще раз ее целую, а затем поворачиваю ее к туалетному столику, у которого и обнаружил, когда вошел. — Заканчивай готовиться.

— Я ненадолго. Немного макияжа и, наверное, мне стоит надеть нижнее белье.

Я прочищаю горло.

— Нет, в этом нет необходимости.

— Ой, да ладно... правда? На публике?

Я хватаю ее за руку и прижимаю к своему телу.

— А кто сказал о выходе на публику?

Я принимаю душ и переодеваюсь в свежий костюм, мы спускаемся вниз. У Элли уходит немного времени, чтобы изучить новый мини-внедорожник, который она уже успела назвать «Глэдис», а потом я заставляю ее все же сесть на заднее сиденье моей официальной машины.

— Я не могу поехать на ужин на своей машине в свой день рождения?

— Уверен, что можешь. Но бутылка шампанского поджидает нас во льду, так что

сегодня тебе придется отказаться от «Глэдис».

Она вздыхает.

— О, нет!

— Именно.

Она устраивается на сгибе моей руки и счастливо вздыхает.

— Куда мы едем?

Я всего лишь улыбаюсь в ответ. Наша поездка не занимает много времени.

Лаклан сворачивает налево от ворот и едет вдоль реки, пока мы не добираемся до места назначения. Элли бросает удивленный взгляд.

— Музей авиации и космонавтики?

Я широко улыбаюсь и выскакиваю из машины. Она ждет, когда я открою ей дверь, потом подмигивает мне, удостоверившись, что я понимаю ее.

Я предлагаю ей руку, и она закатывает глаза, соединяя со мной свои пальцы, и это еще лучше. Отдавать и брать — это основа наших отношений.

Рука в руке, мы направляемся к двери. Не уверен заметила ли она, что парковка пуста, но она определенно заметила, когда мы вошли внутрь, что находимся здесь совсем одни.

— Что ты сделал? — тихо спрашивает она, и глаза у нее просто огромные.

— Нам сюда. — Я провожу ее мимо самолета, установленного в фойе, в главный выставочный зал, огромное пространство, заполненное самолетами, известными в современной истории, из всех уголков земного шара.

Ее каблуки цокают по полу, эхом отдаваясь в зале, но как только мы огибаем Avro 683 Lancaster X, начинает играть струнный квартет «Императорский вальс» Штрауса.

Элли замедляет шаг, как только в ее поле зрения показывается стол для двоих, установленный по середине выставочного зала, с ведерком со льдом и бутылкой шампанского, стоящим рядом на другом столике, и поджидающие нас.

— О, Гэвин.

Она с восхищением поворачивается ко мне, и я замечаю, как покраснелось ее великолепное лицо, мне хочется взять ее прямо здесь и сейчас. У борта истребителя. Пометить как мою, и пометать снова и снова, находясь рядом со всей этой истории авиации.

Вместо этого я засовываю руки в карманы.

— С Днем Рождения, Спрайт.

— Это безумие. — Но она говорит это мягко, в хорошем смысле, и когда она вертится кругом, чтобы еще раз все осмотреть, я ловлю ее в свои объятия, и мы начинаем танцевать.

На самом деле, танцевать мне не свойственно. Я умею танцевать, и танцую не плохо, я даже думаю, что танцы особенно ничем не отличаются от игры в хоккей. Но до этого момента, я бы не сказал, что обладаю какой-то романтической натурой, чтобы устраивать танцы.

Но близко прижимая Элли к себе и двигая бедра напротив нее, пока она удерживает мой взгляд, приоткрыв губы и с сиянием в глазах... я хочу танцевать с ней вот так всегда. Она растворяется в моих объятиях, с легкостью позволяя мне вести ее, и я медленно кружу в танце, пока мои ноги следуют в темпе музыки. Широкий шаг, притянуть ее к себе. Покружить. Соприкоснуться бедрами. И все повторяется, и я ощущаю себя так хорошо, наверное, потому что все происходит под музыку. Еще один шаг, еще одно прижатие наших тел, ее живота к моей утолщающейся эрекции. Черт бы меня побрал. Она вздыхает, и я заключаю ее в свои объятия.

Моя Элли. Моя Спрайт.

— Может выпьем за твой двадцать шестой день рождения? — Спрашиваю я, как только музыка замолкает, голос у меня звучит грубовато.

Она кивает, и музыканты начинают играть другую мелодию, но уже тихо. Я наливаю нам по бокалу шампанского, появляется официант из одного из десятка самолетов, окружающих нас.

— Ужин будет подан через несколько минут. Не стесняйтесь посмотреть на экспонаты, почувствуйте себя комфортно здесь.

Элли направляется к вертолету. Я усмехаюсь, следуя за ней, пока она разглядывает Боинг Вертол, стоящий перед нами, мои же глаза устремлены на ее задницу. Должен вам сказать, это самый захватывающий вид в этом месте.

Кроме того, директор музея, когда я впервые переехал в Оттаву, провел для меня личную экскурсию. Он старый друг нашей семьи.

— Хочешь попробовать летные тренажеры? — интересуюсь я, останавливаясь прямо за ней.

Она оглядывается на меня через плечо.

— Мы можем это сделать?

О. Можем ли мы!

Проходит тридцать минут, когда мы приступает к ужину, наконец, садимся за стол, мы оба чувствуем себя немного глуповато. Я же, бл*дь, горжусь собой, что сделал на столько потрясающий подарок ей на день рождения.

Что вызывает несказанное разочарование, когда мой телефон звонит на середине ужина. Только один человек может мне позвонить по этому номеру прямо сейчас, и мне необходимо ответить ему. Я быстро целую руку Элли и отхожу от стола.

— Прости, — говорит Стью, и по голову можно сказать, что ему действительно жаль. Но долг зовет! Посольство в Судане подверглось бомбежки. Похоже, никто не погиб, но...

— Я сейчас приеду. — Я поворачиваюсь к Элли, она уже идет в мою сторону и у нее на лице отражается масса эмоций. — Неожиданно возникли проблемы, — говорю я ей, но мне ничего не нужно ей объяснять. Она итак знает и понимает, потому что она идеальна.

— Конечно. Скажите мне, что я могу сделать... может мне стоит поехать с тобой?

К нам приближается Тим и машет рукой, чтобы мы следовали за ним. Моя машина уже ждет, но другая машина быстро въезжает на парковку. Я узнаю внедорожник, которым пользуются частные телохранители Элли, и мысленно благодарю Лаклана, достаточно хорошо выполняющего свою работу, заботясь не только о моей безопасности, но и Элли, он явно не подразумевал при сложившейся ситуации для нее общественный транспорт.

— Не жди меня, — говорю я ей, когда она сжимает мне руку.

Она качает головой.

— Не буду. Но разбуди, когда вернешься.

Я благодарен ей, что она все понимает. И если я разбужу ее, то подарю ей последний подарок на ее день рождения. Может и запоздалый.

39.

Элли

Уже почти полночь, прошло четыре часа, как Гэвин уехал. Спустя час после того, как

мы танцевали, словно беззаботные любовники, он выступил с речью против насилия и терроризма на ступенях Палаты общин.

Сейчас я свернулась в его постели в одной из его футболок, и в ужасе смотрю на экран телевизора. Я поняла, что это должно было быть что-то серьезное, и серия бомб в ряд посольств стран G7... было преднамеренным, организованным терактом. Сотни местных суданцев и десятки иностранных сотрудников посольств получили ранения. Также есть погибшие, но не в посольстве Канады.

Это был первый военный удар во время срока, как Гевин стал премьер-министром, поэтому ему необходимо показать свою четкую позицию, и он выступил против бешеного безумия, связанного с этим вопросом, предыдущего правительства. Это ситуация своего рода тест. Вся страна будет наблюдать за ним и судить, как он справится с экстренной ситуацией, сравнивая его с союзниками по НАТО.

Как доктор наук, моя сфера интересов относится к внутренней политике, но как гражданина мои надежды и страхи не останавливаются на границах только моей страны.

Сейчас над Суданом начинается новый день. В скором времени он начнется и в Великобритании, и британский премьер, несомненно, будет призывать к крови. В данный момент на экране телевизора передо мной появляется австралийский премьер-министр, пообещавший применить сухопутные военные силы, если понадобится.

Французы и русские тоже высказались. Немцы единственные, кто призывают к спокойствию. Я могу только представить сыплющиеся телефонные звонки в и из Вашингтона в данный момент к новому лидеру страны с короткой историей своего президентства США, Гэвин явно находится в невыгодном положении.

Сегодня я явно не засну.

Знаю, что это смешно, но ничего не могу поделать. У меня нет никаких шансов, что он скоро вернется, и я переживаю, что не могу быть рядом с ним.

Поэтому я ставлю в кофеварку фильтр, засыпаю гранулы кофе, наливаю воду. Я открываю холодильник. В нем нет недоеденных ужинов, поэтому я заказываю пиццу.

По крайней мере, я пытаюсь заказать пиццу. Набираю номер, который дал Лаклан Гевину... он написан на бумажке на кухне.

Мне показалось простым заказать пиццу на Сассекс 24, Гэвин ведь постоянно так делает, должно быть у него имеется какое-то кодовое слово или что-то вроде того, потому что в ответ я получаю ответ — насколько крутая шутка заказать пиццу в Сассекс 24. Я предпринимаю всевозможные усилия, чтобы быть вежливой, в третий раз объясняя, что да, я на самом деле звоню с Сассекса 24, и они могут спросить об этом у охраны, если не верят мне, только тогда они принимают мой заказ.

Я немного удивлена, что машина с доставкой появляется через сорок минут. Естественно, охранник у ворот не хочет ее впускать, очередной раз доказывая, что любой добрый поступок не может остаться безнаказанным. Я выхожу на улицу и машу, только после этого охранник пропускает автомобиль, подозрительно следя за ним, когда я оплачиваю свой заказ.

Охранник, раньше я его не видела, но он знает, слава Богу, кто я такая.

— Простите, мисс Монтегю. Я подумал, что это шутка, чтобы проникнуть на территорию. Я не предполагал...

— Все прекрасно. Я просто подумала... ПМ любит пиццу. И на случай, если сегодня ночью он вернется домой... Ну, вы понимаете?

— Хорошая идея.

— Спасибо.

Мы порой фраз обмениваемся о неловкой ситуации, потом я захожу назад в дом. Я несущу пиццу на кухню, затем беру кусочек, читая новости на своем телефоне. Все по-прежнему, на самом деле, но на Twitter, как всегда идет нескончаемая болтовня, от которой у меня начинает кружиться голова.

Я убираю оставшуюся пиццу в холодильник и пишу записку, которую приклеиваю к дверце.

Оставшаяся пицца внутри! Наполнена любовью. И пепперони.

Я рисую сердечко и медленно поднимаюсь по изгибающейся лестнице наверх на второй этаж. Наверное, мне требуется вечность, чтобы заснуть, но все же я засыпаю, просыпаюсь перед рассветом.

Кровать рядом со мной по-прежнему пуста, и когда я перевожу свой мрачный взгляд на экран телевизора, который оставила на всю ночь включенным, там все по-прежнему.

40.

Гевин

Во время моего пребывания в Вашингтоне, встреча с президентом была короткой. У него болела дочь, поэтому мы договорились, что я вернусь в следующем месяце для более плодотворных переговоров, которые пройдут без особого пафоса, а не как прошедшая, когда мы буквально сели один на один, уделив друг другу всего пять минут для рукопожатия, чтобы сделали фото репортеры.

После целой ночи ожидания в очереди, чтобы поговорить с парнем, а потом после того, как мы поговорили, и разговор был положительным, но коротким, потому что ему позвонил президент России, и он прервал со мной звонок. Я понял его жест.

Но, черт побери, это раздражает, когда я думаю, что мы могли бы согласовать свои действия в этой ситуации, поэтому я провожу большую часть ночи сложа руки. Образно выражаясь, конечно. На самом деле, большую часть ночи я вышагиваю по кабинету, развязав галстук, пиная что попадается под ноги и крича на Стью:

— Нам необходимо утром сделать заявление, — говорит он уже в третий раз.

— Я не собираюсь говорить, что мы меняем свою позицию в этом вопросе. И я не собираюсь заявлять об ограничениях, если мы решим пойти дальше, бл*ть.

— Мы не можем сделать многое. Наш бюджет на оборону находится в упадке.

Его слова заставляют меня снова дернуть галстук.

— Когда самолет министра обороны приземлится?

— Еще через два часа.

Мой кабинет состоит из молодых, и это своего рода болезненно. Я с большой осторожностью подбирал министров, у всех есть соответствующий опыт, но руководство — это одно, а сегодняшняя экстренная ситуация, напоминающая пороховую бочку — это совсем другое.

— Как только он приземлится...

— Он тут же приедет сюда.

— А начальник штаба? — я уже более семи раз задавал этот вопрос. Стью сердито посматривает на меня, потому что генерал Финнетте был в часе езды полчаса назад, и тут

нетрудно посчитать.

— Тридцать минут назад он выехал из города. Ты можешь снова ему позвонить, но это ничего хорошего не принесет. Он должен заехать в штаб-квартиру Министерства национальной безопасности, чтобы поговорить с аналитика о вариантах развертывания событий. Он прибудет сюда, как можно скорее.

Время идет. И к шести часам утра, у нас есть представление о том, что мы можем сделать, и это не много. Мы могли бы внести свой вклад в кампанию по бомбардировки, которая ничего не даст. Мы могли бы направить наши специальные войска для подготовки африканских миротворцев. И мы могли бы немедленно пополнить бюджет и найти способ финансировать нашу кампанию... если бы захотели.

Но я не хочу, и не потому что я пацифист.

На данный момент во мне проснулись какие-то кровожадные инстинкты. Эта битва с терроризмом и дело не в том, что произошел взрыв у ворот посольства или даже шести посольств. Здесь задета честь лидеров, стоящих у власти, которые чувствуют, словно открытую рану на собственной шкуре, и хотят отомстить.

А террористы только и хотят нашего возмездия, что поспособствует хаосу в мире, и сделает их только сильнее.

Мне не хочется, чтобы они стали сильнее. Я хочу их задушить, уничтожить в зародыше. Они слабовольные, жалкие уроды.

И я не знаю, как нам с этим справиться.

Бет заходит ко мне в кабинет и передает Стью новый листок для звонков. Она пришла на работу прошлой ночью, как и все остальные, она до сих пор здесь. В какой-то момент нам понадобится резервный экипаж в кабинет премьер-министра, чтобы дать этим ребятам передохнуть.

— Премьер-министр Великобритании, — говорит Стью. — Через десять минут на линии. А после него американский президент.

Слава Богу.

— Хорошо. Можно оставить меня одного, чтобы я мог поговорить, пожалуйста?

Я выпрямляю плечи, когда все покидают кабинет. Я машу Стью, призывая остаться, а потом поправляю галстук.

Я стоя принимаю звонок из Великобритании, плечи отведя назад и внимательно слушаю. Единственный способ убедить кого-то в том, что сегодня неудачный день для объявления войны — это услышать в их аргументах свою же точку зрения.

41.

Элли

Я залезаю в «Глэдис» в середине дня. Чувствую себя беспокойной до сумасшествия, мне просто необходимо выбраться из давящего особняка. Вся страна смотрит телевизор и ждет новостей, что же готовы предпринять лидеры G7 по поводу сложившейся ситуации, поэтому никто не обращает на меня никакого внимания, пока я выезжаю из ворот Сассекс 24 на новеньком RAV4, направляясь в сторону вуза.

Я обнаруживаю Сашу в ее кабинете.

— Кто ты, странник, которого я не видела несколько дней? — Она поднимается с места и обнимает меня. — Полагаю, твой день рождения был прерван?

— Немного. Все нормально, конечно. — Я бесцельно машу рукой в воздухе. — Спасибо за помощь, которую ты проделала. Хитрюга.

— Я всего лишь сделала то, что должна была сделать для своей лучшей подруги.

— Я знаю, что тебе не очень нравится Гевин...

— Нет. Все нормально. Я хочу сказать, что никакой мужчина не будет достаточно хорош для тебя, но он искренне переживает и заботится о тебе.

— Наши чувства взаимны.

Она внимательно посматривает на меня.

— Ты переживаешь за то, что происходит?

Я киваю, и с отчаянием отвечаю:

— На самом деле, это страшно. Слишком много всего, и даже учитывая, что он находится в безопасности, я знаю, что он примет правильное решение.

Она сжимает губы. Мы не всегда разделяем одну и ту же точку зрения по поводу политики, и я не уверена, согласимся ли мы с тем, что должен сделать сегодня Гевин. Но вместо того, чтобы продолжать эту тему, она переводит разговор на нашу работу, пересказывая очередные сплетни ходящие по университету во время моего отсутствия, а потом мы идем за кофе и в течение часа моя жизнь почти нормальная.

Когда я возвращаюсь в Сассекс 24, Гэвин уже вернулся. Он находится в душе, я раздеваюсь и присоединяюсь к нему. Он на пару минут прижимает меня к себе, затем я разворачиваю его кругом и медленно мою мочалкой ему спину.

— Спасибо за пиццу, — говорит он, опираясь руками на плитку, позволяя струям воды стучать по его мышцам.

— Я подумала... вдруг у тебя появится перерыв...

— Это было прекрасно. — Он вздыхает. — Я здесь только для того, что давление воды в душе здания правительства просто отвратительное. Но мне нужно вернуться. Через час у меня заседание правящей партии, а потом я сделаю заявление сегодня к вечеру.

Я не спрашиваю его о чем. Если ему нужен мой совет, он спросит. Именно сейчас ему необходимы несколько минут передышки.

— Я сегодня ездила на «Глэдис», — говорю я, когда мы снова одеваемся.

— Я заметил. Ты наслаждалась своей свободой передвижения?

— Очень.

— Хорошо. — Он целует меня, сильно и быстро, а затем просто смотрит, потянув волосы назад. — Хорошо, — повторяет он, и у меня болит за него сердце. — Но будь осторожна, ладно?

— Да. Никто на меня сегодня даже не обратил внимания. Я только что вернулась из кампуса.

Он кивает.

— Отлично.

Минуту, наверное, я чувствую себя растерянной, а потом меня осеняет.

— За мной следили?

— Ты обладаешь секретной информацией, Спрайт.

— Я думала, ты купил мне машину, потому что они меня возили! А теперь не будут.

— Одно не исключает другого.

Сегодня явно не тот день, чтобы сообщать ему, что не стоит платить за моих

телохранителей, поэтому я промолчала.

— Тогда они очень хороши. Я понятия не имела.

— Так и должно быть.

— Я буду иметь это в виду, если попытаюсь запланировать какой-нибудь сюрприз для тебя. — Я показываю ему язык, но он тут же грубо придвигает меня к себе, и я ойкаю, как только его ладонь шлепает меня по заднице.

— Не надо ничего скрывать и планировать, Спрайт.

— Или будут последствия?

Он улыбается.

— Или *не будет* последствий.

— Я буду хорошей девочкой.

— И тогда тебя ждет награда. — Он напоследок целует меня, затем ругается себе под нос. — Надо идти. Увидимся.

— Я люблю тебя. — Я следую за ним вниз по лестнице в холл.

Он хватает портфель и быстро машет мне через плечо, выходя за дверь.

— Я верю в тебя, — говорю я в тишину. Мне следовало сказать ему это раньше.

Но Гевину не настолько уж нужны мои слова, поскольку он и так это знает. Я смотрю новости, когда он выходит из комнаты заседаний с правящей партией, следующей за ним. Он выглядит жестким и властным, и когда программу новостей прерывают для заявления американского президента, я понимаю, что это будет хорошая новость.

— Рано утром группа американского элитного подразделения захватила двух ключевых членов руководства террористической организации, ответственных за взрывы прошлой ночью. Они будут доставлены в Гаагу в ближайшие дни. Это был не единственный наш ответ на разрушительные события за последние двадцать четыре часа, и, уверяю вас, он не будет последним.

— Мы не будем вторгаться в чужую страну, чтобы обрушить свой гнев. Мы станем еще более сильнее и умнее работать с нашими союзниками, чтобы подавить тех, кто желает погрузить этот мир в анархию. Мы перекроем им доступы на каждом шагу. И мы не поддадимся на их попытки вовлечь нас в войну, которая ударит по невинному гражданскому населению.

— Я провел большую часть дня и прошлой ночи в телефонных переговорах со своими коллегами из Канады и Германии. Скоро вы услышите обращение премьер-министра Стронга и канцлера Вагнера, они подтвердят наше общее утверждение — терроризм является преступлением и должен понести самое высокое наказание, и именно в этой области и будут сосредоточены наши ответные меры. Террористы — это обычные бандиты, мелкие бандиты. Они не смогут контролировать нас. Настало время нам диктовать свои условия, и мы сделаем это, чтобы наилучшим образом защитить граждан всего мира.

Я ошеломлена. Поражена. И плачу.

Я стираю слезы, но они льются по щекам, когда канадские каналы новостей начинают свою работу с речи Гэвина. Он начинает с общих тезисов, которые уже присутствовали в речи президента США, а затем добавляет:

— Мнение канадцев по наилучшему пути борьбы с терроризмом разделилось. Я понимаю разные точки зрения. В ближайшие месяцы у нас будет диалог с нацией по этому вопросу. Я собираюсь привлечь к этому экспертов, чтобы они помогли нам всем лучше

выработать путь, который сможет обезопасить нас наилучшим образом. Но бандиты не смогут нас подталкивать к решению этого вопроса. Хотя для некоторых из вас это может звучит по-детски, но своими действиями они хотят подтолкнуть нас к ловушке. Я не боюсь спрашивать разрешения у нашего парламента применить силу, когда она нужна. Сегодня вечером я объявляю о финансировании новой спецгруппы быстрого реагирования...

Я уже не вслушиваюсь в его слова, у меня все лицо залито слезами и сердце сильно колотится в груди, но я поняла главную суть его выступления.

Мой парень супергерой, и я думаю, что он только что спас этот день от начала войны на всей планете.

42.

Элли

Жизнь возвращается к обычным стандартам. Последние несколько недель лета проходят в обычных простых ужинах, удивительном сексом и валом работы у нас двоих. Гэвин готовится к своей первой сессии парламента как премьер-министр, и я чувствую его беспокойство по этому поводу, но стоит нам оказаться вместе, он немного успокаивается. Я провожу в Сассекс 24 больше ночей, чем у себя дома, и игнорирую маленький голосок внутри себя, который начинает меня спрашивать, чем именно мы занимаемся.

Мы счастливы. Это все, что имеет значение.

День труда в выходные — последний шанс Гэвина сыграть в хоккей, потому что Тейт уже начал тренироваться для нового сезона, и у него фактически не остается времени играть в свое удовольствие, поэтому команда будет расформирована до следующего лета после этой игры.

Конечно, ПМ мог бы сыграть в хоккей с кем-нибудь еще. Тот факт, что премьер-министр играет в «пивной лиге» наделало много шума, и сегодня на последнюю игру на стадион пробралось несколько человек, чтобы посмотреть.

— У тебя, однозначно, есть хоккейная фанатка, которую больше всего привлекает сам игрок, нежели хоккей. — Поддразниваю я его, пока он готовится к игре. Я пришла в Sensplex посмотреть на игру, но женщина, прошедшая мимо нас, бросает на меня совершенно недружелюбные взгляды.

ПМ лениво, сексуально улыбается мне, от чего я мгновенно становлюсь мокрой.

— Она всего лишь фанатка. И скорее всего, пришла посмотреть на Тэйта, нежели на меня.

Неа. Не похоже, что она пришла посмотреть на Тейна, по крайней мере, такова моя точка зрения.

— Она супер-жаждущая, желающая заполучить-в-свои-трусики-страстного-фаната.

Он дважды проверяет ленту на своей клюшке в последний раз.

— Единственную хоккейную фанатку, которую я в состоянии замечать, это ты, Спрайт.

— Не отвлекай меня от моей напыщенной проповеди.

— Хорошо. Что там дальше в напыщенной проповеди?

— Она практически рекламирует себя как партнер по производству детей.

— Производству детей?

— Не подтрунивай надо мной. На самом деле, она.... известная трудяга, работающие над этой проблемой не покладая рук.

Он втягивает носом воздух.

— Мне уже пора на лед.

— Не приближайся слишком близко к ней, когда ты будешь делать свой очаровательный пас.

— К трудягам по производству детей?

— Да. В данный момент, я называю их именно так.

— И что же мне делать тогда?

— Постой-ка, я забираю свои слова обратно. Они хотят заполучить свое фанатство, связанное с игроками. Это такое тоскливо название, если честно... Пфффф. Я же голосую за веселых трудяг.

— Но самый известный из всех катков останется за черлидершей.

— Именно.

— Ммм. Мне нравится, как это звучит.

Я ухмыляюсь на протяжении всей игры, за которой мне еще более интересно наблюдать, чем я ожидала. Гэвин как всегда на коне. Меня это совсем не удивляет, но удивляет совсем другое, насколько он потрясающе выглядит на катке.

В такие моменты трудно ловить себя на мысли, что он смертен, потому что выглядит как Бог. Я знаю, что ему немного не по себе, когда его ставят на пьедестал, но он не обращает на это никакого внимания.

Я болею за него до хрипоты и, когда он покидает лед, я висну на нем и целую до потери сознания.

— Я весь потный, — говорит он себе под нос, и мне нравится этот звук. — Тебе нравится?

Я. Люблю. Его.

Я часто прихожу на хоккей.

Когда мы уходим с катка, Тейт поддразнивает Гэвина, постоянно целуя меня.

Гэвин притягивает меня к себе поближе и целомудренно чмокает меня в губы.

— Когда дело касается Элли, одним поцелуем никогда не обойдешься, — говорит он смеясь.

И в этот момент мы замечаем съемочную группу в составе видеооператора и репортера с канала новостей, похоже, что они готовятся войти внутрь, и вроде бы как бы не снимают нас, но камера находится на плече у парня, пересекающего наш путь.

Гэвин тут же напрягается, я прижимаю руку к его боку.

— Все в порядке, — шепчу я. — Все выглядело довольно целомудренно.

Его мышцы напрягаются от моего прикосновения, но он кивает и разворачивает нас кругом, поэтому сейчас его спина смотрит в камеру, а я иду впереди него.

— Увидимся, парни! — Кричит он, направляя меня к машине. Лаклан тут же открывает дверь, я заскакиваю и сдвигаюсь на сиденье, чтобы Гэвин сел рядом.

Он ругается себе под нос, когда только мы уезжаем, а затем поворачивается ко мне.

— Сожалею.

Я пожимаю плечами. Честно говоря, я ожидала чего-то подобного, и в грандиозной схеме вещей, для меня это не столь значительное событие. Я говорю ему об этом, чтобы он успокоился, но он все равно по-прежнему раздражен.

Конечно, комментарий, сказанный Тейту в приватной обстановке, становится новостью

завтрашнего дня, и мы просыпаемся с заголовком на первых страницах Ottawa Spectator «Одним поцелуем никогда не обойдешься». Я убеждаю Гэвина, что нам следует уехать в загородный дом и проигнорировать эту новость, она сама собой сойдет на нет за выходные и праздничный день, а во вторник, в первый рабочий день недели, новость для большинства канадцев уже устареет, но, к сожалению, она все еще продолжает крутиться на каналах ТВ и в прессе.

Даже программа новостей тратит солидные десять минут своего утреннего шоу, что становится совершенно смешным.

Я нахожусь в университете, смотрю пресс-конференцию Гэвина на ноутбуке, люблю прямые трансляции, Боже мой, когда же он наконец рывкнет на этих журналистов.

Предполагается, что пресс-конференция посвящена федеральной поддержке финансирования детской вакцинации провинций.

Рик Стюпс поднимается и спрашивает Гэвина не препятствуют ли его отношения работе?

Я с грохотом ставлю кружка на стол, у меня прямо челюсть отпадает. Он не просто так спросил. Он не просто...

— Боже мой, — кричит Саша, вбегая в мой кабинет.

— Ты смотришь? — спрашиваю я ее. Я не отвожу взгляда от экрана. Гэвин игнорирует данный вопрос и переходит к следующему.

— Я была на Twitter и кто-то обмолвился о пресс-конференции. — Она опирается на мое плечо. — Что здесь было? Они будут ее повторять?

— Не знаю.

Внезапно Стюпс встает, грубо перебивая своего коллегу, и спрашивает:

— Это значит, что вы не всегда целуете ее дважды?

Думаю, Гэвин снова бы проигнорировал его вопрос, если бы присутствующие не засмеялись. Волна хихиканья прокатывается по залу, где он сегодня выступает, и я просто вижу, как она забирается ему под кожу. Потому что высказывание Стюпса не смешное, а скорее звучит дешево и без основательно. Гэвин чертовый работяга, и наши отношения никогда не влияли на его работу.

В основном. Если не учитывать лампы. И то, что я отвлекала его на пару заседаний. Но в основном, это глупый вопрос.

Гэвин ждет, пока в комнате установится тишина. Все понимают, что он собирается ответить на выпад, но он открывает рот и его речь чистое совершенство, он как бы отвечает смачную пощечину спросившему.

— Это значит, Рик, что у нас существует серьезная проблема с профилактической детской вакцинации в стране, и мне хотелось бы, чтобы вы спросили меня об этом.

Стюпс фыркает и расправляет плечи.

— Мы готовы спросить по поводу этого медицинских экспертов. Но поскольку вы здесь, то все хотят знать...

У Гэвина нет времени выслушивать все это дерьмо.

— Я не врач, но могу сказать, что вакцины спасают жизни многих, и когда мы не можем защитить новорожденных, то происходят разрушительные последствия. Я говорю это, потому что в 1997 году я поехал в Россию по программе студенческого обмена. И первый вопрос в анкете, который я обнаружил: «Делал ли я прививку от дифтерии?» Я скажу вам сейчас, что ничто не будет способствовать лично для вас важности вакцинации в будущем,

когда вам скажут, что вы попали под вспышку болезни. — Мое сердце пропускает удар, Саша хлопает в ладоши позади меня. — Наша цель включает не только канадцев, готовых заглушить эту вспышку. Наше будущее заключается не в том, что канадец-родитель должен позвонить в больницу и оставить ребенка дома, освободив его от школы или от спортивных состязаний, не зная настолько ли безопасны его меры, которые он принял. И это именно те вопросы, на которые сегодня я предполагаю дать ответ, *Рик*.

Камеры замирают на молчащей комнате в течение минуты, но кто-то начинает хлопать, и все остальные присоединяются. Пресс-конференция идет своим ходом, и Саша вздыхает.

— О'кей. Я больше не подозреваю его. На самом деле, он идеален.

Да, он чертовски близок к этому.

— Да. Это мой бойфренд.

43.

Элли

Все долгое лето я не могу дождаться, чтобы вернуться к своим исследованиям и преподаванию. Мне всего лишь необходимы лекции по одному направлению, чтобы изложить свое заключение.

Одна из оборотной стороны быть аспирантом в бизнес школе — это учить бизнес студентов. Некоторые из них просто невероятны. Все они настолько умные.

Но также имеются несколько полных придурков. Некоторые из них маменькины сынки, которых мне очень хотелось бы лишить кредитной платиновой карточки, хотя бы на несколько недель и заставить их пожить на улице, чтобы они смогли хотя бы на половину понять, какие привилегии имеют.

И поскольку я еще не профессор, а наставник, который обучает студентов в рамках своей аспирантуры... я не могу даже настучать об этом своему руководителю, потому что, с моей стороны, это будет непрофессионально. И в тот же момент я не могу пожаловаться Саше, потому что, опять же с моей стороны, это будет как-то не красиво. Она до сих пор еще ребенок во многих отношениях, поэтому такая колючая.

Поэтому свой стресс я снимаю в продвинутом классе для йоги после работы и стараюсь усиленно делать асаны, но я все еще нахожусь на грани нервного срыва, покидая студию и идя по Бэнк-стрит. Мое настроение не становится лучше, когда мне звонит Гэвин и говорит, что у него отменилась встреча.

Он не завуалирует свое приглашение, но я, если честно, не уверена, что сегодня смогу быть для него хорошей компанией.

— Может, позже? Мне необходимо пройтись домой и немного расслабиться.

— Оглянись, Спрайт. — Я медленно поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, уже предполагая, что увижу большой, черный бронированный автомобиль позади себя. Окно с заднего сиденья опускается. — Выдался плохой день?

— Типа того. — Я открываю заднюю дверь и присоединяюсь к нему. Сегодня за рулем сидит Тим, поэтому в знак приветствия я слегка машу ему рукой. — Привет.

Он кивает.

— Мисс Монтегю.

Я перевожу взгляд на Гэвина.

— Ты обдумываешь, захочу ли я, возможно, домой?

Он наклоняется вперед.

— Тим, мы едем на квартиру Элли.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, в Сассекс 24 будет в порядке.

— Но ты сказала...

— ...неважно. — Я проглатываю свое разочарование. Это не его вина, что мы не можем поехать ко мне, и я не собираюсь делать из мухи слона. — Твоя резиденция лучше.

Он хватается за руку и укладывает себе на бедро, потирая пальцами вверх-вниз, его большой палец останавливается на моих венах на запястье и на руке. Потом возвращается к пальцам. Он пощипывает и проходится туда-сюда, и постепенно напряжение начинает ослабевать. Я закрываю глаза и вздыхаю.

— Хочешь, мы отвезем тебя к тебе домой?

Я задумываюсь, впереди грянет осень, загруженная работой, наши графики будут пересекаться редко, почти через неделю. И через месяц я явно пожалею, что не провела с ним как можно больше времени.

— Нет.

— Когда мы приедем, мы предпримем попытки исправить твоё настроение.

Я пожимаю плечами.

— Хорошо.

Но с этим действительно ничего не поделаешь. Меня ожидает восемь месяцев обучения, во время которых мне бы только выжить, плюс напряженный график исследований, и при всем при этом я встречаюсь с самым занятым мужчиной... делясь им со всей страной. У меня всего осталось ничего, всего лишь несколько дней, когда я могу позволить себе подуться и то не долго.

Мы приезжаем к нему, Гэвин крепко удерживает меня за запястье.

— Ты голодна?

Я опростоволосилась, пытаюсь вспомнить последний раз, когда ела.

— Возможно.

Он вздыхает и ведет меня на кухню, прислонив к столешнице, быстро целует, затем начинает вытаскивать что-то из холодильника. Базилик с помидорами, четвертинка белого сыра и контейнер со свежей пастой.

— Ты готовишь? — Нашим отношениям делятся уже два месяца, и вот он странный сюрприз, я не знала.

— Как-то ты сделала мне сэндвич. Это выглядит как исключительные изменения.

— У тебя приготовленная еда.

— Сегодня ты супер дерзкая. — Он посмеиваясь поглядывает на меня. — Лучше помолчи, давай я приготовлю для тебя еду.

— Мне всего лишь любопытно...

Он бросает контейнер с макаронами на столешницу.

— Достаточно, ужин может подождать.

У меня начинают пылать щеки, как только я осознаю, что перешла черту от панибратства к грубости.

— Извини. Я предупреждала тебя, что у меня ужасное настроение. Я лучше помолчу.

Его глаза поблескивают, как только он обходит вокруг кухонного островка и хватается за руку.

— Ну-ка пойдем.

Он так быстро уводит меня из кухни, мне кажется, что он просто на буксире тянет меня в библиотеку. Он опускается в кресло, и я начинаю присаживаться к нему на колени, но он останавливает меня, положив руку на бедро.

— Постой минутку, Спрайт. Давай поговорим о том, что тебя беспокоит, прежде чем ты свернешься у меня на коленях, и я отвлекусь на твой запах.

Я беспокойно опускаюсь перед ним на колени.

— Это касается работы.

— Как твой парень, я хотел бы знать.

— На самом деле, ничего особенного.

Он втягивает носом воздух и раздраженно выдыхает. Мне не следовало этого говорить.

Я отступаю.

— Я имею в виду, это всего лишь несущественно. Мне нужно будет назначить время для занятий с некоторыми студентами. Вот и все. Это в основном то, с чем мне нужно разобраться в своих мыслях.

— Но из-за этого ты наваливаешь на себя слишком много работы.

Я должна буду в будущем лучше скрывать свое беспокойство, ему не стоит переживать из-за меня.

— Я думаю, мы уже потратили слишком много времени на разговоры о моих студентах и их напыщенном чувстве значимости. Может, мне нужно что-то более интенсивное, чем йога, чтобы снимать стресс?

— Возможно, тебе нужна хорошая порка. — Говорит он так спокойно, что я почти не обращаю внимания на его замечание, потом в какой-то момент спотыкаюсь об него.

У меня непроизвольно открывается рот, пока я плююсь на него, и атмосфера между нами меняется. С его стороны она становится более темная, интенсивная. Проскальзывая в его темноту... ох. И часть меня чувствует себя вполне неплохо. Спокойно. Послушно. Место, в котором я могла бы поставить чертовый ноль, любой случившейся драме на работе. Я облизываю губы, снова наблюдая за его взглядом и за языком всего его тела.

— Сэр?

Его член набухший и напряженный, выпирает через элегантную ткань брюк. Как так случилось, что никто не смог за его обликом разглядеть такого великолепного извращенца? И как же мне так повезло, что этот монстр весь мой?

— Ты хочешь меня отшлепать? — Вот так просто? Вот так просто он, повинувшись импульсивному желанию,... спокойно предложил, отшлепать меня, как равноценную замену ужину?

Полагаю, это что-то аналогичное, как смотреть на своего партнера и предлагать ему заняться сексом, поднявшись наверх в спальню, но... все же какое-то разнообразие.

При всей моей широте взглядов, я все еще чувствую себя новичком в некоторых вопросах. И иногда я немного обманываю саму себя, как будто я действительно предпочитаю ванильный секс, Гэвин же раскусил меня моментально.

Но мне не кажется мое поведение неправильным или странным. Просто слишком неожиданным. И так от этого хорошо. Настолько хорошо.

— Я хочу, чтобы ты расслабилась, так что после того, как я сделаю тебе ужин, ты будешь сосать мой член, как хорошая маленькая Спрайт. С этой целью, я думаю, тебя стоит отшлепать.

— Расслабилась?! — Повторяю я с возбуждением, это что серьезно? Но я уже мокрая и мне хочется ощутить его руки на своей заднице. *Да.* Это гораздо лучше, чем йога.

— Расслабиться, переориентироваться. Сбросить напряжение. — Он берет меня за руку и наклоняет в левую сторону, укладывая на колени, аккуратно расставляя мои ноги. Спокойный голос — это настоящая уловка, потому что его член жестко упирается мне в живот, руки большие и сильные, и он предпринимает усилия, чтобы не сорвать с меня одежду.

Хотя в его словах слышится самодовольство, это правда. Мы обожаем друг друга. А может просто мы оба сумасшедшие. Но это такая мелочь, что у меня даже не вызывает сомнения, и я не хочу вступать в полемику, поскольку да, я думаю только о том, что хочет со мной проделать Гэвин.

Его рука поглаживает мою задницу через легкие, летние брюки, которые я надела на работу. Слои ткани прикроют мое тело.

Это всего лишь просто порка.

Не наказание, ведь правда же...

Но не является наказанием. Потому что *плохая девочка занимается дома работой, когда Сэр хочет получить от нее минет.* Моя киска тут же сжимается от внезапной мысли.

Первый удар достаточно жесткий, и у меня тут же распахиваются глаза.

— Ааа, — ною я, хотя и не совсем кричу.

— Расскажи мне что хорошего произошло у тебя за день. — Спокойно говорит он, как будто мы все еще на кухне, и он выжидает, когда закипит вода.

— Уххххх... — Еще один удар и звук застревает у меня в горле. Я напрягаю бедра, упираясь ему в колени, он расставляет ноги в стороны, я теряю устойчивость.

— Не цепляйся за меня. Я не хочу, чтобы ты сильно пострадала. Итак, твой день...?

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. — Удар. — Ты по-прежнему думаешь о дерьмовой ситуации на работе. Я хочу, чтобы ты сказала мне... — шлепок. Он потирает ладонью место, унимая жар. — О том, что было удивительного сегодня.

Я вспоминаю свою лекцию. Нет, намного раньше, когда я получила емейл от председателя конференции по поводу доклада, который представила в Колорадо.

— Меня пригласили выступить на конференции с моим проектом.

Гэвин издает возглас, скользнув рукой ко мне между ног. Непристойная награда за позитивное мышление — мне нравится, как он мыслит.

Но я затрачиваю слишком много времени раздумывая об этом, поэтому молчу, и он заносит руку назад и шлепает меня в два раза больше.

Волна жара накрывает, начиная с торчащей кверху задницы и покрывая каждый дюйм тела.

— У меня всего лишь короткая мини-презентация, но это очень существенно для моего уровня, — быстро говорю я, чтобы он не думал, что я приуменьшаю значение. — И мое выступление должно способствовать продвижению моего проекта к публикации или привести в будущем к сотрудничеству с некоторыми из присутствующих там академиками.

— Ты мне об этом раньше не рассказывала.

— Вылетело из головы.

— Ты позволила студентам испортить тебе настроение на весь день, но также получила отличную новость.

— Да, именно так.

— Не поступай так опять.

— Не буду.

— Хорошая девочка. — Он перемещается подо мной, его член еще жестче, чем раньше, и когда он шлепает меня снова, движение его медленное и ленивое. Очень жжет это место, и он затрачивает больше времени потирая, чтобы так не жгло, запуская пальцы между ног, не шлепая меня. *Плохая девочка. Хорошая девочка.* Девочка присутствует определенно в двух ипостасях.

Я пробегаю рукой вверх-вниз по его икре, расслабляясь, сила его мышц восхитительна, она настолько контрастирует с моим расслабленным телом. Моя голова покоится на подлокотнике широкого кресла, лицом к библиотеке, я медленно поворачиваю к нему голову, желая показать насколько счастлива. Расслабленная, переориентированная, как он и обещал.

Он в упор смотрит на меня с едва сдерживаемой похотью, отражающейся у него на лице. Ему понравилось шлепать меня даже больше, чем я ожидала, и его реакция перехватывает у меня дыхание.

— Спасибо, Сэр, — шепотом говорю я, и он быстро перемещает меня, я даже не понимаю, как, стаскивая со своих колен. Он запутывается у меня в волосах, целуя. Его зубы замирают на моей нижней губе, язык проникает ко мне в рот, опрометчиво закапываясь. *Плохая девочка. Хорошая девочка.*

Блузка моментально исчезает с меня.

Его рука грубо дотрагивается до чашечек бюстгалтера, его большой палец тербит сосок. Я поддаюсь его прикосновениям. Больше, я хочу большего.

Он поднимает меня на руки, сгибаясь над моим телом, двигаясь через всю комнату и укладывая меня на своем рабочем столе.

Мы трахались в этом кресле несколько раз, но не на этом столе.

Имеется ли у него список всех желаний, которые он хотел бы воплотить в жизнь, прежде, чем умереть. Я хочу получить список всех столов, стульев и всего, что у него имеется.

— Сколько их у тебя?

— Что? — Он расстегивает мои брюки, снимая, оголяя нижнюю часть живота и простые черные хлопковые трусики. Они мокрые, его веки отяжелев секунду смотрят мне в лицо, прежде чем он хоронит себя между моих ног.

— Напомни мне спросить тебя об этом позже... — Выдыхаю я. Сильные волны накатывают на меня, когда он проходится языком по клитору сквозь ткань, облизывания, поглаживания набухший бугорок, кружа, и проделывая все сначала.

— Еще, — умоляю я, и он хватается за трусики у меня на бедрах, снимая и обнажая мою киску. Его язык скользит через мои кудри и дразнит меня снова, по-другому на этот раз. Едва дотрагиваясь. Я стучаю ладонями по столу от разочарования. — Еще...

Он смотрит на меня, у него распухли и покраснели губы, и хрипло спрашивает:

— Что нужно сказать?

— Пожалуйста, Сэр... — Мой голос дрожит, и он опускает брюки и боксерки, наконец, разводит мои ноги, чтобы он смог дотронуться, лизать и сосать мою киску.

Я быстро кончаю от его коварного языка, он вдруг оказывается внутри меня, большой и толстый. Поначалу он начинает медленно двигаться, в собственном ритме, напоминая мне,

что я принадлежу ему внутри и снаружи, как только я заканчиваю дрожать и начинаю вторить его такту, он увеличивает темп. Он передвигает меня прямо к краю стола и вбивается, его ритм очень сексуальный, он наблюдает за мной, как я выгибаюсь всем телом, готовая принять его.

— Обхвати меня ногами, — приказывает он, его голос звучит жестко, непререкаемо. Я обхватываю его ногами, и он перемещает руку мне на живот, поглаживая лобок, затем замирает. Он прикрывает рукой мои волосики, его большой палец прижимается кверху клитора, подушечки его пальцев покоятся на подрагивающем животе. — Кончи со мной. Дай мне ощутить твой оргазм, Спрайт.

— Аааа... — я запрокидываю назад голову и прикрываю глаза. Уже так близко, но один раз я уже испытала его сегодня, поэтому на этот раз добраться до грани будет сложнее.

Он замедляется, оставляя свой член дольше внутри, и в то же время его большой палец движется все быстрее и быстрее, кружа по клитору.

— Да, не останавливайся. — Бормочу я.

— У тебя самая красивая киска, — рычит он. — Я хочу тебя постоянно, Элли. Я хочу быть внутри тебя все время. Я хочу целовать тебя. Я хочу чувствовать твою киску, как она заглывает и сжимается вокруг меня. Своими пальцами. Членом. Языком. Такая великолепная.

Подобные грязные разговоры заставляет меня выгнуться, потерять контроль и отправиться в свободное падение. Он продолжает, кряхтя говорить какие-то слова, вбиваясь в меня, двигаясь к своей кульминации.

— Моя. Бл*дь. Такая тугая. Господи. Элли, да.

Он удерживает свой член внутри меня, я насколько могу развожу бедра, он медленно выходит. Но не до конца. Несмотря на то, что мы оба кончили, он все еще смотрит на меня так, как будто готов кончить снова.

Он двигается вглубь, и я стону, потому что это настолько чувственно.

— Шшш, — шепчет он. — Еще минутку. Дай мне всего лишь почувствовать тебя такой. Наполненной моим семенем.

Я вздыхаю и приподнимаю бедра, желая снова кончить от его непотребного образа. Дрожь во мне отзывается его толчком, он стонет, в последний раз глубоко войдя, прежде чем его эрекция начнет ослабевать.

Он быстро вытирает нас, затем подхватывает меня на руки.

— Душ, затем ужин, а потом мы повторим.

Кто я такая, чтобы спорить с таким явно мудрым планом?

44.

Гевин

Я уже несколько недель скрываюсь от звонков Пиа, своей сестры. Мы общаемся, но всегда, когда я нахожусь в пути на очередную встречу, поэтому у меня особо нет времени. Это сознательный выбор с моей стороны, потому что я не готов к ее роли адвоката по поводу моей личной жизни и свиданий. В общем, я политик во всем. И совершенно не зависит от того, как я сам трактую отношения... со всеми.

Хотя от звонков матери я не могу увернуться с таким же успехом. И она ждет уже долго, и когда Бет добавила ее номер в мой список контактов, взгляд только лишь на ее имя

вызывает у меня чувство вины.

— Давай сделаем это в последний раз, — говорю я, когда Бет в очередной раз прищуривается, и я поспешно добавляю: — Когда я не буду ограничен во времени. Ты соединишь меня прямо перед ланчем.

Утренние встречи проходят продуктивно, поэтому я сердито ворчу, когда сажусь за свой рабочий стол. Я быстро произвожу необходимые звонки, но номер горного коттеджа я набираю самолично.

Мама отвечает на третьем гудке со смехом в голосе:

— Алло?

— Привет, мам. — Я чувствую себя так, словно мне снова девятнадцать, и я звоню ей из университета.

— Гэвин! Столько времени уже прошло.

— Прости, мам.

— Нет, не извиняйся. — Она смеется. — Ты был занят.

— Есть немного.

— И ты встречаешься с молодой женщиной...

— Да. Элли, — добавляю я, что собственно не обязательно, потому что вся страна знает ее имя. Я уверен, что моя мать уже имеет полное досье на нее.

— Когда мы познакомимся с Элли?

Как можно скорее, а возможно, никогда. Мысль о представлении ее моей семье наполняет меня какой-то нелепой гордостью. Они полюбят ее. Но мне также хочется оставить ее исключительно для себя.

— Возможно, на День благодарения. Но на Рождество точно.

— Это серьезно?

— Очень.

— Интересно.

— Она невероятная, мам. Умная и добрая. Ты полюбишь ее.

— Уверена, что полюблю. — Она ждет продолжения, потом вздыхает. — Мог бы быть большой скандал, Гэвин.

— Я знаю.

— Тебе повезло, что его не было.

— Ты имеешь к этому отношение? — Есть определенные сферы, где моя мать (а также моя сестра) имеют больше власти, чем я. Всевозможные женские группы и некоторые карманные СМИ. Это одна из причин, почему я не позвонил ни одной из них, как только все стало известно. Я не хотел увидеть очередную газету с заголовком: **«ПМ Стронг рванул к своей мамочке за утверждением кандидатуры своей избранницы».**

Она смеется.

— О, Гэвин. Ты такой циник. Думаешь, люди не видят ее и не понимают, что ты влюблен?

Я циник. Честно говоря, я не предполагал, что сила моих чувств может быть достаточным оправданием для наших отношений. Моя мать думает, что ее слова омывают меня, как бальзам, не знаю, так ли это.

— Спасибо.

— День благодарения, Гэвин. Не заставляй нас ждать до Рождества. В конце концов, мы можем приехать в Оттаву сами.

— Посмотрим, что мы сможем сделать.

— Я могу согласовать все с Бет.

Я хмурюсь. Это не входит в обязанности Бет организовать семейный ужин, кроме, меню, когда она просит меня высказать свои предпочтения в блюдах.

— Я справлюсь.

— Бет не будет возражать.

— Я знаю. Но сначала я хотел бы обсудить все с Элли. Она может захотеть пригласить своих родителей и у нее явно есть какие-то предпочтения, понимаешь?

— Ах, да. Конечно. И если она хочет связаться со мной...

— Не все сразу.

— Точно. — Я слышу, как течет вода в фоновом режиме. — Я разрешаю тебе вернуться к работе, дорогой. Хорошо поговорили.

— Я люблю тебя, мам.

— Я тоже тебя люблю. Скажи Элли, что я не могу дождаться, чтобы познакомиться с ней. И что я не кусаюсь.

Я вешаю трубку, и через тридцать секунд Бет стучится ко мне в дверь с ланчем, и двумя докладами о нарушениях прав человека в лагерях беженцев, которые мне следует прочесть. Я возвращаюсь к работе.

45.

Элли

Через неделю после того, как Гэвин рассказал мне о телефонном звонке матери, я сижу у него в кабинете с суши, которое прихватила по дороге, и двумя очень большими стаканами зеленого чая со льдом.

Бет улыбается мне из-за стола.

— Он скоро будет.

Я не против подождать. У меня нет других планов на день, а ему предстоит работать до конца дня. У меня образовался неожиданный выходной, потому что в здании университета прорвало отопительный котел. Я даже не знала, что до сих пор здания отапливаются котлами, и несмотря на то, что сейчас середина сентября, и до сих пор еще тепло, конец лета просто великолепен, так что грех жаловаться, что нас выгнали из нашего офиса на оставшуюся часть рабочего дня.

Гэвин летит домой в Ванкувер на несколько дней перед тем, как отправится в Азию с торговой делегацией на пять дней. Если расписание останется прежним, как и запланировано, он вернется через пять часов после того, как я прилечу из Колорадо с конференции. Пройдет почти две недели, прежде чем мы снова увидимся, и с тех пор, как наши отношения стали публичными, мы не можем позволить использовать секс-смски, даже закодированные. У нас имеется только сегодняшний вечер и часть завтрашнего дня, и все. Мы возможно за наши командировки несколько раз быстро поговорим по телефону, и то, если боги часовых поясов заключат договор о сотрудничестве.

Поэтому, когда он попросил меня зайти к нему на ланч, я на всю катушку воспользовалась этой возможностью, чтобы заполучить время, даже если это означает опасно близко приблизиться к пресс-корпусу Оттавы.

Я все еще жду от них подвоха по поводу нашего знакомства. Может и зря, но со стороны

СМИ наши отношения описываются уж слишком гладко, чтобы казаться правдой.

Дверь распахивается, и появляется он. В темном костюме, голубой рубашке с серым галстуком. Его волосы выглядят нехарактерно взъерошенными, и у меня гудят кончики пальцев, чтобы пригладить их. Или, возможно, взъерошить еще больше. Разлохматив туда-сюда, на самом деле, выглядит как превосходный план.

Я сделаю это, пока он будет есть.

— Элли, — говорит он низким голосом, в котором слышится теплота, связанная только со мной этим очередным насыщенным рабочим днем.

Я встаю и улыбаюсь, поднимая пакет с ланчем.

— Доставка.

— Что ты принесла?

— Суши. — Я вручаю ему коробку с двумя стаканчиками зеленого чая со льдом и проскальзываю мимо него, чувствуя тонкий запах его одеколона.

— Спасибо.

Да, и да.

Это второй раз, когда я нахожусь в его офисе с тех пор, как мы трахались на его диване, но я до сих пор ощущаю себя возбужденной, как будто стены говорят: «Мы знаем, что ты здесь делала».

Но также у меня немного кружится голова, поскольку я точно знаю, что здесь проделывала.

Вот почему мне нужно было уволиться, потому что он одним своим видом делает меня безрассудной, я схожу с ума.

Он закрывает за собой дверь, я ставлю пакет с суши на стол и поворачиваюсь в тот момент, когда он щелкает замком, запирая свой кабинет.

Ой! Здравствуйте, премьер-министр.

Он улыбается лениво и самоуверенно, осознавая, что может заставить меня сделать все, что он захочет, несмотря на то, что его ассистентка Бет находится по ту сторону двери.

Вам не о чем волноваться, мисс Монтегю.

Я сделаю все, что в моих силах, Сэр.

Вы понимаете, что будут последствия, если вы не...

— О чем ты думаешь? — Он останавливается передо мной и расстегивает свой пиджак.

Я бросаю взгляд на растущую эрекцию, прижимаясь к его паху.

— Именно об этом я и думаю.

— В разгар рабочего дня? — Его голос наполнен порицанием, и я оборачиваюсь к нему с горящими щеками.

— Конечно, нет. Это было бы...

Он переминается с ноги на ногу напротив меня.

— ... совершенно неуместно.

— Точно. — Я отстраняюсь от него, хотя в глазах горит бесстыдное желания. — Мы занимались здесь этим ранее. Все закончилось плохо.

— Вам недостаточно грохота, мисс Монтегю?

Я облизываю губы.

— Возможно я захочу вернуться на работу. Возможно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого не случилось.

Он стонет и сжимает мои бедра, талию, прижимая меня к своему столу, прежде чем

медленно, поддразнивая провести своей эрекцией по низу моего живота.

Потом он обходит кругом стол и садится в свое кресло.

— Итак, ланч?

Я начинаю закипать.

— Это подло с твоей стороны.

— Я голоден. — Но блеск в его глазах, и нависшие веки, говорит о другом голоде. Я могу считать его как книгу. Он просто не хочет переходить черту.

Хотя он и хочет пересечь ее, так как испытывает настоящую физическую боль.

Я сползаю с его стола и медленно сажусь напротив в кресло. Каждый дюйм моего тела, готов стать секретаршей.

— Ролл с лососем?

— Только, чтобы порадовать тебя. — Его губы причудливо изгибаются, пока он наблюдает, как я перекладываю некоторые роллы к себе на тарелку, а затем он делает тоже самое.

— Итак, котел совсем сдох, да?

Я киваю.

— После полудня. Мммммммм!

— Чем ты собираешься заняться?

— Саша хочет, чтобы мы прошли по магазинам.

— Интересно.

Я уклончиво фыркаю.

— Может будет весело. Но также мы может сильно устать. Наш поход по магазинам может закончиться или так, или этак. Но это определенно изюминка моего рабочего дня.

— И моего тоже.

Мы завершаем наш ланч, переходя к предстоящим поездкам, он машет мне призывая к себе.

— Иди сюда, Спрайт.

Я подхожу к нему, сердце выскакивает из груди, нервный стук эхом отдается в горле и дрожью в руках.

Он встает и притягивает меня в свои объятия.

— Я буду скучать по тебе.

— И я тоже, — шепчу я, поднимаясь на цыпочки, когда он хочет поцеловать меня нежно, потом сильнее, медленно двигая меня, подталкивая к декоративным деревянным ставням, прикрывающим его окно.

— Что мне с тобой делать? — спрашивает он, когда мы отрываемся друг от друга. Он проходится костяшками пальцев у меня по коже, по моему подбородку, я запрокидываю голову, предоставляя ему свободный доступ к шее и V-образному вырезу блузки.

— Все, что ты захочешь.

— Последние два раза, когда мы кое-чем занимались здесь, ты ушла расстроенная и злая.

— В первый раз ты притворялся. Во второй раз... я просто испугалась.

— А сейчас?

— Сейчас я не испытываю страха, однозначно.

— Что ты хочешь сделать? — Его глаза так близко и такие яркие, что у меня перехватывает дыхание.

Вопрос очень хороший. Я прижимаюсь к нему и чувствую его твердую эрекцию, оттягивающую его брюки. Я опускаю ладонь на жесткий, толстый член, обхватывая его пальцами. Напряженная эрекция и вес в руке делает меня мокрой.

— Я хочу его, — шепчу я. — Я хочу это.

— Он твой.

— Можно в рот?

Его глаза поблескивают.

— Ты первая.

— У нас есть на это время?

— Элли.

— Что?

— У нас всегда имеется время, чтобы ты кончила.

«О! Это потрясающий ответ», — бормочу я, когда он приподнимает мою юбку, сдвигая трусики в сторону.

Он ласкает мою киску, а другой рукой поглаживает мне шею.

— Ты такая мокрая для меня, Спрайт. Развратная девчонка.

— Я представляла, как буду сосать.

— Хорошо. Я хочу, чтобы он был в твоём рту. Возьми меня глубоко, насколько сможешь, и проглоти все, когда я кончу.

Я хныкаю, представляя картину.

— Посмотри на себя. Клитор уже стал твердым, и все твоё тело молит, чтобы тебя отшлепали. Мокрая маленькая киска, отчаянно жаждет мой палец.

— Или два...

— А может три? — Он пробегается губами по моему подбородку, его губы останавливаются на мочке. — Ты кончишь мне на руку, чтобы я смог её облизать, пока будешь стоять на коленях, Спрайт?

— Да, Сэр. — Я направляю бедра к его пальцам, которые погружаются глубоко внутри меня.

— Хорошо... — Он прикусывает зубами мою мочку уха, надавливая большим пальцем на клитор. Я двигаюсь в такт с его рукой. Он проделывает все снова, у меня начинают дрожать ноги. Он выдыхает мне в шею, прижимая зубами кожу затем облизывает.

Длинно. Медленно. Абсолютно непристойно.

Я широко расставляю ноги, более устойчиво, бедрами сжимая его пальцы внутри киски, пока я двигаюсь, потираю клитор о его большой палец. Я трахаю его руку, словно это моя личная секс-игрушка, и когда я кончаю, прижавшись к жалюзям, он делает именно то, что обещал.

Он вытаскивает из меня пальцы и начинает их облизывать.

Мои ноги не в состоянии удержать меня в стоячем положении, поэтому я опускаюсь на колени и пытаюсь разобраться с его ремнем на брюках и застежкой-молнией, чтобы ощутить его член в своих руках, у себя во рту и услышать его тихие стоны, заполняющие пространство вокруг меня.

Его запах усиливает мое возбуждение, и я с жадностью облизываю его сверху до низу, поглубже втягивая в рот. Он замирает на середине, пока я усиленно проделываю свою работу, отодвигает свой ремень в сторону, наклонившись ко мне и широко расставив бедра, также как и я.

— Элли. Ты только посмотри на себя. Да, проглоти. О, детка, ты так хороша в этом.

Я смотрю на него и пытаюсь увидеть себя его глазами. Рот широко открыт, щеки покраснелись, юбка все еще задрана на бедрах. Я его порочная, похотливая девочка... и мне это нравится.

Он кряхтит и направляет мою голову. Его бедра, как домкрат, двигаются вперед, я дышу носом, пока заглатываю его почти до основания, упираясь в свои пальцы, обхватывающие внизу член.

Теперь его глаза закрыты, и поглаживает меня по щеке.

— Возьми меня еще глубже.

Я почти выпускаю его член изо рта, делаю глубокий вдох и заглатываю глубоко, насколько только способна. Его головка члена достает до задней части горла, у меня возникает рвотный позыв, сжимается живот, но я сглатываю и все становится нормально.

Я не могу вздохнуть по-настоящему, но это нормально, потому что он толстый и горячий и заполняет мой рот, и я не могу покрутить языком, его рука запуталась в моих волосах, слегка надавливая на затылок.

Он тянет меня за волосы назад, и я вздыхаю, затем он снова входит в рот, начиная наращивать свой темп, и я сглатываю при каждом его движении. Да, дай мне, да, да...

— Бл*дь, — рычит он, ухватившись рукой за жалюзи, как только первый всплеск приходится мне на язык. Я скольжу вперед, утыкаясь носом в его накаченные кубики пресса, сглатывая все остальное.

Я уверена, что в своем *беспорядке*, мы нарушили что-то другое в погоне за удовлетворением нашей порочной химии.

Как только я отстраняюсь, я поднимаю глаза вверх. Одна из жалюзей имеет просвет ровно на ширину руки премьер-министра.

— О, нет...

Гэвин всего лишь мне улыбается. Конечно, ему все равно. Он только что получил самый лучший минет в мире.

— Не волнуйся об этом.

— Нам, на самом деле, не стоит это повторять. В следующий раз это будет что-то такое, что мы не сможем починить.

— О, Боже. — Он с трудом выдыхает, потом вздыхает и начинает смеяться, тыкая пальцем в погнутые полоски. — Ну, по крайней мере, это точно можно исправить.

— Как ты собираешься объяснить заказ на ремонт?

— Ну, например, ущерб, вызванный сильной реакцией ПМ на свою девушку, имеющую глубокое горло.

— Нет. Определенно нет. — Я подмигиваю, протягиваю руку, и он помогает мне подняться.

— Ты ведь хочешь, чтобы я списал на что-то подобное, не так ли?

— Ну, сильная реакция... этим я точно могу гордиться.

— Я ни с кем не собираюсь делиться твоими талантами в этом отношении. Но ты должна гордиться. У тебя имеется талантливый рот и похотливый язык, а также грязные мыслишки, заставляющие меня поднимать планку.

— Планку и ударять кулаком по ставням. — Я широко удивленно распахиваю глаза, как только меня посещает мысль. — Думаешь, это первый случай, когда эти жалюзи стали жертвами секса?

— Я не особо думаю о сексуальной жизни своих предшественников на этой должности.

— Понятно.

— Вот моя непристойная девочка. Иди сюда, Спрайт. — Он садится в кресло и хлопает ладонью по коленям.

Я ползу к нему на колени, и он нежно, глубоко целует меня, дегустируя свой вкус на моих губах и языке.

У него вырывается стон, и он зарывается лицом в мои волосы, потом мы, наконец, соединяемся.

— Мне нужно вернуться к работе.

— Спасибо за ланч, — шепчу я.

— Ты принесла мне... ах. — Он прочищает горло. — Тебе спасибо.

— Маленькое воспоминание будет согреть нас, пока мы будем оба в командировках.

— И когда ты вернешься, мы сможем начать обратный отсчет до Дня Благодарения и встречи наших родителей. — Его руки сжимаются вокруг меня. — Или мы сможем сбежать в Бора-Бору.

— Не плохой план. — Я сползаю с его колен и прикасаюсь пальцами к его губам. — Оставляю тебя работать.

— Люблю тебя. — Он улыбается, пододвигаясь поближе к своему столу. — Буду дома к семи.

46.

Гевин

Все время, пока я был в Японии, у меня имелась надежда, что каким-то образом я смогу пересечься с Элли в Торонто, удивив ее, если задержат ее рейс по пути в Денвер. Мы напоминали два корабля, проходящие в ночи, или в данном случае, скорее были двумя самолетами, пролетающими мимо, вечером, поскольку я застрял в Ванкувере.

Мы приземлились здесь, чтобы подхватить министра обороны, но когда пилоты проходили предполетный контроль, предупредительная лампа не сработала.

Итак, сейчас мы сидим в первом классе в аэропорту Ванкувера, ожидая, пока мой самолет будет исправлен, и Элли вылетит из Оттавы в Торонто, где будет находиться в течение двух часов, прежде чем отправится в Денвер на конференцию.

Я посылаю ей сообщение, которое она получит, приземлившись:

Би Джей: Люблю тебя. Убей их всех, там на конференции. Ты самый талантливый эксперт по социологии во всем мире.

Мое сообщение явно несет чрезмерно сентиментальный характер, но что бы там ни было, это правда, именно так я и думаю.

Прошло четыре дня, и я нахожусь в безумном волнении, гораздо большем, чем ребенок в кондитерской, потому что Элли возвращается домой. Ее конференция была потрясающей, и когда я говорил с ней сегодня утром, перед посадкой на рейс из Колорадо, она чуть ли не визжала от радости, рассказывая о своих новых планах и контактах.

Вчера я выбрал бриллиантовое кольцо для нее. Здравый смысл подсказывает мне, что стоит некоторое время подождать, прежде чем я попрошу ее выйти за меня замуж. Здравый смысл может пойти на х*й.

С каждым днем я все больше и больше влюбляюсь в нее. Она доставляет мне радость, и я хочу, чтобы она стала моей женой. Если она не решит, что я совсем обезумел и семимильными шагами двигаюсь вперед, мы сможем сообщить о нашем решении нашим семьям на День благодарения.

Я высовываю голову за дверь своего кабинета. Я все утро выскакивал в свою приемную, поэтому на этот раз Бет даже не поднимает голову в мою сторону.

— Я говорил уже тебе, что ожидаю курьера с доставкой?

Она поднимает на меня глаза.

— Ты имеешь в виду тот тайный заказ из ювелирного магазина?

— Да.

— Да, ты сказал мне об этом вчера, когда пошел выполнять свою секретную миссию, сказав, что «лучше раньше, чем поздно», цитирую. И уже успел несколько раз упомянуть об этом сегодня.

— Отлично.

— Стью расхаживает по коридору, к твоему сведению, кстати.

— В своем обычном состоянии или несколько необычном?

— Необычном, я бы сказала.

Я выдаю несколько шуток на этот счет, обнаружив моего начальника штаба с яростью доказывающего что-то в телефонную трубку, с красным лицом, как помидор.

— Все в порядке? — интересуюсь я.

Он не отвечает.

— Стью?

Он ругается себе под нос и поднимает на меня глаза.

— Гэвин. Да. Могу я поговорить наедине с тобой минутку?

Я направляюсь в свой кабинет, предварительно кивнув ему. Как только дверь закрывается, Стью поднимает на меня глаза и говорит:

— Имеется видео, на котором изображен ты.

— Кто-то поймал меня за выбросом мусора? Уверен, что это случайность.

— Гэвин. — Он жестко произносит мое имя, и я весь тут же напрягаюсь. — Секс видео.

Кровь устремляется у меня к голове, гулом отдаваясь в ушах. Я пялюсь на него, ярость наводняет все мои нервные окончания. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки, пока мой мозг анализирует его слова.

— Какого черта...

Мы были настолько осторожны. В резиденции и в офисе нет камер.

Я поднимаю руку и направляю указательный палец непосредственно на Стью.

— У кого эта запись? Я хочу, чтобы его арестовали. — Он не моргая смотрит на меня, и я сам замечаю, что начинаю уже кричать:

— Это вторжение в частную жизнь.

— Там нет тебя и Элли. — Он протягивает телефон. — Я не знаю, кто слил эту запись, но через десять минут она будет по всем новостям телевидения.

— Что?

— Это видео. Там ты. Но на нем нет Элли.

Я приземляюсь на самолете в Торонто и пробираюсь через главный зал аэропорта, чтобы пересесть на свой рейс в Оттаву. Уже объявлена посадка, и мне нужно отыскать табло, с какого прохода он будет отправляться. Я даже не могу добраться до стены и вытащить свой телефон, не то, что у меня есть время поговорить. Этим утром мы разговаривали всего лишь меньше часа, так что мне нужно поторопиться.

Я смогла убедить Гэвина, что не буду нуждаться в телохранителе во время поездки, поэтому я одна, что довольно мило. За пределами Оттавы меня почти никто не знает, поэтому я ощущаю себя в основном анонимно, и на конференции в Колорадо, я была обычной Элли. Академикам по фигу с кем я встречаюсь.

Очередь в «Старбакс» очень длинная, поэтому я продолжаю двигаться вперед по главному залу, дойдя до развилки на различные проходы, ведущие на посадку все возможных рейсов. Табло экрана слишком быстро перелистывает объявленные рейсы, и я медленно разворачиваюсь на триста шестьдесят градусов, ища глазами другое табло, показывающий рейсы отправления, когда картинка на огромном экране аэропорта, висящем неподалеку, сменяет рекламу на экстренный выпуск новостей.

На видео Гэвин, и сначала я не до конца понимаю, что именно я смотрю, потому что, очевидно, что это он, но молодой. И... обнаженный.

Ну, не совсем обнаженный. На нем надеты джинсы, расстегнута пуговица, и камера подрагивает, поэтому кажется, что он будто бы голый.

Промозглая паника поднимаются вверх по моей груди и оседает на шею, опалая щеки.

Мой парень занимается сексом по телевизору? Мой бойфренд — премьер-министр — на...

На секс-видео.

И Гэвин держит что-то похожее на стэк, другими словами хлыст. У меня тут же пересыхает горло, я начинаю кашлять, но не могу перестать смотреть на экран.

Гэвин ухмыляется своей секс-партнерше, которая держит камеру, я узнаю его ухмылку, она такая же, как и адресованная мне, он беззвучно шепчет одними губами:

— Похоже, ты плохая девчонка?

Я узнаю его слова. Не совсем такие же, не в таком порядке, но в общем похожи. Я узнаю форму его губ, когда они начинают изменяться, я понимаю, что он в игре и возбужден.

Конечно, мой мозг тут же запинаяется на этом моменте — *ухмылка, плохая девчонка, ухмылка, плохая девчонка*, несмотря на то, что я отворачиваюсь от огромного экрана.

А вдруг рядом стоящие люди узнают меня? Боже, мне нужно скрыться. Я натягиваю на нос солнцезащитные очки и опускаю голову вниз, разворачиваясь в противоположную сторону. Где, черт возьми, я могу спрятаться?

Мне необходимо попасть через час в самолет.

Сколько у меня есть на кредитной карте? Я в уме совершаю подсчеты, сколько может остаться на счете и быстро иду по главному залу к проходам на посадку. Вскоре я вижу еще одно табло, мой проход впереди. Я на грани истерики из-за бушующего адреналина, и даже толком не могу определить свои чувства, маршируя по зданию аэропорта напрямик к сотруднику авиакомпании за стойкой регистрации, опуская с глухим стуком свой кошелек на столешницу.

— Есть ли место в бизнес-классе? — спрашиваю я немного дрожащим голосом. — В первом классе?

Любовница в замешательстве ищет другой класс? Что это? Я готова отдать все пенни со своего банковского счета, если я смогу попасть с него.

— Простите, этот рейс... — Она замолкает, как только я чуть-чуть приспускаю солнцезащитные очки. Она переводит взгляд на паспорт, который я пихаю ей под нос. — Госпожа Монтегю. Посмотрим, что я смогу для вас сделать.

Господи. От сочувствия, звучащего в ее голосе, мне хочется блевать. Я последний человек в стране, желающий увидеть своего парня, дебютирующего в фильме для взрослых.

— Спасибо, — с трудом выдавливаю я, все еще думая о Гэвине, представшем в этом фильме.

Чертовое изображение.

Я стою перед стойкой, не желая разворачиваться, не дай Бог встретиться с кем-то глазами в зале аэропорта, пока она стучит пальцами по клавиатуре.

Стук.

Нажимает кнопку мыши.

— Хм. — Еще стук. — У вас нет багажа для регистрации?

— Нет.

Еще щелчок.

Все это время я умираю внутри. Чистое недружелюбное чувство превратилось в раскрасневшийся горячий гнев. Хорошо, что я вот-вот смогу сесть в самолет и взять бутылку алкоголя, который есть на борту, потому что, если бы я была одна в данную минуту, я бы позвонила Гэвину и наговорила бы ему столько, о чем явно могла бы потом пожалеть, как только у меня прошел бы шок.

Оказывается, я не очень хорошо выношу ревность.

Я особо не горжусь этим открытием.

Мой телефон вибрирует в сумочке. Может, он раньше тоже звонил, но я не заметила. Сейчас он вибрирует постоянно. Не могу сказать звонок это или пришедшая смс-ка, но даже в аду нет шансов, что я буду его проверять в данную минуту перед этой девушкой.

Наверное, это единственное, что удерживает хоть как-то меня на ногах, хотя я готова свалиться и начать рыдать, достаточно будет всего лишь упомянуть о Гэвине или фильме, или о том, что происходит, и я превращусь в одну большую лужу.

— Да, у нас имеется место для вас, мисс Монтегю. Я поменяю ваш посадочный талон... — Она вытаскивает талон из моего паспорта. — Здесь ваша новая информация о посадке. Вы можете подождать в зале ожидания первого класса. — Она делает паузу. — Там есть отдельная комната, если вам нужно сделать личные звонки.

Фанатка. Чертовая. Испытывающая возбуждение.

Я принимаю лучшее выражение лица ледяной королевы, направляясь в зал ожидания, и клянусь, что этой чувихе не терпится отправлять сообщение своей подруге, поэтому она торопится придержать для меня дверь, внутри тихо, и, по сути я оказываюсь одна.

Слезы уже бегут по щекам.

«Это давнишняя пленка», — уговариваю я себя. На ней он выглядит гораздо моложе. Не могу сказать, сколько ему там, но... это не мой Гэвин.

Должно быть, он сейчас безумно зол сам на себя. Где он? Может его атакует пресса? Мне нужно ему позвонить.

Я говорю себе, что стоит вытащить телефон из сумочки, но он по-прежнему остается в сумочке, потому что меня вдруг осеняет и я замираю, как статуя.

От внезапной мысли.

Я не могу *сесть* в самолет в Оттаву, потому что я не могу *выйти* из самолета в Оттаве. Только не сегодня.

Я разворачиваюсь и быстрым шагом возвращаюсь назад в зал аэропорта. Я не останавливаясь двигаюсь к главным дверям аэропорта, на выход. «Не останавливайся, — говорю я себе. — Иди вперед, главное не останавливайся».

Я машу такси.

— Куда вас отвезти, мэм? — спрашивает таксист, как только я засовываю свой чемодан перед собой на заднем сиденье.

Хороший вопрос.

— Здесь поблизости есть торговый центр?

— Да, мэм. «Йоркдейл».

— Да. Отвезите меня туда.

Я вытаскиваю телефон, как только мы начинаем двигаться. У меня пропущенные звонки от Саши, мамы (Господи, только не это!), Гевина, Стью, и какой-то номер прямой линии из парламента, предполагаю, что это Бет... и Лаклан.

Я пытаюсь написать Саше, но все время стираю слова.

За последний час она прислала мне три коротких смс-ки.

С: Позвони мне, когда приземлишься в Торонто

С: Ты в порядке?

С: Дайте мне знать, если тебе что-то нужно

Я еще раз прочитываю их по новой и в очередной раз пытаюсь ей ответить. Когда я в очередной раз раздумываю над своим ответом, мне приходит от нее сообщение:

С: Я вижу, как ты печатаешь мне

С: Где ты?

Такси останавливается перед торговым центром, я протягиваю ему двадцатку.

— Сдачи не надо, — говорю я, выскакивая из машины вместе со своим чемоданом.

Я вхожу через главные двери и заворачиваю в первый элитный магазин одежды, который попадает на глаза.

— Мне нужен черный пиджак, — говорю я ассистентке, и она выбирает для меня два пиджака и проводит в примерочную. Я выжидаю, когда она выходит, потом опускаюсь на пол и нажимаю на кнопку вызова на экране.

Саша поднимает при первом же гудке.

— Что я должна сделать?

48.

Гевин

— Что значит, она не села в самолет?

Передо мной стоит Лаклан. С его стороны даже опасно стоять вот так передо мной.

— Она поменяла свой билет на бизнес-класс, а затем исчезла из зала ожидания.

— Значит, она до сих пор где-то в Торонто.

— Да.

— Найди ее.

— На каких основаниях, я должен обратиться к полиции, чтобы они подключились к

поискам твоей девушки?

— Тебе не нужны чертовые основания. — Я оглядываюсь на закрытую дверь позади себя и начинаю говорить тише. — Прощу как друга, Лаклан. Сделай это для меня. Черт, сделай это ради Элли. Найди ее. Обратись к Саше, если Элли ушла в тень, только с ее помощью.

— Может, тебе стоит предоставить ей немного личного пространства.

У меня начинают ползти мурашки по коже, и желудок переворачивается от мысли, что Элли необходимо личное пространство, причем без меня, хотя я умом понимаю, что это вполне разумное предложение. Но когда дело касается Элли, моя логика и рациональное мышление, вылетают в окно.

— Найти ее. Узнай, все ли с ней в порядке. — У меня сжимается горло от одной только мысли. — А потом мы решим, что делать дальше.

Он кивает.

— Я немедленно увеличу твою охрану. У Стью есть подробный отчет о том, куда ты собираешься в ближайшие несколько дней...

— Мне не нужно увеличение охраны, я никуда не собираюсь.

— Уверен, что не нужно?

Я знаю правила. Я серьезно их нарушил.

— Найди ее и убедись, что она в безопасности. Сделай это, я пока никуда не пойду и не поеду.

— Это всего лишь досадный инцидент. И он пройдет.

— Для меня может и пройдет, но не для Элли... — Черт, я хочу изрыгнуть все это. Мы одни в моем кабинете, но Бет многое может слышать сквозь мою закрытую дверь. Я снова понижаю голос. — Видео было снято, когда я учился в университете. Это был период в моей жизни, когда я увлекся и многое пробовал в БДСМ.

— Ах. Стэк? Вот что тебя волнует?

Я качаю головой.

— Не только это, но да... я никогда не использовал подобных игрушек с Элли. Но это уже не важно. Потому что в глазах общественности я буду грязным ублюдком, и они все будут думать, что я ее бил.

— А ты бил?

Я сжимаю кулаки.

— Не таким образом.

— Это не наказание, да?

— Пошел ты.

— Прости.

— Нет, это не наказание. Но если бы Элли захотела такого вида освобождение, я бы предоставил ей. Мне, наверное, понравится. Но теперь люди будут постоянно думать о том, что я применял на ней стэк, а это даже не правда.

Он медленно кивает.

— Я найду ее. Мы скоро перевезем тебя в резиденцию. Мы постараемся защитить твою частную жизнь, но народ все равно будет знать, что ты там. Находиться там будет безопаснее, чем здесь.

— Прекрасно, — выплевываю я. Хотя, на самом деле, ничего прекрасного нет. Но все постепенно образуется, потому что скоро должны прийти Кэролайн и Стью, и мы начнем

планировать целенаправленное потопление того, кто вытащил и обнародовал эту запись.

Для него ничем хорошим это не закончится.

Со мной все будет нормально.

Но вот Элли?

Черт.

Это вопрос на миллион долларов. Потому что нет никакой тактики сильной руки, никакого очаровательного шарма, никаких убедительных разговоров, чтобы можно было вот так просто починить разбитое сердце.

Если эта пленка причинила ей несказанную боль, я сделаю все, что в моих силах, чтобы исправить последствия. Я просто не знаю, достаточно ли этого будет для нее.

А что, если она не сможет справиться с тем, что увидела по всем каналам?

Что, если для нее это перебор?

Кэролайн и Стью больше часа уже работают над заявлением, пока я подписываю письма канадцам, которые в этом году отпразднуют свой столетний юбилей, я не могу заставить себя перестать работать из-за этой дурацкой утечки информации.

Комментатор CAN News сообщает откуда у них появилось это видео. Я знаю эту женщину на пленке, конечно, тогда она была девушкой, когда я учился на юридическом факультете. Но я не думаю, что именно она отдала телеканалу эту запись, поэтому считаю не совсем правильным, если ККП обрушиться сегодня на нее. Последнее, что я о ней слышал — она счастливо вышла замуж и родила двоих детей.

Мне нет необходимости топить ее с собой.

Не то, чтобы я готов пойти ко дну.

Сволочи. Все новостные каналы нужно лишить лицензии за съеданное любопытство, похотливые «взгляды» и душераздирающие высказывания.

Кэролайн говорит мне, что незамедлительно отреагировал первым Twitter, высказав неприязнь по поводу пленки, появившейся в эфире, но Twitter всегда отличался своим особым мнением, в отличии от всего населения. Мы не знаем, как к данной ситуации относится среднестатистический канадец, пока не получим хоть какие-то данные.

Я всегда понимал, что смогу слететь с пьедестала, на который меня возвели. Я никогда не хотел, в первую очередь, оказаться на нем, хотя прекрасно понимаю, что использовал эту возможность в своих интересах на выборах.

Может это карма. Расплата, что я притворялся тем, кем не являюсь на самом деле.

— У нас имеется проект твоего заявления, — говорит Стью, переводя мое внимание на них двоих, явно нервно и медленно заходящих ко мне в библиотеку.

Я протягиваю руку.

Он опускает бумагу.

— У нас имеется еще один вариант...

Я щелкаю пальцами. У нас нет времени на это дерьмо.

Заявление короткое, но то что там написано, неприемлемо.

— Это похоже на извинение.

— Ну...

— Я, бл*дь, не собираюсь извиняться! — Я комкаю бумагу и бросаю ее на пол. — Давай другой вариант.

Он еще хуже.

— Оно тоже не годится. Я напишу свое.

— Нужно сделать это быстро, потому что мы теряем время, — замечает Кэролайн.

Стью добавляет:

— Ты обязан взять под контроль эту ситуацию, прежде чем все это окончательно выйдет из-под контроля.

Я со стуком опускаю руки на стол.

— Ты хочешь, чтобы я прокомментировал свое поведение, а не агентство новостей, которое опустилось до использования таблоидных трюков?

— Это один из вариантов. Хочешь, чтобы мы высказались по этому поводу?

У меня не имеется ни одной чертовой мысли на этот счет.

— Я ничего не скажу, пока не узнаю, где Элли.

— Я уже здесь.

49.

Элли

Водитель Саши подвез меня к Сассекс 24. Саша хотела спрятать меня в своем коттедже, но я не могла согласиться на это, не увидев Гэвина.

У ворот нас поджидает толпа журналистов, и я сопротивляюсь желанию вжаться в сидение, опустившись пониже.

Я в полном беспорядке, ревность, смешанная со злостью, но никто не должен видеть моих эмоций. И, несмотря на смешанные чувства, я точно знаю, что Гэвин не сделал ничего ужасного, и, конечно, не заслуживает, чтобы его частную жизнь рассматривали под увеличительным стеклом.

По крайней мере, завтра никто не сможет опубликовать сюжет, что я струсила и прикрыла лицо, когда подъехала к его резиденции. Я не покажу им своего смущения, и они не смогут истолковать мои действия по-другому.

Я жду, когда водитель откроет мою дверь, потом выхожу и направляюсь с ним к багажнику седана, беседуя и смеясь.

Все это время пресса выкрикивает мое имя из-за ворот. Они не совсем хорошо меня видят, но я-то слышу их довольно четко.

— Госпожа Монтегю! Пару вопросов!

— Вы знали о записи?

— Вы знаете, эту женщину?

«Премьер-министр когда-нибудь называл вас плохой девочкой?» Я чувствую, как румянец ползет вверх по груди, хотя никто не озвучил этого вопроса, но они почти подобрались к нему.

Я не поворачиваюсь к ним,жимаю руку водителю и забираю свой чемодан, оказываясь перед входной дверью официальной резиденции премьер-министра Канады, которому принадлежу.

Хотя и не знаю, что собираюсь здесь делать.

Небольшая библиотека Гэвина заполнена сотрудниками из аппарата премьер-министра. Я наблюдаю за ним из тени, прежде чем войти в комнату, сказав:

— Я здесь.

Я тут же вижу, как у Гэвина начинает дергаться на щеке жилка, окружающие встают как

один и молча выходят из комнаты. Последний закрывает дверь, и мы остаемся одни.

Гэвин выглядит как привидение. На нем рубашка с закатанными рукавами, на шею болтается полу развязанный галстук, верхние пуговицы расстегнуты.

— Элли... — Хрипит он замолкая.

Я бросаюсь через всю комнату в его объятия. Тихие слезы текут у меня по лицу, как только он хватается меня в свои стальные руки, мне даже немного больно, но в данную минуту мне не до этого.

— Прости меня. Извини... — шепчет он мне в волосы снова и снова, пока слова не превращаются в одно предложение.

Я отрицательно трясую головой, мне не хочется в данный момент говорить о видео. Единственное, что мне необходимо прямо сейчас, обхватить его руками и прижаться к нему.

— Ты в порядке? — Он немного отстраняется, оглядывая меня, дотрагиваясь до моего лица, прижимая ладонь к щеке, другой рукой убирая волосы. Его пальцы нежные, но взгляд, словно жжет мне кожу. — Пресса донимала тебя?

— Только перед твоими воротами.

— Господи. — Он притягивает меня обратно к своей груди. — Элли.

Мне кажется, что в этой позе, мы замерли надолго, но на самом деле нет.

— Ты до сих пор не сделал заявления.

— Мы кружим вокруг и около. Я вообще не хочу ничего говорить.

— Тогда не надо. — Я целую его в шею, подбородок, оставляю легкие поцелуи на его лице, потом наклоняю его голову вниз, поднимаюсь на цыпочки и прижимаюсь своим лбом к его лбу.

— Уже все в прошлом и со временем все забудется.

— Это было очень давно. Ты должна знать.

Я киваю.

— Тебе не нужно...

— Я знаю. — Раздается стук в дверь, и Гэвин ругается себе под нос. — Еще две минуты!

— Хочешь, я уйду?

Он еще сильнее прижимает меня.

— Ни за что. Послушай. Я клянусь тебе, я забыл об этом видео. Всего их было несколько, и самым непристойным было это... когда я встречался с девушкой. Обычно она сразу же удаляла их потом.

Паника и боль скручивает мне кишки и оседает на сердца.

— Я не хочу ничего знать.

Раздается еще один стук в дверь, и на этот раз он бормочет громче: «Черт побери!», вздыхает и разрешает войти.

В дверях появляется небольшая группа кабинета ПМ, возглавляемая Стью и Кэролайн. Нужно сказать к их чести, они смотрят прямо мне в глаза и улыбаются.

— Другой вариант — переориентировать новости, — говорит Стью. — Нарыть еще более скандальный материал на других.

— Я не опущусь до такого уровня.

— Не споткнись о свои принципы, — бубнит Стью, Кэролайн встает между ними.

— Мы не можем молча двигаться дальше, делая вид, что ничего не произошло, и мы ничего не видели, — говорит она.

«А что именно произошло?» но я молчу, потому что я нахожусь здесь не как сотрудник

его аппарата. Я заинтересованное лицо, девушка, которая проявляет интерес к своему любимому. Я женщина, которая должна находиться рядом с ним, когда он будет проводить пресс-конференцию, показав всем, что я по-прежнему его люблю.

Конечно, я все еще его люблю. И я люблю его из-за его принципов, которые *остаются его принципами* не зависимо ни от чего.

— Верно, — говорит Стью.

— А что собственно произошло? — спрашиваю я. По-видимому, я не могу удержать свой язык за зубами. Я удивлена, что так уверенно произношу слова, хотя, на самом деле, такой уверенности не ощущаю, но мой голос звучит уверенно и твердо, поэтому я продолжаю. — Может, Гевину *не следует* делать обращение. Не за что извиняться. Это вопиющее нарушение неприкосновенности частной жизни двух людей, которое совершенно не влияет на его способность руководить правительством, и это не новость.

— В теории звучит великолепно, — произносит Стью, в своей характерной особенности способности меня всегда осаживать, вернее мою способность все схватывать на лету и находить решения, так и сейчас, мою еле затеплившуюся надежду, что это может сработать, он решил задушить на корню. — Но это сенсация, поэтому.. ему необходимо обратиться к нации.

— И что ему следует сказать? Что да, я занимаюсь сексом? И я взрослый человек. Я думаю, все в этой комнате занимаются сексом, и это не сенсация для канала телевидения.

Стью пожимает плечами.

— Да, но никто в этой комнате не принимает решений, которые принимает он.

Гэвин отпускает меня и с яростью толкает свой стол к стене. Громкий треск раздается в тишине комнаты, он сломал свой стул, впечатав его в стену. Теперь у него сломанный стул. И он по-прежнему в ярости, но это не новость.

— Вот и все. Мы закончили этот разговор.

— Не совсем. — Я поворачиваюсь и встаю перед ним, как бы загораживая всех остальных. Сейчас только мы вдвоем, и это полный отстой, что мы начинаем свой разговор перед его персоналом, но все находящиеся здесь любят и ценят своего ПМ. Сейчас перед ним стоят три специалиста в области коммуникаций и связи с общественностью, поэтому личного пространства просто не может быть.

— Ничего плохого нет в том, что ты обычный человек, Гевин, и все человеческое тебе не чуждо. Но прятаться в данной ситуации — это не выход.

— Я не прячусь. Я ждал тебя.

— Теперь я здесь.

— Нам нужно поговорить.

— Мы поговорим. Но давай разберемся с ситуацией, чтобы специалисты смогли подготавливать средства массовой информации для нашего ответа.

— Нашего ответа? — Удивление и облегчение распространяется по всему его лицу, оно просто ударяет меня в грудь.

Я сжимаю его руку, как только он берет в свою.

— Да.

— Прости меня за это дерьмо.

— Ты должен обратиться к своей стране.

— Это их не касается.

— Скажи им, что ты сожалеешь, что твоя девушка увидела видео пятнадцатилетней

давности. Скажи, что тебе стыдно. Скажи, что ты забыл об этой пленке, с тех пор, когда учился на юрфаке, и даже если бы ты помнил о ней, ты все равно бы баллотировался на должность премьер-министра. Потому что один скелет в твоём шкафу — ничто. Все мы люди, и все совершаем ошибки. Но если ты не скажешь: «Да, это имеет последствия», то значит ты сознательно прячешься от этой «сенсации». Ты можешь честно сказать, что теперь более скептически подходишь к вопросу сохранения конфиденциальности. И сильно обеспокоен каким способом цифровые каналы используют личный контент.

Он скрежещет зубами, сжимая челюсть, рассматривая выражение на моем лице.

— Хорошо.

— Хорошо?

Он кивает.

— Я скажу. — Он переводит свое внимание на Стью. — Тебя устраивает?

Мой бывший босс кивает.

— Каждое слово.

— Тогда уходите и оставьте нас в покое.

50.

Элли

Все покидают библиотеку. Я слышу, как Стью всем говорит, что они могут уезжать. Стью обязательно вернется в ближайшее время, чтобы более подробно согласовать ведение пресс-конференции, но пока мы остаемся одни.

Кроме офицера охраны, стоящего у входной двери.

Гэвин останавливает меня, как только мы оказываемся в главном холле, готовые подняться наверх, и он указывает на полицейского, стоящего в фойе.

— Не могли бы вы подождать снаружи.

— Да, сэр.

Он не торопливо идет ко мне, где я поджидаю его на лестнице. На его лице явно читается сильное беспокойство, и мне вдруг приходит в голову (почему я не подумала об этом раньше, не знаю), что это еще не последнее потрясение, которое мне предстоит пережить за сегодняшний день.

— В чем дело? — спрашиваю я, мой вопрос эхом раздается в тишине большого, слишком огромного дома.

Он встает передо мной, его руки скользят мне в волосы, накрывая своими губами. Его поцелуй клеймит. *Моя.*

Я цепляюсь за него, и он поднимает меня вверх, крепко удерживая перед собой. Я обертываю ноги вокруг его талии, мы поднимаемся на второй этаж, он не опускает меня на пол, пока не оказываемся в его спальне. Он опускает меня в глубокое кресло, а не на кровать.

Он пододвигает ногой пуфик, стоящий напротив другого кресла, и садится прямо передо мной, широко расставив ноги, зажав мои колени.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать. Мне следовало рассказать тебе об этом несколько месяцев назад.

— О чем? — Не знаю, сколько еще смогу выдержать. Нет, это неправда. Я достаточно сильная, поэтому в состоянии выдержать любой взрыв. Но я не хочу. Не хочу быть одной. Не

хочу быть одной и выслушивать от мужчины, готового обрушить на меня очередную бомбу, когда я пришла к нему, чтобы скрыться с ним в его убежище, в его объятиях.

— Через неделю, как ты пришла... после того дня в офисе со Стью, я полетел в Ванкувер. Макс доставил мне женщину. — Он смотрит прямо на меня, непоколебимо, я понимаю, что услышу не совсем приятный рассказ. Ледяной страх снова пронзает меня.

«Серьезно? О чем, мать твою, ты думал?!» Но я этого не говорю, я ничего не говорю, потому что чувствую, что будет продолжение. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать ни слова, используя каждую частичку своей силы воли.

— Она ждала меня у него дома, Макс ушел. И в конце концов, я тоже. Я поехал туда, и начал стимулировать ее. В ту ночь я ездил с Тимом на машине. А потом вернулся сюда. Я вернулся к тебе, хотя у нас и не могли быть отношения. Но возможно, в какой-то момент это может просочиться наружу. Я хотел бы, чтобы ты услышала это от меня. Если бы я имел мысль, что что-то похожее может появиться на общественности, я бы сказал тебе все гораздо раньше. Про видео... и про все.

— Что еще? — мой голос звучит напряженно, меня начинает бить озноб. — Давай выкладывай все. Мы никогда не говорили о нашем прошлом, потому что думали, что это — прошлое. Но для меня это оказывается работает несколько по-другому. Не думаю, что мне предоставят такую роскошь, как идти вместе с тобой по жизни, когда каждый дюйм твоей жизни будет изучаться под микроскопом — прошлое, настоящее, будущее. Да? Так что, что еще мне стоит знать?

Он даже не моргает.

— Я встречался с женщиной в течение двух лет, все закончилось в январе. Я считаю, что мы расстались друзьями. Пока я встречался с ней, я был верен ей, но наши свидания носили... периодический характер. Вполне возможно, что при сложившихся обстоятельствах, видя тебя и какие у нас отношения и из-за появившегося видео, у нее могут появиться вопросы.

Я пытаюсь подобрать правильное слово.

— Периодическими? Это значит случайными?

— Да, случайными и исключительно ванильными. — Он бледнеет. — Я встречался с ней, стараясь таким образом обезопасить себя. Себя, занимающего соответствующий пост и со своими политическими стремлениями. Я использовал ее, согласен, со стороны это выглядит не очень хорошо.

— Думаю, в данной ситуации она чувствует себя просто ужасно, зная, что бывший имел совершенно другие предпочтения в сексе, о чем она даже не догадывалась. — Я знаю, что он имеет в виду, что он не гордится сам собой, но он не единственная пострадавшая сторона, поэтому я не разрешаю себе огрызаться, по крайней мере, сегодня. И по-видимому мое терпение нескончаемое.

— Сколько у тебя было саб?

— На самом деле все не так. Эта женщина на видео точно не саба.

— А кто она?

— Ее зовут Валентайн ДеМаско... по крайней мере, тогда так звали. Она замужем, не знаю, сменила ли она фамилию. Я видел ее мимолетно на десятилетней встрече нашего юридического факультета пять лет назад. Она практикующий адвокат в Ванкувере и мать двоих детей. Мы встречались в течение полугода в институте. — Он медлит секунду, прежде чем добавить, — она имеет склонность к эксгибиционизму. Иногда мы записывали наши

сессии, но всегда удаляли. Может, это видео она сохранила, потому что на нем нет секса? Не могу сказать.

— Ты разговаривал с ней сегодня?

Он отрицательно качает головой.

— Нет. Они не смогут ее вычислить, я предполагаю, что это не она слила видео. Может быть, оно уже было где-то на просторах Интернета и репортер случайно наткнулся на него. Может, оно было уже давно в инете и о нем вспомнили. — Он пожимает плечами. — Но я не собираюсь раскрывать ее личность, если смогу таким образом избавить ее от унижения.

— Ты только что сказал мне.

— Потому что это ты... — он вопросительно приподнимает брови. — Конечно, я сказал.

— Ты так уверен?

Он тянется к моим рукам, его пальцы теплые и сильные, сжимают мои.

— Да.

— Ты не ответил на мой вопрос. — Внезапно для меня становится очень важным узнать все о нем.

— Саб? Ничего подобного. Никаких отношений.

Я вырываю руки из его ладони.

— Теперь кажется, будто ты избегаешь этого вопроса.

— Нет. На этот вопрос не так просто ответить.

— Сколько саб, Гэвин? Сколько женщин ты шлепал и называл плохой девочкой? Сколько женщин знают о твоей кинки стороне и могут сказать, что у них остались отметки премьер-министра? — Я вскрываю гноящуюся рану своими словами, и падаю обратно в кресло, но не говорю, что это последняя капля, ради всего святого.

Я чувствую некоторое успокоение, поскольку он явно смущен.

— В основном это были женщины в клубах.

— Секс-клубах?

— Частных, закрытых клубах.

— Как и фильм — частная съемка или как мы были вдвоем с твоим стажером и охранником?

Его челюсть сжимается.

— Ты хочешь поругаться?

— Нет. — Хотя, да. Возможно. Я не уверена. — Ты так чертовски уверен, что ничего не ужасного не произошло, но когда я увидела тебя, сжимающего стэк по середине аэропорта Пирсон, для меня это было слишком много. Видишь ли, мне пришлось бороться со всем этим «личным»?

— И за это мне чертовски стыдно.

— Я знаю.

— Что на самом деле происходит, Страйт? — Он падает передо мной на колени, отталкивая ногой пуфик. Он такой большой и теплый у моих ног, и я хочу прижать его к себе и никогда не отпускать.

Но я всего лишь провожу руками по его волосам, потом очерчиваю контур его лица кончиками пальцев.

— Я все еще многого не знаю о тебе, не так ли?

— Не так. — Он отрицательно качает головой. — Мне тридцать девять. У меня было достаточное количество безопасного секса по обоюдному согласию партнерш. Некоторые из

них хотели получить немного боли для удовольствия. Иногда мне хотелось им это предоставить. Вот и все. У меня даже нет кожаных штанов, Спрайт. Я ничем не отличаюсь от того мужчины, с которым ты познакомилась две недели назад.

И я вспоминаю как стояла на коленях и сосала его член в его кабинете в Центральном Блоке. Мой голос срывается, когда я произношу слова, которые больше всего меня волнуют.

— И тебе хватает меня?

Он стонет и сжимает руки вокруг моей талии.

— Ты все для меня.

— Я не думаю. Ты делал некоторые вещи, которые мы никогда не делали вместе, и я знала это раньше, но теперь я увидела своими глазами, и я не могу сделать вид, что этого не было.

— Нет, Элли... нет. Для меня все по-другому.

— Ты заставил меня составить список всех моих желаний в сексе, Гэвин. — Я останавливаюсь, понимая, что плачу. Когда у меня полились слезы? Я даже не чувствую их, я словно вся онемела. — Но я не знаю твоих желаний, твоего списка.

— У меня их нет.

— Ты не хочешь отшлепать меня?

— Я здесь, на коленях говорю тебе, что ты для меня все.

— Я знаю, что ты любишь меня. Но это не ответ на вопрос.

— Я... экспериментировал с конкретными сессиями, сравнивал, это все равно что сравнивать занятия йоги и пилатес, походы пешком и горные лыжи. Это не вид спорта, который может иметь значение. Дело не в удовлетворении конкретной кинки наклонности, Элли, дело в поиске женщины, с которой мне захотелось бы удовлетворить свои и ее кинки наклонности.

— У меня нет никаких кинки наклонностей.

— Конечно, есть. Ролевые игры и бондаж. Шлепки. — Он приподнимает меня и усаживает на колени, крепко прижимая к себе, я даже не пытаюсь от него отстраниться, он еще ближе притягивает к себе. Его голос звучит низко, хрипло и интимно, но все его тело чувствуется напряженным. — Ты прирожденная саба, я просто умираю, как хочу использовать некоторые игрушки во все твои дырочки.

Я дергаюсь от его слов, но это правда. Мое тело реагирует на воспоминания, естественным первобытным образом.

— Мое же странное кинки желание заключается в контроле, когда я проделываю с тобой разные вещи. Подводя тебя к краю, пределу твоих возможностей, чтобы ты смогла почувствовать себя. Но я не садист. Я не хочу причинить тебе боль, и мне нет необходимости тебя бить. Моя рука весьма напрактиковалась в этом.

— Ты уже это делал?

— Да. Помнишь, я рассказывал тебе о парочке, которая была моими наставниками на ранней стадии?

Теперь я вспоминаю. И вдруг меня, словно ударяет.

— Игрушки.

Его руки сильнее сжимаются вокруг меня.

— Это термин.

— Для стэка? — Он настоящий?

— И флоггера, дрегентейла, паддла, тростей, стэков... — не знаю почему я теряю дар

речи, но я слово не могу вымолвить, он умолкает. — Перебор для тебя?

— Был слишком долгий день. — На самом деле, мои слова *слишком* принижены.

Он вздыхает и притягивает меня к себе.

— Мы можем не на долго прилечь?

— Да. — Я выгибаюсь у него в руках. — Конечно, можем.

51.

Гевин

Прилечь для Элли переходит в полноценный сон, положив голову мне на грудь.

И когда возвращается Стью, она спит без задних ног, наверное, и к лучшему. Я не торопясь спускаюсь вниз, чтобы подтвердить, что мы проведем пресс-конференцию завтра днем, а затем возвращаюсь в нашу кровать, обернувшись вокруг нее.

Мы всегда спим голыми.

Сегодня мы завалились в одежде, и это маленькая деталь для меня является чертовски важной, у меня даже начинает болеть в груди.

Я дремлю, как только день снаружи переходит в ночь, поэтому чувствую себя полностью дезориентированным, проснувшись от ужасного кошмара, звенящего в ушах.

Часы на прикроватной тумбочке показывают три часа ночи. Но мне кажется, словно я почти не спал. Элли скрутилась в калачик рядом со мной, ее колени подтянуты к подбородку, а руки сжаты в кулаки. Я поглаживаю ладонью по ее руке, боку и бедру. Мне хочется снова прижать ее к себе, чтобы она свернулась вокруг меня, вжалась в мое тело, что остался бы даже отпечаток, но мне не хочется ее будить.

У меня уйдет много времени, чтобы исправить ее положение.

Чтобы исправить все.

И, вероятно, это будет не последний раз, когда нам придется столкнуться с подобной проблемой, хотя теперь я точно уверен, что все скелеты в моем шкафу ей известны, и когда я не впадаю в белую ярость, могу объективно сказать, что их не так уж много.

Я ничего не сделал плохого.

Я также не сделал ничего плохого, когда дело касалось Элли, хотя получил огромный урок по поводу честности и открытости перед ней.

Но несмотря ни на что, на наших отношениях отражается волна, поднятая СМИ, и от этого мне становится страшно.

Я лежу рядом с ней, нежно прикасаясь, наблюдая за ней спящей до рассвета.

Когда она вздыхает и раскручивается из своего кокона, наконец, расслабляясь после нескольких часов, я переживаю, что ей должно быть снился ужасный сон, и как только Элли устраивается, прижавшись слева к моему телу, я, наконец, засыпаю.

52.

Элли

Я просыпаюсь утром, Гэвин рядом со мной.

— Завтрак? — тихо спрашивает он, убирая прядь волос с моей щеки.

Я должно быть выгляжу ужасно.

— Сначала душ?

— Конечно.

— Ты хочешь присоединиться ко мне?

— Всегда.

Он не убирает с меня рук, пока мы не оказываемся в ванной, затем медленно, благоговейно снимает с меня одежду, в которой я заснула ночью. Я пытаюсь помочь ему с его одеждой, но он в основном сам снимает ее, мы встаем под горячий душ, под брызги, он намаливает меня мочалкой и поворачивает во все стороны, пока я не становлюсь окончательно чистой.

Смывая остатки мыльной пены, он снова начинает говорить, как будто мы все еще продолжаем вчерашний разговор:

— Я никогда не хотел этого, знаешь ли. Пока рос, всегда предполагал, что Пиа пойдет в политику по стопам моих родителей. Даже когда я баллотировался в первый раз... я не думал, что выиграю. Никогда не думал, что стану лидером партии и через два года окажусь здесь.

Я моргаю от пара. Кое-что из этого я уже знала, но не все, и это разбивает мне сердце.

— Гэвин... ты ведь хочешь сейчас быть премьер-министром, да?

Потому что если он не хочет, то наша жизнь слишком коротка для всего этого дерьма.

С мукой он смотрит на меня, и мне все становится ясно.

— Всем сердцем. — Что означает практически любой ценой. Он снова начинает говорить, но мне больше не нужны его слова. Я прижимаюсь к нему, и заставляю его замолчать, мягким мокрым поцелуем.

— Ладно, — шепчу я, целуя его в подбородок. В шею. Я прижимаю свое лицо к его мокрому телу и киваю. — Тогда я хочу этого тоже. И мы выживем.

Его руки сжимаются вокруг меня, и мы стоим под водой, пока она не начнет остывать.

Выбравшись из ванной, он заворачивает меня в халат, прежде чем закрепить на себе полотенце вокруг бедер. Мои глаза застревают на скрученной ткани на его бедрах. На мышцах его живота и темном краю волос.

— Что ты хочешь поесть?

Вероятно, от меня последует совершенно неадекватный ответ в данную минуту. Но я вдруг безумного его хочу.

— Я не голодна.

— Уверена? — Он прочищает горло. — Посмотри на меня.

Я поднимаю на него глаза.

— Или голодна для чего-то другого, Спрайт?

Я хватаюсь за баночку с увлажняющим кремом, которую оставила здесь, в его ванной, и начинаю намазывать лицо, вместо ответа. Я не хочу ему врать, но секс в данную минуту может все еще больше запутать между нами.

— Он может быть хорош для воссоединения, — тихо произносит он, ближе подходя ко мне. Он ловит мою нижнюю губу зубами, затягивая пояс моего халата. — Если хочешь.

Это самое ванильное сексуальное приглашение, которое он мне когда-либо делал.

Я отклоняю голову в сторону, пытаюсь понять свои чувства по этому поводу.

— Ты этого хочешь?

Он подтягивает меня поближе к себе. Немного жестче. Уже меньше ванили.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я твой во всех отношениях. Я хочу, чтобы ты поняла, что ты — все для меня. Я буду продолжать повторять тебе это, пока ты не поверишь в мои слова.

Я сделаю для тебя все.

— А если я сорвусь? Начну плакать, потому что не смогу выбросить твою фотографию с другой женщиной из головы?

— Тогда нам следует сделать все, чтобы заменить ту фотографию на другие, которые не заставят тебя плакать.

— Я не знаю...

— Зато я знаю. — Он сжимает махровую ткань моего халата в кулаки, и выражение его лица становится жестким. — Позволь мне просто тебя любить, Элли.

Я медленно киваю, потом резко дергаю головой.

Он выдыхает и раскрывает банный халат, отпустив края, тот падает к моим ногам.

— Повернись, Спрайт.

Я смотрю на наше отражение в зеркало, он тянется к моей расческе. Я широко открытыми глазами наблюдаю, он начинает аккуратно расчесывать мои волосы, начиная снизу, а затем поднимается вверх, пока не проводит зубьями расчески по коже головы, медленно проводя по моим вискам к самым кончикам волос на середине спины.

Вроде бы действие настолько простое. Является одним из проявлений заботы, но в тоже время настолько сексуальное. Но при каждом взмахе расчески, мои груди тяжелеют и соски напрягаются. На коже появляются мурашки. Гэвин едва дотрагивается до меня кончиками пальцев.

И каждый раз его еле уловимые дотрагивания несут ласку обещаний. Здесь я тебя поцелую. Здесь я оближу. Здесь буду любить.

Он наблюдает за мной в зеркало, накручивая мои волосы на кулак, а потом разделяя их между собой. Наши глаза не отрываясь смотрят друг на друга, пока он заплетает косу. Внимательно перекрещивая пряди волос, потом меняет руки. Берет отложенную часть волос с другой стороны. И каждое его движение отражается у меня в позвоночнике, заставляя становиться чуть-чуть выше.

Рядом с моим увлажняющим кремом лежит зажим для волос, он тянется к нему, но не закрепляет на конце косы.

Вместо этого он проводит им по моему плечу, опуская вниз к груди.

— У меня никогда не было таких женских шпучек в ванной. — Он открывает зажим и проводит им по груди, остановившись между грудями параллельно моим соскам. — Когда-нибудь я захочу посмотреть, как мы сможем повеселиться с этим.

Он резко щелкает зажимом, и я подпрыгиваю от этого звука.

Взрыв адреналина проносится по всему телу, заставляя меня сделать перевес от осторожности к готовой ко всему.

— Да, Сэр.

Его руки опускаются мне на бедра, и он притягивает меня к себе. К теплему телу и твердым мышцам. Мягкое полотенце прикрывает его эрекцию, упирающуюся мне вниз спины. Он наклоняется к моему уху.

— У тебя есть мысли сейчас, чего бы ты не хотела, Спрайт?

Я отрицательно качаю головой. Только он. Только мы.

— Нет, Сэр.

Он фиксирует мои косы зажимом, который долго не продержится, но это не важно.

Сейчас остальное совершенно не важно, он поворачивает меня кругом и сажает на столешницу. Разведя мне ноги, он встает между ними. Его рот опускается на меня, губы

жесткие, язык властный. Жестко он проходится зубами по моей нижней губе, по шеи.

Моя спина упирается в прохладное зеркало.

Он сильнее прижимает меня к стеклу руками, а затем отпускает со стоном, как только наши поцелуи становятся отчаянными и нуждающимися в большем. Он опускает мои руки к своему полотенцу, а я стаскиваю его, обхватив его член.

Он с рычанием выдыхает, как только я провожу по нему вверх-вниз.

— Не здесь, — хрипит он, как только я прохожусь его набухшей головкой по своей киски. — В нашей кровати.

Эти три слова разливаются теплом понизу живота — *«В нашей кровати»*.

Мы стремительно падаем на наши одеяла, переплетая конечности еще до того, как принимаем горизонтальное положение. Наше дыхание замедляется, становится общим, Гевин гладит мои ноги, еще больше усиливая мое желание. Я хватаю его за плечи, желая, как можно ближе придвинуть к себе, как только он направляет свой член к моему входу, медленно двигаясь вперед.

У нас имеются вот такие моменты. И никто не сможет их у нас отнять. Когда он с такой нежностью смотрит на меня, пока я приспосабливаюсь к его члену. Когда я приподнимаю бедра к нему навстречу, чтобы еще глубже принять его.

Я опускаю руки на кровать, когда он снова резко входит в меня, и он соединяет наши руки, пока занимается со мной любовью.

Его тело, возвышающееся надо мной, такое горячее и сильное, мышцы перекачиваются от под движениями, когда он отыскивает те местечки, которые заставляют меня не дышать, стягивая низ живота еще больше. Я еще выше приподнимаю ноги, сильнее сцепив на его туловище, желая большего, да, вот здесь, он словно считывает мысли и желания моего тела.

«Это настолько прекрасно!» — мелькает у меня мысль. Но на самом деле, это не совсем так. Там за окном мир по-прежнему трясет, и завтра я снова буду злиться. Но не на него. А за него. Находясь рядом с ним.

Мы будем стоять вместе, потому что у нас есть нечто особенное между нами. Любовь, и она навсегда.

53.

Гевин

Пресс-конференция идет не так хорошо, как хотелось бы. Я разозлился на реакцию некоторых враждебно настроенных журналистов, Элли нервничает, но мы пережили эту пресс-конференцию, и Кэрлайн в восторге от заразной реакции общественности на «наше положение».

— Люди, вам очень сочувствуют, они понимают, что вам двоим это было очень неприятно и принесло боль, — говорит она, я стараюсь не скрежетать зубами.

— И еще одно, на что общественность отреагировала очень хорошо — слухи, что ваши родители приезжают в Оттаву, чтобы познакомиться с Элли на День благодарения.

— Да.

— Нам нужно сделать парочку совместных фотографий.

— Нет.

— Почему нет?

Потому что я уверен, что ее отец ненавидит меня, и будет выглядеть все чертовски неудобно.

— Это частное семейное событие.

— Хорошо, как насчет интервью с вами двумя, к вашему первому ужину в роли пары?

Это может очень хорошо сказаться на мнении поколения миллениума.

Я начинаю, как полная задница, говорить, что я немного стар для поколения миллениум, но вдруг замолкаю, потому что Элли как раз наоборот, и откровенно говоря, мне становится как-то неловко, потому что первый раз будет семейный ужин, когда я представлю девушку, с которой у меня очень серьезные отношения. Если я заикнусь о своем возрасте, ситуацию это не спасет.

— Я спрошу у нее.

— Она уже сказала, что согласна.

— Ты спрашивала ее?

— На самом деле, репортер спросил, и Элли передала его контакты мне.

Я поднимаюсь с кресла и начинаю орать, даже не задумываясь об этом:

— Журналисты не имеют права связываться с ней!

Кэролайн закатывает глаза.

— Она взрослая женщина, Гэвин, и в придачу профессионал. Она знает, как общаться с подобными людьми. Это побочный эффект ее публичной позиции с открытым адресом электронной почты. Это не такое уж и большое дело.

Это чертовски большое дело.

— Я обмолвлюсь об этом на заседании палаты во второй половине дня.

— Это будет неплохо для твоей национальной платформы.

— Спасибо, — отвечаю я, игнорируя ее сарказм. — Что-нибудь еще?

— Не сейчас. Желаю получить Хорошие Вопросы.

Я настроен на положительный результат. Палата представителей вернулась к заседаниям, и поскольку мое правительство зеленое и молодое, какое уж есть, поэтому готово надрать задницу любому нарушителю порядка. Естественно, мы совершим еще не один промах, но так как их лидер за лето неоднократно облажался, как проклятый подросток, и все еще разгребает наделанный беспорядок, и сосредотачивается на политике и управлении страной, они готовы пережить зашкаливавшие собственные амбиции по данному вопросу и все спустить на тормоза.

Спустя три дня происходит фотосессии, на которой я разгребаю листья на заднем дворе Сассекс 24. Когда камера выключена Макс выплескивает все свое дерьмо, подтрунивая надо мной на всю катушку, потом появляется Элли после своих лекций в университете, и ее вид более располагает к себе фотографа.

— Я одет не в ту одежду, — рычу я.

Она убирает листок с моего кашемирового свитера и кивает.

— Да. Точно не в ту. — Она переводит взгляд на фотографа и улыбается ему именно той улыбкой, которую я прекрасно знаю — отказать невозможно. — Можете предоставить нам пять минут, чтобы быстро переодеться?

— Определенно. — Ухмыляется фотограф. — Вы знаете, как будет лучше, мисс Монтегю.

Как только мы оказываемся внутри, я замечаю, насколько грубо этот фотограф флиртует с ней прямо у меня на глазах.

— Он не флиртует, — говорит она, смеясь, роясь в моей гардеробной. — Вот, надень

рубашку Хенли. А вниз... эти черные джинсы.

— А можно надеть джинсы?

Она внимательно смотрит на меня.

— Конечно. Но тогда я, наверное, тоже надену джинсы?

Наши тщательно подобранные наряды сваливаются на пол, и мы натягиваем на себя обычную одежду. Мои джинсы темнее, ее светлее, и на нас обычные рубашки.

— Теперь мы похожи на обычных людей, — говорит она, проверяя свой макияж в зеркале. — И это самое главное, что мы — это мы, и это реально.

Но главные слова, которые я так и не произнес, повисают в воздухе, поэтому я хватаю свой отброшенный галстук и в качестве предлога, направляюсь с ним в гардеробную.

Вернувшись в комнату, она протягивает мне руку.

— Готов?

— Однозначно, — говорю я, сжимая ее пальцы. Но вместо того, чтобы последовать за ней вниз по лестнице, я крепко сжимаю ее руку, опускаясь на одно колено. Мое сердце бешено колотится в груди, нервы напряжены, честно, я очень волнуюсь. Я глубоко вдыхаю и сжимаю ее руку. — Я ждал подходящего момента, чтобы сделать это, Элли Монтегю. Составлял план, как лучше все преподнести, фантазировал итак и этак, продумывал. Но ты права. Мы — это мы. И все реально. Я не всегда могу быть таким обычным парнем для тебя. В джинсах и рубашке. Сгребать листья и выглядеть полным идиотом за этим занятием. Но я хочу быть таким, как можно чаще, до конца своей жизни с тобой.

Она замирает и пялится на меня во все глаза, и улыбка удивления появляется у нее на лице.

— Гэвин...

— До тебя я не был цельным. Я состоял из различных частей и не мог представить, как их собрать все вместе. Я попытался соединить свои разные наклонности, как мог, и решил, что так и должно быть. — Я переворачиваю ее руку ладонью вверх и кладу кольцо, сжимая ее. — Оказывается, мне нужна была ты. Ты окончательно собрала весь мой пазл, заполнив пробелы в середине.

Ее глаза светятся слезами. Она настолько прекрасна, и я даже готов пережить все то дерьмо, что заставляю ее плакать посреди фотосессии. Это будет стоить того, если она скажет «да».

— И также, как и пазл, я знаю, что мы будем все время находится под повышенным вниманием прессы и общественности, которые будут рассматривать отдельных кусочки нашей головоломки. Работа и история, пресса и семья... все это может бросить нам вызов. Я хочу склеить наши кусочки. Навсегда. — Я убираю руку, оставив кольцо на ее ладони. — Элли, ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — шепчет она, слезы бегут из глаз, скатываясь по щекам. — Я не задумываясь выйду за тебя.

У нее до сих пор трясутся руки, я поднимаюсь с колен, встаю перед ней, помогаю надеть кольцо, потом хватаю ее и начинаю целовать до умопомрачения.

Мы на несколько минут опоздали на фотосессию, но как только мы появляемся перед фотографом, она стоит с покрасневшими щеками и ее глаза светятся так же ярко, как бриллиант, надетый ей на палец.

Макс

Гэвин приглашает меня в Сассекс 24 на День благодарения. Не потому что ему стало меня жаль, я один остаюсь на праздник в новом городе. Нет. Мой лучший друг (премьер-министр страны) приглашает меня на случай, если его будущий тесть устроит сцену, то я должен прикрыть его задницу.

По-видимому, отец Элли не так дружелюбно настроен к ПМ, после всего бардака, который устроили средства массовой информации, хотя, кажется, она неплохо изолировала себя от всей этой шумихи.

Поскольку я хороший друг. Конечно же иду на вечеринку.

Уютный домашний ужин обслуживается одним из лучших ресторанов в городе, и мне очень понравилась их индейка.

Плюс Гэвин и его племянники, как правило, любят играть в футбол, но я испытываю смутное беспокойство, как только Элли переводит свое внимание на меня.

— Как тебе понравилась новая работа, Макс? — Спрашивает она, вручая мне пиво.

— Великолепная.

— А дом?

Он большой и пустой и до сих пор у меня в нем не было секса.

— Отличный.

— По моему опыту, когда все настолько отлично, люди, как правило, склонны более подробно отвечать на вопросы о новой работе и доме.

Я подмигиваю ей.

— Возможно, но по моему опыту односложные ответы, как правило, заставляют красивых женщин проявлять любопытство.

Она закатывает глаза, совершенно не подвластна моему очарованию.

— Все в порядке? Мы не виделись с тех пор, как ты переехал сюда.

Да, все в порядке. Я просто одержим женщиной, которую не могу отыскать.

— Я весь окунулся в работу. Я по-прежнему консультирую в Ванкувере, поэтому приходится мотаться и туда, пока набираю здесь базу пациентов в больнице.

— Такой же трудоголик, как и Гэвин. — Она сжимает мне руку. — Но ты же будешь играть зимой в хоккей, не так ли?

Я киваю. Тейта мы не увидим до следующего лета, потому что он перешел в настоящую команду НХЛ, но Лаклан нашел еще несколько человек для «пивной лиги».

— Я хочу привести Сашу на вашу игру. — Она касится на меня взглядом, который явно означает, что Элли пытается меня сосватать.

— Сашу? — Я начинаю смеяться. — Твоя соседка необыкновенно великолепна, умная и веселая, но она не в моем вкусе.

— А кто тебе нравится?

Блестящие черные волосы, упругие сиськи, которые подскакивают, как сумасшедшие, бедра, которые я до сих пор чувствую, словно они отпечатались у меня на ладонях, хотя прошло уже три месяца. Кремовая кожа, которая кажется мечтой.

— Я предпочитаю женщин более послушных, чем Саша.

Элли бормочет:

— Да. Она не совсем такая.

— Она совсем не такая. Из нее бы вышла отличная Домина.

Она дергается, переводя широко открытые глаза на меня.

— Ты думаешь? Нет. Правда?

Нет, не совсем. Точно не могу сказать, есть ли у Саша странные предпочтения в сексе, но если есть, то она, однозначно, настоящий Верхний.

Но меня даже не привлекает спортивный интерес, чтобы выяснить способности другой женщины, в какую сторону в своих кинки пристрастиях она способна продвигаться, теперь меня это совсем не волнует. Как только Элли отходит, двигаясь, как истинная хозяйка на своем первом ужине, (при условии, что кто-то другой все приготовил, у меня вертится эта фразочка на языке, чтобы ее поддразнить) меня сейчас больше занимают другие мысли, поэтому я вспоминаю Вайолет и ту ночь в июле.

Вайолет.

Может, это даже не ее имя. Я думал, что она эскорт, поэтому нанял ее, но оказалось... совсем не так.

После ужина я выхожу на застекленную террасу и стою у окон, глядя в темноту, наедине со своими мыслями. Проходит немного времени, появляется Гэвин, встает рядом со мной и передает мне бутылку пива.

— Ты слишком тихим. Что происходит?

— Все еще последствия переезда. Осталось не много энергии для болтовни.

Гэвин смотрит на меня своим особенным взглядом.

— Ты можешь вешать лапшу Элли, но я знаю тебя слишком долго, чтобы купиться на это дерьмо. Все дело в женщине, не так ли?

— Не в женщине. — А скорее в ее отсутствии. Где же, бл*дь, она?

— Ты и эти твои чертовы жесткие границы. Ты думаешь они смогут защитить твое сердце, но это не так.

— Ты бредишь своей любовью, и я рад за тебя. Seriously. Но иди нах*й со своими проповедями о счастливом будущем, особенно если речь касается меня. — Потому что у меня никогда не будет того, что у него есть с Элли, независимо от того, как сильно я этого хочу.

— Достаточно справедливо, я закончил свои проповеди. Я все еще не разобрался с отцом Элли, и ты мне нужен. Он хочет сыграть в покер.

Это явно ловушка.

— Не волнуйся, я тебя прикрою.

На следующий день я на час раньше, чем обычно, заканчиваю свой прием, потому что мне нужно попасть в центр города и встретиться с моими новыми адвокатами.

Никто не сказал мне, сколько чертовой бумажной работы придется перелопатить при переезде в провинцию. Сейчас я практикую в Колледже врачей и хирургов, поэтому время от времени мне нужно консультироваться со своими адвокатами по вопросам, связанным с моей медицинской практикой, плюс я старомоден — мне нравится сидеть лицом к лицу с людьми, которым я говорю, как управлять моими деньгами и корпорациями.

Я покинул Голливуд в шестнадцать лет относительно состоятельным подростком, и за последние двадцать лет я превратил свои сбережения в значительный ряд разнообразных холдингов.

Поэтому да, мне необходимо встретиться с моими новыми адвокатами.

Адвокатами во множественном числе, потому что партнер юридической фирмы

присвоит все заслуги за проделанную работу, но также будут партнеры, которые реально проделают всю работу, и именно этим людям я хочу посмотреть в глаза. Я хочу, чтобы они поняли, что я не сбрасываю их со счетов.

Офис Katz & Novak находится недалеко от Спарк-стрит, и я мысленно делаю себе пометку, в следующий раз договориться о встрече и пойти пофлиртовать с ассистенткой Гэвина Бет, когда я приеду сюда. Как и Элли, она табу для меня, поэтому идеальная женщина для флирта, подходящая мне.

Трудно быть одновременно неисправимым бабником и садистом хардкора. Я давно понял, что эти два желания стоит удовлетворять разными способами.

Без стыда флиртуя с женщинами, как Бет. Красивая, умная и совершенно не заинтересованная в двойном подтексте.

Я нанимаю других — здесь играют роль «стоп-слово» и тщательно согласовываются жесткие ограничения. Не менее красивых, не менее умных, и тщательно проверенных, только одной госпоже, цены на ее женщин очень высоки у нас в стране, но только ей одной я доверяю реквизиты своей кредитки.

А потом появилась Вайолет.

Снова и снова она кончала для меня. Даже когда слезы текли по ее лицу, она дала мне еще один оргазм. Позволила мне трахнуть ее мозги самым красивым образом.

И когда все закончилось, и я укачивал ее в своих объятиях, она вытянулась и замурлыкала, как довольный котенок.

Фиалка.

Через неделю я готов был нанять частного детектива, чтобы он отыскал ее, но «мы встретились в баре Chateau Laurier в июле, и она заплатила наличными за свой коктейль» этого было не так уж много, чтобы пытаться ее найти.

Плюс, мысль о том, что кто-то будет охотиться на мою таинственную женщину, вызывает горечь у меня во рту.

Вайолет — мой секрет, и мне почему-то хочется ее защитить и скрыть ото всех.

Я стараюсь стряхнуть воспоминания, как только думаю о ней и нажимаю кнопку лифта четвертого этажа. Лифт плавно двигается вверх, двери открываются в фойе высшего класса юридической фирмы, специализирующейся на медицинских корпорациях со значительными вложениями. Мне приходится замедлиться, когда звонит коллега из больницы.

Кроме того, мне очень рекомендовали эту юридическую фирму мои юристы из Ванкувера.

Я называю себя администратору, и менее чем через минуту предо мной появляется Уильям Новак. Он рассказывает мне, собственно этого я и ожидал, как он будет контролировать всю работу своих юристов, и не будет задираť счета (бла, бла, бла) он будет время от времени проверять своего партнера.

Как будто я не знаю.

— Сейчас я представлю ее. — Он мелькает слишком белозубой улыбкой и жестом показывает на зал заседаний. — Донна принесет тебе выпить. Скотч? Кофе?

— Просто воду. — Я поправляю галстук, затем расстегиваю пиджак, засунув руки в карманы брюк. Зал заседаний находится в центре офиса, со всех сторон окружен коридорами. Интересная постройка. Никакой личной жизни, так что любой будет чувствовать себя здесь, словно под увеличительным стеклом. В аквариуме.

Я мысленно делаю пометку, если мне когда-нибудь потребуется срочное рассмотрение

дела, я сделаю это в больнице или в здании суда.

— Вот наш клиент, — говорит Уильям кому-то у меня за спиной.

Я оборачиваюсь, когда он вводит своего партнера.

— Вайолет Робертс, это...

— Макс Донован, — выдыхает она. Ее сапфировые глаза как блюдца.

— Вы знакомы? — Интересуется старший адвокат, хмурясь.

Да, думаю, мы знакомы, но она оказывается проворней.

— Нет. — Она сжимает подбородок, губы образуют жесткую линию, прищурившись смотрит на меня. — Я не имела удовольствия.

Ой, а мой котенок, как раз и получил удовольствие.

И еще до того, как она кладет папку с материалом на стол между нами, я уже представляю, как смогу наказать ее за эту ложь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net